Л.А. Софронова

«Записки» Яна Хризостома Пасека

ДНЕВНИК, РОМАН, ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Людмила Александровна
Софронова

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

Л.А. Софронова

«Записки» Яна Хризостома Пасека

ДНЕВНИК, РОМАН, ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Москва
2014

УДК 341.218
ББК 83.3(4Пол)
С68

Отв. редакторы:
д.и.н. М.В. Лескинен,
д.и.н. А.Л. Хорошкевич

Рецензенты:
д.иск. Л.И. Тананаева,
к.ф.н. В.В. Мочалова

Подбор иллюстраций:
д.иск. Л.И. Тананаева

Софронова Л.А.
С68 «Записки» Яна Хризостома Пасека: дневник, роман, энциклопедия / Людмила Софронова. – М.: Институт славяноведения РАН, 2014. – 398 с.: ил.

ISBN 000-0-0000-0000-0

Монография представляет собой многостороннее исследование известнейшего текста сарматской эпохи польской истории – «Записок» Яна Хризостома Пасека (1636(?)–1701, написаны в 1690–1695 гг. на польском языке) в широком литературном и историко-культурном контексте. Сочинение Пасека является ценным источником по истории Центральной и Восточной Европы, содержащим характеристику политической жизни Речи Посполитой, быта и нравов XVII в., изложенных рядовым шляхтичем.

Рассмотрена позиция автора, выявлены жанровая и сюжетная структура «Записок» и особенности художественного языка писателя. Важное место занимает анализ слова и повествования Пасека и его отношение к описываемым событиям и фактам из истории Речи Посполитой второй половины XVII в. В итоге реконструированы очертания картины мира автора и сделаны заключения о своеобразии жанра польских эго-документов и ментальности эпохи.

УДК 341.218
ББК 83.3(4Пол)

ISBN 978-5-7576-0300-1

© Софронова Л.А., 2014
© Институт славяноведения РАН, 2014

ЧИТАТЕЛЮ

Настоящая книга представляет собой анализ памятника, созданного одним из выдающихся польских писателей второй половины XVII в. – Яном Хризостомом Пасеком (1636–1701), принадлежит перу талантливого филолога и историка культуры Людмилы Александровны Софроновой (31.03. 1941–16.02. 2013). Она работала над этим исследованием в течение нескольких последних лет, с 2009 года.

Судьба наградила Людмилу Александровну даром человеческой и научной прозорливости, способностью проникновения в судьбы и души людей, сочувствия к ним, любовью к природе. Общение с ней было неиссякаемым источником радости. И пусть нам уже не дано услышать ее милый голос, посмеяться над дивными байками и анекдотами, поднимающими дух, мы по-прежнему можем постигать глубины и высоты ее духа, читая и перечитывая написанные ею книги. По стилю и по содержанию они глубоко научные, но говорят душе много больше, чем холодному уму, которым Людмила Александровна была наделена в высшей степени. Л.А. Софронова, несомненно, уникальный человек. Не кривя душой и не подстраиваясь под требования идеологии, научной моды и властей, она писала то, что думала, будучи совершенно свободной в своих научных изысканиях – как подлинные ученые тех стран, историей культуры которых она самоотверженно до последнего дня жизни занималась. Настоящий ученый-подвижник, Людмила Александровна думала о будущем нашей науки: она пестовала аспирантов, заботилась об издании трудов коллег, была оппонентом многочисленных диссертаций и рецензентом (придирчивым, но корректным и чутким) статей и книг.

Ей всю жизнь был близок тот регион, в котором по преимуществу протекала деятельность героя ее последней монографии. Смоленщина – родина ее матери – долго входила в состав Речи Посполитой, из уст бабушки она слышала речь, близкую к той, которой пользовались персонажи ее более ранних сочинений. В итоге сформировалась географическая привязанность интересов Людмилы Александровны и соответственно, ее исследований, к одному из наиболее проблемных регионов Восточной Европы, где ныне расположены Польская, Украинская, Белорусская республики и Российская федерация. Эти страны, сегодня независимые и считающие себя свободными, доныне остаются заложниками средневековых распрей, – ментально-духовно-религиозных (поскольку здесь существуют три ветви христианства – католичество, православие и униатство), до сих пор находящиеся в противоборстве. Четко понимая прочность средневековых политико-идеологических мифов, Людмила Александровна сосредоточилась на изучении того, что эти мифы разрушало – на истории культуры, общей для всего этого региона.

Интерес к культуре и человеку, ее создающему – существу думающему, чувствующему и творящему – основная черта литературной деятельности Л.А. Софроновой. Ей были интересны люди всех времен, до которых простирались ее источники, от XVII до XXI столетий. Голос и настроение автора отчетливо слышны и в театральных штудиях, и в историко-философских исследованиях, и в, казалось бы, сугубо лингвистических изысканиях. В этих трудах – искреннее внимание к духовному миру героев независимо от времени их жизни: они предстают живыми, страдающими, мыслящими и очень современными.

Людмила Александровна начала с XVII–XVIII столетий, которые в Восточной Европе протекли под знаком войн Российского царства и Речи Посполитой, Крымского ханства и Шведского королевства за передел территорий в их общем пограничье, но в центре ее внимания оказалось совсем дру-

гое: школьный театр Речи Посполитой и Российского царства и те мировоззренческие проблемы, которые волновали общество и отражались в нем («Поэтика славянского театра XVII – первой половины XVIII вв. Польша, Россия, Украина», М., 1981). В связи с этим она исследовала особенности культуры эпохи барокко (в коллективном проекте, посвященном историко-культурным проблемам славянского барокко) и Просвещения («Польская театральная культура эпохи Просвещения», М., 1985).

Еще отчетливее характер ее подхода к прошлому читается в историко-филологических работах. В начале 1990-х гг. на одном дыхании была написана книга о трех польских романтиках 30-х годов XIX в. – А. Мицкевиче, З. Красиньском и Ю. Словацком («Польская романтическая драма. Мицкевич – Словацкий – Красиньский». М., 1992), поражающая историка точностью выбора темы, ибо проблемы переустройства общества и методы его усовершенствования были крайне актуальны не только для поляков, потерявших свою государственность еще в конце XVIII в., но и для россиян, якобы ее обретших в конце двадцатого. И не случайно антиутопия З. Красиньского получила пусть и не зеркальное, но достаточно точное отражение в «Чевенгуре» Андрея Платонова. Таким же точным был и выбор темы очередной монографии, посвященной реконструкции «миров» Григория Сковороды.

Филолог, лингвист, структуралист, историк славянских культур – Людмила Александровна сделала очень много и для изучения славянских театров (польского, украинского, белорусского), а также истории русского театрального искусства XVII–XVIII вв. и, более того, определила перспективы его дальнейшего исследования. Широта ее «славянского» культурного кругозора позволяла понять очень сложные процессы и явления, в том числе (как это ни странно покажется) и в эпизодах, связанных с взаимодействием русского театра с западноевропейским (с заимствованиями и их значением на ранних этапах развития; в частности, ею введено очень важное понятие «внутренней» и «внешней» истории

национального театра; см. монографию «Старинный украинский театр» (М., 1996).

Одна из самых фундаментальных последних работ Людмилы Александровны Софроновой в области исследования ранних периодов русского театра – книга «Российский феатрон: московский любительский театр XVIII в.» (М., 2007). В ней многолетнее исследование Л.А. Софроновой *Слова*, наряду с традиционно-историческим подходом, методами лингвистического и формально-структурного анализа, привело к открытию (вскрытию) в уже давно знакомых текстах пьес ранней русской драматургии и документах – целых пластов, неизвестных ранее: на основе вербальной информации ей удалось воссоздать визуальную картину любительских представлений театра «охотников». Этот труд стал настольной книгой историков отечественного театра и культуры не только в России, но и за рубежом (в Италии, Германии, США).

В работе «Культура сквозь призму поэтики» (М., 2006) были собраны ее статьи, которые в совокупности поражают тематической широтой и одновременно методологической выверенностью общей программы ее индивидуальных интересов и коллективных трудов, инициатором и вдохновителем которых она была в качестве заведующего отделом истории культуры славянских народов[1]. Этот классический труд должен стать настольной книгой для исследователей разных сторон истории России, Польши и Украины XVII–XX столетий.

Данью постоянного интереса к украинской и русской культуре стала книга «Мифопоэтика раннего Гоголя» (СПб., 2009). Хронологически круг интересов Людмилы Александровны замкнулся публикуемым ныне исследованием записок Яна Хризостома Пасека. Автор памятника был активным участником войн Речи Посполитой пятидесятых-

[1] Л.А. Софронова руководила Отделом почти 20 лет (1989–2008). Основным направлением коллективных исследований стали категории и концепты славянской культуры (почти 30 конференций и «круглых столов», материалы которых опубликованы в 20 сборниках статей, изданных Институтом славяноведения РАН в 1993–2012 гг.). Избранные работы по научным проектам Отдела были опубликованы: Категории и концепты славянской культуры. Труды Отдела истории культуры. М., 2008.

семидесятых годов XVII в. в Священной Римской империи (на территории современной Венгрии), со Швецией (в Дании) и Российским царством (на землях Речи Посполитой) и одаренным писателем, внимательным наблюдателем не только этих войн и их изнанки, но и природы и ее различных обитателей.

Эти последние монографии Л.А. Софроновой продолжают ее прежние изыскания в области истории и поэтики культуры. Но анализ творчества Гоголя и воссоздание образа духа и быта польского сармата середины XVII в. обогащены методами социальной психологии. Если в ранних работах преобладал семиотический анализ, внимание к слову (звуку, письменному знаку, выражающему дух того или иного периода), то в более поздних формировался комплексный подход к воссозданию духовной сущности людей XVII–XXI столетий[2]. Л.А. Софронова осталась верна себе: анализ слова и языка вывел ее на понимание сложившей в военном и повседневном быту психологии и мировоззрения воина-сармата, в котором сосуществовали парадоксальные представления того времени: от привычности убийства врага до сочувствия и христианской любви к нему.

◆ ◆ ◆

Монография «Записки Я.Х. Пасека: дневник, роман, энциклопедия» в целом была закончена самой Л.А. Софроновой, однако некоторые отрывки ее чернового текста и материалов были внесены в книгу уже без нее. Главной задачей виделось максимально возможное сохранение слова, слога и стиля – в них слышен Голос Людмилы Александровны, воплощена неповторимость ее авторской индивидуальности.

Подготовку рукописи осуществил Михаил Викторович Софронов, научное редактирование и исторические ком-

[2] Наиболее полная библиография трудов (1964–2010) Л.А. Софроновой содержится в книге: Текст славянской культуры. К юбилею Людмилы Александровны Софроновой. М., 2011. С. 7–21. О творческом пути и научной биографии см. также: Людмила Александровна Софронова // Славяноведение. 2001. № 3; *Толстая С.М.* К юбилею Людмилы Александровны Софроновой. Похвальное слово // Славяноведение. 2011. № 2.

ментарии – Мария Войттовна Лескинен и Анна Леонидовна Хорошкевич, иллюстрации были подобраны Ларисой Ивановной Тананаевой, техническим редактированием, предпечатной подготовкой текста и сверкой библиографического аппарата занималась М.В. Лескинен. Большую помощь в работе над корректурой и сверкой цитат рукописи оказала Светлана Алексеевна Гудимова.

Людмила Александровна активно использовала материалы интернет-ресурсов, но не успела довести их оформление до конца, поэтому не все ссылки оказалось возможным установить точно, и в этом случае указывается только название работы или имя автора (без года издания и страниц). Географические названия даны в том виде, в котором они приведены в источнике (т. е. в польском варианте), без комментариев об их русских, белорусских и украинских эквивалентах (например, рус. Ляховичи в тексте – Ляховицы и т.п.).

Все участники настоящего издания уверены, что публикация этого труда позволит лучше понять историю и культуру Речи Посполитой и прошлого тех стран, с которыми Я.Х. Пасек – герой последней работы Л.А. Софроновой – так умело и истово сражался. Есть надежда, что книга обретет своего читателя не только в лице профессиональных исследователей (в том числе и историков России), но будет востребована и теми, кто интересуется прошлым этого региона и будущим современных славянских государств.

ВВЕДЕНИЕ

PAMIĘTNIKI JANA CHRYZOSTOMA PASKA
W CZASACH PANOWANIA
JANA KAZIMIERZA, MICHAŁA, KORYBUTA I JANA III

Ян Хризостом Пасек – средний польский шляхтич XVII в. (1636 (?)–1701), чья биография ничем особо не примечательна. Он учился в иезуитской школе в Раве. Пасек именует себя простаком и вспоминает про бестолковую свою Минерву, т.е. школьную ученость, которую запылила селитра (tuman selitry), т.е. порох, и оглушили балтийские сражения. После школьной науки он неоднократно менял род занятий, общественное положение, «место действия» и ненадолго вписывался в разнообразные жизненные ситуации. Как и многие другие в век «бумажной» литературы, Пасек записывал основные события своей жизни, начиная с 1656 г. На неоконченном фрагменте от 1688 г. эти записи обрываются.

В «Записках» присутствует обобщенный образ среднего шляхтича – это сам автор, выступающий также героем повествования, его соседи и соратники. Описан и его жизненный путь. Как только начинались военные действия, из сельского хозяина-помещика шляхтич превращался в товарища (рыцаря) и со своей челядью (обозными, почтовыми, пахоликами) отправлялся в означенное в приказах (универсалах) место сбора. Вооруженный, верхом на коне (второго под уздцы вел один из челядников) он присоединялся к хоругви (отряду). Так начиналась его война. Участвуя в сражениях, шляхтич одновременно творил историю, составлявшую высший смысловой план того, что происходило на поле боя, где от конкретных действий каждого солдата[1] зависело движение истории страны и повороты в ее судьбе. Он находился «внутри» истории, ему было сложно определить ее веду-

[1] У Пасека это żołnierz (пол.) – солдат, как в узком значении слова – пехотинец нижних чинов, так и в более общем смысле – в значении «воин». Во времена Пасека так могли именовать как шляхтичей-офицеров, так и пехотинцев, независимо от рода войск, когда необходимо было подчеркнуть идею воинского служения. – *Прим. ред.*

щие линии. То же самое можно сказать о Пасеке. Вписанный в исторические события – шведский потоп, поход в Данию, русско-польская война – он тщательно вырисовывает отдельные эпизоды, не задумываясь об их исторической значимости, и довольно редко подводит итоги событий, в которых участвовал. Его равно занимает и ход битвы, и внешний вид своих противников или соратников, хотя иногда он рассуждает и о делах государственной значимости.

В «Записках» Пасек отмечает, где ему удалось побывать, но он писал не только о себе. Автор настойчиво повторяет, что пишет о том, что видел сам и не пишет о том, чего сам не видел: «Это была славная и великая виктория, но о ней не пишу, потому что меня там не было» (Pasek 2009: 232). Многое из того, что наблюдал, он называет театром, зрелищем (spectaculum) и переводит визуальный план в вербальный.

«Записки» Пасека составлены в духе культуры XVII в., но были востребованы и в более поздние времена. Он работал в русле субъективной литературы, характеризующейся принципиальной открытостью, разножанровостью. В такой литературе авторское Я занимает особое положение. Очевидно, что пишущий говорит о себе, и его текст во многом бывает автобиографичным. Не скованный литературными условностями, автор свободен как в своих высказываниях, так и в предпочтении материала. Он сам назначает границы своего текста, не зависит от литературных условностей и легко переходит от одного жанра повествования к другому. Поэтому «Записки» несут в себе элементы дневника, воспоминаний, мемуаров, военных донесений, путевых заметок.

Как известно, историко-культурная информация, содержащаяся в тексте, часто бывает скрыта: она может находиться на периферии основного повествования, выглядеть как его второстепенные детали, мелькать в авторских замечаниях. Бывает и по-другому. Историко-культурная информация, сопровождающаяся авторским осмыслением, выходит на первый план. Она составляет основной материал, из которого автор строит произведение и тут же его интерпре-

тирует. Так выглядят и «Записки» Пасека. В них с самых разных сторон представлена жизнь польского шляхтича XVII в. Поэтому их можно назвать своеобразным сводом знаний о разных сферах культуры того времени. Эти знания доступны и из других источников, но в «Записках» – что особенно ценно – они поданы сквозь призму авторского восприятия. В других подобных сочинениях такое не встречается. Пасек участвовал во многих войнах, занимался хозяйством, и как «каждый шляхтич, сидящий на земле, участвовал в сеймах и сеймиках, бывал депутатом, чиновником, голосовал, так или иначе служил Речи Посполитой, частью которой он был» (Gloger 1900). Об этих своих ипостасях, о переменах в своей жизни он и писал, воссоздавая подробности великих побед или кратко сообщая о поражениях, рассказывая о том, как протекали сеймы или сеймики. Он заносил в свои «Записки» хвалебные оды разным лицам, наблюдения за погодой, жалобы на стесненные материальные обстоятельства.

Многие исследователи полагают, что решительно всё сочинение Пасек создал в старости. Возможно, так и было. Возможно, что существовали какие-то давно написанные отрывки, заметки, из которых он составил свое единственное произведение. Некоторые специалисты сомневались в его подлинности и даже в реальности существования самого автора. Однако Ян Хризостом Пасек существовал, история его жизни реконструирована. Доказано, что это он, а не какой-нибудь мистификатор, является автором сочинения, за которым закрепилось название «Записки» («Pamiętniki»). Их оригинал не сохранился, они известны лишь по рукописной копии. Кстати, копия «Записок» неполна, отсутствует примерно пятьдесят начальных страниц текста. Есть значительные пропуски и в некоторых главах. «Но кого не хотят читать, того не станут переписывать», – заметил Я. Парандовский в известной книге «Алхимия слова» (Parandowski 1951). Значит, Пасек был востребован.

Переменчивые обстоятельства жизни автора пошли на пользу «Запискам» и придали им дополнительные смысло-

вые измерения. Сочинение Пасека превратилось в настоящий «лес вещей» (silva rerum), где нашлось место всему, что его заинтересовало. Д. Калиновский отмечает: «Silva rerum как литературный жанр, занимающий в старопольской литературе прочные позиции, не исчез окончательно вместе со своей эпохой. Существовал он (хотя и в ослабленной форме) в Просвещении и в романтизме» (Kalinowski 2004). Жанровые приметы silva rerum исследователи обнаруживают и в современной литературе. Более того, они пытаются определить этот жанр как эманацию национальной ментальности (Burkot 2001).

Сочинение Пасека пережило и «забывание», и «припоминание». Как писал Ю.М. Лотман, «... пространство культуры может быть определено как пространство некоторой общей памяти, т. е. пространство, в пределах которого некоторые общие тексты могут сохраняться и быть актуализированы. <...> Актуализация тех или иных текстов подчиняется сложным законам общего культурного движения и не может быть сведена к формуле “самый новый – самый ценный”. <...> Актуальные тексты высвечиваются памятью, а неактуальные не исчезают, а как бы погасают, переходя в потенцию» (Лотман 1992: 200). Память культуры «высветила» «Записки» в XIX в. В 1821–1822 гг. в печати появились лишь отрывки из них. Полностью «Записки» были изданы впервые в 1836 г.[2] Очень скоро они стали популярным чтением. Имя автора «Записок» быстро превратилось в знак давно ушедшей эпохи, как в пьесе Ю. Словацкого «Мазепа». Так возникла перекличка романтизма и барокко, начатая Г. Жевуским, оживился интерес к сарматизму. Талант Пасека привлек внимание самого Мицкевича. Он полагал, что историки зря проходят мимо таких произведений, которые из поколения в поколение переписывала, хранила и читала мелкая шляхта.

[2] Pamiętniki Jana Chryzostoma Paska z czasów panowania Jana Kazimierza, Michała Korybuta i Jana III. Wydane z rękopisu przez Edwarda Raczyńskiego. Poznań, 1836. На русский язык также были переведены в XIX в.: Мемуары 1860 (рец.: Обар 1860). Переводились и отдельные фрагменты – в частности: Из записок 1878. – *Прим. ред.*

Как непосредственное свидетельство эпохи, проекция культурного сознания среднего шляхтича, «Записки» со временем превратились в своеобразную галерею будущих литературных персонажей. Последователями (должниками Пасека, как считает Я. Тазбир), стали Г. Сенкевич и И. Крашевский, В. Гомбрович и другие авторы века XX (Tazbir 2009: 34). Некоторые герои произведений польской литературы, в частности, трилогии Сенкевича, становились похожими на самого Пасека. Автор предисловия к изданию «Записок» Я.Х. Пасека 2009 г. пишет: «Можно смело утверждать, что если бы "Записки" не сохранились, то трилогия (Сенкевича. – Л.С.) не состоялась бы в той форме, которую она имеет, а Кмичиц и Заглоба не стали бы столь яркими и полнокровными персонажами» (Tazbir 2009: 30). Огромное влияние на Сенкевича оказал и язык Пасека. Его «историчность» во многом сформировалась благодаря «Запискам». «Впечатление барочности языка Сенкевича создают стилистические обороты и фразеологизмы <...> солдатского языка, источником которого преимущественно были "Записки" Пасека» (Zalejarz 2007).

Язык «Записок» стал источником не только специфических выражений в исторических романах. Без лексики «Записок», кажется, не обходится ни один словарь польского языка. Их автор заслужил и свой собственный «Słownik języka Jana Chryzostoma Paska» (Słownik 1965–1973). Своей работой со словом он полностью оправдал имя, данное ему при крещении – Ян Хризостом (Иоанн Златоуст).

Значимость «Записок» определяют как жанровые особенности, так и устное слово. Пасек безупречно владел устным словом, в основе которого лежал его рассказ. Оно в изобилии присутствует в его сочинении. Со страниц «Записок» слышатся деловые переговоры, любовные диалоги, перепалки казаков, приказы короля. Именно в XVII веке благодаря Пасеку произошло нарушение границы между устным и письменным словом, превратившееся в эстетически ценный прием, который позднее вошел в арсенал художественных средств многих польских писателей.

Автор «Записок» не становится их главным героем, как можно было бы ожидать. В них не выделяется какое-либо событие, которое делается центральным и к которому сводится множество других, более мелких. Ни сюжет, ни герой не организуют «Записки». В единое целое повествование их собирает автор, который ведет его с единой точки зрения, определяемой его личным видением мира и человека. Ко всему тому, что ему удалось увидеть или пережить, он имеет свое отношение. Одновременно в этом личном авторском видении сквозит культурное сознание эпохи. «Специфические свойства “окололитературных” материалов позволяют <...> наблюдать, как самосознание в разные эпохи фиксирует и письменно свидетельствует о внешнем, “чужом”, и о сугубо внутреннем, “своем”» (Луцевич 2007). Из высказываний по поводу описываемых событий складывается характеристика Пасека как писателя нового типа. Очевидно, что он серьезно относился к писательскому труду, но не задумывался о своем истинном призвании.

В нашей работе «Записки» Пасека исследуются в том историко-культурном аспекте, который представлен в монографии Л.И. Тананаевой о сарматском портрете (Тананаева 1979). В этом труде рассмотрены и интерпретированы не только особенности видения автора, которое уже можно назвать художественным, но и индивидуальный вариант польского национального самосознания. «Записки» «передают с точностью воскового слепка все наиболее типичные черты этой части общества (среднего шляхетства. – *Л.С.*) и являются бесценным материалом для познания Польши эпохи сарматизма» (Тананаева 1979: 20).

По словам Ст. Ожеховского, сарматизм строился на вере в совершенство устройства Польши: «Польша совершенна во всем, так что ни прибавить к ней, ни убавить от нее нельзя ничего» (цит. по: Тананаева 1979: 17). Непоколебимой была идея личной свободы. Как простые шляхтичи, так и магнаты ощущали себя не просто рыцарями, но рыцарями-католиками (Тананаева 1979: 19). Эти представления воплощались в

литературе и искусстве того времени, а Войцех Демболенцкий на их основе развивал мессианско-католические идеи. М.В. Лескинен уверенно прочертила историко-культурные подходы к его «Запискам» (Лескинен 2002; Лескинен 2008). С.И. Николаев с филологической и одновременно историко-культурной точки зрения исследовал многие значимые эпизоды «Записок» (Николаев 1989; Николаев 2003).

Нарушение всяких культурных границ типично для эпохи барокко с его стремлением к энциклопедичности. К охвату информации максимального объема всегда склонны авторы энциклопедий того времени, как, например, Бенедикт Хмелевский («Новые Афины» – Chmielowski 1753–1756). К его энциклопедии мы не раз будем обращаться. Она выросла из множества источников по самым разным отраслям науки и знаний, представления о которых автор считал необходимым дать читающему человеку своего времени. В «Записках» Пасека отсутствует рубрикация, его текст не сверстан по темам, а построен в хронологическом плане, но в нем – в опоре на ключевые слова – явно выделяются отдельные тематические блоки. Это позволяет отнести «Записки» к жанру энциклопедии. Энциклопедия Пасека многомерна: на ее страницах происходит синтез жанров субъективной литературы. Мир, окружающий автора, представлен в целостности, но не как макрокосм. В этом мире есть место человеку, который выступает на страницах «Записок» в самых разных ролях.

Пасек свободно ориентировался в поэтике барокко, которое по традиции можно назвать школьным. Он писал стихи и произносил речи, построенные по всем правилам школьной риторики. Его речи и стихи, включенные в повествование, насыщены различными тропами, пересыпаны латинскими сентенциями. Но как только он переходил к собственно повествованию, то свою ученость как будто утрачивал. Это не означало выход за пределы барочной поэтики; автор следовал другим ее правилам: противопоставлял простой стиль «украшенному», причем на малом пространстве текста;

он отдавал дань экзотике, которую видел во всем «чужом», смешное смешивал с серьезным, высокое помещал по соседству с низким. Таким образом, его текст не переставал быть барочным, но приобретал стилистическую умеренность. Она проявляется, например, в том, что Пасек не настаивает на антитезе как художественном приеме и не делает ее доминантной чертой своего повествования, но внутренний строй «Записок» определяют именно столкновения противоположностей.

Пасек представляет окружающий его мир – видимый и невидимый – в метафизических очертаниях и одновременно в терминах повседневности. От Бога, который направляет человека по жизненному пути, зависит его земное существование. Присутствуют в «Записках» демонологические персонажи, уже никак не противопоставленные миру небесному (без него они не существуют в народной культуре). Точнее, они лишь «являются» отдельным персонажам, чтобы тут же исчезнуть, и не сопровождают их в течение всей жизни. К ним примыкают странные существа, чью природу определяет оппозиция человек/не-человек. Все они являются трансформированными персонажами славянской народной мифологии. Религиозное и архаическое сакральное начала противостоят друг другу и одновременно образуют мир ирреальный, противостоящий миру реальному.

Реальный мир делится на пространство мира (мирное время) и пространство войны. Эти пространства насыщены семантически отмеченными вещами, противопоставленными друг другу, притом не всегда напрямую. Контрастные описания войны и мира иногда чередуются, порой сливаются в нераздельное целое. Над ними возвышается образ рыцаря, храброго кавалера; в повествовании Пасека он дробится и распадается на конкретных персонажей истории XVII в. или исторических героев, не только Речи Посполитой, но и античного мира. Этот «конструкт» утрачивает условность, попадая в реальные контексты – на театр войны, на государственное поприще или на хозяйство. Так обобщенно-абстрактный взгляд на мир истории и современности проецируется на будничное течение жизни, которая овеществляется под пером автора. Образы повседневности войны и мира входят в противостояние с условными батальными сценами и идиллическими картинками сельской жизни.

В «Записках» присутствует и такая антитеза, как жизнь/искусство. На ней основаны описания религиозной живописи и скульптуры, которые видел автор. Замечал он архитектурные особенности некоторых крепостей и соборов, когда шел по дорогам войны. Оставил Пасек краткие замечания и об искусстве слова. Его картина мира была бы неполной без обращения к природе, на фоне которой разворачиваются сражения или идут полевые работы. Сезонным переменам в природе автор посвящает своеобразный календарь. Ее необычные картины представали перед ним в заграничных военных походах. В мире природы он выделяет животных, диких и домашних. С ними со всеми он находил общий язык, как с обитателями своего зверинца, представителей которого уже невозможно свести к зоологиону (Николаев 2003).

В рамках культурного сознания своего времени Пасек выстроил образ мира, его окружавшего. На страницах «Записок» Пасека происходит синтез жанров субъективной литературы, в котором проступают черты его авторского Я.

Следовательно, на материале «Записок» возможно реконструировать принципы писательства XVII в. Очевидно, что они еще не сложились окончательно – эго-документ еще «не пускал» автора в большую литературу. Несмотря на это, автор уже во многом действовал уверенно и переходил с позиций описателя жизни на позиции художника. Переход от простой фиксации событий к искусству слова оказался для него слишком трудным и остался без завершения. Механизмы трансформации культуры здесь вступили в противодействие с механизмами ее традиции и памяти. Такое противодействие обеспечило смешанный характер жанровой природы «Записок». В них различимы приметы самых разных субъективных жанров: выделяется рассказ, не скрывающий своей связи с рассказом устным, встречаются документы эпохи, образцы поэтического и ораторского искусства, как самого автора, так и его современников (Солонин, Дудник 2000). На первый взгляд повествование чрезвычайно запутано, но Пасек находит для него подходящие скрепы. Он явно не торопится снять биографическую оболочку с отрывков исторического романа, которыми являются его отдельные самостоятельные рассказы. Не раз пытается подробно рассказать «все, как было», хотя уже порой избегает подробностей и повторов, рассказ становится лаконичным и избирательным. Избирательность эта явно свидетельствует в пользу Пасека-писателя. Его повествование приобретает сюжетность, слово становится художественным.

Становлению автора, его способам организации сюжета и повествования, работе со словом посвящена первая часть работы («Повествование»). Во второй ее части рассматриваются ключевые концепты эпохи, которые дополняются анализом элементов славянской мифологии («Метафизические очертания мира Яна Хризостома Пасека»). Ей противостоит часть третья, в которой ведется разговор о повседневности войны и мира («Повседневность войны и мира»). Здесь условность мира резко снижается, так как в ней говорится о

вещах, о еде, одежде. Центральным героем четвертой части («Образ сармата») выступает идеальный рыцарь-сармат, чей образ конкретизируется на трех поприщах (на театре войны, на государственном поприще, на хозяйстве).

В пятой части («Эстетические переживания Пасека») расширяется картина мира, созданная Пасеком. Она строится на оппозиции человек/природа, в которой человек оказывается в тесной связи с природой. Сам автор предстает как человек, проникающий в смысл ее перемен, выступает наблюдателем и стихийным натуралистом. Исследование оппозиции жизнь/искусство существенно дополняет череду перемен мирного и военного времени, представленную в «Записках», а сам автор становится первичным ценителем искусства. В «Заключении» дается его портрет, им самим написанный («Воображаемый автопортрет Яна Хризостома Пасека»).

ЛИТЕРАТУРА

Из записок 1878 – Из записок Пассека. Мазепа при польском дворе // Русский архив. 1878. №11. С. 343–347.

Лескинен 2002 – *Лескинен М.В.* Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной мифологии Речи Посполитой. М., 2002.

Лескинен 2008 – *Лескинен М.В.* Событийность и повседневность в сарматских эго-документах // Категории жизни и смерти в славянской культуре. М., 2008.

Лотман 1992 – *Лотман Ю.М.* Память в культурологическом освещении // *Лотман Ю.М.* Избранные статьи. Таллинн, 1992.

Луцевич 2007 – *Луцевич Л.* В поисках аутентичности: Международная научная конференция «Дневники, письма, записные книжки русских писателей» // Новое литературное обозрение. 2007. №87. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/nlo/2007/87/ll52.html (26.09.2013).

Мемуары 1860 – Мемуары Ивана Златоуста Пасека, современника королей польских Яна Казимира, Михаила Вишневецкого и Яна Собеского. СПб., 1860.

Николаев 1989 – *Николаев С.И.* Театральный эпизод «Записок» Я.Х. Пасека по статейному списку В.М. Тяпкина // Советское славяноведение. 1989. №2.

Николаев 2003 – *Николаев С.И.* Курочка протопопа Аввакума и выдра Яна Пасека // Russica Romana. 2003. Vol. 10.

Обар 1860 – *Обар И.* Мемуары Ивана Златоуста Пасека, современника королей польских Яна Казимира, Михаила Вишневецкого и Яна Собеского. СПб., 1860. Рецензия // Библиотека для чтения. 1860. № 2. Отдел «Современная летопись». С. 1–28.

Солонин, Дудник 2000 – *Солонин Ю.Н., Дудник С.И.* Судьба субъективного жанра в контексте европейской культуры XVII-XX веков // XVII век в диалоге эпох и культур. Материалы научной конференции. Серия «Simposium». Вып. 8. СПб., 2000. Режим доступа: http://anthropology.ru/ru/texts/solonin/genre.html (26.09.2013).

Тананаева 1979 – *Тананаева Л.И.* Сарматский портрет. Из истории польского портрета эпохи барокко. М., 1979.

Burkot 2001 – *Burkot S.* Książka, którą czytam // Konspekt. Wiosna 2001. №6. Режим доступа: http://www.wsp.krakow.pl/konspekt/konspekt6/czytam.html (28.09.2013).

Chmielowski 1753–1756 – *Chmielowski B.* Nowe Ateny albo Akademiia wszelkiej sciencyj pełna na różne tytuły jak na classes podzielona, mądrym dla memoryjału, idiotom dla nauki, politykom dla praktyki, melankolikom dla rozrywki erzgowana. alias o bogu, bożków mnóstwie, słów pięknych wyborze, kwestyj cudnych wiele, o sybillów zbiorze, o zwierzu, rybach, ptakach, o matematyce, o cudach świata, ludzi rządach, polityce, o językach i drzewach, o żywiołach, wierze, hieroglifikach, gadkach, narodów manierze, co kraj który ma w sobie dziwnych ciekawości, cały świat opisany z gruntu w słów krótkości. Lwów, 1745–1746, 1753–1756. Режим доступа: http://literat.ug.edu.pl/ateny/index.htm (30.09.2013).

Gloger 1900 – *Gloger Z.* Silva rerum // *Gloger Z.* Encyklopedia Staropolska. T. I–IV. Warszawa, 1900–1903. T. IV. Warszawa. 1903.

Kalinowski 2004 – *Kalinowski D.* Między ekspiacją a ekspansją. O «Zapiskach starucha» Aleksandra Fredry // Słupskie Prace Filologiczne. Seria «Filologia Polska». № 2. Słupsk, 2004. Режим доступа: http://daniel-kalinowski.republika.pl/esej12.html (26.09.2013).

Parandowski 1951 – *Parandowski J.* Alchemia slowa. Warszawa, 1951. Режим доступа: http://pojasnejstroniemocy.blogspot.ru/2011/08/alchemia-sowa-jan-parandowski-fragment.html (3.10.2013).

Pasek 2009 – *Pasek J.Ch.* Pamiętniki. Warszawa, 2009.

Słownik 1965–1973 – Słownik języka Jana Chryzostoma Paska / Red. H. Koneczna i W. Doroszewski. T. 1–2. Wrocław, 1965–1973.

Tazbir 2009 – *Tazbir J.* Pasek jako kronikarz XVII wieku // *Pasek J.Ch.* Pamiętniki. Warszawa, 2009.

Zalejarz 2007 – *Zalejarz K.* Słownictwo bitewne jako element języka XVII-wiecznych rycerzy – o modelu archaizacyjnym Henryka Sienkiewicza (na przykładzie «Ogniem i mieczem») // Podteksty. 2007. №3(9). Режим доступа: http://podteksty.amu.edu.pl/podteksty/?action=dynamic&nr=10&dzial=4&id=223 (28.09.2013).

ЧАСТЬ I

ПОВЕСТВОВАНИЕ

Глава 1

АВТОР И ТЕКСТ

Субъективные жанры. Субъективная литература – это мемуары, дневники, сборники типа silva rerum. Не только XVII век породил такое разнообразие эго-документов. «Типология жанров “человеческого документа” исключительно разнообразна – от автобиографических признаний до хроникальных описаний общественно-политических событий той или иной эпохи» (Хорев 2011: 180). Приметы субъективных жанров эпохи барокко составляют единый ряд, кроме того, они способны смешиваться между собой. Их общее свойство состоит в том, что пишущий не становится главным объектом повествования и не адресует текст самому себе (Михеев 2007: 5). Тем более, что зачастую составляли его представители разных поколений, используя чужие тексты. Прежде всего это относится к такому многосоставному жанру, как «лес вещей» (silva rerum). Этим субъективная литература XVII в. отличается от тех форм, которые сложатся позднее.

«Записки» Пасека имеют двойственную природу: субъективность сосуществует в них с художественностью. Они являют собой смешанную форму, если так можно сказать, «в чистом виде». Подлинный синтез этих двух начал еще не состоялся, хотя его предпосылки уже очевидны. В своих «Записках» Иван Златоустович выступает как их организующий центр. Он не просто «субъект речи», но, как пишет В.В. Виноградов, «концентрированное воплощение сути произведения, объединяющее всю систему речевых структур персонажей в их соотношении с повествователем-рассказчиком или рассказчиками и через них являющееся идейно-стилистическим средоточием, “фокусом целого”» (Виноградов 1971: 118). В «Записках» проступает то ядро, без которого не существует художественный текст – «формально-содер-

жательный центр художественного видения» (Бахтин 1979: 162). «Стратегия писателя, как кажется, направлена в сторону литературного моделирования нарратива» (Głażewski 2010: 55).

В эго-документах той эпохи рождался портрет не одного человека и не одной семьи, а целого рода, в чем нуждались не только его отдельные представители – весь род вписывался в события общественной жизни. В эго-документах они могли выступать в широком социальном контексте. Через понятие рода выстраивались конкретные формы истории и исторического сознания, они осмыслялись «в той или иной связи с историей человеческого рода в целом. И в этом случае “память рода” предстает уже не как бессознательный, автоматически действующий инстинкт, а как культура, которая создается и воспроизводится человеком в процессе сознательной целеполагающей деятельности» (Давыдов 1990). Портрет рода не был изолирован от времени, в котором он складывался, так как был заключен в раму истории. Поэтому исследование субъективных жанров – это «средство познания того исторического социума, в котором они жили и творили, радовались и страдали, мыслили и действовали» (Репина 2001).

Первичной формой такой литературы в эпоху Пасека были календари; в них фиксировались важнейшие события семейной жизни в хронологическом порядке – издатели этого вида популярной литературы всегда к этому призывали. Тогда «... важно было знать, кто кого родил, на кого в случае необходимости можно было положиться, чтобы на сеймике подтвердить свое шляхетское происхождение» (Czapliński 2009: 44). Существовали субъективные жанры и вне зависимости от хронологических календарных рамок. В такие «памятные книги» «... вписывали различные реляции, речи на сеймах и сеймиках, свадьбах и похоронах, дипломатические ноты, письма, декларации, политические сатиры и пасквили, дневники военных походов, статистические сведения, даты исторических и семейных событий, доходы,

счета, стихи, песни, атмосферные явления, катастрофы, эпитафии» (Gloger 1900). Вот как строилось обычное сочинение такого рода: «Полная <...> рукопись состоит из нескольких частей: обращения к детям (завещания), краткого генеалогического очерка о предках, своей биографии и воспоминаний за 25 лет, самостоятельного обширного фрагмента “Описание войн”, продолжения автобиографии» (Лескинен 2008: 239). В «Записках» Пасека генеалогический очерк отсутствует, на их страницах появляются только живущие с ним в одном времени родственники – родители, дядья, двоюродные братья, жена. К прошлому он обращается, прославляя благородных предков, храбрых рыцарей давних времен, крайне редко давая им индивидуальные характеристики. Следовательно, автор как бы извлекал свою биографию из «вертикальной» истории семьи, рода, что, по правилам того времени, было не принято. Это можно объяснить его скромным происхождением.

Пасек декларирует биографичность своего сочинения. Не раз предупреждает потенциального читателя, что не будет отвлекаться от истории своей жизни. Так, в речи памяти гетмана Чарнецкого сказано: «Вот московские экспедиции; не пишу о них, потому что это не хроника, а только течение (dukt) моей жизни» (Pasek 2009: 424). Прерывает описание сражения, в котором сам не принимал участия, чтобы сказать следующее: «И это была славная и великая победа, но я о ней не пишу, так как меня там не было; пишу я только о тех сражениях, в которых был сам, так как моя задача (propositum): описать события (sprawy) моей жизни, а не Речи Посполитой» (Pasek 2009: 232). Но не общая идея биографичности организует «Записки», не возрастные перемены: юность – зрелость – старость становятся их осью. Этим они отличаются от многих других сочинений субъективного характера.

«Cursus»[1] жизни автора вырисовывается в них неясно. Скупо рассказывает он о жизненных «вехах», например,

[1] Бег, течение (лат.) – *Прим. ред.*

о школьных годах в Раве, о женитьбе, о смерти родителей. Лишь чувство к юной датчанке заслужило нескольких страниц, хотя некоторые исследователи подозревают «сочиненность» этого любовного эпизода. Нет в его сочинении исповедальных интонаций. Как известно, дневник «теоретически направлен на правдивое выражение аутентичного “я”» (Луцевич 2007). Однако автор не сосредоточен на своем внутреннем мире, он не явлен читателю. Как типичный экстраверт он говорил о внешнем, замечал реакции окружения на свои поступки и остроумные высказывания. Не забывал похвастаться отношением к себе вышестоящих, гетмана Чарнецкого или самого короля. Гетман однажды при всех назвал его мэтром, знатоком человеческой натуры, что зафиксировано в «Записках».

Пасек избрал особый путь самовыражения – все то, что ему не нравилось, что он считал недостойным и порочащим его имя, он опускал или говорил об этом вскользь. Многие обстоятельства своей жизни преднамеренно не прописывал. Чаще упоминал о военных успехах и важных поручениях, например, о том, как он сопровождал иностранных послов или участвовал в заседаниях сеймов, выбирал короля на рыцарском круге. В доказательство своей общественной значимости автор включал в «Записки» официальные деловые бумаги, что говорит о его социальной ангажированности. Однажды он попросил гетмана Я.П. Сапегу отдать ему письмо Ст. Чарнецкого, пояснив, что все подобные документы собирает как свидетельства своей жизни для будущего потомства. Такими свидетельствами становились охранные грамоты, письма короля и гетмана Чарнецкого, собственные послания автора, сочиненная им инструкция для равских депутатов. Также он приводит в «Записках» свои и чужие речи на сеймах и в судах. Так поступал не он один, документы присутствуют и в других текстах субъективной литературы, в чем Вл. Чаплиньский видит их особую ценность (Czapliński 2009: 52).

Таким образом, Пасек хотел оставить о себе память как о человеке публичном, выполняющем задания государствен-

ной важности. Частные документы, касающиеся семейных дел, у него отсутствуют, о них он только упоминает. Правда, он пишет о том, как помогал устроиться детям своей жены – кого отдал в монастырь, кого женил, кого выдал замуж, дав в приданое землю. Не стал он включать в «Записки» многочисленные судебные документы – в последние годы жизни Пасек беспрестанно судился с соседями.

Ослабив собственно биографическое начало, но не отказавшись от него окончательно, Пасек с течением времени изменил своей первоначальный замысел составить биографию в точном смысле слова. Перейдя от военных эпизодов европейского масштаба к частной жизни торговца зерном и арендатора, он будто потерял интерес к истории своей жизни. Может быть, это и так, но, скорее всего, его захватила та самая историческая рама, в которую вписывались жизненные события во множестве текстов субъективной литературы. В «Записках» она переместилась к центру повествования и превратилась в ряд отдельных зарисовок не только исторических событий, но и повседневности, складывающихся в единую картину, на фоне которой происходили перемены в жизни автора. Он растворился в окружающем его мире, в который всматривался, выражая отношение к нему, и не механически записывал увиденное. Поэтому в его изложении история и повседневность не раз перевешивают по значимости авторскую биографию и даже главенствуют над ней.

Несмотря на то, что биографичность отступает на задний план, авторское Я в «Записках» остается в сильной позиции по сравнению с «объективной» реальностью. Однако иногда исторические события настолько отодвигают авторское Я, что текст Пасека начинает в чем-то напоминать хроники, о которых он, кстати, не раз упоминает. Например, по его мнению, старые хроники (pisma) свидетельствуют о давней дружбе поляков с Данией. В хрониках, как известно, нет разрозненности повествования, присущей «садам» и «лесам». Они, как и тексты субъективной литературы, зависят от

временной оси. М.В. Лескинен замечает сходство позиций авторов хроник и некоторых дневниковых записей (Лескинен 2008: 246).

Эго-документы XVII в. характеризовались способностью вбирать в себя многое из разных сфер культуры, они были открытой структурой, способной к активным трансформациям. Например, в них входили литературные произведения самых разнообразных жанров, стихотворения, в том числе ведущих поэтов эпохи, средневековые фрашки[2], все еще не исчезнувшие из литературного обихода; сведения из географии и медицины, и вообще все, что занимало читателя того времени и что ему было необходимо знать в повседневной жизни. Так тексты субъективной литературы становились сочинениями «обо всем». «Записки» Пасека к ним не особенно тяготели, популярные литературные произведения в них отсутствуют. Есть только цитата из Я. Кохановского и упоминание о том, что В. Коховский был историографом битвы под Веной. Зато автор украсил свое сочинение собственными стихотворными текстами. Так оно, пусть в незначительной степени, все-таки приближается к сборникам смешанного типа.

По жанровым приметам «Записки» близки дневнику, прежде всего путевому; только путешествие, в нем описываемое, в основном совершалось по военным дорогам. Так время от времени они превращаются в развернутую реляцию с театра военных действий. При этом автор не только повествовал о наступлениях, победах и поражениях, он внимательно рассматривал приметы военного и мирного времени. Есть в «Записках» и другие дневниковые признаки, которых все же недостаточно для того, чтобы назвать их собственно дневником.

События, описываемые в «настоящих» дневниках, разворачиваются в актуальном хронотопе (Киреева 2006), чего нет у Пасека. В дневниках события передаются с го-

[2] Пол. fraszki – жанр польской поэзии, популярный в XVI–XVIII вв., существующий и до сего дня. Остроумные стихотворные миниатюры разнообразного содержания (каламбур, анекдот, басня, эпиграмма, сатира). – *Прим. ред.*

раздо большими подробностями, чем в его «Записках», где присутствуют лишь указания на годы и некоторые конкретные даты. Зато, как и дневник, они имеют открытый финал. Как и положено автору дневника, Пасек ведет повествование от первого лица. То, что он преимущественно озабочен событиями общественными, не противоречит жанру дневника. «О чем бы в нем ни писалось – о событиях личной жизни или социальных переворотах, излагаются ли мысли и переживания автора или приводятся понравившиеся цитаты или услышанный обрывок разговора, пишется хроника текущих событий <...>, – это документ о личности пишущего, и именно как таковой пишущим воспринимается» (Зализняк 2010).

«Записки» можно интерпретировать в терминах и другого субъективного жанра. Предварительно заметим, что в идеале дневник пишется в едином времени с переживаемыми автором событиями; могут дневниковые записи отстоять от них во времени, но не на протяжении всего текста. Автор дневника лишь иногда нарушает равновесие текста и временных рамок описываемых в нем событий. Если хронология в нем не совпадает с описываемым реальным временем и это несовпадение становится нормой, автор пишет в ретроспективном плане – и тогда дневник превращается в воспоминания. Они, в отличие от дневника, значительно отстоят во времени от событий, о которых идет речь. Делал ли Пасек заметки в течение жизни или нет, не столь важно, как и то, писал ли он лишь по памяти.

Если считать его сочинение не дневником, а воспоминаниями, это мало что меняет. Они не лишаются субъективности, а лишь перемещаются в ряду однородных жанров. Автор же, вне зависимости от жанровой принадлежности его текста, выражает собственную точку зрения и распространяет ее на широкий социальный контекст. Пасек пишет о себе, но таким образом, что контекст зачастую оказывается на первом плане. Это перемены в мирной жизни или на полях сражений, а не только частные события, важ-

ные для него самого и его близкого окружения. Он подает их под единым углом зрения, который для себя избрал, что еще раз подтверждает соотнесенность «Записок» с субъективными жанрами, дневником и воспоминаниями. Так как они имеют явные признаки «военных записок», путевого дневника, содержат документы и поэтические опусы автора, вслед за Вл. Чаплиньским можно сказать, что сочинение Пасека вбирает в себя все варианты субъективной литературы (Czapliński 2009: 46).

Вчитываясь в него, возможно «... выявить конкретные формы бытия и способы мышления, реконструировать картину мира социальных групп и сообществ, определить доминирующие нормы и практики» (Лескинен 2008: 234). Мелкие или, напротив, чрезвычайно значимые события своей жизни автор не просто записывал, перечисляя в хронологическом порядке. Он о них писал, явно приближаясь к подлинному творчеству. Сохраняя привязку к жанрам субъективной литературы, «Записки» остались «документом о личности пишущего» (Зализняк 2010). При этом они поднялись на уровень искусства слова. А. Мицкевич в «Лекциях по славянской литературе» недаром назвал их историческим романом (Mickiewicz 1997). Они подчиняются единому творческому заданию, которое резко нарушило канву субъективного повествования, что и перевело их в ранг литературы. Пасек ввел в них собственные устные рассказы и воспроизвел рассказы других.

Смешанная природа «Записок» усложняется благодаря тому, что они движутся не только от эго-текста к литературе, они еще превращаются в своеобразную энциклопедию, правда, не соответствующую тому устройству, которые имели энциклопедии, или лексиконы того времени. Из них можно было извлечь самые разные сведения о божественном и мирском, о географии, медицине и о других полезных науках. Макрокосм в них противопоставлялся микрокосму, описанию подлежало все редкое, небывалое, экзотичное. Информация, содержащаяся в них, могла быть фантастической, что

никого не смущало. Энциклопедия Пасека – это свод знаний о мире и войне, о своем и чужом, о государственной политике и частной жизни, о старопольской кухне и оружии, о моде и этикете. Как видим, диапазон знаний, заложенный в «Записках», достаточно широк, но умозрительные конструкции в них отсутствуют, так как абстракция была чужда автору. Он видит мир по-своему, беспрестанно меняет ракурсы наблюдения, детализирует его отдельные картины. Поэтому композиция «Записок» не отличается особой четкостью, конечно, в них отсутствует рубрикация. Историко-культурная информация не сверстана по темам, но в опоре на ключевые слова Пасек выделяет отдельные тематические блоки.

Подлинным автором он чувствовал себя в свободных рамках жанрового синтеза и в стихии устного языка. Составители текстов, подобных «Запискам», еще тонули в слове, своем и чужом, не выверенном и неточном. Но и в них явственно наблюдалась тяга к писанию, приведшая к рождению прозы в эпоху поэзии. Напомним знаменательный вопрос Кш. Опалиньского во «Вступлении» к «Сатирам»: «О чем и как писать поляку в наше время?/ И прозой иль стихом? И только ль для забавы?» (Польская поэзия 1977: 56). Ян Хризостом Пасек выбрал прозу и писал не для забавы.

АВТОР. Факты истории и культуры, о которых пишет Пасек, не отличаются новизной. О них говорится и в других рукописных сочинениях того времени, на что указывает Вл. Чаплиньский. Но его повествование организует индивидуальное видение истории и повседневности, частной жизни и событий государственной важности, а также рефлексия по их поводу. Не домысливая и преднамеренно не искажая, он перестроил иерархию этих объектов описания, точнее, решительно ослабил. Ему одинаково интересно, как отправляется в поход Ст. Чарнецкий, как горит корабль и как ловит рыбу милая его сердцу выдра. В его сочинении есть место раритетам и обыденным явлениям, великим событиям и пьяным выходкам. Привлекали его всякие диковинки и курьезы. «Страсть к новизне и ко всему причудливому, непривычному,

вера в самые фантастические бредни» (Тананаева 1979: 20) свойственны Пасеку, как и всей его эпохе. Он бросается от одной темы к другой: рассуждает о судьбах страны и своих торговых делах, не забывает отметить, какая погода стояла в январе такого-то года. Уравнивание в правах самого разнородного материала приводит к тому, что отдельные отрезки повествования соседствуют друг с другом так близко, что переходы между ними едва различимы.

АДРЕСАТ. Пасек не раз заявлял, что пишет для того, чтобы восстановить в памяти прошлое. Иначе говоря, он полагал именно себя непосредственным адресатом, но, впрочем, не единственным. В субъективных сочинениях, предназначавшихся узкому кругу читателей, всегда вырисовывались портреты адресатов. К ним были обращены поучения на самые разные темы. Так «домашняя» литература поддерживала дидактическую линию искусства слова, идущую со времен М. Рея. Продолжалась она вплоть до XVIII в. Б. Хмелевский адресовал свои «Новые Афины», т. е. «Академию, всяческих наук преисполненную» «мудрым для памяти, простецам для науки, политикам для практики, меланхоликам для забавы»[3]. Отсутствие широкой публики не смущало самодеятельных авторов той эпохи, не помышлявших о большой литературе. «Разумеется, мысль об адресате всегда присутствовала в “человеческом документе”: нередко в нем появлялось и прямое обращение к адресату» (Хорев 2011: 180). Пасек также рассчитывал, что его сочинение войдет в круг чтения. Значит, он писал не только для себя и хотел быть полезным своим читателям, ведь он предлагал им удерживать в памяти (pro memento) прочитанное.

Читатели эти анонимны и разбиты по группам. Это молодые люди, будущие воины, «те, кто будут читать», «наследники» книги. Автор не раз останавливается, чтобы дать им полезные уроки. Вот урок солдату: «Могли бы солдаты вре-

[3] Обращаясь к читателям, Б. Хмелевский плетет замысловатые риторические узоры. Например, сообщает, что наплавался с самыми разными авторами по многим морям и немало поймал рыб морских и речных, которых не ел вместе с выдрой или щукой, а направил их читателю, чтобы удивить его, но не насытить (Chmielowski 1753–1756).

мени теперешнего, которые так часто теряют коней, брать с нас пример. Скажу, что никогда они не бывали в таких переделках, как мы, значит, у них не может быть таких потерь, как у нас, но пешком мы никогда не ходили. Для нас коня сгубить было, что рака из корзинки выпустить, каждый знал, что при встрече с неприятелем Господь Бог даст другого. Возьмет враг у тебя коня: отбери у него двух, он такой же человек, как и ты, и такой же солдат, как ты, и шкура его не из панциря сделана, как и у тебя» (Pasek 2009: 244). Это высказывание, кстати, противоречит привязанности Пасека не только к коням, от которых зависела жизнь каждого солдата, но и вообще к животным. Следующий урок он дает забияке: «Кто будет наследником этой моей книги, того я предостерегаю и напоминаю, что учиться нужно на моем примере и на многих других <...> не устраивать дуэли, не ходить на поединки, раздуваясь от тщеславия, даже если силы и храбрости хватает; каждый должен знать, что всегда найдется такой, что тебя поколотит» (Pasek 2009: 195–196).

Поучает Пасек молодых людей, как нужно набираться опыта публичной жизни. Они должны бывать на заседаниях сейма, внимательно слушать речи депутатов и присматриваться к тому, что происходит. Если денег на поездки на сейм не хватает, сопровождай депутатов, пристройся к кому-нибудь, советует Пасек. Если ты уже состоишь на военной службе, то когда войско встанет на зимние квартиры, поезжай на сейм с гетманом либо с поручиком. «Так научишься политике, научишься праву, научишься тому, о чем в школах и не слышал; каждому желаю поступать таким образом» (Pasek 2009: 415). Есть урок и семейной жизни. Рассказывая о том, как он управился с наследством, Пасек говорит: вот каково это – взять в жены вдову с ее заботами; первый муж долгов наделал, оставил только хлопоты, детей и имущественные споры; ты же тратишь свое здоровье из-за чужих интересов; все, что смог заработать, отдаешь, а получаешь лишь неблагодарность. «Это я поместил для предостережения; кто так поступит, прошу ко мне за советом» (Pasek 2009: 502). Есть

еще один важный совет. Пасек предостерегает от того, чтобы оставлять в доме родственниц женского пола. Он сам от них немало натерпелся. Также он предлагает юношам не торопиться с предложением брачных уз. Вырвется такое словечко, и что потом с ним делать.

Подобного рода экскурсы носят обобщенный характер, в которых Пасек касается мирной жизни и военной службы; ей также нужно учиться, как и умению вести себя с сослуживцами. Он ссылается на свой личный опыт, приводит себя в пример, т. е. вступает с читателями в непосредственный контакт. Как бы подводя итоги прошедших лет, сетуя на жизненные тяготы, Пасек так обращается к ним: «Пусть будет от меня такое предостережение каждому, кто меня читать будет» (Pasek 2009: 309).

Размышляя о способностях человека к повествованию, об умении извлекать из памяти некие события, переживать их и наблюдать заново, М.Ю. Михеев проницательно заметил, что они отнюдь не всегда даются одному человеку одновременно. Отметил он несовпадение способностей к устному рассказу и к письменному изложению, полагая особой способностью автора «...самому принимать участие в событиях, активно их создавать и провоцировать» (Михеев 2007: 56). Ян Хризостом Пасек обладал всеми этими способностями. Используя латинские термины исследователя, которые непременно одобрил бы сам Пасек, склонный вставлять в свое повествование латинские изречения и умевший вести по-латыни незатейливые беседы, о нем можно сказать: «Homo sensilis et memor, homo narrator, homo actor»[4].

ПАМЯТЬ. Пасек желал воскресить в памяти былое таким, каким видел; что еще раз сближает его сочинение с воспоминаниями. Прочитав им самим написанное, по его словам, он сумеет вновь вообразить «бег» своей жизни, представить самые значимые ее моменты. Именно этого он добивался, когда писал о прошлом. Пасек сознавал, что без письменной фиксации ему не удержать в памяти все то, что составляло

[4] «Человек, одаренный чувствами и памятью, рассказчик и актер» (лат.). – *Прим. ред.*

его жизнь: прошлое сохраняет память человеческая, но помнить о нем возможно лишь, когда оно легло на бумагу. Его необходимо удержать, чтобы оно не исчезло окончательно. «Благодаря такой позиции для автора “Записок” существенны не только великие сражения, но и такие события и мимолетные встречи, которые остаются в памяти и воспроизводятся через несколько десятков лет» (Głażewski 2010: 56). Так прошлое приобретает завершенную форму и становится не только личным переживанием одного человека, но и фактом культуры. Все, что он сохранил в своей памяти, становится достоянием многих. «Индивидуальная память многопланова: она включает персональный, социокультурный и исторический планы. Наряду с собственным жизненным опытом она подразумевает приобщение к опыту социальному, превращение чужого опыта в собственный, причастность к весьма отдаленным событиям» (Репина 2001). При этом включаются «механизмы взаимодействия индивидуальной и социальной памяти, индивидуального и социального сознаний» (Репина 2001).

Особенно значима для Пасека память историческая. Ее специфической особенностью «... является <...> ориентация на спасение прошлого – осознанная борьба с забвением, с погружением прошлого в небытие» (Давыдов 1990). Другие авторы эго-текстов также ориентировались на историческую память, стараясь донести информацию до последующих поколений. Они делали записи «на вечную память потомства», как Я. Лось, который говорил, что «удалось ему записать все то, случилось на его памяти», или Я. Вл. Почобут Одланицкий, утверждавший, что пишет «для памяти» (цит. по: Czapliński 2009: 43). «Память опосредует реальное время, непрерывное, текущее и ускользающее в индивидуальное время» (Брагина 2009: 102). Это опосредование, как полагает автор, происходит в двух перспективах – хронологической и психологической. «Хронологическая перспектива объективна, психологическая – субъективна и во многом зависит от точки зрения человека» (Брагина 2009: 90). Одна из них

обычно доминирует в тексте, хотя обе эти перспективы могут переплетаться. Так происходит у Пасека. Хронологическая перспектива памяти «держит» в «Записках» весь план повествования, подчиняющийся ходу времени. Имея в виду эту перспективу памяти, про «Записки» можно сказать словами М.Ю. Михеева: «... это пульсирующий текст, в котором порции, или фрагменты отделены друг от друга временными (а иногда еще и пространственными) датами <...>, содержание которого ориентировано на реальные события в жизни человека, а не на его фантазию» (Михеев 2007: 7). Правда, относятся они к жанру дневника, но полностью приложимы и к сочинению Пасека.

В перспективе психологической памяти «события прошлого» выстраиваются «по шкале значимости и/или актуальности для текущего момента» (Брагина 2009: 91). Это позволяет Пасеку выделить сохранившиеся в памяти жизненные эпизоды, неразрывно связанные с их эмоциональным восприятием: «Однажды, как я помню, меня незаслуженно оклеветали, горькое чувство я до сих пор ношу в своем сердце и, видимо, до самой смерти оно не уйдет из моей памяти» (Pasek 2009: 286). Пасека оскорбили слова киевского епископа Томаша Уейского. В стихотворной эпитафии автор вновь переживает смерть своего любимого гнедого, без которого, стоя в строю, он вздыхает и готов заплакать, когда его вспоминает. Не раз Пасек чудом выходил живым из жестоких схваток, с особой эмоциональностью он выделил одну из них: в страшной битве с «Москвой»[5] погиб только один товарищ (офицер. – *Л.С.*) и четверо челядников, «а подо мной коня подстрелили» (Pasek 2009: 229). Никогда он не забудет о том чуде, которое свершилось, и каждому расскажет о нем. Итак, в «Записках» «...чувство и понимание Времени формируется эмоциями, знаниями и образами в равной степени» (Лескинен 2009: 130).

[5] «Москва» – это собирательное наименование главного противника поляков, русского войска и русских вообще, в польском тексте пишется с прописной буквы. Предикат всегда ставится во множественном числе, а не в единственном. Аналогично литовское войско именуется «Литвой», согласование также не соблюдается. – *Прим. автора.* Далее в тексте, когда, следуя Пасеку, автор использует эти этнонимы, они даются в кавычках со строчной буквы. – *Прим. ред.*

Спасая прошлое, Пасек опирается на индивидуальную авторскую память. «Специфика мемуарного жанра заключается в том, что в основе его порождения лежат когнитивные механизмы памяти: психическое отражение прошлого взаимодействия человека с действительностью, способность хранить информацию и избирательно ее актуализировать» (Орлова 2004). Он помнит, как протекали сражения, где стояло войско, с кем ему приходилось сталкиваться на военной службе. В первых главах «Записок» он так детально прописывает военный быт, как будто только вчера стоял на постое и пировал в походных условиях. В последующих записях детализация ослабевает, видимо, не потому, что автора подводит память; он вошел в новую фазу жизни, которая не казалась ему столь же привлекательной, как ранее.

Память не только высвечивает значимые для автора факты и события, она организует целостность текста; «...творческая задача памяти – синтаксически организовать разрозненные факты внутри воспоминания, выстроить их в доступные для запоминания цепочки “понятных” причин и следствий» (Михеев 2007: 100–101). Так память индивидуальная преобразуется в память художественную. Очевидно, что в создании «Записок» участвовала и память жанра. Пасек отнюдь не первым работал в субъективном жанре, правда, как мы старались показать, предпочел смешанную форму субъективности. Именно память жанра задала параметры его сочинения, ведь всякий жанр объективно является носителем традиции. «“Память” в мемуарах и автобиографиях имеет особый характер; это память о своей современности и о себе самом. Это негероизующая память; в ней есть момент механичности и записи (не монументальной). Это личная память без преемственности, ограниченная пределами личной жизни (нет отцов и поколений)», – пишет М.М. Бахтин в примечаниях к статье «Эпос и роман» (Бахтин 1975: 467). Но Пасек героизирует славных предков, великих военачальников и простых солдат и настаивает на связи храбрых сарматов прошлого со своими современниками. Во времена

Пасека мемуарный жанр «становится устойчивой литературной и бытовой традицией, которая начинает постепенно восприниматься как выражение национально-отличительных свойств польской письменной культуры вплоть до XX в.» (Лескинен 2008: 237).

Хотя Пасек работал над своим сочинением в опоре на память – индивидуальную, художественную, жанровую, – концепт памяти у него не развит. Он не строит на его основе сюжетные эпизоды, отсылки к нему достаточно редки в прозаическом ряде «Записок». Но в стихотворных текстах этот концепт возникает, благодаря чему выявляется представление о неразрывной связи памяти и письменного текста. В стихах в честь Ланцкороньского Пасек утверждает, что героев древности помнят благодаря тому, что об их подвигах слагались поэмы, так их имена и деяния сохранились для последующих поколений. Давно бы они угасли в памяти, если бы не великие творения Гомера. Помнить следует только достойных, поэтому поляки помнят Корецких, Мелецких, гетмана Ходкевича, – это их герои. В этот список почитаемых героев теперь входит и Ланцкороньский. Он будет жить в благодарной памяти современников и потомков. Достойны памяти и слова великих: «Приходит мне на память римского цезаря символ (девиз. – *Л.С.*): «Non gens, sed mens» («не род, но разум» – Pasek 2009: 555). Напомним, что Б. Хмелевский «на театре» «Новых Афин» представил мемориал, выстроенный по алфавиту, парад портретов умерших, заслуживающих памяти, и тех, кто должен быть вымаран из нее. Начиная рассказы о военном времени или домашнем быте, Пасек почти никогда не говорит, что предается воспоминаниям. У него нет зачинов типа: «Помню я как-то раз...». Пожалуй, он только однажды заметил: «Пришел мне на память мой козерадский опыт» (Pasek 2009: 370). Обычно он начинает повествование «с места в карьер», порой предпочитая последовательное перечисление, как в этом случае: второе сражение было под Гнезно со шведами; третье сражение окончилось неудачно;

четвертое завершилось «счастливой викторией». Как видим, о воспоминаниях нет ни слова. Таким образом, автор не стремится объединить эпизоды повествования, обращаясь к памяти, не подчеркивает, что нечто вспомнил, а потом записал, или что многое сохранил в своей памяти. Правда, он помнит, как менялась польская мода или как проигрывает тот, кто затевает ссоры или драки. Собираясь рассказать о театральном представлении в Варшаве, Пасек замечает, что должен нечто вспомнить: «Среди всех их вольностей должен я припомнить еще одну» (Pasek 2009: 385); в другом месте признается, что забыл написать, как с ним случилась неприятность под Могилевом. Заканчивая рассказ о ссоре с литвинами, сообщает, что теперь все забыто.

Таким образом, если Пасек и говорит о памяти, то только для того, чтобы заметить, что нечто ускользает из нее. Он использует типичный художественный прием автора, строящего текст на основе устного рассказа. Так же имитировал устность Гоголь в повестях «Вечера на хуторе близ Диканьки» (Софронова 2010: 13–33). Пасек жалуется, что не может вспомнить, из какого города прибыл известный доктор на помощь Чарнецкому. Забыл, как называется самая безобразная рыба на свете, которую видел и даже пробовал в Дании. Не может вспомнить речь одного оратора, который говорил долго и красиво. Обращается он к памяти, желая передать свои впечатления: «за всю свою жизнь не припомню, чтобы приходилось визитировать столько подвалов, как за ту одну ночь в Вильне» (Pasek 2009: 370). Авторская память, как известно, избирательна. В ней, как и во всяком другом виде памяти, есть пробелы и провалы (Брагина 2009: 84–85).

МЕХАНИЗМЫ ПОВЕСТВОВАНИЯ. Итак, концепт памяти не связывает «Записки» воедино. Лишь отдельные высказывания о том, что автор нечто помнит, в какой-то мере помогают их скрепить, но не надолго. Объявив свою жизнь центральной линией «Записок», Пасек постоянно от нее отклоняется и делает отступления, из которых и состоит его произведение.

Не раз, следуя риторическим правилам, он называет отступления дигрессиями[6]. Например, рассказ об исчезновении денег, предназначавшихся для выкупа пленных или маленький трактат, посвященный дружбе. Пасек замечает, что эта дигрессия появилась случайно, ex occasione, но уделяет внимание тому поводу, по которому она написана. Стараясь оказать помощь друзьям, он оказался в убытке. «Во сколько мне обходятся все приятельские услуги, один Бог знает» (Pasek 2009: 512), – горюет Пасек, выражая недовольство многими своими друзьями. Мало кто помнит хотя бы года три об услугах, им оказанных. Все обещают отплатить за помощь, но будто не знают, как это сделать. Видите ли, Господь Бог не наградил их таким знанием. Когда им понадобится друг, они тебя сразу найдут. Если тебе потребуется их помощь, днем с огнем никого не сыщешь. Стихотворной параллелью к этому трактату-дигрессии является сочинение Кш. Опалиньского «На лицемерную и ложную дружбу» (Польская поэзия 1977: 65–67). Это общий топос эпохи.

Внутри отступлений, которые обычно выглядят как нанизанные на ось времени рассказы, также возможны отступления, т. е. появляются дигрессии в дигрессии. В отличие от собственно рассказов, они внесюжетны, не завершены и напрямую не связаны с основной темой повествования. Они не нарушают его и необходимы для того, чтобы перевести конкретность рассказов в ранг обобщений, которые тяготеют к нарративу, как и примеры (exempla), иллюстрирующие базовые представления о мире и человеке. Также с помощью дигрессий Пасек подтверждает значимость сказанного, которую усиливают смысловые параллели.

«Записки» явно распадаются на отдельные фрагменты, что характерно для субъективной прозы: «Среди черт, присущих дневниковой прозе, <...> следует назвать и ее неорганизованность, фрагментарность, отсутствие общей идеи или

[6] Дигрессия (от лат. «digressio» – уклонение, отступление), у Пасека – dygresja (пол.) – краткое замечание в отступление от основной темы рассуждения или монолога; высказывание, введенное в основной ход повествования в художественном произведении. – *Прим. ред.*

концепции текста в целом» (Михеев 2007: 114). Из фрагментов строится линия жизни автора, переплетенная с линией истории. Повторим, биография и история оказываются в «Записках» равноправными (Лескинен 2008: 250). В них стоят рядом хозяйственные заботы автора и великие битвы его времени, действие происходит в покоях короля и на постоялых дворах. На их страницах выступают придворные и слуги, военачальники и обозные, крестьяне и мелкие шляхтичи.

Нельзя сказать, что Пасек был озабочен созданием непрерывной событийной линии или выявлением причинно-следственных связей между фрагментами. Его повествование дискретно. Фрагменты слабо сцеплены между собой, не в каждом из них выступает сам автор, но он всегда пытается создать единый план повествования и почти всегда предупреждает об изменении направления основной его линии. Пасек прерывает повествование замечаниями о том, что уже было сказано и что читатель узнает позднее. Все повороты вспять или забегания вперед он непременно фиксирует с помощью особых сигналов, которыми являются замечания-связки (Валгина 2003б).

Встречаются они довольно часто и выглядят как утверждения: «Именно так, как я написал ... (Pasek 2009: 419), «но и в этих пустых местах не избавился я от грубиянов, о чем ниже» (Pasek 2009: 366). Есть в «Записках» связки-предупреждения и напоминания: «Перед тем как я этот договор опишу ниже, вернусь ненадолго к “материи” об этой несчастной войне <...>, которую уже упомянул» (Pasek 2009: 419). Иногда такая пространная формула сокращается, и кратко говорится: «К предыдущей обращусь материи» (Pasek 2009: 363). Пасек признается, что нарушил плавное течение повествования и отвлекся: «возвращаюсь к тому, от чего отступил» («wracam do odbieżanej materii» – Pasek 2009: 551). Объясняет, почему так поступил. Иногда напоминает о том, что уже рассказано: «так как он должен был, как я уже сказал, переправлять наши войска на Фионию, поэтому суда прислали, но без солдат; знал он, что пехота с нами» (Pasek 2009: 142). Обычно под-

робно пересказываются выступления на сеймах, но встречаются предупреждения о том, что будет изложена только суть сказанного («essentiae materyjej» – Pasek 2009: 289). После резких выпадов в сторону примаса М. Пражмовского, Пасек сообщает читателю: «Но вновь вернемся к исторической «материи», от которой, ради апострофы (т.е. памфлета, адресованного примасу Пражмовскому. – *Л.С.*), оторвал свое перо» (Pasek 2009: 405). Так он делает не раз: «Оставив в стороне и эти истории, что случались во время войны, приступим к делу», т. е. к описанию сражений (Pasek 2009: 411). Завершив рассказ о выдре и других обитателях своего зверинца, с которыми он ходил на охоту (1680 год), Пасек замечает: «Закончив с охотой, возвращусь к течению года (ad cursum anno)» (Pasek 2009: 525). Такие устойчивые клише повторяются много раз. Порой Пасек отказывается писать о событиях, которые, с его точки зрения, столь ужасны и позорны, что не заслуживают внимания. Начав запись под 1664 годом, он заявляет, что писать о Стависской осаде нечего и не за что ее хвалить. Многое можно было бы написать о том, что вытворяли поляки со шведами, помня о том, как они вели себя в Польше, – говорит Пасек, но этого не делает.

Зачастую в обещаниях написать ниже он сразу раскрывает суть дела: «жестоко и без причины они убили удачливого солдата, прекрасного военачальника и весьма достойного сенатора, о чем напишу ниже» (Pasek 2009: 218). Аналогично строится сообщение о битве с Ю.А. Долгоруким, заканчивающееся тем же обещанием. Перед подобной связкой возможно перечисление тем, которые будут развиты в дальнейшем: «Был бы я рад своему супружеству, когда бы Господь Бог дал мне сына, хотя бы одного, да и этого нет, и много забот у меня с ее детьми, о чем ниже» (Pasek 2009: 460), «Москва усилилась, впутала нас в договоры, они уже почувствовали свою силу, видели наши несчастья, <...> дали мы им отступного за то, что их побили, о чем подробнее (fusius) будет ниже» (Pasek 2009: 255). Иногда обещанные истории так и не рассказываются. Редко отмечается, почему остановлен рассказ,

но в одном случае говорится, что написать, как объясняются между собой влюбленные, слов не хватит.

Благодаря связкам, снабженным обширными вставками, Пасек не сбивается с линии повествования и ведет за собой читателя, который, не запутываясь в рассказах и кратких сообщениях, переходит от одного события к другому. Так связки, разрастающиеся за счет вставок, становятся границами между отдельными частями повествования. Иногда они приобретают пусть условные, но все же художественные черты. Пасек обращается к известному со времен античности мотиву «письменных принадлежностей». Закончив слово о Ст. Чарнецком, он пишет: «Но перо, несшееся за славой Чарнецкого, вновь возвращаю назад к договору ленгоньскому» (Pasek 2009: 425). Перо мелькает на страницах его сочинений не раз: «Ad eventum jednak belle civilis obróciwszy pióro...» («Однако обратив к гражданской войне перо...» – Pasek 2009: 417). Он вспоминает этот символ поэзии в стихотворном слове в честь Ланцкороньского: «Прикоснуться пером славы к живым, признаюсь, чрезвычайно трудно, так как можно впасть в лесть или, восхваляя не по достоинству, сбиться с пути» (Pasek 2009: 571). Обращается Пасек к перу с такими словами: «Но стой, перо! Что ты творишь? Слишком спешишь; много пишешь о Деве, мало о мужественном Льве. Вижу, что изящнее концепт слагаешь, чем о военном Марсе пишешь. Но есть у пера на то свои причины...» (Pasek 2009: 563). Так мотив творчества явственно проступает в устойчивом клише. В настоящей барочной поэзии орудия письма преображаются и «взмывают к небесам», как у Я.Т. Трембецкого: «Будь небо в вышине пергаментом для нас, / Будь море в глубине чернилами сейчас...» (Польская поэзия 1977: 145)[7]. Разрабатывается в связках мотив книги как вещи. Чтобы описать все

[7] Не отстает от поэтов и автор энциклопедии «Новые Афины» Б. Хмелевский. Его любопытное перо летает по горам, он вырывает перья из крыльев сказочных птиц, феникса и грифа, которых только что описал, чтобы продолжить рассказ о невиданных животных. Рассказав о моде, он сообщает, что оставляет немецкое или французское платье у портного; пусть себе висит или пусть портной переделает его по новой моде. «Я же оставлю себе контуш как настоящее польское платье, чем и буду развлекать своего читателя» (Chmielowski 1753–1756).

славные подвиги гетмана Чарнецкого, никакой бумаги не хватило бы, как и для прославления других великих польских героев. Этот мотив недостачи обогащается иронией: «Так как я уже упомянул один пункт, предпочитаю привести письмо целиком, хоть мне и жаль бумаги на такой панегирик» (Pasek 2009: 396). Панегириком здесь названы обличительные письма. Так автор орнаментирует, «украшает» замечания-связки между отдельными эпизодами погодных записей.

Благодаря введению связок фрагменты, если и не склеиваются, то все-таки приближаются друг к другу. Этому же служат повторы, которые возникают, вероятно, по забывчивости автора, но и они играют определенную роль в организации текста. Так и отсылки к памяти помогают сближению фрагментов. Наряду с клишированными связками, повторами, отсылками к памяти, в них явно вырисовываются пространственно-временные рамки, способствующие связанности «Записок» в большей степени, чем вышеназванные механизмы повествования.

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫЕ РАМКИ. Пасек работает со временем, вписывая в него события, и этого оказывается достаточно, чтобы его текст начал выстраиваться в единое целое. Время мира и время войны различается четко, членится оно традиционным образом, операции с ним поддерживают тенденцию к связанности. Пасек расставляет временные указатели, не только называя год, в течение которого разворачиваются события, но и конкретные даты. Чаще всего это церковные праздники. Например, сражение на острове Альс начинается в Рождество. Ст. Чарнецкий приказывает войску провести пасхальные дни в домах шляхтичей и после Пасхи быть готовыми к выступлению. Временными точками выступают вторая, четвертая и пятая недели Великого поста. Отмечена масленица, которую Пасек провел в Дании. Указателями времени бывают месяц, отдельные дни месяца и недели: отмечает Пасек август, когда он нагрузил суда пшеницей и направился в Гданьск, домой же вернулся

в сентябре. Несколько раз указываются точные даты торговых поездок: Augusti, 7 mai, 7 Julii. Пострижение в монахини дочери его друга состоялось 24 января 1686 г. Одно военное выступление началось утром в субботу 9-го октября (1683 г.). «Расписали все хозяйства во вторник, в среду поехали по деревням, ездили до пятницы...» (Pasek 2009: 176). В ночь с пятницы на субботу шведы погрузились на корабли.

С точки зрения Пасека заслуживает внимания продолжительность событий. Например, одно сражение с «москвой» длилось два дня. Временные паузы между событиями также значимы. Это вынужденные перерывы между сражениями: часы, дни, недели. В ожидании противника войско на рассвете стояло часа два, через два часа все должны быть готовы к бою. Только на четвертый день пришла «литва», выехали в путь только на третий день. Три недели польское войско находилось под Козерадами. Упоминает Пасек и более мелкие временные отрезки, например: с четверть часа стояли друг напротив друга войска. Значимы способы измерения времени, о которых упоминает Пасек. В мирное время день делится в зависимости от приемов пищи. Король, например, хочет вернуться из поездки к ужину. Встречается такое выражение, как «w jeden pacierz» (за одну молитву). Это один из известных в народной культуре способов измерения времени длительностью произнесения молитвы.

Однажды о времени сказано как о помехе: зима началась, и войску пришлось пройти мимо крепости, которую оно могло бы взять. Так время года воспрепятствовало победе. Отрицательно оценивает Пасек решение императора выступать зимой против турок: «Нужно было все эти дела летом начать, а не зимой, и знать, что наши намерения не совпадают с волей Божией» (Pasek 2009: 552). Если зима отодвигает военные планы, то ночь прерывает сражения, так как в ту эпоху воевали только при дневном свете: «и другие бы погибли, если бы ночь не пришла и помешала» (Pasek 2009: 231), «Долгорукого и других людей, что с ним ушли, ночь спасла (urodziła); если бы дня хватило, все бы они полегли» (Pasek 2009: 213). Смена

дня и ночи особенно значима в военное время. Ночь давала войскам передышку; не раз Пасек пишет, как, держа коней за поводья, чутко спят солдаты. Он отмечает внутренние границы суток: с началом нового дня пора браться за сабли, когда часы бьют четыре после полуночи, трубят побудку. Польские посланцы приходят во вражеский лагерь со словами, что вечер близится и пора воевать, а не праздно время проводить. Князь Долгорукий им отвечает, что его воинам целого дня не потребуется, они и за час победят поляков. Таким образом, время зачастую подлежит оценке, что не делает его сюжетообразующим элементом повествования.

Пасек не стремится к противопоставлению настоящего и прошедшего времени, хотя в некоторых случаях сравнивает их. В старое время люди не так воевали, как теперь. О будущем он пишет редко, в основном, когда рассуждает о судьбах родины и всего христианского мира. Он не раз противопоставляет временные отрезки: тогда – теперь. Повествование ведется в основном в настоящем времени, которое бывает и настоящим историческим, ср.: «Тех добиваем, другой такой же большой отряд наступает, этих бьют, а у других – уже руки устают» (Pasek 2009: 209).

В «Записках» очерчено то географическое пространство, в котором разворачиваются события. Пасек четко называет населенные пункты, которые минует на своем пути: «Двинулся я тогда, перейдя через Нарев, на Бельско, Семятиче, в Дрогичине [прошел] через Буг в Лив, аж в Варшаву» (Pasek 2009: 355), «Пошел я тогда к Лепелю, где лагерем стоял воевода, и этим путем на Докошицу, Дольче и дальше» (Pasek 2009: 324). Перечисляя города и реки, Пасек прочерчивает маршруты войска: сначала все идут по направлению к Мстибову, затем к Полонке, от Ляховиц движутся к Борисову. В основном города – это те точки, между которыми он движется вместе с войском, реже отправляется один с важными поручениями или едет по своим частным делам. Называет Пасек города, где войско стоит на постое. Гродно, Ошмяны, Смоловичи, Лида, Варшава упомянуты в записях за 1662 год.

Страны, через которые проходило польское войско, и где побывал сам Пасек, – это Дания, Швеция, Германия, Россия. Так путь становится еще одной линией, прочерченной в его сочинении наряду с линией времени.

Значимость пути усиливается постоянными упоминаниями движения. Многие эпизоды начинаются сходно: «Пошли мы к провинции датской...» (Pasek 2009: 128), «Шли мы обратно к Польше...» (Pasek 2009: 166), «Вышли мы тогда за границу...» (Pasek 2009: 168). Пасек всегда делает один и тот же зачин, повествуя о военных походах. Передвижение войска зачастую становится осью повествования, разорванной во времени. Прослеживает он и частные перемещения, например: как только получили приказ, отправились в путь и встали под Козерадами. Почти всегда учитывает возвратное движение, как в этом случае: поехали по деревням, а потом вернулись в город. Так на «Записки» набрасывается географическая карта военного времени. Не раз описываются трудности пути – то дорога скользкая, кочковатая (grudna), то заснеженная. То он с отрядом пересекает огромные расстояния по болоту, а кони увязают под самое седло, а то идут, как по перине: это хвощ, загибаясь, выстилает топкое болото. Пробираясь по лесу, ополченцы идут непроторенной дорогой, их хлещут ветки, кони спотыкаются о пеньки. Несясь во весь опор, Пасек замедляет ход коня через полмили, так как повалил снег. Здесь препятствия на пути создают резкие перемены погоды. Изменения ландшафта также нарушают движение: не раз Пасек останавливается на трудностях переправ через реки.

Итак, пространственно-временная рамка усиливает связанность текста, создаваемую также клишированными связками, повторами, отсылками к памяти. В наибольшей степени «Записки» связывает воедино автор.

НАБЛЮДАТЕЛЬ. Благодаря стремлению Пасека наблюдать мир, различать в нем значимые детали, умению видеть смешное в серьезном и не придавать значения точности, его индивидуальное авторское видение перерастает в ху-

дожественное. Пасек был автором чрезвычайно наблюдательным и постоянно менял ракурсы видения. Увидеть мир во всей красе было его целью, которая формулировалась так: «у меня всегда была охота посмотреть мир» («ale przecię mając zawsze apetyt do widzenia świata» – Pasek 2009: 130). Находясь вдали от родины, он не терял времени даром, «все время старался увидеть то, чего в Польше увидеть не сможет» (Pasek 2009: 141), и настолько увлекался новыми для него картинами чужой жизни, что порой одергивал себя, заставляя вспомнить о главных задачах своего сочинения: «Ну, теперь перестану описывать тамошние провинции и их природу, так как я здесь не историю, а течение (cursus) своей жизни решил описать» (Pasek 2009: 148). Но все равно не унимался. «На многие чудесные вещи можно наглядеться на дне морском» (Pasek 2009: 136), – уверял он, рассказывая о морских прогулках, где впервые увидел диковинных морских зверей. Пасек был готов обозревать не только новые для него страны и земли. Он с удовольствием рассматривал все, что встречалось ему на жизненном пути, и обычно настаивал на роли свидетеля. «Я там был», – так начинаются многие эпизоды «Записок» или просто сообщения. О том, чего не видел, Пасек старался не писать. Раз он не был в Гданьске, когда пришла весть о победе под Веной, то он и не будет писать о том, как вели себя «лютеры»: «... так как я уже был дома, когда случилась виктория» (Pasek 2009: 577). Зато он был там, где собрали пленных, и он их увидел, побывал он вместе со всей «депутацией» у выздоравливающего воеводы Ст. Чарнецкого. О своем стремлении нечто увидеть, осмотреть, хорошенько разглядеть Пасек сообщает не раз. Ему было просто необходимо посетить собор, где будто бы Мартин Лютер отпал от католической веры: «Я был очень заинтересован в том, чтобы осмотреть все места, и собор, и кельи, чтобы увидеть красоту, украшенность их; был я даже в келье, где он жил, так как мы сказали, что мы “лютеры”, они, доверяя нам, всюду нас водили и показывали эту древность, и рассказывали, как все было, мы же вздыхали» (Pasek 2009: 167). Очень он хо-

тел посмотреть, как со дна моря будут поднимать вражеские пушки. Ведь из болота трудно бывает орудия вытащить, а тут море! «Я очень хотел все видеть и быть при этом; но они ждали, чтобы вода потеплела, а меня в это время отозвали оттуда, так как войско направлялось в лагерь» (Pasek 2009: 146). Накапливая новую информацию, Пасек прибегал к сравнениям. Так, красивый город Аархус зажат морскими водами, как Венеция, которую он никогда не видел.

Отнюдь не все, что Пасек видел и чем восхищался, становилось объектом его повествования. Крепость в Ляховицах, по его мнению, очень складная и просто замечательная, притом настолько, что следовало бы о ней написать отдельно. Но не в чужой земле она находится, и многие ее видели и хорошо знают. Следовательно, подробно рассказывать об этом архитектурном сооружении нет необходимости. Хотя оно, действительно, чудесно – другого такого нет в Польше, – повторяет Пасек. Он как бы предвосхищает концепцию автора известной энциклопедии XVIII в. Б. Хмелевского «Новые Афины», полагавшего избыточным описание того, что окружает человека в повседневной жизни, ср.: «Koń jaki jest, każdy widzi» («Каков конь, всякий видит»). Коней, правда, Пасек всегда различал по масти и вообще посвятил им многие страницы своего сочинения. В ту эпоху избыточно точное повествование об общеизвестном никого бы не привлекло: «Ровесники Пасека сочли бы его нелюбопытным, так как речь в нем идет о вещах, всем хорошо знакомым» (Tazbir 2009: 6)[8]. Эпоха, привыкшая удивлять, не позволяла расписывать красоты «застывшей музыки», которые мог видеть каждый.

Многое из того, что он наблюдал, Пасек эстетизировал, приравнивая к зрелищу (spectaculum), и обязательно отыскивал для него зрителей. Битва за шведскую крепость – это представление, за которым следят короли шведский и датс-

[8] Е. Китович в «Описании обычаев...» также избегал некоторых тем, но по другим причинам. Подробно писать о католической вере – полагал он – не следует, так как она есть «единственная наука и всегда неизменная во всей Церкви и во все времена была и будет в истинной Церкви Христовой, римской католической, поэтому и не буду об этой науке писать» (Kitowicz 1985).

кий, войска императорское и брандербургское (чего не могло быть на самом деле). Видимо, они думали, что это поляки во славу Господню триумф устроили, но стреляли тогда по-настоящему. Трагическим зрелищем представляется Пасеку морское сражение, «когда не знаешь, от кого обороняться, от огня или неприятеля» (Pasek 2009: 144): люди бросаются за борт, спасаются на досках и бревнах; им с берега помогают смельчаки, которые отправляются на лодках в открытое море и бросают утопающим веревки. Прекрасным зрелищем для христиан было сражение с турками, «у них руки уставали по воле Божией уничтожать своих главных врагов, а глаза радовались, видя, как они погибают под победной дланью Господа, когда один другого хватает, другой кого-то топит» (Pasek 2009: 549).

Трагическим зрелищем заканчивается одна сессия сейма 1669 г. Для польского кучера танцы домашних духов – также зрелище (spectaculum), но он совершенно не желает им любоваться. Визуальность пронизывает текст Пасека, он всегда в повествование включает наблюдателя, которым чаще всего выступает сам. Зрелище – одно из ключевых слов его сочинения. Заметим, что и Б. Хмелевский время от времени восклицал: «O! quam pulchrum spectaculum!»[9].

Дальние планы у Пасека редки, в отличие от ближних. Он предпочитает все рассматривать прямо перед собой, как, например, в этом случае. Сражение с русскими еще не началось, но уже можно увидеть, как перемещаются их войска. Вот они подошли совсем близко, а «мы их так ударили, что сразу смешались все отряды» (Pasek 2009: 226). При такой сутолоке на поле боя «голова нужна на шарнирах, назад оглядываться приходится и перед собой смотреть» (Pasek 2009: 208). В другой раз ему прежде всего бросается в глаза широкий пруд, заросший камышами, в котором литвины пытаются спастись от русских. Вблизи Пасек присматривается к деталям: величественный русский с желтой бородой мчится на коне; Ст. Чарнецкий ведет войско в бой с засученными

[9] «О! Какое прекрасное зрелище!» (лат.). – *Прим. ред.*

по локоть рукавами, также закатывают рукава начальники отрядов; гетман надвигает на уши шапку, чтобы не слышать, как его прославляют в связи с победой под Ляховицами. Автор замечает заросли крапивы и хвоща во дворе заброшенного дома, босую ногу убитого на рыцарском круге шляхтича. Упоминает он о веревке на шее визиря, который носится среди турецких войск. Эта веревка – знак-предупреждение о казни, которая случится, если визирь не выиграет битву под Веной. Пасек о нем лишь слышал, но был так поражен, что вставил в текст.

ДОСТОВЕРНОСТЬ. Как представляется, достоверность особенно не занимала Пасека. Он не стремился к точности и не верифицировал в терминах истина/ложь ни кратких сообщений, ни рассказов, например, с мифологическим «уклоном», как рассказ о свадьбе гномов. Пасек не настаивал на том, что все, о чем он пишет, является истиной. В этом видится проявление художественного начала, определяющего природу «Записок». Недостоверность описаний обращает на себя внимание исследователей: «По отношению к его тексту следует соблюдать дистанцию, что позволит воспринимать повествование автора с известной долей критицизма» (Głażewski 2010: 58). С нашей точки зрения, повествование Пасека и не может претендовать на абсолютную точность. Реальные даты событий не всегда можно узнать из его «Записок». Не раз издатели делают такие примечания: «Пасек ошибается, так как описываемые им события произошли 17 июня» (Pasek 2009: прим. 40, 470). Под 1666 годом он пишет про зимний сейм, хотя состоялся он в 1667 г. Королева умерла в этом же году, а не в 1666 г., как он написал (Pasek 2009: прим. 16, 415). Иногда, по незнанию, Пасек приводит ложные сведения. Например, говорит, что русский гетман Щерба (Осип Иванович Щербатов) погиб, на самом деле он оказался в плену. Подобные неточности подтверждают, что Пасек писал по памяти и потому делал ошибки.

Но преувеличивает он, видимо, сознательно. Численность войск врагов у него почти всегда становится огром-

ной: «москва» будто выставила сорок тысяч солдат, хотя в распоряжении князя И.А. Хованского находилось только двадцать четыре тысячи (Pasek 2009: прим. 298, 202). Подобные преувеличения позволяют представить локальные сражения как великие победы. Он делает их не только относительно врагов Польши. Не пять тысяч датчан воюют у Пасека, а одиннадцать; не восемь шведских кораблей вышли в море, а пятнадцать. Видимо, не случайно он замалчивает потери датчан, которым польское войско пришло на помощь, и переводит рассказ в иной план. Рассказывает, как они ремонтируют корабли, спасают раненых после морской битвы, хоронят погибших. Пространно пишет, как горели паруса и падали мачты на шведских кораблях, некоторые из них стремительно шли ко дну. Пасек считает необходимым сказать, что не Монтекукколи, итальянец по происхождению, бывший на императорской службе, а польские стратеги решили исход сражения. В гораздо большей степени, чем точность, его занимало сохранение увиденного и пережитого в слове.

МОДАЛЬНОСТЬ. В отношении к модальности изложения Пасек был достаточно последователен: его личная позиция внутри текста не менялась, как и ценностные ориентации. Не становились иными и его взаимоотношения с читателем (Валгина 2003а), и тон повествования оставался прежним. Крайне редко огорчаясь и явно избегая писать о поражениях и неудачах, он с великой радостью повествовал о трудных победах, называя их веселыми. При этом в «Записках» редко проступают патетические интонации. Рассказать простыми словами о том, как поляки готовились к захвату шведской крепости, собирая топоры в соседних деревнях, Пасеку важнее, чем найти высокопарные выражения для прославления победы. Он скорее расскажет, как солдаты торгуются с пленными, всегда готовыми дать выкуп, чем будет писать панегирики победителям (хотя и это делает). Не вставая в геройскую позицию, он сознается, что боится морского путешествия, но тяга ко всему новому прогоняет его страх.

Он всегда умел разглядеть и вытащить на поверхность смешное или передать серьезные события в ироническом плане. Метафорический рассказ о походе Дьердя Ракоци на Польшу выполнен в гастрономическом коде. Венгерская война оказывается походом за польским чесноком. Сравнив Ракоци с Ксерксом, которому захотелось отведать аттических фиг, за что он и поплатился, Пасек уверяет, что маршалек Ежи Любомирский просил Ракоци не есть весь польский чеснок. Но тот так наелся, что погубил все войско и сам попал в плен. Бесчисленные взрывы поднимают шведов так высоко, что их невидно под облаками, и они падают в море, как лягушки. Так им и не удалось подняться в небо, чтобы от поляков скрыться. Попали они в ловушку, которую сами и подстроили. Рассказав, как литовское войско мастерило самодельные копья и раскрашивало их, чтобы были как настоящие, Пасек замечает, что получалось и красиво, и хорошо, иначе и быть не могло. Датчане повывели у себя всех волков, а тем, которые остались, уже деваться было некуда. Разве только могли они нанять корабль у президента Гданьска, чтобы переправиться морем; естественно, хорошо заплатив. Вот что говорит Чарнецкий одному товарищу (офицеру) маленького роста, переправившемуся через реку Друч в октябре 1660 г.: «Счастье ваше, пан брат! Здесь такие большие рыбы водятся, проглотила бы вас щука вместе с панцирем» (Pasek 2009: 241).

Так выглядят переводы в смеховой план серьезных событий, случавшихся с Пасеком или со всей страной. В них сквозит нрав автора, который, по его словам, никогда не унывал и был готов к новым невзгодам. Его спасало ироническое отношение к миру. Оно во многом определило его манеру повествования, основанную на противоречии: «Языковой механизм иронии состоит <...> в нарушении линейности текста, в одновременном наличии двух смыслов (поверхностного и глубинного), противоречащих друг другу» (Стародворская 2005).

ЛИТЕРАТУРА

Бахтин 1975 – *Бахтин М.М.* Эпос и роман (О методологии исследования романа) // *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.

Бахтин 1979 – *Бахтин М.М.* Автор и герой в эстетической деятельности // *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979.

Брагина 2009 – *Брагина Н.Г.* Время сквозь призму памяти (анализ языковых употреблений) // Знаки времени в славянской культуре: от барокко до авангарда. М., 2009.

Валгина 2003а – *Валгина Н.С.* Авторская модальность. Образ автора // *Валгина Н.С.* Теория текста. М., 2003. Режим доступа: http://evartist.narod.ru/text14/15.htm (28.09.2013).

Валгина 2003б – *Валгина Н.С.* Информационно-структурные и тональные (стилистические) характеристики текста // *Валгина Н.С.* Теория текста. М., 2003. Режим доступа: http://evartist.narod.ru/text14/31.htm (28.09.2013).

Виноградов 1971 – *Виноградов В.В.* О теории художественной речи. М., 1971.

Давыдов 1990 – *Давыдов Ю.Н.* Этическое измерение памяти // Этическая мысль / Под. ред. А.А. Гусейнова. М., 1990. Режим доступа: http://www.vuzlib.net/beta3/html/1/25043/25072 (28.09.2013).

Зализняк 2010 – *Зализняк А.* Дневник: к определению жанра // Новое литературное обозрение. 2010. №106.

Киреева 2006 – *Киреева Н.В.* Специфика репрезентации концепта «книга» в речевом жанре «дневник» // Электронный журнал «Вестник Омского государственного педагогического университета». Вып. 2006. Режим доступа: http://www.omsk.edu/article/vestnik-omgpu-12.pdf (28.09.2013).

Лескинен 2008 – *Лескинен М.В.* Событийность и повседневность в сарматских эго-документах // Категории жизни и смерти в славянской культуре. М., 2008.

Лескинен 2009 – *Лескинен М.В.* История и память: новое прошлое и «забытое старое»: историографические аспекты // Знаки времени в славянской культуре: от барокко до авангарда. М., 2009.

Луцевич 2007 – *Луцевич Л.* В поисках аутентичности: Международная научная конференция «Дневники, письма, записные книжки русских писателей» // Новое литературное обозрение.

2007. №87. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/nlo/2007/87/ll52.html (26.09.2013).

Михеев 2007 – *Михеев М.* Дневник как эго-текст (Россия, XIX–XX). М., 2007.

Орлова 2004 – *Орлова Н.А.* Речевой жанр «мемуары» и его реализация в текстах носителей разных типов речевой культуры. Автореф. дисс. на соискание степени канд. фил. наук. Омск, 2004.

Польская поэзия 1977 – Польская поэзия XVII века. Л., 1977.

Репина 2001 – *Репина Л.П.* Персональные тексты и «новая биографическая история: от индивидуального опыта к социальной памяти // Сотворение Истории: Человек – Память – Текст. М., 2001. Режим доступа: http://www.ist-bessmertie.narod.ru/statrepina.htm (28.09.2013).

Софронова 2010 – *Софронова Л.А.* Мифопоэтика раннего Гоголя. СПб., 2010.

Стародворская 2005 – *Стародворская Е.В.* Иронические высказывания как источник информации о семантической структуре слова // Словарь, грамматика, текст в свете антропоцентрической лингвистики: Сб. статей. Вып. 3 / Под ред. О.Л. Михалёвой. Иркутск, 2005. Режим доступа: http://rus-lang.isu.ru/about/group/starodvorskaya/state1/ (28.09.2013).

Тананаева 1979 – *Тананаева Л.И.* Сарматский портрет. Из истории сарматского портрета эпохи барокко М., 1979.

Хорев 2011 – *Хорев В.А.* Автопортрет Ежи Анджеевского в дневнике «Изо дня в день. Литературный дневник. 1972–1979» // Текст славянской культуры. М., 2011.

Chmielowski 1753–1756 – *Chmielowski B.* Nowe Ateny albo Akademiia wszelkiej sciencyj pełna na różne tytuły jak na classes podzielona, mądrym dla memoryjału, idiotom dla nauki, politykom dla praktyki, melankolikom dla rozrywki erzgowana. alias o bogu, bożków mnóstwie, słów pięknych wyborze, kwestyj cudnych wiele, o sybillów zbiorze, o zwierzu, rybach, ptakach, o matematyce, o cudach świata, ludzi rządach, polityce, o językach i drzewach, o żywiołach, wierze, hieroglifikach, gadkach, narodów manierze, co kraj który ma w sobie dziwnych ciekawości, cały świat opisany z gruntu w słów krótkości. T. 1–4. Lwów, 1753–1756. Режим доступа: http://literat.ug.edu.pl/ateny/index.htm (30.09.2013).

Czapliński 2009 – *Czapliński Wł.* Wstęp // *Pasek J.Ch.* Pamiętniki. Warszawa, 2009.

Głażewski 2010 – *Głażewski J.* Historia i narracja. O epizodzie siedleckim w «Pamiętnikach» Jana Chryzostoma Paseka // Terminus. R. XII (2010). № 2 (22).

Gloger 1903 – *Gloger Z.* Silva rerum // *Gloger Z.* Encyklopedia Staropolska. T. I–IV. Warszawa. 1900–1903. T. IV. Warszawa, 1903.

Kitowicz 1985 – *Kitowicz J.* Opis obyczajów za panowania Augusta III. Warszawa, 1985. Режим доступа: http://literat.ug.edu.pl/kitowic/ (29.09.2013).

Mickiewicz 1997 – *Mickiewicz A.* Lekcja druga // *Mickiewicz A.* Prelekcje Paryskie / Wybór i oprac. M. Piwińska. Kraków, 1997.

Pasek 2009 – *Pasek J.Ch.* Pamiętniki. Warszawa, 2009.

Tazbir 2009 – *Tazbir J.* Pasek jako kronikarz XVII wieku // *Pasek J.Ch.* Pamiętniki. Warszawa, 2009.

Глава 2

СЛОВО И РАССКАЗ

Напомним знаменательные слова Бахтина о двух событиях, разворачивающихся в тексте: «Перед нами два события, событие, о котором рассказано в произведении, и событие самого рассказывания (в этом последнем мы и сами участвуем как слушатели-читатели); события эти происходят в разные времена (различные и по длительности) и на разных местах, и в то же время они неразрывно объединены в едином, но сложном событии, которое мы можем обозначить как произведение в его событийной полноте» (Бахтин 1975, 403–404). Те же самые события В.И. Тюпа описывает в иных выражениях: «Нарратив представляет собой обширный и разнородный по составу класс двоякособытийных дискурсивных практик, связывающих в нераздельное единство высказывания два качественно разнородных события – референтное и коммуникативное» (Тюпа 2011). О «событии рассказывания» и «событии, о котором рассказано» и об их «нераздельном единстве» в повествовании Пасека, пойдет речь в этой главе.

Для понимания, как выглядят еще не «препарированный» текст «Записок», представим краткое изложение отдельных погодных записей Пасека. Бывают они чрезвычайно краткими, как запись под 1657 годом – ироничное описание похода «безумного» Ракоци, сделанное без всяких отступлений и вставок. Запись 1663 года – печальные размышления о том, как рассеялось войско, и король не сумел одержать победы над врагом, потому что Бог был «не на нашей стороне». В записи 1668 года события исторического характера не доминируют, и такое соотношение исторического и частного в одной и той же записи – важное свойство «Записок». В тот год Пасек занимался хозяйственными делами и устраивал свадьбу падчерицы. При этом он побывал на сейме и кратко

сообщил в записи об отречении короля и о речах, к нему обращенных. Запись под 1686 годом начинается речью Пасека, которую он произнес на пострижении в монахини дочери своего друга. Затем идет тема погоды: сказано, что зимой не было морозов, в феврале пахали, и урожай в этом году был хороший. Вслед за этим помещено сообщение о новом владении Пасека, информация личного характера соседствует в нем с кратким замечанием о походе польского войска в Валахию, где произошло сражение с татарами. Не забыты и союзники в этом походе, которые, по словам Пасека, сражались хорошо и добычу взяли хорошую. Это пример довольно подробной погодной записи.

Некоторые заметки отличаются особой пространностью. В записи под 1660 годом сначала идет речь о передвижении войска, от которого автор отвлекается, чтобы рассказать, какое впечатление произвели в Варшаве усовершенствования в польской моде. Затем следует рассказ о том, как он преподносил подарки своей избраннице. Вновь говорится о передвижении войск и упоминается тяжелое финансовое положение, в котором оказался автор. Рассказывая о постое, Пасек уделяет особое внимание закрочимскому кастеляну и приему, который оказала военным местная шляхта. Далее идет вставка о неудачном сватовстве племянника гетмана Стефана Чарнецкого и рассказ о том, как Пасека принимала кастелянша. Ее сменяет рассказ о двух старых солдатах, умерших в один день. Речь Пасека на похоронах приводится целиком. Затем он переключается на овсянку, свившую гнездо в его шалаше, и переходит к дуэлям. После в записи появляется один из многочисленных Вольских, которого с позором изгоняют из части. И вновь говорится о передвижениях войск и сражениях с русскими. Здесь же вставка о конях, с которыми у него приключались разные несчастья; экскурсы, посвященные литовскому войску, разорению Литвы, прославлению гетмана Чарнецкого. Подробно говорится о его победе, которой посвящается пространное стихотворение. Запись завершается описанием пира на

поле боя и воспоминаниями о трудной солдатской жизни на постоях. Так Пасек ведет повествование, из которого понятно, как в разное время складывались дела государственные и дела его собственные. В повествовании Пасека авторское слово и рассказ, обращенный будущему читателю (который строился по правилам поэтики и риторики своего времени в его личной интерпретации), являются предметами особого исследовательского интереса.

СЕМАНТИКА СЛОВА. В основе сочинения Пасека лежит устный рассказ (gawęda, dykteryjka). Здесь авторское слово тяготеет к устности: значительная часть «речевых действий» героев повествования основана на слове устного языка того времени. «К уровню событий относятся, разумеется, и речи персонажей, которые могут быть расширены до целых вставных рассказов. <...> Свободных от речевых единиц событий не бывает, потому что в них входят и речевые действия персонажей» (Шмид 2003: 179). В «Записках» «речевых действий» множество.

Слово Пасека не всегда можно назвать художественным, он бывает небрежен, в его тексте много повторов. Это необработанное слово мемуаров. Оно информативное, но еще не эстетическое. Последнее лишь зарождается в рассказах, основанных на микросюжетах. Но его слово – главное наследие польской культуры XVII в. Без ссылок на сочинение Пасека, кажется, не обходится ни один словарь польского языка.

Как уже говорилось выше, коммуникативная схема «Записок» построена в соответствии с замыслом автора. Пасек обращался к широкому кругу читателей, хотя обычно автор субъективной литературы особенно не ищет с ними отношений. Он пишет для себя, для своей семьи, для своего рода. Когда он выступает в этом качестве, то бывает назидательным, обращается к читателям с краткими поучениями, в которых можно расслышать интонации М. Рея. Читатели Пасека – это молодые люди, будущие воины, единственная их общая примета – юный возраст. Это лишь попытка сконст-

руировать своего читателя, которую немного позднее предпринял с присущим ему юмором Б. Хмелевский.

Отношения Пасека с читателем более сложны. Он выстраивает их непосредственно через текст, а не через вводные экскурсы. Оставаясь внутри текста, Пасек предлагает читателю разделить с ним его эмоциональные переживания, по-новому взглянуть на мир и присоединиться к нему в радостном его познании. Тем, что ему удалось рассмотреть, Пасек делится с читателем, передав ему свое удивление и радость от увиденного. Но без поучения, в чем и состоит новизна его общения с ним.

Вокруг слова «Записок» выстраиваются дополнительные смыслы, соответствующие условиям его языкового и культурного контекста. Они делают слово наглядным, зримым и тем самым создают в повествовании законченные «картинки» речевого общения. Устное слово образует контраст с письменным повествованием. Однако в изложении Пасека граница между устным и письменным словом постоянно нарушается, а сами «Записки» приобретают еще одну важную черту художественности – зримость.

Вокруг слова, как устного, так и ораторского, могли бы выстраиваться реальные ситуации, однако в «Записках» этого не происходит. Ситуации только домысливаются, но автор не вводит их в текст. Слово на них лишь намекает. Самих субъектов речевых действий Пасек чаще всего в пространственно-временной контекст не помещает. Автор сосредоточен не столько на их содержании, сколько на способах говорения. Солдаты, которыми он командует, во время боя взывают о помощи к Деве Марии и Господу, солдаты других отрядов выкрикивают непонятное «Hu, hu, hu!». «Я надеялся, что мне Иисус скорее поможет, чем какой-то там Бог Ху» (Pasek 2009: 117), – заключает Пасек. Именно слово, а не его близкий контекст визуализируется за счет лингвистических и внелингвистических факторов.

Устное слово вписано в рассказы и чаще всего передается как прямая речь героев повествования. Как считает Я. Таз-

бир, Пасек бесчисленное число раз их «исполнял» перед слушателями прежде чем переложить их в письменный текст. Рассказывая, он говорил за своих героев на разные голоса, сочинял для них монологи и диалоги. Иногда Пасек сам выступал участником бесед и разговоров, иногда подслушивал их. Он много раз воспроизводит в записи свои и чужие слова, утверждая, что слышал их, а, может, и подслушал, когда присутствовал при беседах важных персон или своих друзей. Пасек утверждает, например, что стоял рядом, когда король произнес пророческие слова о конях, которых поляки добудут в будущей битве под Веной. Он также был рядом, когда подкоморий П. Ожга выступал на сейме по поводу отречения короля Яна Казимира. Следовательно, автор хотел писать не только о том, что видел, но и о том, что слышал. Очевидно, что такая удача представлялась ему не часто.

Поэтому порой Пасек приводит в «Записках» слухи, ходившие в обществе. Заметим, что в его времена слухи представляли собой один из немногих каналов коммуникации, социальный механизм передачи информации, явно соотносимой с реальностью (Дубин 2001). Он пишет о слухах про военные хитрости шведов, о том, что татары уже подобрались к Белжицам, что Тёкёли «напустил туману» среди лютеран, уверяя, что турки выступили с войной только против католиков. В связи с этим Пасек вспоминает о слухах, которые распространяли протестанты в Гданьске, осторожно ссылается на слухи об отравлении короля Михала Корыбута Вишневецкого. Он замечает, что в народе шептались о смерти Боженцкого и даже считали ее необходимой: она была нужна, «чтобы загасить свечу, которая всей конфедерации светила» (Pasek 2009: 381). Он пересказывает также непроверенные слухи о секте К. Лышчиньского. О своей частной жизни в связи со слухами Пасек говорит лишь однажды: пошли слухи о том, что злые люди наслали на его жену бездетность («taka była fama»[10]) (Pasek 2009: 455). В основном слухи, которые упоминаются в «Записках», касаются конк-

[10] «Такой был (пол.) слух (лат.)». – *Прим. ред.*

ретных общественных ситуаций и персонажей. Как кажется, Пасек не придавал им особого значения и охотно приводил примеры отрицательного отношения к тем, кто слухи распространяет. О своем отношении к ним он говорит такими словами: «Бить нужно того поганца, который на рыцарский круг такие сплетни приносит!» (Pasek 2009: 375).

Устное слово у Пасека бывало и вымышленным, что свидетельствует о трансформации субъективного текста в художественную литературу. Вымысел ослаблялся включением фигуры медиатора, что бывало не всегда. Диалог русских военачальников, Ю.А. Долгорукого и Я.К. Черкасского, приводится со слов одного пленника. Беседу своего соперника с фактором (приказчиком), которую он не мог слышать, он представляет чрезвычайно убедительно. Не присутствуя при беседе курфюрста бранденбургского с каневским старостой, Пасек тем не менее ее охотно пересказывает. Воображаемые диалоги Мазепы с посланцем от пани Фальбовской и с самим Фальбовским он расписывает на голоса, т. е. наделяет их словом. Так «Записки» становятся развернутым примером речевой коммуникации.

Не желая подробно писать про мародерство крестьян, ибо он сам этого не видел, Пасек предоставляет им право голоса. Они разрешают шведам вернуться домой, предварительно распоров им животы в поисках золотых монет. Реконструирует он диалог своего племянника с одним немцем на поле боя. Отчаянно ругаясь, называя немца шельмой и колбасником, поляк обвиняет его в убийстве чужого пленника. Немец смеется и отвечает, что теперь пленного не придется кормить, значит, и в расходы входить не надо.

Вот что, по версии Пасека, ответили шведы трубачу, который явился к ним с «паролем»: «Делайте с нами то, что вам подскажет ваша кавалерская честь; мы вас в Польше не боялись, а здесь тем более» (Pasek 2009: 116). Вот ответ гетмана Чарнецкого на претензии генерала союзнической армии Монтекукколи: «Не нужно ругаться и гневаться, спор между нами разрешит железо. Ты солдат, и я солдат; ты генерал, и я

генерал: все покажет завтрашний день» (Pasek 2009: 149). Пасек убедительно сочинил диалог турецкого паши с визирем, которому паша велел нацепить на шею веревку, чтобы тот помнил, что с ним произойдет, если проиграет сражение. Он также представил себе размышления турок о том, что их враги, поляки и немцы, не представляют для них никакой опасности. Вот какими возвышенными мыслями наделяет Пасек польских солдат, отправляющихся в чужие земли: «Милая отчизна! Увижу ли тебя вновь» (Pasek 2009: 106). Их бурные перепалки на поле боя выглядят более правдоподобно: «“Ты из какого войска?” – “А ты из какого?” – “Пошел к черту!” – “А ты к двум”» (Pasek 2009: 418). Правдоподобны также и угрозы оскорбленных литвинов: «Кто он такой? А подайте его нам, мы сейчас из него бигос приготовим (т. е. изрубим на мелкие части. – *Л.С.*)» (Pasek 2009: 373). Так реализуется переносное значение еды, связанное с угрозой, которую в данном случае выражает приготовление пищи (Фатеева 2011: 22–23). Более любезен друг Пасека Рыльский: «Вы здесь, пан-брат, все печетесь по поводу того, что вашего брата обухом ударили, да вас самого нужно палкой поколотить, ибо вы варвар (barbarus)» (Pasek 2009: 248).

Автор воспроизводит и собственные речи, например, обмен комплиментами со своей будущей женой, обязательный по ритуалу того времени. Вряд ли он их записал, скорее всего, реконструировал, вспоминая этикет, которому следовали влюбленные. Их диалог выстроен на теме власти любви над человеком, метафорически переданной в образах слуги и госпожи. Пасек-слуга в своих речах абсолютно конкретен: он готов стать скотником и работать с превеликой охотой в таком прекрасном месте только за харчи до самого Рождества, так как пора ему сменить кровавые забавы воина на хозяйственные заботы. Для этого нужно научиться «экономике» у такой прекрасной хозяйки. Она не отстает от своего собеседника в красноречии, сообщая, что в их краях на работу принимают лишь на Рождество, что те, кто нанимаются после Ивана Купалы, не могут рассчитывать на полный заработок. Получат

они лишь то, что подскажут ему приличия. Так речевой этикет определяет позиции участников диалога. Совершенно другие нормы соблюдаются в эпизоде допроса, который учинили Пасеку после трагического завершения театрального представления в Варшаве. Споры польских солдат с датчанами не выходят за рамки приличий. Поляки возмущаются тем, что местные жители спят голыми. Те же им отвечают, что нет в этом никакого срама и нечего стыдиться тела, которое им дал Господь. Так телесный код языкового выражения переводится на более высокий уровень религиозной идеи.

Слово у Пасека звучит то тихо, то громко, оно то переходит в крик, то в шепот. В «Записках» множество эпизодов, построенных на звуковых противопоставлениях. Иногда он отмечает шепот и неразборчивую речь: «Jak się ów murmur uspokoił» («как этот шепот успокоился» (Pasek 2009: 254), «murmurabant» («ворчали») (Pasek 2009: 533). «... Но, как я закончил, начался шум» (Pasek 2009: 253) – так начинается небольшой «звуковой» эпизод. Подобными ему эпизодами Пасек вносит разнообразие в свое повествование. По грохоту и шуму сражения Чарнецкий заключает: «Уже ясно, не наши их бьют, а они наших бьют» (Pasek 2009: 240). Шумят и орут пьяницы, не замолкающие, пока на них не прикрикнут. В сварах, устраиваемых на сеймах, можно расслышать крики депутатов: «Ах ты, поганый сын! Не удержит? А мы удержим: не отступим, хоть один на другого попáдает» (Pasek 2009: 497). На элекционном сейме как грохнут «Vivat Piast!» (Pasek 2009: 476). Другие молчат. На войсковом круге вопит, верещит, кричит пьяный Ян Фирлей Броневский, мешая всем выступающим. На него орут: «Стой спокойно или уходи!» (Pasek 2009: 498). На Пасека кричат ополченцы, не желающие идти в разведку и испугавшиеся пожара. Спорят, идти ли им дальше. Другие спорщики затрагивают более важную тему выбора короля: «Я того – я тоже того желаю. – Мне этот нравится. – Мне тоже этот» (Pasek 2009: 475)

Автор воспроизводит особенности произношения, интонацию, акцент. Передает на письме русское фрикатив-

ное *г*: «Mitiuszka, dawajże, su, winka hosudarskiego!». Правильно выстраивает мелодику русской интонации: «Oj, milenkij, su, pristaw, umieje korolewskie i carskie zderżaty wieliczestwo». Датский акцент и грамматические ошибки различимы в следующем высказывании: «Mospan Polak, daj troszki kleb, będziem tobie koszul uszyć».

Логическую схему диалогов Пасек намечает с помощью вводных слов. Эти слова выполняют функцию театральных ремарок: «...уже король говорит», «Говорит ему король», «Говорит воевода» (Pasek 2009: 602); «Говорит тогда король», «Я отвечал», «Снова говорит король» (Pasek 2009: 600). «Я сказал», «Спрашиваю», «Сказал», «Отвечаю», «Говорят мне», «Я говорю» – такими ремарками пересыпает Пасек рассказ о своем выздоровлении (Pasek 2009: 584). Эпизод сватовства также испещрен ремарками: «Отвечает она тогда так <...>. Я снова говорю <...>. Отвечает она <...>. На что я снова так говорю» (Pasek 2009: 456–457). В чем-то они создают картину диалогов, похожую на фигуры танца, который завершает песенка, намекающая на сватовство. Отмечается также смена участников диалогов: «...уже король говорит», «Говорит ему король», «Говорит воевода». «Смена субъектов речевых (говорящих), определяющая границы высказываний, здесь (в данном случае у Пасека! – *Л.С.*) представлена с исключительной наглядностью» (Бахтин 1979: 254).

В «Записках» присутствуют не только отдельные высказывания или краткие диалоги, но и целые беседы. Судя по всему, его рассказы и пересказы составляли их часть. Пасек, кстати, пишет о беседах как о прекрасном времяпрепровождении, повествуя о своем пребывании в Дании: «Когда бывало свободное время, никогда не обходилось без беседы, столь приятной, что и в Польше с родными такой не случалось» (Pasek 2009: 146). Беседы он называет дискурсами («Potym w inszych materyjach dyszkurował z różnymi»[11] – Pasek 2009: 359) и не раз сообщает о том, что с самим королем вел разные дискурсы. Он участвовал также в дискурсах на политические

[11] «Потом и на другие темы вел с ним дискурсы» (пол.). – *Прим. ред.*

темы, прислушивался к простым разговорам своих товарищей, радуясь их неподдельному веселью.

Если краткие диалоги и одиночные высказывания не становятся центром «картинок», то «картинками», напротив, становятся развернутые беседы. Гостеприимство – одна из важных черт сарматского стиля поведения. Гостей всегда привлекало не только богатое угощение, но и «изящные» беседы со «своими». Правда, это «картинки *без слов*». Автор обычно не сообщает, о каких «материях» беседовал с друзьями. Но впечатления от бесед передает. Прожив не один день в доме одного знатного шляхтича, Пасек замечает: «Провел я там еще одну неделю в *милых* беседах».

Однажды ему пришлось вести беседу только с помощью мимики и жестов. Сидя в харчевне, Пасек слышит, как немцы-протестанты разговаривают между собой. Смысл их речей – оскорбление Яна Собеского – он извлекает из кинетического языка мимики и жестов немца-католика, сидевшего рядом с ним. Возмущаясь своими соотечественниками, он качает головой, пожимает плечами, смотрит ввысь, будто обращаясь к небу, потом переводит взгляд на Пасека. Тот в свою очередь тут же отвечает решительным жестом: «Я за саблю, немцы из избы прочь».

Остановимся подробнее на «картинке» «без слов» – беседе после боя у костра в военном лагере. Один поручик, едва лишь появившись в компании, принялся рассказывать о боевых делах. Но его тут же остановили: «Не рассказывай, панбрат, пока нам поесть не дадут». Тут повара бросились разводить огонь, варили и жарили, водки, вина, меды расставляли. Все спешились, сели и начались рассказы о кровавых битвах и радостных победах. Была уже ночь. «Хотя мне сначала и хотелось спать, – пишет автор, – потом, когда я послушал эти рассказы и полюбовался ничем не сдерживаемым весельем, расхотелось». Разговор не приводится, но обрисована обстановка, в которой течет беседа: ночь после боя, пир, беседа у костра. Так становится зримым цельный эпизод, смысловым ядром которого является слово, но, как в немом фильме, оно только подразумевается.

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ УСТНОГО СЛОВА. Как уже упоминалось, художественность «Записок» во многом создается средствами слова. Слово устного языка и слово ораторское по-своему проявляют способность к визуализации. Вокруг устного слова в речи выстраиваются его прямые смыслы, вытекающие из условий его лингвистического и культурного контекста. Визуализация слова, делающая его наглядным, зримым, возникает из его пространственно-временных сигнификаций, которые создают в повествовании законченные «картинки» речевого общения. Его визуализацию существенно дополняют коммуникативные и кинетические средства выражения смысла.

Устное слово визуализируется *изнутри*. Оно вызывает к жизни фигуры говорящего и слушающего. Слова устного языка порой используются в «Записках» как средства портретного описания ситуации в целом и ее участников, но чаще всего слово, способное к визуализации, используется лишь для обозначения ее деталей. Обычно слово становится видимым за счет того, что Пасек часто стремится передавать «изменения лица» собеседника. Например, препираясь с Пасеком, казаки скрипят зубами, сопят, теребят и кусают усы. На замечание королевы король кривится («skrzywiwszy nos»), а она мрачнеет лицом. Пасек внимательно следит за положением участников диалогов в пространстве, за тем, как меняются позы говорящих: «Король, ко мне обернувшись, говорит» (Pasek 2009: 599). При этом сам Пасек предпочитает своих чувств не выдавать: слушая других, он молчит, а в душе негодует или смеется.

Объединение коммуникативных и смысловых характеристик слова чаще всего встречается при описании лишь некоторых ситуаций. Их результатом является зрелищность рассказа, вообще характерная для «Записок». Как и любой устный текст народной культуры, рассказ Пасека требует исполнения, близкого к театральному. Поэтому ситуацию рассказывания в «Записках» можно назвать театрализованной. Желая усилить впечатление от своего рассказа, Пасек обогащает повествование реакцией присутствующих при раз-

говоре. Театральность поведения говорящих и слушающих автор передает их мимикой, жестами, эмоциями. Слушатели не стесняются нахлынувших на них чувств. Они смеются, плачут, замирают (буквально столбенеют – «cum stupore») от удивления (Pasek 2009: 583). «Все засмеялись», «начали ужасно смеяться» (Pasek 2009: 491). Слушая речь одного из старейших депутатов сейма, заплакал сам король Ян Казимир. Расплакался он, когда слушал рассказ Пасека о смерти гетмана Чарнецкого, рассмеялся после отповеди бесстрашной пани Сулковской. Так дописываются «картинки», созданные словом. Об этом пишут многие исследователи «Записок». «Бывает, притом довольно часто, когда кажется, что мы не читаем занимательную повесть, а своими глазами видим ссору в военном лагере или комическую сцену, где с широким размахом всем руководит автор» (Pollak 1963).

Пасек внимательно следит за выразительными жестами персонажей «Записок», которые часто сопровождают их реплики. По этому поводу А. Мицкевич замечательно сказал, что «Записки» Пасека следовало бы снабдить не знаками препинания, а знаками, означающими жесты рассказчика: «Вот сейчас он подкручивает ус, вот тут достает меч, такой жест замещает иногда слово, объясняет предложение» (цит. по: Tazbir 2009: 7). Так поэт увидел рассказчика XVII в. и точно определил характер самого рассказывания по его «Запискам». Король, например, дает пощечину слуге со словами: «Не сплетничай, когда я весел» (Pasek 2009: 416). Он же требует у принимавшего его шляхтича: «Хозяин, дай принуку (przynuka[12]) солдатам, пусть они запомнят твое гостеприимство» (Pasek 2009: 416). Не раз король ласково сжимает голову Пасека в своих руках подобно тому, как это делают священники. Этим жестом король выражает благожелательность, Пасек в ответ низко склоняется к нему. Тот оборачивается к подкоморию, чтобы что-то сказать. Полностью описана

[12] «Принукой» в польском языке XVII в. называли ритуал гостеприимства, когда гостей принуждали к обильной выпивке. В современных областных польских диалектах (особенно восточных) «przynuka» – название разных кушаний, блюд, подаваемых в качестве закусок. – *Прим. ред.*

жестовая коммуникация в сцене в харчевне. Не имея возможности вступить в открытый спор, немец-католик жестами обращается к Пасеку, не понимающему инвектив своих соотечественников-протестантов против польского короля. Некто Писарский в сердцах ударяет себя шапкой по лбу, так как ему не по нраву пришлась кандидатура на польский трон Михала Корыбута Вишневецкого. Кандидат же сидит среди своих «тихенький, скорчился и ничего не говорит» (Pasek 2009: 476). Хватается за стремя королевского коня «политичный шляхтич», встречающий короля перед своим домом. Его жена, лишь завидев короля, встает на колени, воздевает руки и молит Бога ниспослать на правителя гром небесный. Так нелингвистические средства коммуникации дополняют речи действующих лиц.

Пасек-исполнитель замечает восприятие слушателей. Он никогда не упускает возможности сообщить об индивидуальном отношении слушателя к его речи. Король слушает его внимательно (diligenter). Для него это важно, так как король слушает не всех и не всегда. Пасек специально отмечает, что во время пространных речей король, королева и приближенные часто скрываются за портьерой. Рассказу автора о видении св. Антония одни поверили, другие засомневались в его истинности. Но все дружно удивились, да так, что просто остолбенели. Цирюльник же предположил у больного некоторое «ослабление мозга» (debilitatem mentis) (Pasek 2009: 583). Все эти реакции выходят на первый план, когда Пасек употребляет слова своих персонажей.

Перебранки, споры, пьяные речи соседствуют в «Записках» с ораторской речью в виде подробно изложенных или приведенных полностью публичных выступлений самого Пасека и других лиц в разных местах и по разным поводам. В «Записках» он обычно рассказывает о речах ораторов на сеймах. Автор редко ограничивается их косвенной передачей, но все же может выразиться следующим образом: «Открыл (заседание. – *Л.С.*) маршалек изящной речью». Еще один вариант рассказа, к которому Пасек был склонен, реализует-

ся в ораторских выступлениях, диалогах и беседах, где упоминаются некоторые жизненные ситуации («фрагменты действительности»). Они не зависят от главной темы высказывания, но привносят в него дополнительное содержание и тем самым способствуют визуализации слова.

РЕЧЕВЫЕ СТРАТЕГИИ. Пасек сознательно нарушает целостность литературного стиля используя контрасты устной разговорной и ораторской речи. Так, пространно повествуя о сражении, он может воспользоваться просторечным выражением: «Хвать его за горло» («Cap go za kark») (Pasek 2009: 361). Оставив высокий слог, об одном ораторе он пишет так: «... и ни разу на людях пасть не раззявил, только сидел, пялясь на всех как сова» (Pasek 2009: 593). Будто забыв о богатствах своих противников – турок, которые сам так охотно расписывал, он запросто называет их бедными ребятами, у которых было нечем особенно поживиться. Не стесняясь просторечия, он пишет о турках, потерпевших поражение: «Они носы повесили, как только потеряли войско, которое считалось лучшим и удовольствовались одним Подольем, а ведь на все королевство губу раскатали» (Pasek 2009: 502). В том же духе король у него говорит, что такого достойного кавалера как Пасек, не следует за забор выбрасывать. Король же произносит «ругательные» слова: «Страшно расхохотавшись, он сказал: “Такой- то матери сын <...> правду им говорит”» (Pasek 2009: 284). На рассказ Пасека о его обидчиках и наветах король отвечает: «Пес то сказал» (Pasek 2009: 305). Рассерженный Чарнецкий вопит: «Бегите за этим блядиным сыном» (po tego skurwego syna) (Pasek 2009: 200).

В лексике Пасека отсутствуют характерные для польского языка имена существительные с уменьшительно-ласкательным значением, но он легко пользуется уменьшительно-уничижительными суффиксами: русскую водку называет grzalczysto, protucha brzydka, мушкет у него – muszkiecisko. Для обозначения однократности действия он пользуется лексикализованной формой устного языка: «А идет один такой и хвать за седла, хвать за ружье» (Pasek 2009: 343).

И, наоборот, для достижения особой выразительности своей речи у него всегда наготове слова высокого стиля для воплощения простых обыденных смыслов. Татары у него оплакивают не только смерть своих жен и детей, но и свою «депопуляцию» – вырождение. На вопрос домовладельцев, кто ему позволил или приказал занять их жилища, Пасек с достоинством отвечает: «Тот, кто мне позволил жить и ходить» (Pasek 2009: 367), т. е. сам Господь Бог. К подобным выражениям он прибегает не раз. На вопрос, зачем он со своими людьми покалечил столько народу, следует ответ: не мы их покалечили, это правота наша их победила.

«Записки» Пасека насыщены множеством характерных для устной речи пословиц и присловий: «Kruk krukowi oka nie wykoli» (Pasek 2009: 126), «Baba z woza, kółkom lżej» (Pasek 2009:160), «Ani Bogu świeczki, jako mowią, komu inszemu ożoga» (Pasek 2009: 598), «Co wilk ozionie, to go nie minie» (Pasek 2009: 547), «Gdy konia kują, żaba też podnosi nogę» (Pasek 2009: 389), «... lepiej z lasa, niz z tarasa» (Pasek 2009: 370), «Kto taka przykroił ferezyją» (Pasek 2009: 271, прим. 310), «Kto z nami chleba, my z nim kołacza» (Pasek 2009: 263). Некоторые присловия рифмованы: «Czeladka najbardzej wtedy pana pilnuje, kiedy pije, a nie masz, kiedy się bije» (Pasek 2009: 208). «Pomocy wam nie mogę dać, bo to nie z myszą igrać» (Pasek 2009: 349).

Как уже было сказано, устная речь Пасека в частных беседах, которую он переносит в свои «Записки», отнюдь не принадлежала высокому стилю. Однако в нужных случаях, прежде всего в общении с важными лицами, Пасек полагал уместным прибегать к несвойственным устной речи риторическим средствам выражения: «Если бы ко мне пришли уже бывавшие у меня пан староста усвятский и пан воевода смоленский, я бы знал, как им ответить, ведь люди светские (т.е. мирские. – *Л.С.*) всегда могут объясниться per parabolas[13]». Возможно, в этих случаях «параболы» не обязательно были бы изысканными.

[13] «Посредством иносказаний, притчами» (лат.). – *Прим. ред.*

Парабола как риторическая фигура, вырастающая из сравнения в законченное распространенное высказывание, занимает важное место в ряду речевых средств, которыми пользуется Пасек. Он любит сравнения как средство визуализации и отдельных слов, и целых высказываний; почти всегда расширяет «картинку», в которой сравниваются предметы реального мира.

Основания для своих сравнений Пасек находит в мире природы, в сельской жизни, но не идиллической, а той, которую ведет крестьянин и любой шляхтич, занимающийся собственным хозяйством во время, свободное от военной службы. В качестве основы сравнения пригодны дикие и домашние четвероногие животные, птицы, насекомые, рептилии. Дикие и домашние животные, освежеванные воловьи туши, назойливые насекомые стоят у него в одном ряду. Например, «волк, догнав овцу, хватает ее за горло хищными зубами, а она, бедняжка, все еще надеется, что появится охотник и отобьет ее. Так же все происходило с императором» (Pasek 2009: 574). Хованский идет на битву как волк на овец. С волком, которого силой запрягают и заставляют пахать, сравнивается человек, с неохотой выполняющий свою работу. Собака старается ухватить ежа, которого собирается съесть, а укусить не может – так казаки не в состоянии одолеть отряд Пасека. Рукопашный бой – это схватка ястребов, вцепившихся друг в друга. В другой «картинке» Пасек сравнивает самого себя с пойманной птицей: некоторые люди обходятся с ним как жестокие дети с воробьем, привязанным к нитке. Тот старается вырваться, а они за нитку дергают. В сравнениях появляются конь, которого осел отталкивает от ясель с кормом, спящий лис, которого трудно выгнать из норы. Казаки у него грозят, что выкурят поляков как барсука из норы. Пленных литвинов Пасек считает уместным сравнить с баранами. Они появляются еще раз в новом сравнении: как баранов режут врагов. В этот ряд также входят свиньи, занимающие последнее место в иерархии домашних животных. Возмущенный нерадивостью ополченцев, Пасек дважды повторя-

ет, что лучше бы он свиней пас, чем с ними в поход ходил. Злую девицу Пасек сравнивает с ящерицей. Чтобы передать медлительность своих подчиненных, Пасек пишет, что догадался, в чем дело: они отправились в путь на черепахе. Только пушки палить начнут, человек как муха полетит под облака вместе с дымом. Пушки способны ужасно лаять – такой звуковой метафорой он определяет пушечные выстрелы. Мухи пригодны и для такого сравнения: «Но как увидели турки, что на них бросаются, как голодные мухи на освежеванного тучного вола...» (Pasek 2009: 553). В другом месте сказано, что турки бросаются на поле боя как на мед. Это пример скрытого сравнения человека с насекомым. Прямое сравнение с мухами здесь опущено, но муха не забыта.

В «Записках» множество растительных «полевых» и «лесных» сравнений. Турки падают как снопы, немцев рубят как дрова в лесу. Здоровый мужик грохается навзничь как дуб. Сенаторы молчат, будто их маком обсыпали. С красными маками сравниваются только что появившиеся из укрытия солдаты. Ясно, что в любых жизненных обстоятельствах Пасек не отрывался от мира природы. Даже говоря о том, что пора начинать наступление, он помнит о нем: «а тут волы и коровы мычат, снопы, копны летят» (Pasek 2009: 412).

Сравнения характерны для прозаического повествования, в стихотворных вставках главенствуют метафоры. В похвальных стихах в честь Ланцкороньского Пасек, не забывая о примерах из античности, подробно пишет о хирургической операции, которая была сделана герою. Простонав, тот сам указал лекарю, где пилить ногу. И пилили ее целых шестнадцать раз, пока не дошли до кости, а Ланцкоронский хранил спокойствие и даже шутил с друзьями: «Мужественному сердцу нога (т. е. ее отсутствие. – *Л.С.*) не помеха» (Pasek 2009: 570). Так вокруг раненого героя выстраивается довольно сложная метафорическая конструкция: мужество лишает его ноги, она же свидетельствует об этом мужестве. В других случаях метафоры строятся боле лаконично. «Железные доводы», к которым собирается прибегнуть Пасек, оказывают-

ся обухом, которым он тут же бьет казака. Метафорически описывается положение дел в стране: как пожар, который раздувают противники Польши: «В разгорающийся костер они подбрасывают щепу как русский царь – летают и там (рубли и денежки московские)» (Pasek 2009: 256). Огонь легче тушить в закрытом доме; если огонь вырвется на крышу, то все пропало. Поражение Долгорукого, описанное в гастрономическом коде, именуется банкетом.

В этом разноречии присутствуют риторически правильно построенные периоды и фразы: «А деревни трещат, бедные люди плачут; епископы, сенаторы короля убеждают, чтобы он пожалел отчизну, видя, что Богу не угодно, когда счастья нет» (Pasek 2009: 419). Встречаются риторические восклицания: «Напали, захватили, привели к королю. Сколь прекрасен замысел, каково искусство казаков!» (Pasek 2009: 553), противопоставления: «Побеждает меня – не угонится за мной; побеждаю я – не убежит от меня» (Pasek 2009: 551). Иногда проза Пасека приобретает ритм: «Люди бедные плакали от радости, руки к небу воздевали, благословения и награды у Господа просили, короля своим спасителем называли, а он аж уши затыкал» (Pasek 2009: 544), «Вену атаковали, дыры в стенах пробили, окопы повзрывали ...» (Pasek 2009: 530).

В риторической речи Пасек выстраивает периоды, опираясь на повторяющиеся начало и конец фразы, строя анафорические и эпифорические конструкции: «Кто был победителем в четверг, был повержен в субботу, кто преследовал в четверг, убегал в субботу» (Pasek 2009: 548). Возможна опора на одно ключевое слово: «Верните Господу оскверненные святыни, верните сожженные и сравнявшиеся с землей города, дворцы и замки, верните шляхту и ее богатства, верните народу его поражение и величие его» (Pasek 2009: 282). Следуя риторическим правилам, бывает Пасек и лаконичным: «Тогда поехали. Подъехали к городу – ничего не слышно; въехали в город – ничего; только снова псы взвились, которые уже понемногу умолкали» (Pasek 2009: 484). «Они за шпаги <...>, я за саблю, немцы из корчмы» (Pasek 2009: 542), «ну бить, хватать,

вязать» (Pasek 2009: 240). Он трижды повторяет: «чтобы мы видели (знали), рассказывая об уроке, который нам дал Господь, разрешив туркам выиграть сражение». Повторяющиеся слова иногда находятся на значительном расстоянии друг от друга. Описав притязания противников короля, Пасек утверждает: «а ведь Господь (судил) иначе» (Pasek 2009: 463). Этой же фразой он заканчивает рассказ об отречении Яна Казимира. Не раз выстраивает антитезы: христиане – язычники, люди – бестии. Он всегда ищет возможность создать антитетические пары: вертоград – березняк, слава – жизнь.

Запечатлевая жестокости войны, Пасек отказывается от условностей риторики и пишет «по-своему»: «Немцы никого живьем в плен не брали и убивали с особой жестокостью. И после смерти творили с ним всякое: таскали, кожу с них сдирали, ремни потом нарезали; через три дня после битвы ни одного турка на поле боя нельзя было увидеть с целой спиной» (Pasek 2009: 549–550). Подобные высказывания перемежаются зарифмованными восторгами и сожалениями.

ДРУГИЕ ЯЗЫКИ. Пасек меняет не только речевые стратегии, но и языки. Знание живых иностранных языков было мало распространено в Польше того времени, несмотря на активные контакты с соседями по всему периметру ее границ. Как и все военные люди того времени, Пасек имел много поводов для общения с соседями и даже пришел к некоторым умозаключениям относительно их языков. Так, язык ютландцев, по его мнению, настолько же отличается от немецкого, как литовский от польского. В этом рассуждении о соседних языках Пасек имеет в виду не столько действительное сходство самих языков, сколько возможность понимания устной речи со сходными и общими словами в языках собеседников без предварительного их изучения. И в этом отношении его наблюдения вполне достоверны.

Латынь в его эпоху была языком учености, ее знанием гордилось не одно поколение поляков. Б. Хмелевский писал: «Ни один народ не говорит так гладко по-латыни как поляки. Ведь они народ политесный, имеющий вкус к этому языку,

понимающий, что латынь – это не только достояние латинян, но и людей разумных («Lingua Latina non Romanorum propria est, sed sapientum»). Поляки не искажают латинские слова как итальянцы, не говорят coniasco вместо cognosco. Не портят они латынь, как немцы и французы» (Chmielowski 1753–1756). Не искажал латынь и Ян Хризостом Пасек.

В «Записках» множество латинских цитат и выражений, в чем сказывается иезуитская выучка автора: Perditio tua ex te, sanus mente et corpore, tertium non datur, simul et semel, per modo, omnibus modis, figuraliter, conclusum, alias[14]. На этом Пасек не останавливается. Приводит он латинские изречения на тему служения короля Господу: «Servire Deo regnare est»[15] (Pasek 2009: 588). Латынь у него звучит в официальных речах, торжественных орациях, при этом свободно сращивается с польским: «Floruit złota wolność»[16] (Pasek 2009: 474), «Stupebant luterani, że się śmiejemy»[17] (Pasek 2009: 111), «Interim idzię kilka rot muskieterów»[18] (Pasek 2009: 118), «I tam zaraz, stanąwszy mówili de modo consultationis»[19] (Pasek 2009: 491). Латынь порой перевешивает польский: «...Jest licita defensio, że invasor a se ipso occiditur»[20] (Pasek 2009: 369). Иногда они уравновешиваются: «nam dziś szcęśliwie panujący, ktory utinam diutissime regnet pro gloria Dei et utilitate Reipublicae Christianae»[21] (Pasek 2009: 503). Вставил Пасек в «Записки» пространное письмо своей датской невесты, написанное по-латыни, про которое Я. Тазбир пишет, что оно извлечено из какого-нибудь письмовника (Tazbir 2009).

---

[14] Набор латинских «крылатых слов», фраз, используемых в устных выступлениях (орациях). Они усваивались учениками иезуитских коллегий в процессе обучения латинскому языку и риторике: гибель твоя от тебя самого, здоровый духом и телом, третьего не дано, одновременно и сразу, путем чего-либо, любой ценой, фигурально (образно), заключено (решено), иначе. – *Прим. ред.*

[15] Правильно: «Servire Deo regnare est» (лат.) – «Царствовать – значит служить Господу». – *Прим. ред.*

[16] «Да цветет (лат.) золотая вольность (пол.)». – *Прим. ред.*

[17] «Поражены будут лютеране (лат.), что мы смеемся (пол.)». – *Прим. ред.*

[18] «Тем временем (лат.) шло несколько рот мушкетеров (пол.)». – *Прим. ред.*

[19] «И там сразу, вставши, заговорили (пол.), как бы советуясь (лат.)». – *Прим. ред.*

[20] «... Это дозволенная оборона, захватчик тем самым будет уничтожен» (лат.). – *Прим. ред.*

[21] «Ныне нами счастливый правит (пол.), который пусть правит нескончаемо долго во славу Господа и на пользу христианской республике» (лат.). – *Прим. ред.*

Автор «Записок» явно гордится знанием латыни и даже в разговоре с казаками вставляет в свою речь латинские слова, чем приводит их в смущение. Они просят его говорить просто, на что Пасек невозмутимо отвечает: «Вижу я, что ты простой солдат, но я и простому и кривому скажу, как я хочу» (Pasek 2009: 319).

Как знаток латыни, Пасек умело вел языковую игру, сталкивая созвучные латинские слова: titulum (титул) и vitulum (теленок): «Давали мне чины, а я в хлебе нуждался, титулом располагая, но бычка желая» (Pasek 2009: 364). Или: «lepiej praevenire, quam praeveniri» – «лучше предупреждать, чем быть предупрежденным» (Pasek 2009: 222). Пасек позволял себе лингвистические вольности даже со словами, обращенными к Господу. Так некий франт Пустошиньский, обращаясь к гетману Е. Любомирскому, говорил, что мы все время Бога просим: «Da pacem, Domine! da pacem, Domine!»[22] (Pasek 2009: 412). Просили одного, а получили пятерых – продолжает шутник, предложивший понимать эту просьбу как «Дай Паца!». Так обыгрывается созвучие винительного от латинского pax «мир» и известной фамилии Пац: пятеро представителей этой семьи в то время занимали высокие военные посты.

Язык учености был языком дипломатических переговоров. На этом языке Пасек беседовал с датским адмиралом, давал ему разные советы, просил его сказать страже, что он и его товарищи – простые рыбаки. Однажды Пасеку поручили переговоры с датчанами, где знание латыни было необходимо. Он был уверен, что и простой датский мужик говорит по-латыни, а по-немецки редко кто, как и по-польски. На переговорах Пасек решает не выдавать своих знаний и затевает игру: делает вид, что вообще не знает никаких языков. На вопросы, задаваемые по-немецки и по-итальянски: «Kann der Dejtsch?», «Italiano perla, franciezo?», коротко отвечает «niks», которое затем меняет на не менее выразительное «Gielt» (Geld). Знаток латыни, приветствующий Пасека сло-

[22] Начальные строки католической молитвы и гимна «Da pacem Domine, in diebus nostris» (лат.) – «Да будет мир, Господи, в чертогах твоих». – *Прим. ред.*

вами: «Ego saluto Dominationem Vostrum»[23] – получает тот же ответ. Датчане, хотя и знали, что для поляков латынь является lingua usitata[24], уже собирались послать за переводчиком, но потом поняли требование Пасека и без перевода. Как только они принесли требуемое подношение, он сразу обрел дар речи и заговорил: «Iste est interpres meorum et vestrorum desideriorum» («Вот переводчик моих и ваших желаний») (Pasek 2009: 131). С тех пор датчане называли деньги не иначе как переводчиком (interpres).

Пусть редко, но Пасек все же вставляет в свое повествование немецкие слова. Немецкий, как и другие языки, вообще был мало известен в Польше того времени. О том, как там знали язык соседнего государства, говорит случай, о котором Пасек рассказывает в своих «Записках». Когда его друг и родственник поехал в Гамбург, наряженный на немецкий манер, он мог сказать только «Gib Brut, Gib Szpek, Gib Haber» («Дай хлеба, дай сала, дай овса»), что его и подвело. Его тут же арестовали как шпиона. Вот еще вопросы, которые должен понимать человек, находящийся на чужбине: «Pierla italiano? Pierla franciezo?» (Pasek 2009: 278).

Пасек упоминает лишь о нескольких немецких словах, освоенных в польском языке. Польские постовые на стук в дверь обычно отзываются немецким «Werdo?» (Pasek 2009: 318). Вошло в польский язык также немецкое слово «basarunek», сильно искаженное при освоении. В словаре В. Дорошевского сказано, что происходит оно от немецкого «die besserung» и означает возмещение за причиненный вред или ущерб, которое выплачивали частные лица государству или государство частным лицам (Doroszewski 1958: 366).

Встречаются в «Записках» обрывки русского языка, который Пасек называет московским. Им, например, владеет один из разведчиков и изъясняется следующим образом: «Kasz, su, ster» (Pasek 2009: 211). В примечании дается следующее толкование этого высказывания: «Как же, сударь»

[23] Букв. «приветствую вашу власть» (лат.). – *Прим. ред.*
[24] Обиходный язык (лат.). – *Прим. ред.*

(Pasek 2009: 352). Ster рассматривается как часть формулы вежливости. На том же языке некто Харлевский объясняется с русскими эмиссарами. Частично Пасек передает его слова по-польски, частично – «по-московски». Он и сам демонстрирует знание русского и передает в своей транскрипции мольбы русских о пощаде. В рассказе Любомирского о престарелом претенденте на трон речи гайдуков передаются по-русски. Московские послы знают дядю Пасека, потому относятся к нему доброжелательно и говорят ему: «Każe ster Hospod Boh pobłagosłowił: peredom wodiw stary Pas, teper bude nas wodyty mołody Pasek» (Pasek 2009: 338). В польский текст Пасек вставляет русские слова и выражения: «теперь и меня, невиновного, – по-московски говоря, втянули в интригу». Замечает, что пришли из Москвы указы, «по-нашему ordynansy» (Pasek 2009: 232).

Вошли в польский язык и тюркские слова, которые были известны прежде всего людям военным. Так, например, слово муштулук, означающее добрую весть или подарок (Pasek 2009: 280, прим. 199), громко кричит внезапно появившийся в лагере солдат. Примечательно, что все его спрашивают, добрую или злую весть он принес. В изысканной речи, которую Пасек произносит в честь своей невесты, он также вспоминает муштулук, надеясь на Господа Бога. Встречается в «Записках» такое тюркское слово как «караван» в значении «воз» (Pasek 2009: 212, прим. 355).

ПИСЬМЕННЫЕ ТЕКСТЫ. «Записки» пестрят вложенными в них письмами и документами. Одни приводятся полностью, другие лишь пересказываются, как, например, письмо отца, которое Пасек получил перед выступлением в Данию. В нем отец благословляет сына на битву и выражает уверенность в победе. Пересказывается одно послание Чарнецкого. Воевода сообщает полковнику, что среди привезенных им талеров есть фальшивые и предлагает просить помощи, конечно, у Пасека. Приводит он и свои собственные письма, адресованные товарищам по оружию. Вокруг некоторых писем завязываются сюжеты, например, обмен письмами с

датской возлюбленной. Пасек и его несостоявшийся тесть также обмениваются письмами, которые запаздывают. Написанная им самим по всем правилам «Инструкция» для равских депутатов наряду с письмами вошла в «Записки».

Пасек внимательно следит за письменным этикетом и ревностно относится к формульным приветствиям и именованиям адресата. Возмущается, что маршалек Жеромский смешивает этикетные обращения, называя его то братом, то другом. «Другом» можно назвать только мещанина, шляхтича требовалось называть «pan-brat», отсюда обида Пасека (Pasek 2009: 351, прим. 265). Поэтому Пасек иронизирует по поводу секретаря, который или слишком стар, или слишком молод, чтобы быть осведомленным в правилах обращения на письме. Сам Пасек строго их соблюдает. Он хранит официальные послания, распоряжения короля, в чем видится не только тщеславие автора, но и его отношение к письменному слову.

ОРАТОРСКОЕ СЛОВО. Устное слово рассказа с вкрапленными перебранками, спорами, пьяными речами соседствует в «Записках» с ораторским ученым устным словом публичного выступления и проповеди с их риторически правильно построенными краткими и распространенными периодами. Произведения жанра проповеди не всегда удовлетворяли Пасека. Его больше интересовало ораторское слово на светские, общественные темы.

В Польше всегда ценилось высоко умение говорить. На сеймиках, сеймах, войсковых кругах каждый хотел отличиться даром слова. Кто был способен к красноречию, выступал сам, кто был лишен таких талантов, выдвигал вместо себя депутатов. Пасек всегда выступал за некоего Кшивецкого. В «Записках» рассказывается, как Пасек готовился к выступлениям. Для этого ему вечно не хватало времени – его постоянно отвлекали гости и развлечения: карты, шашки, шахматы. В составлении речей иногда помогал ему сам Господь Бог, посылающий вдохновение. Однажды, сомневаясь, как и что говорить, он послушался своего внутреннего голоса («что-то

мне нашептало») (Pasek 2009: 259). Если знал, что в широкой дискуссии речи других ораторов будут направлены против него, заранее готовился к возражениям.

Пасек подробно излагает выступления на сеймах. Он редко ограничивается их косвенной передачей, но все же иногда может сказать кратко: «Открыл (заседание. – *Л.С.*) маршалек изящной речью. Начались поздравления от короля, от сената с пожеланием счастливого продолжения. Маршалек каждому отвечал в чрезвычайно украшенной манере» (Pasek 2009: 494). Пасек произнес заключительную речь от имени всех собравшихся, продемонстрировав отменное красноречие, чего никто не ожидал; только став маршалком, он прославился как великий оратор. Пасеку приходилось произносить речи не только перед широкой аудиторией. Получив аудиенцию у короля, он говорил только для него одного, стараясь вызвать сочувствие.

К ораторам на сейме Пасек относился с особым вниманием и всегда отмечал неудачные моменты в их речах, едва начав выступление, они путались в мыслях, пересыпали свои орации обращениями к королю, настойчиво повторяли основную тему, стараясь привлечь к ней всеобщее внимание, многократно во время речи ссылались на Священное Писание: «Здесь следовало бы вместе с Писанием ответить» (Pasek 2009: 596), «свидетельствует об том Писание» (Pasek 2009: 305), «спросить я должен вместе с Писанием» (Pasek 2009: 275). Однако сам Пасек редко его цитирует.

Пасек-оратор всегда ревниво относился к тому впечатлению, которое производило на слушателей его искусство. Он боялся не угодить слушателям, когда произносил речь на пострижении дочери своего друга в монахини. Сказав надгробное слово на похоронах своего бывшего соперника, а потом друга Коморовского, Пасек был приглашен на «chleb żałobny» – поминки. Это приглашение он с удовлетворением отметил как оценку его красноречия. Ему принадлежит погребальное слово на похоронах двух славных рыцарей, умерших в один день. В рассказе об этом Пасек не забыл упо-

мянуть одну важную для него деталь. Вслед за ним взял слово подчаший Гумовский, раздосадованный тем, что Пасек выбрал для своей речи лучшие примеры и темы.

Он доволен, что его речи очень нравились равскому воеводе Я.А. Липскому. Это были речи Пасека на выборах самого Липского подкоморием, на его торжественный въезд в Раву, когда Липский стал воеводой, выступления Пасека в качестве маршалка на сеймиках. Магнат Тышкевич, у которого он гостил, просил его переписать и оставить ему те речи, с которыми он выступал в присутствии короля и сенаторов. Речь, которую Пасек сказал на войсковом круге, Тышкевич даже переписал сам. Он называл его речи целым состоянием; как он говорил, они станут приданым его младшей племяннице. Риторическое слово Пасека ценил также и сам король. В качестве доказательства автор приводит следующую сцену. Собравшиеся вокруг кресла короля о чем-то оживленно беседовали, после чего король достал речь, которую Пасек произнес на генеральном круге, и швырнул ее троцкому воеводе. Все тут же принялись ее читать.

Не все составленные им речи Пасек сумел произнести перед аудиторией. Некоторые из них образуют часть повествования и как бы вкраплены в него, хотя и выделяются из остального текста особой ораторской техникой. Таково краткое слово на смерть польного гетмана М.И. Сенявского. Не прошел Пасек мимо смерти на поле боя поручика, а потом ротмистра Моджевского, который погиб в бою по собственной неосторожности. «На подступах к крепости не следует стоять там, где находится куст или другой какой ориентир, такие места нужно обходить как можно скорее: пушкари обычно к ним пристреливаются» (Pasek 2009: 573). Так на какой-то момент Пасек превращает потенциально похоронную речь в руководство для действий в боевой обстановке. Однажды он даже сочинил речь, предназначенную королю Яну Казимиру, к тому времени уже покойному. Среди речей, не предназначавшихся для произнесения, выделяется слово на смерть воеводы Чарнецкого.

В «Записки» также вошло слово проповеди. Чтобы показать, как функционирует ораторское слово, остановимся на трех речах. Одну из них произносит апостол Петр, другую – полковой священник, третью – сам Ян Хризостом Пасек.

1. Пасек приводит речь капеллана Пикарского, благословляющего войско перед битвой (Pasek 2009: 114–115). Вот обстоятельства, при которых речь была произнесена. Рано утром перед сражением Пасек направляется к священнику с просьбой дать солдатам напутствие. Те, спешившись, встают на молитву в открытом поле и прощаются друг с другом, зная, что живыми вернутся не все. Капеллан, оставаясь в седле, произносит проповедь. Закончив ее, он, не сходя с коня, наклоняется к солдатам, чтобы принять исповедь. По просьбе Пасека благословляет его отдельно и надевает ему на шею свой реликварий со словами: «Не бойся, иди смело» (Pasek 2009: 116). Так на фоне войска, стоящего ранним утром в открытом поле, вырисовываются фигуры священника и автора-солдата, вербальный контакт которых сопровождается значимыми жестами. Особо отметим способ размещение персонажей в пространстве: стоят на ногах/сидят верхом на коне. Как Авраам, послушный Богу, готов к испытанию, так польские рыцари готовы жертвовать собой во имя отчизны. Высокий образец раздваивается, когда они становятся подобными смиренному Исааку. Их, как Исаака, спасет Бог и вернет после сражения живыми и невредимыми.

Приведем проповедь почти целиком. «Всякая жертва, принесенная от сердца, угодна Господу, но более всего та, которую приносит кровь проливающий на поле битвы во имя Его величия. За что Он благословил Авраама и весь мир унаследовало Его племя? – Только за то, что посвятил кровь сына своего Исаака по одному слову Господнему (с Авраамом Пасек сравнивает и родителей, отдающих свою дочь в монастырь. – *Л.С.*). Вопиет к нам обида Господня, которую он претерпел от того народа; вопиют святыни Господни, поруганные по всей Польше; вопиет к нам кровь братьев наших и отчизна, ими опустошенная; вопиет и пресвятая Дева Мария

о том, что народ этот святотатец и что мы должны ответить на оскорбления так, чтобы весь мир увидел в нас бессмертную славу и храбрость кавалерскую (fantazyja) наших предков» (Pasek 2009: 114–115). Библейские персонажи в этой речи остаются вне поля зрения, они лишь названы, их имена тонут в сплетении риторических приемов, вопросов и восклицаний. Зато проповедь обрастает реалиями военной жизни, из которых складывается отдельная «картинка». Она образуется *за ее пределами.*

2. Речь, которую непременно сказал бы сам Апостол Петр, завидев шведов, рвущихся в рай, конечно, принадлежит перу самого Пасека (Pasek 2009: 123), что не столь значимо. Важна ее принадлежность жанру, популярному в ту эпоху. Апостол у него срывается на крик: «Ах, подлецы! Говорите вы, что милость святых вам ни на что не годится, далеко, мол, от Господа Бога. Хотели вы в Кракове коней в церквах поставить, иезуитов напугали, пришлось им, беднягам, давать вам выкуп как язычникам; потом Чарнецкий хотел одарить вас миром и жизнью, а вы все это отвергли. Помните, как вы предательски взорвали замок в Сандомеже, а ведь там Бог защитил от смерти тех, кого защитить желал; хотели подорвать пана Боболю, шляхтича сандомерского, а он перемахнул на коне на другой берег Вислы и жив остался. И теперь стреляли вы густо, но немногих поляков погубили. А почему? Потому что их ангелы хранят, а вас черные (черти. – *Л.С.*). Это они вам служат». Так решительно апостол Петр расправляется с врагами поляков.

Перенос действия на высший ярус мироздания произведен здесь в соответствии с сарматскими представлениями о вышнем мире. Не упуская из виду одну из важных примет рая, который есть hortus conclusus[25], автор снижает мотив огражденности – лишь завидев шведов, рвущихся в рай, Петр тут же закрывает перед ними калитку. В визуальный план переносятся не ключи от рая и не его ограда. Рай остается невидимым, названа только калитка, но «картинка», остающаяся *за пределами* орации, состоялась.

[25] «Закрытый (запертый) сад» (лат.) – из библейского текста «Песни песней». – *Прим. ред.*

Перелет польского шляхтича по горизонтали через реку соотнесен с полетом шведов по вертикали. Описан он довольно подробно, но теперь *за пределами* речи апостола Петра. Как и пан Боболя, шведы полетели не по своей воле. В подвалах крепости взорвался порох. Понеслись они так быстро, что в дыму их не было видно. По словам Пасека, шведы старались удрать от поляков в рай и поднялись так высоко, что разглядеть их можно было только тогда, когда они возвращались назад и, как лягушки, попадали в море. В этой набросанной штрихами картинке актуализируются возможности зримого и даже зрелищного представления устного слова: *внутри* орации появляется «картинка» гибели шведов в море. Пространство, которое описано ораторским словом, визуализируется только через деталь, которая остается смысловым ядром и исходной точкой всего эпизода.

Здесь оратор получил от автора законченную языковую характеристику, которой не заслужили слушатели. У них нет «ответной» позиции. В ней нарушена граница между ораторским и устным словом. Он кричит, ругается, задает вопросы, сам же на них отвечает. Речь апостола явно подходит под определение разыгрывания вопросно-ответной формы повествования у Бахтина: «Очень часто говорящий (пишущий) в пределах своего высказывания ставит вопросы, сам на них отвечает, возражает себе самому и сам же свои возражения опровергает» (Бахтин 1979: 251). Петр решительно расправляется со шведами, отдавая их во власть дьяволу, – силы небесные всегда на стороне поляков.

Проповедники у Пасека не просто произносят нравоучения. Они восклицают, вопрошают, взывают к Господу и Деве Марии, заливаются слезами. В то же утро другие хоругви (отряды) объезжал войсковой священник Домбровский. Он был неплохим оратором, но у него был один недостаток: только начав говорить, он мог разрыдаться, «и больше плакал, чем говорил», поэтому все солдаты хохотали. Порой этот капеллан был не в состоянии закончить свою речь. Этот «фрагмент действительности» находится на значительном

расстоянии от описания проповеди, но связан с ней эмоционально. Рыдали от радости и от волнения и такие светские ораторы, как жмудский староста Ежи Хлебович: «Говорил он красиво, но с плачем» (Pasek 2009: 212).

Слушал Пасек и протестантские проповеди, которые для поляков специально читались по-латыни, и привел запомнившийся ему пример (exemplum): одного отшельника солдат просил помолиться за него, но когда тот встал на молитву, украл у него барашка и убежал. Вот какой урок должно извлечь из его рассказа: «О благочестие благочестий! Один молится, другой ворует» (Pasek 2009: 111).

3. Сам Пасек произнес речь в церкви на погребальной церемонии двух славных кавалеров (Pasek 2009: 182–191). О похоронах говорится скупо. Сказано, что проходили они в седлецком костеле и были великолепными – не каждый сенатор удостоился бы такого погребения. Погребальное слово предваряется пространным рассказом о жизненном пути покойных, который складывается из военных походов и боевых стычек на границах Речи Посполитой. Все они перечисляются. Эта речь содержит *внутри*, можно сказать, историческую панораму. На ситуацию похорон накладывается ситуация историческая, перевешивающая по своему значению церковный обряд. Похоронный ритуал – *вне ее*.

По форме сама погребальная речь – это приглашение на поминки (chleb żałobny) от имени устроителей похорон и прощание покойных со своим окружением, о чем оратор сообщает: «А теперь славные усопшие, удалившиеся от нас в вечную компанию, *через меня* прощаются со всем войском». Они благодарят всех, кто им оказал услугу, когда пришла пора сказать миру последнее прости (vale) и здравствуй (salve) новой вечности. Затем следует приглашение всех в дом плача (in domum luctus), т. е. на поминальную трапезу.

РАССКАЗ. В «Записках» Пасек выступает в ролях автора и рассказчика. Все они включают Я рассказчика-автора. Он участвует в «событии рассказывания» как автор «Записок», как рассказчик отдельных эпизодов и как участник «события, о

котором рассказывают». Иногда он появляется во всех ролях сразу. Всякий раз автор под видом рассказчика или участника событий способствует объединению событийной линии текста, персонажей и самого повествования. Таким образом, в «Записках» Пасек выступает их организующим центром.

Как сплетаются роли автора и рассказчика, можно четко проследить в следующих рассказах, где включается Я рассказчика-автора. В эпизоде, где говорится о видении св. Антония, автор сначала рассказывает о своем реальном болезненном состоянии после попойки. Затем он становится пассивным наблюдателем чудесного явления – его забытье прерывает св. Антоний. Так на время организуется мистическое пространство, из которого Пасек выходит абсолютно здоровым и тут же начинает заниматься хозяйственными делами. Теперь рядом с ним цирюльник, слуги, жена, выступающие слушателями его рассказа, в тексте опущенном. Автор в своем рассказе оказывается уже не рассказчиком, а наблюдателем, который лишь представляет реакции своего окружения: цирюльник резонерствует, жена хлопочет по хозяйству, слуги выполняют поручения.

Внутри рассказа о выдре, очерченного жесткой схемой вынужденного дарения, Пасек действует как персонаж, которому противостоит сам король. Между ними курсирует посредник. Он и автор целостного повествования, и рассказчик, повествующий о том, что случилось с выдрой, попавшей на королевский двор, он – и действующее лицо, т. е. выступает во всех трех ситуативных ролях. Здесь Пасек, как и в рассказе о видении, рассказчик и действующее лицо, которое искренне переживает расставание со своим любимцем и готов отказать самому королю в таком дорогом подарке. Не столько событийность, сколько личное отношение к происходящему становится основным содержанием этого рассказа, насыщенного эмоциональным началом, в котором радость общения с домашним любимцем контрастирует с искренней печалью по поводу его утраты и гибели. Переход от общего повествования к рассказу и его завершение фиксиру-

ется следующим образом: «Так веселые забавы обратились в большую печаль <...>. Так меня лишили моего любимого зверька и сами не натешились, а многие неприятности себе доставили» (Pasek 2009: 524). Начинается рассказ обширной корреспонденцией по поводу передачи выдры королю и переговорами с королевским посланцем. Далее переходит он в рассказ о зверинце.

В развернутом эпизоде с И.С. Мазепой, состоящем из трех частей, в каждой из них Пасек по-разному распределяет свои роли. В первой и во второй части он – и повествователь, и действующее лицо. Первая часть – встреча Пасека с будущим украинским гетманом в доме Станиславского (Станцлевского), где они «проводят дискурсы» и Пасек вызывает у Мазепы необоснованные подозрения. Своими догадками он спешно делится с королем, и Пасек впадает в немилость, но ненадолго. Донос Мазепы, естественно, наложил отпечаток на отношение к нему автора «Записок». Вторая часть рассказа – это открытый конфликт Пасека и Мазепы в королевском дворце. Здесь героям уже не до «дискурсов», дело доходит до рукоприкладства, за что они должны понести заслуженное наказание, но король их милостиво прощает во время гулянья и приказывает бывшим врагам обняться и попросить прощения друг у друга. «И сидели мы потом и выпивали» (Pasek 2009: 360), – пишет Пасек. Так столкновение мнений перерастает в личное противостояние, не получившее разрешения. Но мысли о Мазепе не оставляют Пасека.

В третьей части рассказа, отделенной от первых двух, автор в событиях не участвует, о любовной истории Мазепы он лишь рассказывает со слов других, ссылаясь на свидетелей, доносчиков, слуг. Кто ему рассказал эту историю, не сказано. Видимо, именно о таких новостях говорится – об этом знают все. В пересказе присутствуют развернутые сентенции: «как она настрадалась, описывать не стоит. Достаточно того, что это был хороший пример на память и предостережение людям своевольным» (Pasek 2009: 362). Сам Пасек не фигурирует здесь ни как очевидец, ни как участник событий.

Столкновение Мазепы с мужем возлюбленной, жестокое наказание, которое он подготовил ему и собственной жене, составляет основной сюжетный план этого рассказа, в котором авторское Я присутствует и подчеркивается авторскими замечаниями типа «не знаю зачем» (Pasek 2009: 360). Нельзя сказать, что этот пересказ менее эмоционален, чем собственно рассказы о Мазепе или что автор отделен от описываемых событий в большей мере, чем в предыдущих текстах. Итак, первый рассказ в этой триаде служит завязкой всего сюжета, эпизод во дворце – его кульминацией, развязкой – нравоучительное стихотворение.

В этот сюжет о Мазепе врезан частично построенный на пересказах рассказ о человеке-медведе, которого автору довелось увидеть. С ним автор непосредственно в отношения не вступает, человек-медведь – лишь объект наблюдения. Поведение этого Маугли XVII в. стало косвенным поводом примирения Пасека с Мазепой. Когда человека-медведя угостили кожурой груши с сахаром, он пожевал, выплюнул и бросил в лицо королеве, попав прямо между глаз. Король расхохотался, а королева ушла, ужасно рассерженная. Тут-то и началось примирение. Трехчастный рассказ о Мазепе и рассказ о человеке-медведе завершаются одновременно. Иронически заметив, что он написал о двух дворянах, Пасек говорит: «Казак убежал из Польши, во что медведь превратился, не знаю, был он человеком или нет; знаю только, что отдали его в обучение французам и начал он уже говорить» (Pasek 2009: 363). Автор здесь выступает в роли наблюдателя, что часто бывает и в других эпизодах.

В других рассказах Пасек, как и во вставке в третьей части рассказа о Мазепе, выступает свидетелем, но не участником событий. Пасек не вмешивается в происходящее на его глазах, и только рассказывает о визите короля к Сулковским. Правда, при этом он помогает пани Сулковской распознать короля среди его окружения. В театральном эпизоде, вырастающем из речей о французском нашествии на Польшу, Пасек – также свидетель, т. е. зритель. Выходя из этой роли, он

продолжает повествование и на какое-то время становится действующим лицом, но уже за пределами театрального эпизода. В этих двух эпизодах Пасек – повествователь и пассивный наблюдатель.

Зарисовки, рассказы-«вставки», рассказы, не выходящие за рамки повествования, Пасек излагает сам или же дает слово другим. Ряд рассказов в «Записках» – это пересказы. Охотно передавая информацию со слов других, Пасек иногда называет их рассказы реляциями. Обычно так называются краткие пересказы.

Если его пересказы уже «были в ходу», повторялись по много раз и имя первого рассказчика уже утрачено, в «Записках» они остаются безымянными. Если рассказчик известен автору, его имя называется. Например, остроумный рассказ о престарелом претенденте на королевский трон принадлежит Е.С. Любомирскому. Указания на рассказчика делаются в неопределенно-личной форме, например: рассказывали наши, в какой роскоши жили турки в военном лагере. Иногда конкретизируются только некоторые детали образа рассказчика, например, его происхождение. По словам Пасека, «господин из французских краев» называл поляков «родителями» немцев, т. е. спасителями в страшной войне с турками.

Отнюдь не все временные отрезки разворачиваются в микросюжеты, т. е. становятся рассказами. О каких-то событиях лишь кратко сообщается или они только упоминаются. Автор также считает своим долгом не только описать, но и перечислить то, что происходило на его глазах, или то, о чем он услышал.

РАССКАЗ-ПОВЕСТВОВАНИЕ. Каждый рассказ в «Записках» по содержанию связан с повествованием в целом. Он может быть его частью и продолжать его основную тему, т. е. рассказ не выбивается из повествования, а вырастает из него и находится с ним в едином событийном контексте. Но есть и рассказы, не связанные с основным содержанием погодной записи; они представляются неожиданными включениями и выглядят «чужеродным телом». Это рассказы-«вставки», ко-

торые могут иметь внутри себя свои собственные «вставки». Так, например, рассказ о постое в Стшале включает в себя рассказ-«вставку» о закрочимском кастеляне.

Рассказы обоих типов Пасек отграничивает от повествования; роль границ при этом играют самые разнообразные вводные высказывания, которые подчеркивают неодномерность текста «Записок». Рассказ о видении св. Антония – это рассказ-«вставка», выпадающий из последовательного повествования, он заключен в особую «гастрономическую» раму. Вставка составляет распространенное высказывание о польской моде напиваться до потери сознания, о требовании выздоровевшего героя дать ему поесть. Возможно, противопоставление пищи духовной и плотской здесь непреднамеренно, но оно разрешает основную тему рассказа: получив помощь свыше, Пасек чудесным образом выздоравливает. Рассказ начинается предуведомлением об истинности события: «Вот как было дело» (Pasek 2009: 582), заканчивается сообщением о мессе, заказанной в честь св. Антония в знак благодарности за чудесное исцеление. Главная фигура в этом рассказе – св. Антоний, явившийся Пасеку, который старается перевести виде́ние в реальные измерения. Никаких неясных очертаний, белых одежд, дивных звуков или свечения в этом рассказе нет, они не сопровождают появление святого. Больной и почти умирающий Пасек видит в святом только человека и не замечает примет сверхъестественного.

Рассказ о неудачном визите короля к семейству Сулковских рамки не имеет. Он предваряется кратким синопсисом, которому вторит финал рассказа. Начинается он сентенцией: «Наскучило королю сидеть на одном месте, и говорит он своим» (Pasek 2009: 407). К моменту прибытия короля Пасек находится в доме Сулковских, в карты играет, пиво пьет: «bom i ja tam był, gdyż to dobry przyjaciel ojca mego i mój» («и я там был, так как это хороший друг моего отца и мой друг тоже» – Pasek 2009: 407). Пасек слышит, как «радуется» хозяйка дома неожиданному визиту высокой особы, затем перед ним разворачивается сцена неслыханного скандала: пани

Сулковская набрасывается на короля с обличительными речами. Вторая встреча Сулковской с королем уже в его резиденции в рассказе приобретает конкретные очертания. Если в синопсисе сказано: «Король смутился, а потом приказал ей что-нибудь дать» (Pasek 2009: 407), то в собственно рассказе говорится: «приказал дать той бабе 2000 злотых».

В рассказе о театральном представлении, вырастающем из гневных речей о французском нашествии на Польшу, Пасек также свидетель, а не зритель. Этот его рассказ о театральном представлении как бы взят в скобки и заканчивается кратким выступлением против французов, заполонивших Варшаву, вторящим общему контексту. В центре рассказа – само представление и реакция на него зрителей. Он заканчивается трагическим событием (убийство актера), после которого Пасек уезжает из Варшавы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА КАК СМЫСЛОВЫЕ ОРИЕНТИРЫ ПОВЕСТВОВАНИЯ. Представив признаки слова и структуры рассказов Пасека, перейдем к анализу отдельных тематических блоков повествования. В отличие от текстов энциклопедического типа они не заданы в тексте напрямую. Они обнаруживаются в опоре на ключевые слова, которые отчетливо выделяются в «Записках». За ключевыми словами стоят культурные концепты. Как пишет Ю.С. Степанов, «именно в языке – вербальном коде концепт получает не просто наименование в ключевом слове или целом ряде обозначений, но оформляется как структурированный смысл, превращаясь в “основную ячейку культуры в ментальном мире человека”» (Степанов 1997).

Смыслы отдельного слова входят в состав семантического поля наравне со своими синонимами, антонимами, словами, вошедшими туда в силу метафорической или метонимической трактовки своего основного значения. Слова-концепты входят также в поле культурных смыслов, структуру которого составляют слова, подчиненные обобщающему родовому концепту, гипероним культуры. В словах-концептах заложен мощный смысловой заряд, определяющий

семантику всего повествования. Как пишет Н.С. Валгина, «ключевые слова выполняют функцию опорных слов, которые, объединяясь с другими словами, образуют единое семантическое поле, сообщая тексту содержательную цельность» (Валгина 2003). Благодаря ключевым словам – «понятийным узлам текста», выявляется «общая перспектива» (Głażewski 2010) «Записок», и сами они обретают внутреннее единство.

Ключевые слова скрепляют текст в большей мере, чем разного вида связки и его пространственно-временная рамка. Слова этого типа «...упорно не хотят исчезать из языка и смыслового пространства культуры. Историческая стойкость и внутренняя защищенность от влияния времени – характерная черта ключевых слов культуры вообще. <...> Ключевые слова фиксируют, творчески формируют и осмысляют базисные концепты миропредставлений человека (идеи, понятия, эйдосы-образы, мифологемы), которые отличаются большой устойчивостью в человеческой культуре по сравнению с концептами другого ранга» (Постовалова 1994: 207).

Классы ключевых слов, образующих концептуальную структуру «Записок», охватывают главные уровни польской культуры сарматской эпохи. Ключевые слова: Бог – Дева Мария – рай – ад – ангелы – черти – в «Записках» отсылают к сфере священного. Комплекс «Фортуна – судьба – счастье/несчастье – случай» относится к судьбе человеческой. Война – сражение – победа – поражение – кровь – смерть составляют «военный» комплекс. Выделяется класс ключевых слов, составляющих сарматскую мифологему: род – семья – предки – рыцарь – честь – слава – мужество. Родовое слово *сармат* (гипероним) у Пасека не встречается. Судя по всему, в этом состоит принципиальный подход автора к ключевым словам. Так, у него есть множество гипонимов слову *вещь*, но само оно остается «невидимым». Ему подчинены и выявлены в тексте слова, называющие оружие, конскую упряжь, одежду, по которой «свой» отличается от «чужого», еду, через которую выстраивается противопоставление богатство/бедность и

др. Слово «природа» Пасек также обходит стороной, его значения складываются из болот и рощ, животных и птиц, описаний бури, морского путешествия, перемен погоды.

Пасек, как видим, не стремится к обобщениям. В «Записках» присутствуют гипонимические ряды, а родовое ключевое слово обычно лишь подразумевается. Однако иногда это слово бывает названо, и тогда родовидовые отношения внутри таких классов слов бывают выстроены «правильно» с указанием гиперонима. Например, Бог – святой – молитва – храм – спасение. Сюда же относится: смерть – смерть христианина – смерть героя – гибель на поле боя – убийство.

ПЕРЕСКАЗ. Рассказывает Пасек не только от себя, но и со слов других. Иногда пересказы называются реляциями. Когда его брат, например, подробно рассказал о встрече с литвинами, тот, по его словам, «uczynił relacyję». О мнимой смерти брата он рассказывает только с его слов. Это чистый вариант пересказа, каких в «Записках» множество.

Существуют случаи объединения рассказа с пересказом. О неудачной поездке рыцаря Вольского, которого задержали немцы и отняли коня, отчего возвращаться ему пришлось пешим, сначала повествует сам автор, затем он ссылается на слова самого потерпевшего. Рассказ в результате частично повторяется в пересказе. По рассказам никак не названных других и в опоре на свои собственные наблюдения автор говорит о странном поведении закрочимского кастеляна. О мнимой смерти своего кузена Пасек рассказывает только с его слов. Так сплавляются рассказы «авторские» и рассказы-пересказы.

Наряду с подобными сообщениями, в «Записках» встречаются размытые формы повествования; условно их можно назвать зарисовками с натуры. Они не развиваются до статуса рассказа и не отличаются особой художественностью. Автор пишет обо всем так, «как было», зачастую затягивая повествование. В приближенности зарисовки к реальности, которая обычно бывает заметной, трудно отыскать преднамеренность, просто рассказ еще пока не состоялся: начина-

ется зарисовка незаметно, а, завершившись, свободно уходит в глубь повествования. Некоторые зарисовки бывают формально выделены, ср.: «Пришел я в Городище, потом в Новогрудек», а «потом мы все разъехались» (Pasek 2009: 341, Pasek 2009: 349).

СЮЖЕТ. Обычно личные тексты не претендуют на статус литературных произведений и не обладают приметами художественности. В своих «Записках» Пасек проложил путь от кратких хронологических заметок к подлинной литературе. Он написал историю своей жизни на мощном историческом и историко-культурном фоне, который практически затмил задуманную автором автобиографию. Он не раз уверял, что описывает «statum vitae meae, non statum Reipublicae»[26]. На самом деле именно status Reipublicae стал для него главным объектом описания, что не привело к исчезновению авторского Я.

Пасек не уподобился собратьям по перу, которые обычно заявляли о своей беспристрастности. Все его повествование пронизано личным отношением к тому, что ему удалось увидеть, а наблюдателем он был чрезвычайно внимательным, хотя и не всегда объективным. Поэтому иногда исследователи не особенно доверяют его информации (Głażewski 2010: 58). Видимо, писательское начало мешало объективности, зато в серии рассказов, в основном составляющих текст «Записок», автор сумел развернуть широкую панораму событий своего времени, историческая значимость которых несомненна. К ним, например, относится такое событие как победа Яна Собеского под Веной. Он же обогатил эту панораму «картинками» повседневности и военного, и мирного времени, создал портреты известных исторических деятелей и никому не известных солдат.

Стараясь сохранить реальный ход времени и показать разнообразие жизненных ситуаций, Пасек описывал события как локального характера, так и те, которые определяли будущее Речи Посполитой. Он писал о «своей» войне, созда-

[26] «Свой собственный жизненный путь, а не дела Речи Посполитой» (лат.) – *Прим. ред.*

вал свою личную историю. Поэтому в «Записках» различим голос участника и наблюдателя исторических событий, который постоянно менял свой пункт наблюдения. Он перемещался в пространстве, чтобы что-то разглядеть или переводил взгляд с одного объекта на другой. Эта постоянно меняющаяся позиция наблюдателя придает многим эпизодам повествования подлинную динамику.

В «Записках» Пасек также сообщает о переменах в жизни своей семьи: о смерти родителей, о знакомстве и помолвке с будущей женой, о том, как ему удалось в таком-то году удачно продать пшеницу и как проходили важные для всей Европы и имевшие только местное значение сражения. Информативная функция, присущая субъективной литературе, как видим, никуда не исчезла в «Записках», о чем зачастую забывают исследователи, «зачарованные» его литературным талантом. Сам Пасек уверял, что он писал, чтобы ничего не забыть, и о чем хотел записать, в том числе и о том, чего в Польше не увидишь. Конечно, это были стимулы, лежащие на поверхности. Была и более глубокая причина – Пасек явно стремился к литературе.

Нельзя сказать, что он совершил решительный прорыв в этом направлении и что благодаря этому субъективный жанр превратился в художественный. Тотальная трансформация «Записок» не произошла. Движение к литературе не шло в «Записках» по нарастающей и почти остановилось в последних погодных записях. Чтобы это сочинение действительно превратилось в литературу, должен был произойти не один прорыв, а множество; состояться они должны были на всех уровнях текста. Они и состоялись, но на мощном фоне разножанровых показателей субъективной литературы. «Записки» остались лишь формой смешанного типа.

Имея в виду семиологическое осмысление текста *на уровнях семантики, синтактики, прагматики* (Ю.С. Степанов), я постараюсь показать, как Пасек работал со *словом*, с *сюжетом* и как он выстраивал *коммуникацию* с потенциальным читателем.

Повествуя о событиях, Пасек очевидным образом оформляет их, они приобретают сюжетность, хотя она принципиально размыта. В погодных записях «Записок» отсутствуют общие для всего повествования завязка, конфликт, развязка. Автор предпочел создать иную структуру, внутри которой тем не менее различимы принципы организации событийного плана. «Однако почему не считать “сюжетом”, организующим повествование дневника, – просто саму текущую жизнь человека? Отрывочность и фрагментарность ее воспроизведения в дневнике – конечно, частное дело самого “дневниковода”, зависящее от его вкусов и пристрастий» (Михеев 2007: 112). В «Записках» явно намечен макросюжет, пусть слабо структурированный, который составляет синтез авторской биографии, истории и повседневности. Макросюжету подчиняются краткие временные отрезки. Я. Глажевский совершенно справедливо называет их основными единицами повествования и предлагает анализировать как самостоятельные объекты (Głażewski 2010: 66). По отношению к макросюжету они являются микросюжетами. Именно они создают целостность «Записок», так как способны образовывать самостоятельные ряды. Так макросюжет приобретает внутреннее единство и не разваливается окончательно на куски.

Рассматривая микросюжеты и макросюжеты, мы не выходим за рамки повествования, а конкретизируем его, потому что «... ни отстранение нарратологии от поэтики сюжета или поэтики повествования, ни сведение ее к тому или другому не является продуктивным. <...> ни литературная сюжетология, ни теория литературного повествования, входя в состав нарратологии, не утрачивают ни своей специфики, ни своей актуальности» (Тюпа 2002).

Запутанность авторского повествования не мешает рассматривать «Записки» с точки зрения сюжетности, хотя в погодных записях невозможно выделить общую для каждой из них завязку или развязку, определить единый конфликт, разрешаемый с завершением отдельного повествования.

Сюжетная структура «Записок» носит иной характер, она принципиально размыта.

Отнюдь не все временные отрезки разворачиваются в микросюжеты, т. е. становятся рассказами, некоторые остаются в ранге сообщений. Пасек считает своим долгом отдельно называть и перечислять, а не только подробно описывать все события, что происходили в течение года. Сообщения и перечисления как бы «оплетают» микросюжеты, как в эпизоде видения за 1685 год. Появление св. Антония Падуанского у постели больного автора сопровождают замечания о неурожае и дороговизне зерна, о том, что деловая поездка в Гданьск откладывается, так как вода в Висле не прибывает. Перед тем как рассказать о причинах своей тяжелой болезни, Пасек сообщает о неожиданной смерти депутата коронного трибунала, по поводу которой никто не сокрушается. Даже подробный рассказ-пересказ о битве под Веной (1683 г.) не обходится без сообщения о свадьбе маркграфа, который взял в жены Саломею Броницкую.

МОТИВЫ. Наряду с такими существенными признаками рассказа, как позиции автора, который может выступать и рассказчиком, и действующим лицом, и пассивным наблюдателем, а также соотношение рассказа с повествованием, существует еще один, не менее значимый. В основе рассказов лежат мотивы, которые поддаются классификации по нескольким признакам. Свои рассказы Пасек часто строит на мотиве физического столкновения (стычка, ссора, скандал), регулярно используется мотив ложной идентификации. Особняком стоят рассказы, построенные на мотивах мифологических и сакральных.

Рассказы Пасека часто организуются вокруг культурных концептов, как, например, одежда, вещь, еда. Поэтому культурные концепты по отдельности или в сочетаниях образуют еще одно основание для классификации мотивов. Как это происходит, будет рассмотрено в следующих главах.

Столкновение, физическое или словесное, часто служит сюжетной основой рассказов. В рассказе о выдре отношения

Пасека с королем не достигают уровня конфликта, он гасится его послушанием королю. Зато с Мазепой он сначала ведет «дискурсы», а потому дает ему пощечину, из-за чего рискует потерять расположение короля. Мазепа же находится в конфликте с Фальбовским, мужем своей любовницы, который его жестоко наказывает. Во время визита короля к Сулковским разгорается скандал, как и на приеме гостей в доме Пасека. Конфликт польских зрителей с французскими актерами построен на известном мотиве наивного восприятия театрального искусства, который «подогревается» негативным отношением поляков к французам.

В основе многих рассказов лежит мотив ложной идентификации. Сам Пасек как действующее лицо не раз пытается ввести собеседников в заблуждение, например, скрывая свое имя. На вопрос офицеров литовского войска, кто он и откуда прибыл, он сначала не дает прямого ответа, а потом запутывает их выдуманными именами. Также он пытается скрыться от «чужих», переодевшись в другую одежду, которая часто выступает средством ложной идентификации. Солдаты принимают «своего» за «чужого», когда их товарищ появляется в русском колпаке. Пасек однажды прискакал в лагерь на коне, добытом у русских, что не позволило сразу узнать его. Отец не узнает своего сына, одетого «по-турецки». Затрудняет идентификацию сына также и верблюд, на котором он въехал в родную деревню. Одежда и верблюд – это военная добыча, о которой говорится перед началом рассказа о встрече отца с сыном. Предваряется рассказ фразой: «Один сын особенно утешил своего отца добычей» (Pasek 2009: 501). Заканчивается кульминацией сюжета, перенесенной в финал, т. е. смертью отца.

Мотив ложной идентификации выступает в связи с оппозицией жизнь/смерть, в результате чего развивается мотив мнимой смерти. Он введен в рассказ о том, как казаки добывали «языка»: «один, хоть ему ничего не стало, падает на землю; другой начал его quidem[27] приводить в чувство. <...> Этот

[27] «Как бы» (лат.). – *Прим. ред.*

quidem убитый лежит» (Pasek 2009: 553). О мнимой смерти своего хитроумного двоюродного брата Пасек рассказывает с его слов. Вводом для повествования служит фраза: «Решил он, что смерти и позора избежит таким способом» (Pasek 2009: 378). Повествуя о том, как его двоюродный брат инсценировал свою собственную смерть, Пасек использует множество пространственно-временных показателей и мелких, но значимых деталей. Прибежав на берег уже замерзшей реки Березины, его брат обивает обухом лед вокруг полыньи для того, чтобы создать впечатление своей гибели. Оставляет шапку на льду, бросает в воду кобуру и скачет лесом в Смоленск, чтобы там укрыться у родного брата. Ему удалось обмануть преследователей, они даже следов его не нашли.

Существуют и другие рассказы, построенные на мотивах ложной идентификации и мнимой смерти. Один офицер, сбежавший из отряда, отправившегося в разведку, уверяет всех в том, что в живых не осталось никого, что погубил их сам князь Хованский. Затем в лагере появляется другой офицер, причисленный рассказчиком к погибшим, и сообщает о гибели рассказчика – единственной потере в отряде, – придумавшего в свое оправдание невероятную ложь. Так мнимая смерть настигает обоих рассказчиков в рассказах друг о друге.

Небольшая часть рассказов основана на мифологических мотивах. Мифологические мотивы одиночны, они не повторяются, в отличие от устойчивых формул, связанных с Богом или с понятиями судьбы, счастья/несчастья и проч. В основном они встречаются в законченных рассказах и заключены в них, как в коконах, и поэтому не создают вокруг себя широкого смыслового ареала. В «сплошное» повествование включаются лишь поверья, которые также не способны к расширению своего смыслового поля. В отличие от обращений к вышним силам или к фортуне, которые беспрестанно варьируются, поверья упоминаются редко и ни разу не повторяются.

В «Записках» всего два рассказа на мифологические темы, один из них – пересказ. К ним относится рассказ о

персонаже двойственной природы, человеке-медведе. Автор приписывает ему происхождение от животного. По крайней мере, по его мнению, его воспитала медведица. Рассказ построен на попытках идентификации этого странного существа по внешнему виду и по повадкам. Пасек то склоняется к тому, что тот имеет человеческую сущность, то считает его зверем. Для него человек/ медведь – лишь объект наблюдения. Приписывает он ему возможность эволюции: «...во что медведь превратился, не знаю, был ли он человеком или нет; знаю только, что отдали его в обучение французам и начал он уже говорить» (Pasek 2009: 363).

Мифологичен рассказ о свадьбе гномов, свидетелем которой стал один польский кучер. Эти существа из неславянского фольклора являются ему в Швеции во время болезни. Сам сюжет, персонажами которого становятся представители низшей народной демонологии, распространен и в славянском мире. Реальность свадьбы гномов подтверждается свадебным пирогом, которым они угостили человека.

Сакральный мотив, видение св. Антония рассказчик воспринимает как реальное событие, но ведущей в этом рассказе – тема чуда. Он полагает, что перед ним монах, и пытается перевести случившееся с ним в план реальности, что сделать ему не удается. Как и в предыдущем рассказе о свадьбе гномов, так и в этом, человек, перед которым предстает святой, находится на переломе болезни.

Так сакральное (святой), архаическое мифологическое (человек/не-человек), мифологическое сказочное (гномы) становятся мотивами некоторых рассказов, составляющих отдельную группу.

ЛИТЕРАТУРА

Бахтин 1975 – *Бахтин М.М.* Эпос и роман (О методологии исследования романа) // *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.

Бахтин 1979 – *Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров // *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979.

Валгина 2003 – *Валгина Н.С.* Информационно-структурные и тональные (стилистические) характеристики текста // *Валгина Н.С.* Теория текста. М., 2003. Режим доступа: http://evartist.narod.ru/text14/31.htm (28.09.2013).

Дубин 2001 – *Дубин Б.В.* Речь, слух, рассказ: трансформация устного в современной культуре // *Дубин Б.В.* Слово – письмо – литература: Очерки по социологии современной культуры. М., 2001. Режим доступа: http://ec-dejavu.ru/r/Rumour.html (29.09.2013).

Михеев 2007 – *Михеев М.* Дневник как эго-текст (Россия, XIX–XX). М., 2007.

Постовалова 1994 – *Постовалова В.И.* Судьба как ключевое слово культуры и его толкование А.Ф. Лосевым // Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994.

Степанов 1997 – *Степанов Ю.С.* Концепт // *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Режим доступа: http://philologos.narod.ru/concept/stepanov-concept.htm (29.09.2013).

Тюпа 2002 – *Тюпа В.И.* Очерк современной нарратологии // Критика и семиотика. 2002. Вып. 5. Режим доступа: http://www.twirpx.com/file/527424/ (29.09.2013).

Тюпа 2011 – *Тюпа В.И.* Нарратив и другие регистры говорения // Narratorium. 2011. №1–2. Весна–осень. Режим доступа: http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2027584 (29.09.2013).

Фатеева 2011 – *Фатеева Н.А.* Группы переносных значений слов, обозначающих пищевые продукты, в русском арго // Коды повседневности в славянской культуре: еда, одежда. СПб., 2011.

Шмид 2003 – *Шмид В.Н.* Нарратология. М., 2003.

Chmielowski 1753–1756 – *Chmielowski B.* Nowe Ateny albo Akademiia wszelkiej sciencyj pełna na różne tytuły jak na classes podzielona, mądrym dla memoryjału, idiotom dla nauki, politykom dla praktyki, melankolikom dla rozrywki erzgowana. alias o bogu, bożków mnóstwie, słów pięknych wyborze, kwestyj cudnych wiele, o sybillów zbiorze, o zwierzu, rybach, ptakach, o matematyce, o cudach świata, ludzi rządach, polityce, o językach i drzewach, o żywiołach, wierze, hieroglifikach, gadkach, narodów manierze, co kraj który ma w sobie dziwnych ciekawości, cały świat opisany z gruntu w słów krótkości. T. 1–4. Lwów, 1753–1756. Режим доступа: http://literat.ug.edu.pl/ateny/index.htm (30.09.2013).

Doroszewski 1958 – Słownik języka polskiego / Pod red. W. Doroszewskiego. T. I–XI. Warszawa, 1958–1969. T. I. Warszawa, 1958.

Głażewski 2010 – *Głażewski J.* Historia i narracja. O epizodzie siedleckim w Pamiętnikach Jana Chryzostoma Paseka // Terminus. R. XII (2010). № 2 (22).

Pasek 2009 – *Pasek J.Ch.* Pamiętniki. Warszawa, 2009.

Pollak 1963 – *Pollak R.* Wstęp // *Pasek J.Ch*. Pamiętniki / Opracował i wstępem opatrzył R. Pollak. Warszawa, 1963.

Tazbir 2009 – *Tazbir J.* Pasek jako kronikarz XVII wieku // *Pasek J.Ch.* Pamiętniki. Warszawa, 2009.

ЧАСТЬ II

МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ ОЧЕРТАНИЯ МИРА ЯНА ХРИЗОСТОМА ПАСЕКА

Глава 1

СИЛЫ НЕБЕСНЫЕ

В «Записках» присутствуют метафизические очертания картины мира, которые различаются как светские и сакральные. Это вышний мир, воздействующий на человека; фортуна, господствующая над миром, способная превратить счастье в несчастье; народные мифологические представления. Очевидно, что эти три линии не прочерчены явно и порой смешиваются. Выделены они и поставлены рядом не случайно. Образуют они последовательность и в первой части энциклопедии «Новые Афины» Бенедикта Хмелевского (Chmielowski 1753–1756). Он следует «... многовековым традициям космографического жанра <...>. Сначала <...> описывает явления, относящиеся к каждой из сторон дихотомии *сакральное, христианское / греховное, языческое.* Поэтому открывает повествование рассказ о божественном мироустройстве <...>. Затем автор переходит к проявлениям противоположного начала...» (Лескинен 2011: 436). И метафизические очертания картины мира Пасека можно представить аналогично. В «Записках» они явно образуют целостный тематический блок.

Автор не задумывается о целостной христианской картине мира, она существует для него как данность и не требует тщательной прорисовки. У него нет такой художественной задачи. Ее очертания складываются из частных замечаний, реплик, сравнений. В них не раскрывается индивидуальное религиозное чувство человека XVII в. Пожалуй, сквозит оно лишь в рассказе о чудесном видении святого Антония. Зато Пасек, значительную часть своей жизни проведший в походах, примеряет свой военный опыт к христианской метафизике, в чем видится как наивное восприятие вечных истин, так и умение ими оперировать в любых контекстах. В ироническом ключе и отнюдь не в символическом плане

он представляет движение по невидимой вертикали следующим образом – польские пушки так приподняли шведов с земли, что те начали прыгать, как жабы, но неба им никогда не достичь. Апостол Петр даже калитку закрыл, чтобы не пустить их в рай.

Рай – это, конечно, небесный парламент, где Господь пишет декреты для грешников. Это типичные сарматские представления о верхнем ярусе мира: «...там Спаситель проводит элекционный сейм для избрания на престол небесный» (цит. по: Лескинен 2002: 80). Поэтому нет ничего удивительного в том, что Иоанн Креститель становится маршалком Иисуса Христа (Chmielowski 1753–1756). Жизнь на земле и на небе устроена одинаково: внизу творят свои безобразия сенаторы, на их земной парламент грозно взирают сверху политики небесные. В давние времена между землей и небом был заключен договор, который подтверждает конституция, очевидно, небесная. Королева Людвика Мария, отъезжая на небо, требует, чтобы ее сопровождали гетманы и архиепископ. Они и отправились вслед за ней на «страшный трибунал», т. е. на Страшный суд. Чистилище упоминается лишь в одном сравнении: как души из чистилища выглядывают те, кто, сидя в осаде, ждет освобождения Вены.

Если рай выступает местом, в котором отказано врагам польского народа, то ад – это их место. Ни рай, ни ад никак не конкретизируются. Но обитателей ада можно сравнить с противниками или «чужими», т. е. с теми, кому не знакомо понятие нормы. Их стерегут не ангелы, а черти, находящиеся у них в услужении. Их защитник – дьявол, «адский покровитель» (protektor piekielny). Поляков же Бог спасает: «И дьявол уступит, когда Бог кого-то карает» (Pasek 2009: 165). Противники уподобляются дьяволам. Французы, которых в Варшаве стало великое множество, косвенно сравниваются с чертями («co cerberowe rozdymają ognie»[1] – Pasek 2009: 385). Не только религиозные представления, но и народные поверья Пасек приспосабливает к своему повествованию. Счи-

[1] «Которые адские раздувают огни» (пол.). – *Прим. ред.*

тается, что дьявол показывается человеку перед смертью, но в бою, под грохот пушек, когда дымятся самопалы, нет у него на это времени, хотя он и любопытен (curiosus).

Так на реальные ситуации военного времени проецируется антитеза Бог/дьявол. В их борьбе всегда побеждает Господь, потому что его милосердие больше злости всего мира. Поэтому за поляками всегда остается победа на поле боя, и они всегда выбирают достойных королей.

ДЕЛА ГОСУДАРСТВЕННЫЕ. Господь следит за всеми государственными делами и предопределяет их решения. О том, что королю вручается трон милостью Божией, в то время писали и говорили постоянно (Augustyniak 1999: 68). Пасек дополняет эту идею следующим образом: люди, у которых нет Бога в сердце, не могут заниматься важными государственными делами. Все должны знать, что они находятся под неусыпным оком божиим, хотя человек и способен принимать решения. Правда, они не всегда бывают верными. Только при дворе решили возвести на трон французского ставленника, как умерла королева. Так Господь перевернул все по своей святой воле. Когда началось бескоролевье и сторонники отречения Яна Казимира уже торжествовали, а примас Пражмовский «триумфовал», Бог рассудил иначе, как и на выборах Михала Корыбута Вишневецкого. Когда Пасека спросили, что он понимает в сложившейся ситуации, тот ответил: «Понимаю, что Бог мне вложил в сердце: Vivat rex Michael» (Pasek 2009: 477). И увлек за собой хорунжих со знаменами.

Метафорический оборот – «вложить в сердце» – использует не он один. После взаимных оскорблений и выстрелов на рыцарском круге кто-то из сенаторов кричит: «Мерзавцы! Мы вас уничтожим, не выпустим отсюда, <...> других сенаторов назначим, из своих выберем короля, которого Бог нам вложит в сердца» (Pasek 2009: 470). Это Господь дает полякам Пяста, Яна Собеского («os de ossibus nostris»[2] – Pasek 2009: 503). К нему склоняются сердца всех подданных, что в даль-

[2] «Плоть от плоти нашей» (лат.); букв. «кость от кости нашей». – *Прим. ред.*

нейшем не мешает некоторым из них возмущаться действиями короля. Так божественное вмешательство в дела государственные поддерживают посредники, а сам Господь как бы перемещается на государственное поприще – он здесь, он рядом с каждым и помогает всем принимать важные решения. Поэтому с полным правом можно было сказать – Vox populi vox Dei est[3] (Augustyniak 1999: 69). Политическая риторика, обогащенная дополнительными смысловыми коннотациями, повышала статус королевских выборов. Так синтезировались два вида сакрального, религиозное и светское, определяющее позиции власти. В дальнейшем политика в стране продолжает активно христианизироваться, в том числе и в XIX в. (Филатова 2004).

ВОЕННАЯ СТРАТЕГИЯ. Итак, Бог ведет поляков на выборы, он же выступает их покровителем и защитником в войнах, что соответствует сарматской концепции провиденциализма. Правда, в «Записках» она сужается, но до значимой части реальной жизни того времени – войны, в которой участвует сам Бог. «Как бы без него одной польской саблей и малым войском смогли бы победить полчища врагов», – восклицает Пасек, как бы вторя словам гетмана Ходкевича, сказанным накануне победы под Хотином: «Ты по воле своей укрепляешь оружие, слабых делаешь богатырями, унижаешь гордых, возвышаешь смиренных, немощным даешь отвагу» (цит. по: Лескинен 2002: 59). Господь заботится обо всем: избирает исполнителей приказов, бдительных и благородных военачальников, которые могут отличаться медлительностью, как Чарнецкий. Эта его черта однажды спасла положение на поле военных действий. Бог решает, что именно он должен стать гетманом, т. е. сам расставляет силы перед сражениями. Напомним, что В. Демболенцкий аналогично видел соотношение сил земных и небесных. «В одной из книг <...> автор убеждает читателя в том, что сам Господь Бог защищает рыцарский польский народ (шляхту) и заботится о них, своих заступниках» (Лескинен 2002: 111).

[3] «Глас народа – глас Божий» (лат.). – *Прим. ред.*

Иногда Господа заменяет один из главных атрибутов – воля Господня, это она сражается за поляков («militabant pro nobis»[4] – Pasek 2009: 493). Синекдоха – один из тропов, часто встречающийся в «Записках». Все в мире человека происходит по воле Божией. Если хочешь что-то доказать, как ни старайся, никак не докажешь, если на то не будет воли Божией. Ни к чему тебе мощь, ни к чему мириады (войск), без его воли не начнешь сражение. Так Пасек варьирует мотив воли Божией.

Бог никогда не отступается от поляков. Если бы он не помог, польское войско покрыло бы себя позором. Он послал полякам победу в Дании в возмещение за их «конфузию», случившуюся в родных землях по его же изволению (шведский потоп). Так заступничество Господа дополняется мотивом равновесия удачи и не-удачи. Автор «Записок» в одних и тех же выражениях ведет речь о небольших сражениях и о знаменательных битвах. Они равны по смыслу, так как Бог всегда высится над воюющими сторонами. Его власть распространяется и на противников поляков, и на античных полководцев. Так возникают популярные в эпоху барокко анахронизмы. Римлянам Бог дал невероятную мощь, которую затем отобрал, ибо такова была его воля. Хотя у древних были и свои боги, к которым, например, взывает отец Александра Македонского, Филипп.

Современных турок Пасек отдает «под руку» Господа, тем самым расширяя его «владения». Это он, пусть на время, возвеличил этих мерзких морских разбойников. Но придет час, и они сгинут, как и остальные враги. Мусульманские народы, следовательно, зависят от воли Божией, но не от воли Аллаха, который даже не упоминается. На иноверцев переносятся христианские представления о покровительстве Всевышнего. Например, паша силистрийский, уверенный в своей победе, надеялся, что Бог принесет ему счастье.

Условность подобных высказываний очевидна. Обычно Пасек последовательно проецирует волю Божию и его милость только на поляков. О власти Господа над русскими он

[4] «Будет сражаться за нас» (лат.). – *Прим. ред.*

прямо не говорит, но противопоставляет отношение русских и поляков к Божиему соизволению. Русские надеются лишь на земные силы, князь Хованский ждет помощи от Долгорукого. Поляки полагаются на Господа Бога, Чарнецкий готов воевать даже без союзников во имя Его. «Москва» уверена в том, что превосходящая численность войска даст ей победу. Поляки знают, что если бы не рука Божия, они не победили бы своих врагов. Позволил им Господь выиграть при малых потерях. «Бог всемогущий выказал великое милосердие свое польскому народу и отчизну его несчастную вырвал из пасти разъяренного неприятеля, который бы ею и завладел, если бы Господь Бог не дал нам одержать победу, за что будет прославлено его пресвятое имя» (Pasek 2009: 232). К имени Божиему присоединяется и имя короля. Когда в 1672 г. татары взяли Каменец, они недолго его удерживали по милости Божией: польское войско во имя благочестивого своего короля разбило их под Немировым и Калушем.

Господь не только ведет польское войско в сражения, он собирает все христианские силы, многие королевства на борьбу с турками. Договорились между собой Польша, Венецианская республика, Империя: «Пусть Бог благословит благочестивые намерения христианских монархов и всего христианства!» (Pasek 2009: 530). Он направляет польского короля, который всегда на Него надеется, в Вену. Поэтому Господь и благословляет его «счастливой» победой. В помощи Господа Ян Собеский не сомневается, он уверен в том, что день сражения с врагами назначен свыше, что союзникам осталось лишь вступить в «дискурс» по этому поводу, притом с великим удовольствием. В повествовании о битве под Веной главенствует тема великой виктории, но не защиты веры. Она не выделяется из победного тематического комплекса, на первом плане находится концепт Провидения Господня.

Разрешая своей милостью победить, Господь не соизволит ее оказывать тем, кто не умеет распорядиться победой: «Vincere et victoria uti non item est» («Победить и пользоваться победой – это не одно и то же») (Pasek 2009: 255). Эту

Король
Ян III Собеский (пр. 1679–1696)
в битве под Веной (1683)

тему развивает в своих письмах и Ян Собеский. Он пишет: Бог не милостив к тем, кто не может воспользоваться победой (Sobieski 1973). Поэтому ему приходится давать уроки полякам, показывая, что осуществить задуманное удается не всегда. На пути из Вены славное польское войско потерпело поражение от турок. Это Господь послал королю «перемены» на поле боя. Подобные «перемены» означают, что отвернулась милость Божия от наших деяний. Случилось это оттого, что король был слишком уверен в своем превосходстве, поэтому и битву проиграл. Так Господь ласково пригрозил ему и всему войску, но в скором времени (через три дня) послал победу, иными словами, взглянул на них милостивым оком и вернул славу, добытую в боях под Веной. Так настроение и взоры Господа определили течение сражения. Он послал своему народу славную победу после недавнего поражения.

Как видим, Всевышний наделен эмоциональными реакциями. Он бывает грозным, справедливым, милостивым и

даже жалостливым. Так, пожалел Господь ни в чем не повинных поляков и позволил им победить «москву». Завидев, как мешкают они и дают противнику приумножить свои силы, Он гневается. Ведь поляки и все свое упускают и чужого не получают. Не сразу Он дал им приумножить славу и расширить границы своего государства, но потом Его всемогущая сила принесла им победу. «Слава Ему во веки веков за то, что не лишил нас своего покровительства», – восклицает Пасек, отдавая Господу решающую роль в сражении. Думные бояре теперь гремят кандалами и тачками возят землю. Хотели они взять поляков в неволю и безо всякой причины затеяли кровопролитные сражения, что Богу не понравилось.

Господь принимает или отвергает человеческие деяния, дает им оценки, затем следует вознаграждение или наказание. Когда Он захочет, то дает советы вождям, мужество и отвагу рыцарям, в чем поляки не раз убеждались во время сражений. Даже не поморщившись, они бесстрашно встречали вражеские снаряды. Господь всегда защищает тех, кто на него уповает. Иногда небесный полководец огорчается. Не нравятся ему войны, особенно братоубийственные. 1666 год закончился для Польши несчастливо. Не лучше было бы не затевать гражданскую войну, не проливать столько крови и не опустошать бедную отчизну. Люди, которые погибли, пригодились бы Речи Посполитой, тогда бы и Бога поляки не прогневали.

Под Его неустанным наблюдением они мстят врагу. Он позволил им устлать турецкими телами поле боя, заполнить ими быстрый и глубокий Дунай. Заполнение пространства мертвыми телами врага – стереотипное описание победы. Рассказывая о том, что случилось с русскими, когда поляки «под протекцией» Господа победили их, Пасек создает картину «мертвого» поля битвы, устланного трупами. Так сталкиваются милость Божия и ужасы войны, выписанные в эпическом стиле. Не всегда битвы бывали столь жестокими. Господь применял иную тактику, помогая полякам, как, например, в сражении под Хотином. Все выглядело так, будто Он туркам

очи затуманил и всякой храбрости лишил, – уверяет Пасек. Они так вежливо принимали поляков, будто гостей каких, а не врагов. Сражаться начали лишь, когда поляки прорвались в окопы, а турки даже не успели сойти с коней.

Бог – не только покровитель поляков, Он вершит суд над их противниками: шведы заминировали крепость на острове Альс и сами там погибли. Крепость взяли легко, потому что «вообще, на всякие оказии Господь Бог нас благословляет, как на разведку, так и на штурмы, где мы только ни встречали шведов, везде их били» (Pasek 2009: 154). Шведы под Фридеризантом досаждали полякам, из пушек лаяли, но Господь Бог их успокоил и отдал полякам крепость без большого кровопролития самым чудесным образом. Также Он следит за отношениями союзников и справедливо решает, что польская сабля, а не немецкая шпага станет главным оружием против шведов. Распоряжается Он и победами союзников. Так, императорское войско дважды победило турок. Значит, не всегда Бог милостив только к полякам, помогает он и союзникам-немцам.

Участие вышних сил в сражениях несомненно. Без них не обходится ни стратегия, ни тактика военачальников, ни один выстрел простого солдата на поле боя – как гласит поговорка: «Мужик стреляет, Господь Бог пули несет» («Chłop strzela, a Pan Bóg kule nosi» (Pasek 2009: 229)). Господь предопределяет исход сражений и испытывает воинов постоянными «переменами». Так привычная риторика эпохи «оживает» под пером Пасека: Господь, наделенный эмоциональными реакциями, а не только властью над миром, становится ближе к «человеку воюющему». Придавая ему уверенность и вселяя в его сердце мужество, Бог незримо присутствует на поле битвы. Человек же перестает быть пассивным объектом воздействия свыше. Они начинают взаимодействовать. Очевидно, ставя Господа впереди войска и отдавая ему право решать исходы сражений, Пасек таким образом подтверждал правильность политических и военных решений короля и возвеличивал любимых военачальников. Вознося благодар-

ности Господу за ниспосланную победу, король Ян III Собеский торжествовал: «Теперь нас никто не спросит: “А где ваш Бог?”» (Sobieski 1973).

МОЛИТВА НА ПОЛЕ БОЯ. Отправляющихся в бой благословляли капелланы, тут же перед сражением они принимали исповедь, которая для каждого солдата могла стать последней, давали разрешение грехов. Однажды Пасек просит благословить его отдельно, и капеллан Пикарский[5], не сходя с коня, наклоняется, чтобы дать благословление. Затем снимает свой реликварий и вручает со словами: «Иди смело, не бойся». Так солдат вверяет себя Господу и находит утешение в словах полкового священника. Благословение на битвы войско получает и от военачальника, Чарнецкого. Вот картина утра перед боем: «Двинулось войско, чтобы Господа Бога призвать на помощь, рано утром начали мы эти игры (т.е. сражение. – *Л.С.*) На ходу каждый сам служил мессу, повторяя и распевая молитвы; капелланы, ехавшие верхом, у каждого принимали исповедь. Все вели себя так, чтобы достойно приготовиться к смерти» (Pasek 2009: 203).

Поют перед боем духовные песнопения, обращенные к Господу и Деве Марии, гимн «O gloriosa Domina!»[6]. Хоругвь Пасека – гимн «Już pochwalamy króla tego», чудодейственная сила которого представляется несомненной. Только благодаря этому никто не погиб и все вернулись живыми. В других хоругвях, где этот гимн не пели, погиб каждый десятый. Так религиозная практика сплетается с суевериями или с приметами, в которых можно разглядеть проявления народного католицизма. За военные удачи и чудесное спасение войско возносит хвалу Всевышнему в коллективных молитвах, все распевают церковные гимны, радуясь, что им было позволено в добром здравии вернуться на родину.

[5] Адриан Пикарский (Adrian Piekarski/Pikarski) преподавал в Познаньской Академии, Калишской коллегии, затем был полковым священником в войске Стефана Чарнецкого. Принимал участие в шведской, датской и московской войнах. С 1661 г. был королевским проповедником при Яне Казимире, Михаиле Вишневецком, Яне Собеском. Сохранился его дневник о сражениях с войском Дьердя Ракоци (Paluszkiewicz 2011).

[6] «О славная Владычица!» (лат.) – начальные слова второй части католического гимна «Quem terra, Pontus, aethera». – *Прим. ред.*

Иногда для военных успехов бывает достаточно назвать священные имена. Пасек велит своим солдатам кричать: «Jezus Maryja!», и все выкрикивают имя Спасителя и Матери Божией перед наступлением. Священник войска Яна Собеского, исповедуя и причащая солдат, задавал им лишь один вопрос, верят ли они в Бога, и велел вслед за ним громко повторять «Jezus Maryja! Jezus Maryja!» (Sobieski 1973). Хотя король после победы под Хотином объявил Пресвятую Деву королевой Польши и ее покровительницей, а марийный культ сформировался много ранее, ее имя упоминается реже, чем имя Господа. Но, отправляя войско в бой, капеллан просит посвятить ей предстоящую битву – сражение начинается в день Рождества Богородицы.

Не всегда Пасек использует религиозно-милитарную риторику, иногда он рассказывает о том, как все было «на самом деле», например, о своих безнадежных попытках призвать солдат из ополчения к ратному труду. Он требует от них почти невозможного – доказать, что Бог и природа создали их людьми, а не грибами какими-нибудь. «Мы возвысимся над другими, опередим их, когда приведем королю языка. Сам Бог предоставляет нам возможность завоевать добрую репутацию». Эти его призывы никак не действуют на трусливых воинов. Пасек не сдается и продолжает свои речи: «Вспомните о Боге и отчизне, постыдитесь солнца, если людей не стыдитесь!». Но все напрасно.

Когда сражения приходились на время великих праздников, отряды собирались на импровизированные службы. В жизни Пасека было одно незабываемое Рождество, которое он встречал со своими «коммилитонами» и самим Чарнецким в морозном лесу после взятия шведской крепости в 1658 г. Капеллан Пикарский был на месте и готов был служить, но у него не было облачения, за которым послали. Чудесным образом оно подоспело вовремя. Алтарем в лесу стал дубовый пенек, на котором разложили все, что требуется для службы. Был сильный мороз и развели огонь, чтобы подогреть чашу. «Te Deum laudamus»[7] разносилось по лесу и отдавалось эхом. Как только закончилась служба, обозные доставили «суплемент» разный и началась рождественская трапеза (Pasek 2009: 124–125). Самый домашний церковный праздник стал триумфом польских воинов и вышел за пределы внутреннего пространства в пространство природное.

Победа под Ляховицами совпала с Благовещением. В крепости отслужили чудесную службу: были военные, шляхта, поляки и «литва». Месса стала подлинным триумфом: стреляли из пушек так, что земля дрожала. Все было чудесно: и проповеди, и поздравления, и благодарности, возносимые Господу; всюду радость смешивалась со слезами. Как известно, существовал польский обычай стрелять на этот великий праздник. Стреляли и на праздник Тела Христова и обязательно на Пасху. Отправившись морем на пасхальное богослужение, Пасек опоздал к заутрене, так как матросы сбились с пути, а потом началась буря. Уже светало, когда мореплаватели услышали орудийные выстрелы. Пасек сразу понял, что началась утренняя служба, а датчане решили, что это шведы осадили Копенгаген. Он объяснил им, что таков польский обычай – стрелять на пасхальную утреннюю службу[8]. Оказавшись на суше к концу светлого праздника

[7] Христианский гимн «Тебя, Бога, хвалим» (лат.). – *Прим. ред.*

[8] Как пишет Е. Китович, если в пасхальной процессии принимал участие король, артиллерийские залпы в столице давали сто раз. В маленьких городах и в деревнях все было проще, но стреляли обязательно – или солдаты, стоявшие на постое, или горожане, представители разных цехов, и крестьяне. Стреляли они неумело, обычно вразнобой, откуда пошла охотничья поговорка: «Strzelają jak na rezurekcją» («Стреляют, как на Воскресение Господне») (Kitowicz 1985).

Воскресения Господня, Пасек был в церкви в понедельник и вторник. Перед тем, как отправиться морем, он снова пошел на службу утром в среду. Такой была Пасха нашего автора в 1659 г.

РЕЛИГИОЗНОСТЬ ПАСЕКА. Он уверен, что Господь опекает его по-отечески, что находится он «под дирекцией» Божией. Поминает имя Господа, надеясь, что Бог выведет его из любой «турбации». «Одно дело быть обвиненным, другое виноватым; лишь на Бога возлагаю я надежду; если бы не Его вмешательство, погиб бы я на дуэли» – подобного рода заявления часто встречаются на страницах сочинения Пасека. Очевидно, что упоминания священного имени – составная часть привычных оборотов речи, а не экстатические воззвания к Господу. Оно вошло во множество фразеологических оборотов и пропитало своими смыслами лексикон того времени, что отражается в «Записках», как всегда, особым образом. В своей невиновности Пасек клянется именем Божиим и тут же вспоминает распространенную собачью кличку: «...можно и Курте на страсти Господни лаять, а я вместе с Сенекой скажу...» (Pasek 2009: 289).

Он знает, что никому, кроме Бога, не явлена его жизнь, и всегда призывает его в свидетели: «Один лишь Бог, сотворивший небо и землю, Вас, милостивый пан, и меня, мне свидетель» (Pasek 2009: 293). В его жизни все происходит по Божьей воле, как и его окружения, включая врагов. Когда его преследовали солдаты литовского войска, Бог их не утешил, но те, которых поляки порубали, излечились Божьей милостью, что и спасло Пасека от преследований. Если он виноват, то Бог накажет его в битве; если невиновен, то он выйдет из нее целым и невредимым. Всякий раз Пасек полагается на Бога в делах матримониальных. Родственники также уверены, что Бог склонит его сердце к очередной избраннице, и на то есть Его святая воля, чтобы брак состоялся. В день свадьбы Пасек переживает, что нарушил слово, данное другой, но поручает себя воле Божией со словами молитвы: «Боже мой, единый в святой Троице, прошу тебя, создателя моего: если есть на

то твоя пресвятая воля, чтобы выполнить прежнее решение, наполни сердце мое милостью святого духа – ждать или не ждать» (Pasek 2009: 459). Отец его несостоявшейся невесты так объясняет случившееся: «Видно, это все воля Божия, пусть Господь его благословит» (Pasek 2009: 460). Пасек радуется, что все получилось так, как Господу было угодно. Видно, Ему так понравилось, а не людям. Аналогично мотивируются матримониальные неудачи знакомых. По воле Божией племяннику Чарнецкого не удалось посвататься к дочери закрочимского кастеляна. Как видим, Бог по-разному устраивает дела семейные.

Пасеку известно, что он находится под защитой, и Господь все устроит – так всегда бывало в решительные моменты его жизни. Бог спас его в морской буре, спасет и от бурь жизненных, направляя на истинный путь: «Милый Боже! Видно, нет твоей святой воли на мои намерения» (Pasek 2009: 160). Пасек вручает себя воле Божией, обнимая ножки младенца Иисуса на богородичной иконке. Лишь прикоснувшись к священному изображению, он испытывает такое облегчение, будто пластырь приложил. Очевидно, что он возил с собой эту иконку. Заметим, что уже со времен Сигизмунда III мотив защиты веры визуализировался среди военных. Появилась мода вешать на сабли четки, ставить у себя иконки, развешивать крестики (Augustyniak 1999: 76). Е. Китович рассказывает, как за пазухой носили распятие, а на шее образок Божьей Матери на шелковой ленточке. Концы этой ленточки обязательно забрасывались за спину (Kitowicz 1985).

Благодаря Господа за каждый прожитый год, Пасек просит не оставлять его и далее: «Господь милостивый, дай мне еще таких же (счастливых. – *Л.С.*) лет, насколько моей жизни хватит, а за этот год возношу тебе хвалу» (Pasek 2009: 577). Аналогичным образом завершается повествование о годе закончившемся. Автор возносит хвалу Господу за чудесные спасения. Однажды он, спасая товарища, заразился тифом. В июне 1681 г. так болел, что «едва от калитки (ведущей в

рай. – *Л.С.*) вернулся» («ledwiem się od fortki wrócił» – Pasek 2009: 527). Воюя в чужих землях, даже не был ранен. На все есть воля Божия, – всегда повторяет Пасек, приговаривая: «Бог дал, Бог взял» («Dominus dedit, Dominus abstulit» – Pasek 2009: 526). Заказывает он службы в благодарность за выздоровление. Воздает хвалу и за удачные торговые сделки.

Пасек старается вести себя как истинный христианин. Соблюдает посты: воздерживается от мяса и ест только рыбу. В Дании в великий пост все ели мясо, даже самые ревностные католики, и смеялись над теми, кто этого не делал. Пасек же не стыдился своего рвения. Отправился он с матерью в Ченстохову[9] на праздник Вознесения Господня. Она ехала в коляске; он же, как положено, шел пешком. За ним вели коней, на которых они должны были вернуться. Пасек покаялся в том, что расторг помолвку, и надолго запомнил нравоучение священника. К тому времени Ясногурский монастырь давно стал главным местом поклонения не только простых людей, но и придворных, и самих королей. Еще раз Ченстохова упоминается в рассказе о поражении литовского войска. Там, где все люди получают искупление грехов, им досталось бичевание. Бывал Пасек в церкви перед важными событиями своей жизни, например, перед выступлением в присутствии короля. Только после утренней службы у отцов иезуитов он пошел во дворец.

Автор «Записок» исправно молился, посещал церкви и ездил в особо чтимые верующими места. Вряд ли его религиозное чувство было особенно глубоким, но он никогда не сомневался в присутствии Бога в своей жизни.

ВИДЕНИЕ. Возможно, противопоставление пищи духовной и плотской здесь непреднамеренно, но оно способствует разрешению основной темы рассказа: получив помощь свыше, автор-действователь чудесным образом выздоравливает.

[9] Ченстохова – главное место поклонения польских католиков, крупнейший религиозный центр Польши. В ней расположен Ясногурский монастырь ордена паулинов, в котором находится одна из самых известных и почитаемых святынь Польши и Центральной Европы – чудотворная икона Ченстоховской Божьей Матери («Черная Мадонна»). Она византийского письма, почитается с первой трети XIV в. (и православной церковью тоже), считается покровительницей Польши и поляков и главной святыней страны. – *Прим. ред.*

Рассказ начинается предупреждением: «Вот как было дело» (Pasek 2009: 582). Заканчивается сообщением о мессе, заказанной в честь св. Антония в знак благодарности за чудесное спасение. Главная фигура в этом рассказе – святой Антоний, явившийся больному, который старается перевести видение в реальные измерения.

Однажды во время болезни накануне Рождества Богородицы ему довелось узреть св. Антония, который сообщил ему о чудесном исцелении. Это Антоний Падуанский, к которому всегда обращаются с просьбой избавить от недугов. Также он помогает найти пропажу: «Если у кого деньги пропадали или конь, или еще что-нибудь, если с близкими случались несчастья, давали милостыню монахам-францисканцам, за это они сразу шли к образу св. Антония и пели гимн: “Si quaeris miracula” со стихами и молитвой. Иногда результаты появлялись тотчас во время пения гимна» (Kitowicz 1985).

Рассказ о появлении святого ведется в двух планах: Пасеку ясно, что свершилось чудо, но рассказывает он о нем как о реальном случае и не переводит в мистический план. Пожалуй, только оппозиция сон/явь слегка ослабляет реальность. Он спит, и из состояния сна его выводит тот, кто прикасается к его плечу со словами: «Вот Антоний стоит над тобой!» (Pasek 2009: 588). Пасек оглядывается и видит монаха-минорита. Он видит в святом монаха и не замечает никаких примет сверхъестественного. Миноритыи или меньшая братия францисканцев служат Господу по более мягким правилам, чем собственно францисканцы, в Польше они получили наименование бернардинцев. Носят они коричневые рясы, капюшоны, подпоясываются веревками. По этим приметам, видимо, рассказчик опознает незнакомца. Он смотрит на него и молчит, тот также хранит молчание. Никаких неясных очертаний, белых одеяний, дивных звуков или свечения в этом рассказе нет, они не сопровождают появление святого.

По ходу рассказа о чуде автор возвращается к мотиву сна и все происходящее сравнивает со сном. Как только св. Антоний прикоснулся к нему, то он понял, что не спит («żem na

jawie»). К нему вернулась память; пока он метался в горячке, то ничего не помнил и не понимал. Теперь сообразил, что его сразила тяжкая болезнь. Также больной предположил, что к нему прислали монаха, как положено. «Но персона эта сказала: “Я внимательно наблюдаю за тобой с прошлого четверга: не бойся уже, встань!”» (Pasek 2009: 583). Пасека охватила несказанная радость и с криком «Святой отец!» он вскочил, разбудив слуг, которые спали поодаль. Они подошли со свечой, испугавшись, что хозяин кричит в горячке. Но он спросил, куда пошел тот, кто здесь был. На удивленные вопросы слуг Пасек отвечает руганью и садится, но не на постель, а на стул. Так произошло чудесное выздоровление, за которое, встав на колени, Пасек благодарит Господа Бога и св. Антония.

ИНОВЕРЦЫ. Пасек встречался в своей жизни и с представителями других конфессий и к их святым он относился иначе. Ироничен его рассказ о похищении солдатами Яна Собеского мощей св. Иоанна Сочавского, первого молдавского святого, в XV в. замученного мусульманами за отказ переменить веру. Его очень почитали в Валахии. Похищение мощей Пасек называет переездом, совершенным по воле самого святого. По словам автора, св. Иван решил переехать из Валахии в Польшу (в Жолкву, под Львов), в другую резиденцию со всем своим серебром, взяв с собой нескольких чернецов, которым доверял. «В 1686 г., во время похода в Молдову польской армии во главе с королем Яном III Собеским, мощи Иоанн Нового были перенесены молдавским митрополитом Досифеем в Стрый, где они находились до 1691 г., а оттуда – в Жолкву. В Сучаву (вошедшую после войн с Турцией в состав монархии Габсбургов) мощи возвратились в 1783 г. по указу императора Иосифа II» (Иоанн Новый 2010). Так что «переезд» святого не был добровольным. Видимо, поляков привлекли «многие богатства» святого. Несмотря на конфессиональные различия, его мощи притягивали верующих обеих конфессий, католической и православной.

Пасек резко меняет модальность повествования, когда говорит о православном святом, но не обличает правосла-

вие. Когда он сопровождал российских послов, его гораздо больше заботило качество русской водки, чем различия в вере русских и поляков. Он явно отличался толерантностью. Вера турецкая в его сочинении не подлежит обсуждению.

Он миролюбиво наблюдал лютеранство в Дании и не заметил острого противостояния с католичеством. Правда, сказал, что масленицу датчане справляют не так весело, как поляки. В проповедях, читавшихся по-латыни, он не услышал ни одного слова против католической веры и даже сказал, что «лютерские» проповедники будто как римские священники читали. «Лютеры» же радовались таким словам и говорили, что верят в то же, что и католики. «Через десять лет после окончания кровавой Тридцатилетней войны, которая велась по религиозным причинам, католики и лютеране встречались на пасхальной службе, открывая *bonum communae*[10] христианства. Хотя евангелическая литургия отличается от католической, Пасек прежде всего писал о том, что является общим для двух вероисповеданий» (Chemperek 2001). Но капеллан Пикарский, тот самый, который благословлял Пасека на битву, ругал поляков за то, что они ходили в протестантскую церковь. Бранденбургский курфюст шутливо возмущался их поведением и делал вид, что боится отпадения поляков от своей веры из-за прекрасных датских девиц. Капеллан, кстати, отсоветовал Пасеку жениться на датчанке. Его другу, который решился на такую женитьбу, потом чудился голос, вещавший, что он отступил от Господа.

Пасек замечал особенности поведения «лютеров» во время церковной службы, знал он и более тонкие различия между ними и католиками. Когда во время морского путешествия началась буря, и страх объял и протестантов, и католиков, все начали молиться: «Страх жестокий и истовые молитвы – как мы, так и лютеры» (Pasek 2009: 138). «Лютеры» кричали: «Och, Her Jesus Christ!». Они только к Сыну обращаются, а католики и к Сыну, и к Матери Божией, – пишет Пасек, который нашел нужные слова для Господа: «Боже! Не

[10] «Общее благо» (лат.). – *Прим. ред.*

допусти нашей погибели; ты же видишь, решились мы на такое дело во славу твою и во служение» (Pasek 2009: 139). Он так подытоживает опыт совместной молитвы: «Qui nescit orare, discendit in mare» («Кто не умеет молиться, пусть идет в море») (Pasek 2009: 139)[11].

Совершенно по-другому относится Пасек к гданьским лютеранам. Его возмущают их мечты о победе турок над католиками. Они специально заказывали службы, страшно надоедая Господу своими дерзкими просьбами о поражении поляков. Но Он их не услышал. Однажды до «лютеров» дошла весть о военных успехах турок. Они так обрадовались ложным слухам, что отслужили благодарственные молебны. «Уж я не знаю, как они обрадовались, узнав об обратном, так как во время победы я был уже дома» (Pasek 2009: 577). Так Господь их «поставил на место». Он ведь всегда с теми, кто за справедливость, и наказывает отступников от правого дела. Немецкий католик сравнил гданьских лютеран с язычниками: «Я думал, что сижу здесь с христианами, а вы язычники; думал, что с людьми сижу, а вы бестии» (Pasek 2009: 542).

Свои надежды они возлагали на Имре Тёкёли (Tököly Imre), руководителя восстания, которому турки за измену обещали несметные богатства и власть. Он стал очень популярным. Повсюду за немалую цену раскупались конные портреты предателя. Продавались летучие листки – одна из основных форм политической пропаганды того времени. Заметим, что множество подобных листков выпускали в Польше по случаю победы под Хотином. В основном они предназначались для Запада (Augustyniak 1999: 83). Содержание летучих листков, написанных в стихотворной форме, продавцы громко распевали. Пасек подпел одному из них и поинтересовался, о чем песня. Оказалось, о счастливой победе турок над немецким императором. Тогда он купил этот листок за грош и дал одному мужику злотый за то, что тот

[11] Приведем описание кораблекрушения у Шатобриана в «Гении христианства»: «Однажды <...> мне довелось стать свидетелем кораблекрушения. Выбравшись на берег, матросы сбросили верхнюю намокшую одежду. Во время бури они дали обет Деве Марии. Они направились к маленькой часовне святого Фомы. Шествие возглавлял капитан; деревенский люд следовал по пятам за матросами, распевая с ними *Ave maris stella*» (Шатобриан 1982: 218).

подотрется этим листком на глазах у всех, что мужик и сделал. Католики смеялись, «лютеры» были недовольны, а иезуиты и доминиканцы сказали, что Пасек избежал страшной опасности – ведь Тёкёли здесь чтят как святого, поэтому на него могли напасть.

Представления Пасека о Боге, его восприятие вышних сил, очевидно, входят в «общий религиозный фонд» (Гуревич 1976) культуры XVII в., составляют часть «народного католицизма», а не высокого теологического знания. Значимые события своей жизни, государственные дела и военные сражения он освящает именем Бога. Видит божественное Провидение в делах государственных: каждый король восходит на трон благодаря Господу. Без него, кажется, ни одна пуля не пролетела на тех войнах, в которых участвовал автор «Записок». Но знал он и другое – Господь ведет неустанное сражение с духовными врагами и разоряет их царство; человек под Его водительством сражается с врагами телесными.

В мотивах Бога-защитника, покровителя, мстителя, Бога, определяющего жизнь человеческую, общественную и частную, Пасек осмысляет священный образ и приближает его к человеку, наделяя эмоциональными реакциями. У Господа может меняться настроение, Ему что-то нравится, а что-то нет. Бывает Он недоволен делами людскими: «А деревни трещат, убогие люди плачут; епископы, сенаторы короля убеждают, что нужно пожалеть отчизну, что все это, видно, Богу не нравится, если счастья нет» (Pasek 2009: 419). Бог повсеместно присутствует в жизни человека и общества.

Пасек сокращает дистанцию между вышним и земным миром и налаживает «прямую» связь между человеком и Богом и даже «перелагает ответственность» на него за дела людские. Бог все решает: и малое, и великое. Но человек не остается пассивным. Он способен принимать и собственные решения, хотя ничто не происходит без божественной воли, в чем и кроется суть веры. «У верующих, имеющих должное расположение, почти каждое жизненное событие освящено божественной благодатью, проистекающей из Пасхальной

тайны Страстей, смерти и Воскресения Христа, от Которого черпают свою силу все таинства и сакраменталии; почти всякое достойное использование материальных вещей может быть направлено к освящению человека и прославлению Бога» (Обряды 2007).

ЛИТЕРАТУРА

Валгина 2003 – *Валгина Н.С.* Информационно-структурные и тональные (стилистические) характеристики текста // *Валгина Н.С.* Теория текста. М., 2003. Режим доступа: http://evartist.narod.ru/text14/31.htm (28.09.2013).

Гуревич 1976 – *Гуревич А.Я.* Популярное богословие и народная религиозность средних веков // Из истории культуры средних веков и Возрождения. М., 1976. С. 65–91.

Иоанн Новый 2010 – Иоанн Новый, Сочавский // Православная энциклопедия. В 32-х тт. М., 2000–2013. Т. 24. М., 2010. С. 459–463. Режим доступа: http://www.pravenc.ru/vol/xxiv.html (30.09.2013).

Лескинен 2002 – *Лескинен М.В.* Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. М., 2002.

Лескинен 2011 – *Лескинен М.В.* От «натуры» к «гению»: традиции нравоописаний европейских народов XVI–XVIII вв. // Текст славянской культуры. М., 2011.

Обряды 2007 – Священнодейственные обряды // Католическая энциклопедия. В 5-ти тт. М., 2002–2012. Т. 3. М., 2007. Режим доступа: http://enc-dic.com/catholic/Svjaschennodestvenne-obrjad-103/ (30.09.2013).

Филатова 2004 – *Филатова Н.М.* К. Бродзиньский и идея христианской политики // Оппозиция сакральное/светское в славянской культуре. М., 2004.

Шатобриан 1982 – *Шатобриан Ф.Р. де.* Гений Христианства // Эстетика раннего французского романтизма. М., 1982.

Augustyniak 1999 – *Augustyniak U.* Wazowie i «królowie-rodacy». Warszawa, 1999.

Chmielowski 1753–1756 – *Chmielowski B.* Nowe Ateny albo Akademiia wszelkiej sciencyj pełna na różne tytuły jak na classes podzielona, mądrym dla memoryjału, idiotom dla nauki, politykom dla praktyki, melankolikom dla rozrywki erzgowana. alias o bogu, bożków mnóstwie, słów pięknych wyborze, kwestyj cudnych wiele, o sybillów zbiorze, o zwierzu, rybach, ptakach, o matematyce, o

cudach świata, ludzi rządach, polityce, o językach i drzewach, o żywiołach, wierze, hieroglifikach, gadkach, narodów manierze, co kraj który ma w sobie dziwnych ciekawości, cały świat opisany z gruntu w słów krótkości. T. 1–4. Lwów, 1753–1756.

Chemperek 2001 – *Chemperek D.* Pasek w Danii – literackie i kulturoznawcze jakości «Pamiętników» // Studia filologiczne 2. Studium Genetale Sandomiriense – Wyższa Szkoła Humanistyczna – Przyrodnicza w Sandomierzu. Sandomierz, 2001.

Kitowicz 1985 – *Kitowicz J.* Opis obyczajów za panowania Augusta III. Warszawa, 1985. Режим доступа: http://literat.ug.edu.pl/kitowic/ (29.09.2013).

Pasek 2009 – *Pasek J.Ch.* Pamiętniki. Warszawa, 2009.

Paluszkiewicz 2011 – *O. Felicjan Paluszkiewicz SJ.* Sw. Andrzej Bobola (1591–1657). Kontekst historyczny, w którym dane było żyć św. Andrzejowi (сообщение от 17/03/2011). Режим доступа: http://marucha.wordpress.com/2011/03/17/swieccy-kardynalami-—-pomysl-jezuickiej-piatej-kolumny-w-kosciele/ (30.09.2013).

Sobieski 1973 – *Jan III Sobieski.* Listy do królowej Marysieńki / Opracował L. Kukulski. T. 1–2. Warszawa, 1973. Режим доступа: http://literat.ug.edu.pl/listys (29.09.2013).

Глава 2

ФОРТУНА

Метафизические очертания картины мира Пасек существенно дополнил введением концепта фортуны и лишил его самостоятельности, поставив в зависимость от Господа Бога. Перед тем как показать, как в «Записках» соотносятся между собой фигура Всевышнего и аллегорическая фигура Фортуны, скажем, что искусство эпохи барокко было пронизано темой фортуны. Ее изображения тиражировались в живописи, она появлялась на сцене, ей посвящались поэтические произведения (ср. цикл Ст. Г. Любомирского «Фортуна»).

Значения Фортуны фокусировались в атрибутах, которыми она была наделена. Главный из них – колесо. Вращая его, эта фигура демонстрировала волю случая. Б. Хмелевский в «Новых Афинах» писал: «Колесо означает фортуну» (Chmielowski 1753–1756). Подобное высказывание вызвано отнюдь не слабой ориентированностью в мире аллегорий автора первой польской энциклопедии. «Важно отметить, что еще в высоком средневековье пресловутое колесо Фортуны (часто исполнявшее и дополнительную роль колеса Жизни) из атрибута нередко превращалось в самоценное символическое изображение капризной дамы. <...> Нагляднее же всего это полное слияние персонификации и атрибута выявляется в тех латинских сентенциях, где само колесо Фортуны начинало говорить в первом лице» (Соколов 1978). Так аллегория превращалась в свой атрибут, смысл которого был «предметом споров от эпохи раннего христианства до Ренессанса» (Киселева 2011: 395). Присутствовали в изображении колеса Фортуны и другие значения. Одну половину колеса, как пишет Б. Хмелевский, рисовали черной краской, другую – белой, что означало перемены судьбы, контраст между счастьем/несчастьем. Цветовое решение наглядно

показывало семантическую связанность фортуны с антитезой счастье/несчастье и с темой судьбы.

Фортуна не только вращала колесо, останавливающееся в любой момент. Ее значения были записаны и в других символических атрибутах: рога изобилия, наполненного цветами и травами, означавшего богатство и счастье. Аллегорическая фигура держала Рог в правой руке, в левую ей вкладывался парус, должный вызывать ассоциации с идеей произвольности. Иногда вместо паруса Фортуне вручалось весло. Обычно Фортуна именовалась слепой и изображалась с повязкой на глазах – так визуализировалась идея безотносительности Фортуны к миру людей. Ей безразлично, кто находится перед ней, она господствует над миром. «Другие рисуют ее стоящей на яблоке или шаре, с волосами, развевающимися на ветру, с вуалью, которую надувает ветер и выгибает ее наподобие молодого месяца» (Chmielowski 1753–1756). Шар или яблоко превращались в земной шар – так эта аллегорическая фигура с переменой символических аксессуаров приобретала власть и становилась всесильной. Этот аксессуар дополнял фигуру Фортуны в московском фейерверке на Новый 1704 г.: «Под ногами Фортуны <...> был изображен шар, который указывал на непостоянство счастья». Так интерпретирует значение шара Е. Погосян (цит. по: Киселева 2011: 396). Ветер, как парус и весло, отсылал к идее произвольности. Кроме того, «... даже сам источник энергии – ветер – весьма часто трактовался как проявление могущества Фортуны» (Соколов 1978).

ФОРТУНА – ЧЕЛОВЕК – ГОСУДАРСТВО. Очевидно, Пасек иначе воспринимал фортуну. Он не принимал во внимание ее визуальный аллегорико-символический ряд, хотя вряд ли не знал о нем. Фортуна для него – ведущий концепт эпохи, пригодный для описания самых разных жизненных ситуаций. Он сузил круг значений, связанных с Фортуной и не упоминал ее главный атрибут – колесо, которое Ст.Г. Любомирский, например, представлял пугающим: «Когда ты колесо со смехом обращаешь, /Самих бессмертных, ты, Фортуна,

устрашаешь» (Польская поэзия 1977: 142). О слепоте этой аллегорической фигуры Пасек говорит лишь однажды. Для Ст. Г. Любомирского она «незрячая богиня». Порой Фортуна становилась глухой, как у Кш. Опалиньского. Збигнев Морштын глухой однажды назвал судьбу.

Пасек приспосабливает фортуну к своему видению мира, повествуя о храбрых рыцарях, сражающихся и погибающих на поле боя. С ее помощью он ведет темы побед и поражений, судеб отчизны и человека, испытывающего счастье/несчастье, добивающегося богатства и всего лишающегося по воле случая. Так в его сочинении раскрывается семантическая насыщенность концепта фортуны и синонимичность ее вариантов, которые приобретают реальное воплощение в законченных эпизодах «Записок». Благодаря контекстам концепт фортуны и ее варианты утрачивают свою условность. Гуси, улетающие на юг, кот, тянущийся к молоку – удачные примеры в рассуждениях на тему фортуны, являющей человеку свою переменчивость. Пасек не только стремится к обытовлению данного концепта. Он приводит множество латинских цитат на тему фортуны, с помощью которых возвышает современность. Так, доблести воинов Александра Македонского следует приписать храбрым польским рыцарям, не страшащимся жестокостей свирепой фортуны (saevientas fortunae ferocitas).

Лишив фортуну колеса, Пасек передал ей движение этого главного атрибута. Изменив вид движения, фортуна не вращается, а лишь колеблется. Пока эта фигура находится в равновесном состоянии, человек не испытывает ее воздействия. Но стоит ей поколебаться, с ним происходят несчастья или, напротив, к нему приходит удача. Кроме того, она способна влиять на народы и страны. Именно перемены (adversitates fortunae), а не произвольность выбора, составляют главный смысловой план данного концепта. И в поэзии зачастую он доминирует. «...скорей Фортуна отвыкнет от измен /В одном дому сойдутся и смех, и смерти тлен <...> Чем девы молодые верны обетам будут», – пишет Я.А. Морштын (Польская по-

эзия 1977: 79–80). Этот концепт принимает самые разные формы, в том числе выступает в описании резких смен погоды: «Так и всегда на земле – то ненастно, /То снова ясно» (Польская поэзия 1977: 82).

Однажды перемены фортуны Пасек знаменательно называет революцией («znaczna fortuny rewolucyja»). Следовательно, в его представлениях значима резкость и стремительность перехода от одной противоположности к другой, а не те паузы, которые разряжают вечное коловращение и даже не та точка, в которой фортуна останавливается и замирает. «... слово “революция” было введено в научный оборот в естественных науках, например, для обозначения резких перемен. Этот термин был перенесен в общественно-политическую сферу и сыграл там огромную роль именно в силу своей неточности, оставляющей резерв для широкого ряда дополнительных значений» (Лотман 2010: 51).

Обычно фортуна перемещает человека по вертикали вверх и вниз, что символизирует жизненные удачи и поражения. Пасек прекрасно знал эту ее функцию, но намеренно обходил стороной. Он по-другому передает заложенную в этом концепте идею перемен. У него фортуна оказывается двойственной фигурой и различается как добрая и злая.

Вот как он начинает запись под 1661 г.: «В этом году Господь испытывал слугу своего разными случаями, переплетая злую и добрую фортуну, но все то на лучшее обратилось» (Pasek 2009: 246). Как видим, две противоположности могут переплетаться или превращаться одна в другую. Зная об этих особенностях фортуны, человек не должен поддаваться ее переменам и превращениям. Человек вписан в круг размышлений автора о фортуне. Пасек не просто фиксирует перемены в жизни, но и предлагает ему усвоить основные правила поведения при встрече с ней. Он демонстрирует их на показательных примерах, как бы вторя поэтическим строкам В. Потоцкого: «Кто омывает скорбь слезой горючей, /Тому Фортуна шлет печальный случай. /Сдержи печаль терпения уздой–/ И справишься с судьбой» (Польская поэзия 1977: 116).

Примечательно, что фортуна различно ведет себя в разных зонах пространства. Она меняется с переменой места, в котором обитает человек. «Za odmianą miejsca zwykła się też mienić i fortuna» («С переменой места обычно меняется фортуна» – Pasek 2009: 219). Как только два товарища покинули свою хоругвь и, не взирая на запрет и проклятье воеводы Ст. Чарнецкого, перешли на сторону Е. Любомирского, они погибли на поле боя. Фортуна здесь изменяется по воле человека, но превышает ее по значимости. Фортуна существует вне времени, но может перемещаться, например, в будущее: «Это был знак будущей фортуны».

Определение *добрая* обычно не сопровождает этот концепт, оно лишь подразумевается и выводится из контекста, в отличие от определения *злая*. Фортуна называется также «жестокой», например, на поле боя. Фортуна бывает злостной и даже ревнивой, когда пытается лишить отчизну ее достойных сынов. Так Пасек определяет фортуну. В поэзии же фортуну именуют также вздорной и капризной. Для автора «Записок» главный ее признак – изменчивость. В погребальном слове на смерть Рубешовского и Войновского Пасек говорит, что эти два воина совершали подвиги и с высоко поднятой головой встречали перемены фортуны («adversitates fortunae et iniurias coeli» – Pasek 2009: 189). Таков общий мотив эпохи. У И. Морштына истинный муж только тот, «кто вынесет изменчивость Фортуны» (Польская поэзия 1977: 27). Фортуна не может сразить всех храбрых воинов. Значит, человек способен ей противостоять. Этому концепту приданы антропоцентрические измерения, но не только.

Как уже было сказано, фортуна воздействует на человеческие сообщества и социальные организации. Ее влияние испытывают войска и государства. Не сумев справиться со шведами на своей земле, поляки побеждают их в сражениях на территории Дании. Шведский король спрашивает у присланного к нему пленника, чем объясняются такие успехи поляков. Пасек не вводит в их диалог тему фортуны. Она появляется, когда шведы признаются, что видят в своем

поражении ее перемены. Так фортуна переходит от одного противника к другому. Если здесь ее действия растянуты во времени, то в других случаях они набирают темп. Стремительно меняется фортуна в сражениях поляков и литвинов с «москвой»: «... только что москаль тащил литвина, теперь он его за бороду тянет» (Pasek 2009: 242). Фортуна становится невидимым действующим лицом данного эпизода: «...только она (фортуна. – *Л.С.*) их обласкала и тут же на штык наколола» (Pasek 2009: 242). Здесь фортуна, действуя как судьба, набирает значения оппозиции жизнь/смерть (Вендина 2008: 11). «Смерть и Судьба суть взаимосвязанные категории. В реальной плоскости человеческого бытия они могут сливаться до отождествления, а могут и расходиться, образуя в жизни сознания противоположные полюса» (Стрелков 1994: 34).

Не всегда Пасек говорит о резких противопоставлениях доброй и злой фортуны. Она просто бывает другой. Так, она отвернулась от польского короля, когда тот пошел воевать, и все изменилось: «Другая фортуна, храбрость другая и диспозиция (готовность к бою) другая» (Pasek 2009: 382). «Да и неприятель усилился, и наши не добились ничего хорошего», – продолжает Пасек. Следовательно, здесь все-таки имеется в виду злая фортуна, или судьба. Семантический оттенок «инаковости» фортуны выделяет приведенный пример среди прочих.

Придав фортуне этические измерения, Пасек вспоминает один из ее устойчивых атрибутов и обыгрывает тему слепоты, обращаясь к примасу Пражмовскому, слепому на один глаз: «Не знал ты, наверное, слепец, что слепая фортуна может больше, чем ты думаешь, и не обращает она внимания на тех, кто сильнее» (Pasek 2009: 393). Это определение, не получившее никаких новых смысловых оттенков, указывает на безотносительность фортуны: она не выбирает богача или бедняка, властителя или подданного. Фортуна наделяется «выражением лица», мимикой. Как известно, эта аллегорическая фигура хмурится или улыбается.

Улыбка фортуны – это устойчивое словосочетание, смысл которого сводится к тому, что человеку посчастливи-

лось, что ему нечто удалось. А.И. Полторацкий, рассматривая мотив судьбы у Шекспира, отмечает, что «Добро, которое исходит от Судьбы/Фортуны, символизируется обычно (общеевропейский образ) ее “улыбкой” (smile). <...> Зло, причиняемое Судьбой/Фортуной, антонимически символизируется ее “насупленными бровями” (frown-s) и соответствующим действием “хмурить брови” (to frown). Этим она выражает свое неудовольствие» (Полторацкий 1994: 263–264). У Пасека фортуна лишь хмурится. Через этот мимический жест он по меньшей мере дважды описывает повороты судьбы человеческой. Истинно достойный муж не должен взирать на то, что фортуна хмурится, т. е. не проявляет к нему расположения. Но есть такие, которые, как только заметят ее настроение, как только почувствуют, что ветер переменился – Фавоний на Аквилон – сразу покидают отчизну и несутся в дальние края[12].

Хотя фортуна произвольна в своем выборе, не ее предвещают некие знаки, например, некоторые малозначимые высказывания короля. Уверенный в своей победе под Веной, Ян Собеский взял с собой историков (поэта и историографа В. Коховского) и панегиристов, чтобы они писали о славных делах народа польского. Король сам, по словам Пасека, предсказал свою победу, когда заявил, что скоро в Польше будет много турецких коней, т. е. поляки вернутся домой с добычей. Это фраза отнюдь не пророческая, она не содержит обязательных для пророчества «темных мест». Но Пасек услышал в ней предсказание, т. е. обошелся с фортуной «непочтительно» и механически «сцепил» слова короля с историческим событием, тем самым проделал серьезную работу по усложнению данного концепта.

Никаких новаций в понимании власти фортуны над человеком (и миром) у Пасека нет. Он утверждает известные положения и подкрепляет статус данного концепта латин-

[12] Связанность фортуны с ветрами трансформируется в поэтическом мотиве Ст. Г. Любомирского: «Под башмаком ее – земля и свод лазурный, /Гнетет ее стопа – Африка и Вултурна» (Польская поэзия 1977: 142). Название южного и юго-восточного ветров (Африкус, Вултурнус) здесь перенесено на страны (Панченко 1977: 196).

скими сентенциями: «O virtus, ego te dominam putabam, et tu es serva fortunae» («О добродетель, я полагал тебя властительницей, а ты служанка фортуны» – Pasek 2009: 299); «saevire Fortuna et cuncta miscere coepit» («угрожать и все спутывать начала Фортуна») (Pasek 2009: 269). В этом видится дань условности. На первый план Пасек вывел глубинную связь фортуны с вышними силами.

БОГ – ФОРТУНА. Однажды Пасек употребил, на первый взгляд, странное словосочетание: «... tak P. Bóg pofortunił» (Pasek 2009: 200). Его смысл не сводится к тому, что Бог поспособствовал человеку. Он помог ему, но сделал это опосредованно, через фортуну. Так не в поисках предикатов, в которых были бы скрыты метафорические значения, и не в усложнении синтаксических конструкций, а в построении неологизма Пасек отразил связь вышних сил с аллегорической фигурой. Словообразование – один из путей отражения ценностного видения мира (Вендина 1998: 7).

По мысли Пасека, фортуна находится в руках Господа, Он ею управляет и повелевает служить тому, кто чист перед ним. Фортуна утрачивает независимость, не она выбирает, кого погубить или наградить. Это делает Бог, выпуская фортуну в нужных случаях на театр жизни человеческой. Только Он вершит судьбы мира, играя фортуной, как мячиком. Так перестраивается мотив игры фортуны с человеком. Я.А. Морштын описывает ее, например, как игру в кости: «Фортуна, вознося нас и круша, /Бросает кость не так, как ждет душа» (Польская поэзия 1977: 78). Пасек же приводит слова Аристотеля о человеке как игрушке фортуны: «Homo est <...> fortunae lusus»[13] (Pasek 2009: 183). Он цитирует великого философа лишь для того, чтобы подтвердить мысль о несовершенстве человеческой натуры.

Подчинение фортуны вышним силам – не изобретение Пасека. Концепт фортуны уже давно перестал диссонировать с христианской картиной мира и оказался пригодным для передачи идеи божественной власти над миром. Это

[13] «Человек – шутка (игрушка) фортуны» (лат.). – *Прим. ред.*

произошло потому, что основные значения, связанные с образом богини удачи и судьбы, постепенно выветрились, как и многие персонажи античной мифологии и истории, а также аллегории. Особенно явный характер этот процесс приобрел в эпоху барокко, что лишало их прежней смысловой наполненности и превращало в оболочку религиозных смыслов (Софронова 2004).

Фортуна теперь не бессмысленно бросала человека из стороны в сторону, а точнее, вверх и вниз; она следовала указаниям Господа. «Западные отцы церкви стремились изгнать из круга привычных понятий представления о капризной, никому не подвластной богине, несовместимые с христианской концепцией единого Бога-Творца и господствующего в мире Божественного Промысла» (Уколова 2005). Позднее «случайные причины» (Фортуну) объявили «сокрытыми» и увидели в них божественное Провидение. «Это позволило включить Фортуну в систему мировоззрения абсолютного теизма как несамостоятельную силу, которая была призвана играть служебную роль по отношению к Богу-Творцу и исполнять его недоступные пониманию человека предначертания» (Уколова 2005). Античные традиции определяли интерпретацию концепта судьбы-фортуны, подчиненной Промыслу Божию, и в дальнейшем (Бокадорова 1994: 111).

Пасек не просто вторит распространенным в его эпоху представлениям об отношениях Господа с фортуной, он пытается по-своему «разыграть» эту тему. У него фортуна не пассивна в отношениях с Господом, она пытается вырваться на свободу и уйти из-под его опеки. Но ее старания напрасны – милосердие Господне и защита свыше не позволяют ей устраивать триумфы и праздновать победу над человеком. Десница Его хранит человека от злой фортуны. Представив фортуну фигурой подчиненной, зависящей от вышних сил, Пасек не окончательно лишает ее присущих ей функций. Стоит Богу отвернуться от человека, она начинает действовать, т. е. фортуна не остается неподвижной, и человек обязан реагировать на ее присутствие в мире.

Так как любое начинание человека немыслимо без воли Божией, фортуна не так ему страшна. На нее не следует особенно надеяться и тем более отчаиваться. Человек не должен этого делать ни при каких обстоятельствах: Бог «... опечалит, когда захочет, утешит, если на то будет его святая воля» (Pasek 2009: 309). Перемены фортуны не должны человека пугать, он может ей противостоять, но только не заключать «пароль», это ни к чему не приведет. Человеку только кажется, что он способен договориться с фортуной, на самом деле это невозможно, ведь все в руце Божией. С Богом, а не с ней, следует заключать «кавалерский пароль», который нельзя нарушать. Пасек не только учит человека сдерживать эмоциональные реакции, но и намечает очертания его идеального психологического портрета.

Подчинив фортуну, Господь забирает себе ее функции. Не она поднимает человека вверх или опускает вниз, движением по вертикали распоряжается Бог. Вместо фортуны Господь сам передвигает каждого, кого как пожелает. От Него зависит упадок и возвышение человека. «Чудны дела твои, Господи!» («Niepojęte są czynów Twoich sprawy»), – восклицает Пасек в своем стихотворении по случаю победы под Ляховицами. Это не значит, что фортуна вообще исчезает из комплекса представлений о перемещении человека, его падениях и возвышениях. Она остается той точкой, от которой Господь отодвигает его или к которой приближает: «Отодвинешь от фортуны, когда соблаговолишь, приблизишь» («Umkniesz fortuny; gdzie raczysz, przybliżysz» – Pasek 2009: 233). Поэтому и не наблюдается симметрии между королями, а есть лишь огромная «дифференция»: один прославлен на весь свет, другой впряжен в триумфальную колесницу. Движение по метафизической вертикали, как заданное свыше, так и под воздействием фортуны, превращает великого человека в ничтожного, короля в пахаря, бедняка в богача. Этот обычный набор переворачиваний, которые производит фортуна, расширяется за счет милитарной тематики – не только слабый становится сильным, но и тот, кто ведет войско в сра-

жения, превращается в обозного. Вот римские императоры, прославившиеся на весь мир, а вот Константин, который погиб при осаде Константинополя. Помпея великим звали, как и его деяния, а пришлось ему окончить свою жизнь на берегах Нила. Неожиданно в этом списке появляются король английский Ричард, которого убил его собственный «гетман», а также король викингов. Один жизнь окончил в темнице, другой стал добычей голодных змей. Потом единой группой выступают библейский Самсон, непримиримый враг Рима Ганнибал, французский король Генрих IV и император Карл V. Их объединяет мотив договора (parol) человека с Фортуной. Но не защитила она полководцев и властителей, когда коснулась их рука Божия. Все они погибли, как Самсон под руинами капища, кончили свои дни в монастыре, как Карл V. Рассыпались их владения, не помогла им фортуна, которая сначала их вознесла и на которую они зря надеялись. «Без воли Божией никто ничего сделать не может, ни к чему тогда могущество и мириады (войск), когда затеваются сражения без его воли» (Pasek 2009: 236–237).

Пасек существенно расширил круг значений концепта фортуны, связав его с образом Всевышнего, который распоряжается как ее движением, так и движением человека. Две силы, воздействующие на человека, противопоставлены как сакральная и светская, доминирующая и подчиненная. Тем не менее между ними возможно построить семантическую параллель: сказать, что от человека отвернулась фортуна – это то же самое, что сказать – человек лишился милости Божией. Так фортуна перестает быть строптивой помощницей Господа в делах человеческих.

Такие концепты, как фортуна, обладающие высокой абстрактностью, отсылают «к “невидимому миру” духовных ценностей, смысл которых может быть явлен лишь через символ – знак <...>. Вот, очевидно, почему концепты последнего типа относительно легко “синонимизируются”, образуя “концептуализированную область” <...>, где устанавливаются семантические ассоциации между метафизическими

смыслами и явлениями предметного мира, отраженными в слове» (Воркачев 2001). Так происходит, например, в поэзии Я.А. Морштына, «невидимый мир» в одном его сонете составляют Время, Фортуна и Смерть (Польская поэзия 1977: 70).

СУДЬБА. Фортуна в «Записках» чаще всего выступает как судьба. Чтобы выявить и подчеркнуть это ее значение, Пасек употребляет личные притяжательные местоимения, называет фортуну «своей». Возникает у него обобщенный образ судьбы человеческой («fortuna ludzka»), которой человек подчиняется и полагается на нее. Так поступает воин, проливающий кровь во имя отечества. Но человек – и хозяин своей судьбы («fortunae faber»). Этот афоризм в «Записках» вспоминает Ежи Любомирский, слушая льстивые речи солдат. Пасек не раз говорит об ударах судьбы, которые переживал и сам. В Дании его посетило необыкновенное чувство: он влюбился в прекрасную и образованную девицу и никак не мог принять решение: остаться или вернуться в Польшу: «То приходит мысль остаться, то не делать этого» (Pasek 2009: 156). Пасек не только горячо молится, он размышляет о том, что отказывается от своей судьбы (fortuna). Судьба, по его представлениям, действует стремительно. Он не воспринимает ее как линейную последовательность событий, разворачивающуюся во времени. Она не постоянно присутствует в мире человека.

СЧАСТЬЕ/НЕСЧАСТЬЕ. Конкретизируется судьба как счастье/несчастье, так сохраняется внутренняя раздвоенность фортуны (добрая и злая фортуна). Однажды Пасек обыграл ее, построив следующий оксюморон: мы счастливо начали гражданскую войну, которая есть несчастье над всеми несчастьями («malum supra omne malum» – Pasek 2009: 383). В другой раз он поставил эту пару в зависимость от судьбы, названной им по-латыни: «Gotów szczęście, nieszczęście, jaka sors napadnie, Przyjąć» («Готов принять счастье и несчастье, какие пошлет судьба» – Pasek 2009: 566). Пара счастье/несчастье не вбирает в себя значений психологического, эмоционального состояния человека. То и другое не длится во времени. Как и

фортуна, они даются свыше и зависят лишь от Господа. Счастье то появляется, то исчезает, тогда его подменяет несчастье. После большого счастья следуют великие несчастья. Это правило жизни человеческой – как тень за солнцем, так несчастье ходит за счастьем. Человек должен знать, что ожидают его изгнание, плач и страдания, ведь они неразлучны с жизнью.

Существует понятие «злого», неправильного счастья, по смыслу близкое к неудаче – «из-за дурного (злого) управления войском злым счастьем пошла битва» («Trzecia potrzeba po szczęśliwie odebranej Warszawie <...> przez zły rząd złym też szczęściem poszła» – Pasek 2009: 98). Доброе счастье, как и добрая фортуна, лишь подразумевается. Счастье, как и фортуна, меняется, иногда резко и стремительно. Поэты, современники Пасека, на разные лады называли счастье переменчивым: «Мир переменчив от века / Для человека»; «Берегись! С переменчивым счастьем играешь» (Польская поэзия. 1977: 118, 161). Пасек же говорит о революции счастья («szczęśliwosci rewolucyja»). Напомним, аналогично называются перемены фортуны. Как с переменой места начинаются перемены фортуны, так и счастье воина уходит со сменой военачальника и полка.

Как перемены фортуны, так и чередования счастья и несчастья возможно описать, исходя из знаков зодиака. «Взаимоотношения различных констелляций, как считалось, неотвратимо отражались на людских судьбах, ощущение фатума, судьбы, стоящей надо всеми человеческими начинаниями и усилиями, вечно колеблющихся весов Фортуны придавало оттенок тревожной неуверенности людским деяниям» (Тананаева 2013: 134). Пасек настроен более оптимистично. В стихотворении, написанном в честь Ланцкороньского, он объясняет, что благородный род Ланцкороньского имеет в гербе созвездие Девы, потому и счастливы все его представители. У рода, значит, есть покровитель в небесах, дарующий счастье. Члены этого рода сами приносят свою «порцию» счастья, оставляя на земле потомство. Напомним, что в эпоху Пасека существовала политическая астрология, позволявшая предвидеть будущее и преодолевать фатум (Augustyniak 1999: 8).

М.Н. Соколов пишет: «У поэтов и эмблематистов весь мир порою отождествлялся с ее (фортуны. – *Л.С.*) вращающимся колесом, и даже небесные сферы начинали функционировать как составные части того же гигантского механизма» (Соколов 1978). Фортуна всегда уживалась с астрологией. «Подлинный астрологический бум приходится на XV – первую половину XVII в. (чему среди прочих факторов способствовало и развитие книгопечатания» (Силецкий 1994: 233). Взаимодействия фортуны со знаками зодиака Пасек особенно не развивал, но все-таки он оперировал устойчивыми мотивами своего времени, прочитывая в знаках зодиака предзнаменование счастье знатного рода Ланцкороньских.

Итак, фортуна под именами судьбы, счастья/несчастья не оставляет человека, который должен сохранять спокойствие, быть терпеливым и знать, что в переменах состоит всеобщий закон бытия. Так вел себя польский король: «Он редко печалился, и в счастье и в несчастье всегда был одинаков» (Pasek 2009: 416). Два друга, воевавшие вместе и умершие в один день, делили между собой счастье и несчастье, не страшась перемен. Человеку нужно надеяться на счастье, хотя оно приходит ненадолго. Он может разочароваться, отчаяться, как император, который не осмеливался взглянуть неприятелю прямо в глаза и выставить против него войско, потерявшее храбрость. Он должен помнить, что нельзя испытывать счастье постоянно. В этом случае он не был бы человеком. Вот короли, которых Пасек любит приводить в пример, могли годами испытывать счастье, а потом потерять корону и ходить за плугом вместе с волами или таскать кареты с клячами. И вот они уже под столами вместе с псами кидаются на кости – таков удел человеческий, так уходит счастье.

Автор проявляет осведомленность в тонкостях интерпретации счастья в религиозном плане, произнося речь на обряде пострижения в монахини одной девицы, дочери своих друзей. Здесь он забывает про победы и неудачные походы и рассуждает о счастье земном и небесном. Так этот концепт обновляется, приобретая противопоставленные сакральное

и светское значения. Одно счастье приносит мир, от которого человек не в силах отказаться. Ведь оно расставляет хитрые силки, в которые попадаются многие, предпочитающие счастью на вечные времена счастье кратковременное, а с ним и роскошь суеты мирской. Если же человек поддается миру, то придется ему читать декрет небесного парламента: «Proiecisti sermonem Dei, proecit te Dominus» («Отбросил ты слово Божие, и Бог тебя отринул» – Pasek 2009: 587). Он легко лишается счастья земного. Поэтому осторожно следует поступать с миром, на что способен не каждый. Истинно счастлив тот, кто избежал его соблазнов и прелестей и никогда с ним не «корреспондировал». Он удаляется от его забав в монастыри и пустыни и добровольно отказывается от мнимой свободы и развлечений. Только так можно достичь другого счастья, т. е. наследовать царство небесное. Так поступает девица, намеревающаяся посвятить свое девство Господу. Она отказывается от мирского счастья, от роскоши мира и его свободы и заключает «трактат» с небом. Эта речь Пасека – единственный эпизод противопоставления счастья земного и небесного, о котором он больше не вспоминает.

На своем примере он показывает, как жестокие несчастья сменяют радость («zazywa czasem okrutnej biedy, czasem i rozkoszy»[14]). Когда его опасное морское путешествие закончилось благополучно, друзья поздравляли его с великим счастьем. Он счастливо выбрался из опасной болезни. Компанию, в которой он напился, отчего и заболел, Пасек называет несчастливой. Он регулярно просит у Господа счастья на будущий год, а прошедший называет счастливым. Иногда подробно расписывает распределение счастья. 1684 год был счастливым для публичных мероприятий, но не для него самого («po jarmarku zły targ»[15] – Pasek 2009: 578). В 1683 г. счастье не обошло его стороной: как приватные дела, так и общественные, удались благодаря Господу.

[14] «Переживал временами жестокие несчастья, а временами – наслаждения» (пол.). – *Прим. ред.*

[15] «От ярмарки плохая прибыль» (пол.). – *Прим. ред.*

Испытывают счастье войска и народы так же, как переживают воздействие фортуны. Почему все так радовались победе под Ляховицами? Это для всех «была веселая победа, потому что после всех несчастий она принесла отчизне первое счастье» (Pasek 2009: 215). Веселый, веселье для Пасека синонимичны счастью, счастливому: «Состоялась эта счастливая победа 12 сентября и развеселила весь христианский мир, развеселился император, уже отчаявшийся и только на Бога уповавший, развеселился народ немецкий, особенно жители Вены» (Pasek 2009: 539)[16]. Примечательно, что и Ян Собеский пишет об этом сражении в аналогичных тонах. Были и другие счастливые победы: «Особенно счастливой была победа под Варкой» (Pasek 2009: 99); «Наши поляки – это пример великого счастья, которое они испытали по милости Божией, особенно король, решивший выступить против врага, которого весь мир боялся, и сам пошел со своим войском» (Pasek 2009: 579). Не все этому радовались – «литва» страшно негодовала, что не успела разделить с поляками счастливую победу.

Воин также бывает счастливым, т. е. удачливым: Чарнецкий «был вождем на манер великих военачальников и вождем счастливым» (Pasek 2009: 100); «Густав, как был воин великий и счастливый, вернувшись и взяв некоторые крепости в Пруссии, крепко прижал датчан...» (Pasek 2009: 103). Со счастьем, т. е. с победой, поздравлял курфюрст Стефана Чарнецкого, хотя в глазах его светилась зависть. Один воин, когда выигрывает, счастлив; другой – когда проиграет, отлетит, как птица, и прилетит, чтобы победить.

Приходилось народам и войскам переживать несчастья, какими для королей являются поражения или политические неудачи. Ян Казимир поэтому даже решил оставить трон. Он понял, что не на его стороне было счастье. Военачальники мужественно переносили несчастья, т. е. неудачи в боях, слу-

[16] Аналогично описывает победу над турками-османами в кандийской войне (один из этапов турецко-венецианской войны 1645–1669 гг. – *Прим. ред.*) далматинский историк Павел Андрейс: «Весть об этой славной победе была с весельем встречена в соседних городах Далмации, Венеции и всего христианского мира» (Воробьева 2012: 24).

чавшиеся потому, что Бог послал полякам перемены. Другие народы также испытывают нечто подобное. Так, императорское войско не имело счастья в сражениях с турками. Куда они только ни прорывались, везде их турки резали. И враги в поражениях переживали несчастья и оплакивали их, как татары, увидев разорение своей земли, тела жен своих и детей. В Турции началась тревога и даже бунты из-за несчастливого ведения войны, которую турки проиграли.

Счастье/несчастье, как судьба и фортуна, зависит от Господа. Он своей великой милостью приносит счастье, награждает победами. Дает сторонникам правого дела мужество и силу добрым христианам, а сектантов и отступников покоряет. Благословляет каждое начинание, которое можно назвать счастливым, и сам счастливо выводит благородную кавалерию на защиту своего величия. Чем меньше человек, даже в военных делах, полагается на себя и не приписывает себе победы, тем больше счастья дает ему Господь. Ведь распространяется Его милость на каждого. Так усиливается синонимичность фортуны и счастья.

УДАЧА. Фортуна-судьба или счастье/несчастье зачастую сводятся к удаче: «Как прошлый год прекрасно закончился прославленным взятием Кольдинга, так и новый удачно (w fortunie) начался взятием острова Альс» (Pasek 2009: 128). Победив врагов, спасшись от смерти, человек переживает счастье, или удачу. Отряд счастливо, т. е. удачно, подошел к границе; все разъехались счастливо, счастливо вернулись из разведки, счастливо выбрались из подвалов и встали в строй. О выборах кандидата на маршальство говорится, что им счастливо стал Стефан Чарнецкий. Неудачно («nie poszczęściło») сложилось правление маркграфа Станислава Мышковского. Несчастливо был решен вопрос о границе в переговорах с турками. Самому Пасеку однажды не посчастливилось, т.е. ему не удалось получить обеспечение.

Можно сказать, что в комплексе: фортуна, судьба, счастье/несчастье, удача – присутствуют значения успеха. Не раз у Пасека возникают словосочетания типа: «wiktoryja tak fortunna»,

«fortunne panowanie». М.В. Осипова так интерпретирует различия между успехом и удачей: «Успех может быть *заслуженным* и *запланированным*, успеха *добиваются* <...>, удача – результат счастливого стечения обстоятельств. Успех закономерен, удача случайна, она сама по себе является обстоятельством, сопутствующим успеху» (Осипова 2008: 31). Очевидно, что победа не может быть спонтанной – она готовится усилиями многих людей. Поэтому ее можно назвать «fortunną». Однажды Пасек употребляет слово sukces, но явно не в значении успеха, скорее всего, он придает ему значения исхода, результата: «Вот такого исхода (sukcesu) войны ожидали христиане, одни доброго, а другие злого» (Pasek 2009: 543).

БОГАТСТВО. Фортуна означает богатство, но не только. Фортуна – это состояние, владения, земли. Многие поляки служили в шведских войсках. Заключив мир с датским королем, король шведский позволил им уйти на родину с некоторой компенсацией, что сделали немногие. Остальные привыкли к новым обстоятельствам и понимали, что им трудно будет вернуться к прежней жизни на своих землях (na swoją fortunę). Иногда в таком значении фортуны проскальзывает смысловой оттенок судьбы. Возвратился Пасек из похода в Данию здоровый и «i w fortunie pewnie dobrej»[17] (Pasek 2009: 172). Так как далее он говорит, какое вознаграждение ему досталось и какие подарки он привез, очевидно, что фортуна здесь – это богатство. Хотя возможно, что значения фортуны все-таки шире – судьба была благосклонна к солдату, вернувшемуся с войны. После одной дуэли у него начались страшные неприятности, из которых он едва выбрался, что отразилось на его «фортуне». Имеется в виду материальное положение, так как он должен был оплатить лечение своего противника («битый всегда плачет»), дав ему 1200 злотых («za ból i za rany»[18]). На последних страницах «Записок» их автор так жалуется на свое бедственное состояние: «... послужил я во цвете лет, утратив здоровье и свое добро» (Pasek 2009: 595). Здесь слово fortuna стоит во множественном чис-

[17] «И в *фортуне* определенно доброй» (пол.). – *Прим. ред.*
[18] «За мучения и за раны» (пол.). – *Прим. ред.*

ле, как и в короткой песенке, которая исполняется на помолвке Пасека: «Niech komu nadzieja ściele / Różnych fortun na myśl wiele» (Pasek 2009: 458).

В стихотворении в честь Ланцкороньского, как уже говорилось, Пасек рассуждает о движении планет – Дева воздействует на кровавого Марса, жестокого Сатурна и хитрого Меркурия. Когда она принимает правление вместе с Юпитером, настает мир и следует ожидать благоденствия: здоровья, урожая и богатства («fortun pomyślnych»). Выступая в свою защиту и перемежая речь множеством латинских цитат, Пасек с горячностью доказывает незаинтересованность в материальной выгоде, которую называет улучшением фортуны.

СЛУЧАЙ. Наряду с фортуной-судьбой, счастьем/несчастьем, удачей у Пасека фигурирует случай, который «ходит не по земле, а по людям». Это устойчивый оборот, существующий и в русском варианте, но относительно фигуры смерти: «Не по лесу смерть гуляет...». Человек не сам решает свою судьбу – ему подворачивается случай. Из случаев складываются противопоставления злой и доброй фортуны, счастья/несчастья; «... *случай* не мыслится как высшая сила, определяющая жизни людей по заранее ею начертанному плану; *случай* не предполагает ни замысла, ни окончательности – это один из череды факторов, влияющих на жизнь людей. Также, в отличие от *судьбы, промысла, провидения, предопределения, жребия, случай* оказывает влияние только на один эпизод жизни человека (возможно, очень важный), но не задает очертания жизни *в целом*» (Апресян 2006).

Пасек с явным удовольствием описывает счастливые случаи. То, что они не выстраиваются в единый ряд, его не удручает. Человек его времени по-другому и не воспринимал неожиданности в своей судьбе. Интерес к случаю, в котором видится игра судьбы, проявляется у него не раз, что объясняется не только особенностями авторского мироощущения, но и реальностью, в которой существовал автор. «Чувство того, что все преходяще и может мгновенно измениться, обернувшись своей противоположностью, было особенно

понятно обитателям пограничных крепостей» (Тананаева 1979: 20). Добавим – и солдатам на поле боя. В одном сражении у товарища, служившего в одной хоругви с Пасеком, подстрелили коня. Пуля вошла ему в лоб и вышла через хвост, «товарищ же взлетел вверх от седла выше, на три локтя, и ничего ему не было» (Pasek 2009: 204).

Фортуна, счастье/несчастье, судьба, удача, случай – это единый комплекс понятий, в котором происходят некоторые семантические смещения. Пасек не придает ему стройности и логической выверенности. Они иногда выступают синонимами, иногда замещают друг друга, как счастье/несчастье фортуну, но окончательно их смыслы не совпадают. Фортуна бывает равнозначна судьбе, и в то же время она ее определяет. В каких-то случаях понятия фортуны, счастья/несчастья, судьбы сужаются и сводятся к удаче. Не так часто Пасек упоминает случай и явно ему не доверяет, несмотря на то, что в нем заложена мгновенность перемен, восхищавшая его эпоху.

Значения фортуны метафоризируются. Напряжение в обществе сравнивается с переменами погоды: само небо покрылось хмурыми тучами несчастья, и никто не может сказать, что весной все будет хорошо. Не нужно объяснений астрономов, что все устроится, когда отчизна в руинах и пролита невинная кровь. Иногда о счастье говорится в ироническом плане: «Такое счастье у меня бывало с конями, что они то калечились, то подыхали, то их убивали в бою» (Pasek 2009: 205); «... тогда Госевский, польный гетман и подскарбий, сидел в Москве в темнице, куда его запрятал Хованский. Такого же счастья он желал и нам» (Pasek 2009: 202).

Хотя фортуна главенствует в представленной выше синонимической группе, не она является доминантой. Над ней высится Господь, управляющий и фортуной, и всеми ее частными проявлениями и семантическими параллелями. От Его благоволения и милости зависят и счастье/несчастье, и судьба, и удача, о чем говорится постоянно. Так складывается концепция мира и человека, подчиненная высшей идее. Она состоит в том, что вышние силы незримо присутствуют

в мире человека и участвуют во всех его делах, как бы реализуясь в фигуре фортуны, еще одного представителя невидимого мира, но другого происхождения.

Нельзя сказать, что идеи Пасека отличаются от универсальной концепции эпохи, но он сумел разнообразить синтез сакрального и светского начал, разрешив, например, фортуне иногда вырываться из-под власти Всевышнего, который определяет судьбу человеческую и соизволением которого несчастья сменяются счастьем. Только случай, пожалуй, находится за пределами Его юрисдикции. Обратим внимание на то, что король Ян III Собеский решительно не желал ничего слышать о фортуне и надеялся только на Господа Бога: «Под конец я сказал им: “Что вы о фортуне говорите, растопчу я ее, как обезьяну, и, прощенья попросив у Господа Бога, завтра увидите перемену”» (Sobieski 1973). Так рассуждал воин и король; воин и писатель не отказывался от художественного видения мира.

Как бы ни была глубока вера человека, он выражает ее привычными языковыми формулами, в которых – от частого повторения – великие смыслы если не стираются, то не воспринимаются во всей их полноте. Они даже могут ускользать от человека. Очевидно, что имеются в виду не слова молитвы, а краткие речевые формулы, в которых упоминаются вышние силы. Человек использует их для подтверждения истинности своих слов, произносит как некий вербальный оберег. В этих формулах связь мирского и сакрального проявляется слабо. Вера в силу Господа в них не акцентируется, так как к нему обращаются ежедневно и ежечасно: просят о помощи, выражают благодарность и проч. Текст Пасека изобилует подобными формулами, но он не оставляет их неизменными, а перестраивает и распространяет. Они становятся развернутыми высказываниями: у него невидимый и всесильный Бог не просто выслушивает обращения человека, а человек немедленно получает искомое и возносит слова благодарности. Бог же становится действователем, так активизируются отношения Бога и человека. Вдобавок между

ними находится посредник, выступающий в самых разных видах. Автор «Записок» использует механизм замещения, следуя правилам эпохи – Бог выпускает вместо себя фортуну и ее заместителей. Так обновляются связи сакрального и мирского, и сакральное приближается к человеку за счет того инструмента, которым пользуется Всевышний. Именно к таким ключевым точкам сводится «наивная онтология» автора «Записок».

ЛИТЕРАТУРА

Апресян 2006 – *Апресян В.Ю.* Семантика и прагматика судьбы // Материалы международной конференции «Диалог 2006». М., 2006. Режим доступа: http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2006/materials/html/Apresyan.htm (29.09.2013).

Бокадорова 1994 – *Бокадорова И.Ю.* Семантическое поле «судьбы» у французских энциклопедистов // Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994.

Вендина 1998 – *Вендина Т.И.* Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М., 1998.

Вендина 2008 – *Вендина Т.И.* Базовые категории русской традиционной культуры // Категории жизни и смерти в славянской культуре. М., 2008.

Воркачев 2001 – *Воркачев С.Г.* Концепт счастья: понятийный и образный компоненты // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2001. Т. 60. №6. Режим доступа: http://lincon.narod.ru/happ_comps.htm (29.09.2013).

Воробьева 2012 – *Воробьева И.Г.* Кандийская война в сочинении далматинского историка XVII века // Образ войны в общественной мысли славянских народов эпохи Средневековья и раннего Нового времени. М., 2012.

Киселева 2011 – *Киселева М.С.* Имперские темы в барочной проповеди Стефана Яворского: «царство как колесница четырехколесная» // Текст славянской культуры. М., 2011.

Лотман 2010 – *Лотман Ю.М.* Непредсказуемые механизмы культуры. Таллинн, 2010.

Осипова 2008 – *Осипова М.А.* Успех, удача и ошибки атрибуции // Категории жизни и смерти в славянской культуре. М., 2008.

Панченко 1977 – *Панченко А.М.* Справки об авторах и примечания // Польская поэзия XVII века. Л., 1977.

Полторацкий 1994 – *Полторацкий А.И.* Судьба у Шекспира // Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994.

Польская поэзия 1977 – Польская поэзия XVII века. Л., 1977.

Силецкий 1994 – *Силецкий В.И.* Превратности лахесис (доля – случай – рок) // Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994.

Соколов 1978 – *Соколов М.Н.* Христос у подножия Мельницы-фортуны. К интерпретации одного пейзажно-жанрового мотива Питера Брейгеля Старшего // Искусство Западной Европы и Византии. М., 1978. Режим доступа: http://ec-dejavu.ru/m/Melnitsa.html (30.09.2013).

Софронова 2004 – *Софронова Л.А.* Введение // Оппозиция сакральное/светское в славянской культуре. М., 2004.

Стрелков 1994 – *Стрелков В.И.* Смерть и Судьба // Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994.

Тананаева 1979 – *Тананаева Л.И.* Сарматский портрет. Из истории польского портрета эпохи барокко. М., 1979.

Тананаева 2013 – *Тананаева Л.И.* О маньеризме и барокко. Очерки искусства Центрально-Восточной Европы и Латинской Америки конца XVI–XVII века. Чехия. Польша. Перу. М., 2013.

Уколова 2005 – *Уколова В.И.* Фортуна в мире западного Средневековья // Вестник истории, литературы, искусства. Отделение ист.-филол. наук РАН. М., 2005. Режим доступа: http://ec-dejavu.ru/f-2/Fortuna.html (29.09.2013).

Augustyniak 1999 – *Augustyniak U.* Wazowie i «królowie-rodacy». Warszawa, 1999.

Chmielowski 1753–1756 – *Chmielowski B.* Nowe Ateny albo Akademiia wszelkiej sciencyj pełna na różne tytuły jak na classes podzielona, mądrym dla memoryjału, idiotom dla nauki, politykom dla praktyki, melankolikom dla rozrywki erzgowana. alias o bogu, bożków mnóstwie, słów pięknych wyborze, kwestyj cudnych wiele, o sybillów zbiorze, o zwierzu, rybach, ptakach, o matematyce, o cudach świata, ludzi rządach, polityce, o językach i drzewach, o żywiołach, wierze, hieroglifikach, gadkach, narodów manierze, co kraj który ma w sobie dziwnych ciekawości, cały świat opisany z gruntu w słów krótkości. T. 1–4. Lwów, 1753–1756. Режим доступа: http://literat.ug.edu.pl/ateny/index.htm (30.09.2013).

Pasek 2009 – *Pasek J.Ch.* Pamiętniki. Warszawa, 2009.

Sobieski 1973 – *Jan III Sobieski.* Listy do królowej Marysieńki / Opracował L. Kukulski. T. 1–2. Warszawa, 1973. Режим доступа: http://literat.ug.edu.pl/listys (29.09.2013).

Глава 3

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСКОЛКИ

В «Записках» не раз встречаются элементы народной мифологии, которые не создают контраст с концептами, рассмотренными ранее. В какой-то мере они разряжают общий стиль повествования, но постоянные обращения к силам небесным или к фортуне не соседствуют с ними непосредственно.

ПОВЕРЬЯ. Пасек явно не был одержим верой ни в дурные, ни в добрые приметы и не ожидал, что в любой момент на него может напасть нечистая сила, как некоторые суеверные шляхтичи. О них В. Потоцкий пишет так: «Кто верит в сон и в чох и дружит с колдуном, /Не верит в господа, но с чарами знаком,/С огарком ходит днем, из чистого колодца / Не пьет, но из пруда заглохшего напьется, <...> Того бесовские одолевают козни, /Он вместе с нечистью умчится ночью поздней /Туда, где в отблесках зловеще ходит мгла, / Где пламя серное струится из дупла» (Польская поэзия 1977: 112). Однако некоторые поверья приводятся в «Записках», в том числе и «специальные», касающиеся лишь военного времени. Считалось, например, что расположение тел убитых врагов свидетельствует об исходе битвы. Если они падали головой по направлению к своим войскам, то это был добрый знак, знак победы.

Гораздо более распространенными были поверья, связанные с конем. Как известно, конь «в народной традиции одно из наиболее мифологизированных животных», обладающее способностью предсказывать смерть своему хозяину (Петрухин 1999: 590). Ему отводилась важная роль в гадании уже в самые древние времена. И во времена Пасека, когда без коня и в войско не брали, конь подавал человеку особые сигналы, по которым можно было распознать, будет ли сопутствовать ему на поля боя удача или его ожида-

ет смерть. Солдаты присматривались к тому, как ведут себя кони, прислушивались к звукам, которые они издают, пытаясь разгадать исход будущей битвы. Однажды перед выступлением кони по всем полкам страшно фыркали. В этом все увидели добрый знак и почувствовали прилив храбрости. Солдаты быстро взяли крепость, в которой засели шведы. Совершенно другое предзнаменование получил Дьердь Ракоци, отправляясь в поход на Польшу. Как только Ракоци сел на коня, тот упал, и мать сказала сыну, что это дурной знак. Тот ответил, что это никакой не знак, а просто у коня ноги дурные, и пересел на другого. Этот конь тоже упал, когда под ним разрушился мост. Чего же можно было ждать после таких предзнаменований – только поражения? Эпизод решен в ироническом плане.

Птицы, как и кони, сулили человеку счастье или несчастье. Некоторые приметы в связи с пернатыми складывались, видимо, на ходу. Однажды овсянка свила гнездо и вывела птенцов в шалаше, где вояки бушевали, пили, играли в карты и даже стреляли. Но птичка спокойно сидела в гнезде или клевала овес под самой мордой коня. Солдаты решили, что поселилась она здесь неспроста, «что это знак какого-то сверхъестественного счастья» (Pasek 2009: 193). Счастье действительно было, но для птицы, а не для автора «Записок». Это примета, видимо, сочиненная, овсянка не имеет особых мифологических коннотаций[19]. Другие, мифологически отмеченные птицы, появлялись над головой Яна Собеского на пути к Вене. Они предсказывали победу. Сначала «черный орел прилетел и низенько так летал и потом полетел от нас прочь. Теперь вчера белый голубь взлетывал перед войском, а прекрасный белый орел, низко покружив надо мной, повел к неприятелю» (Sobieski 1973). Чрезвычайно обрадовался белой голубице священник, узрев в ее появлении доброе пред-

[19] Видимо, появление птицы на театре войны – устойчивый мотив военной лирики и рассказов о войне. Овсянка Пасека коррелируется с ласточкой А.Т. Твардовского из «Стихотворения неизвестного бойца», выступающей знаком мирной жизни и покоя: «Ласточка, в траншейной нише /Ты с весны у нас жила, /Не найдя родимой крыши /На пожарище села./ Добрая в дому жиличка, /Скоро мы вперед уйдем. /Скучно тебе будет, птичка, /Прилетать в затихший дом» (Твардовский 1957).

знаменование. Ведь голубь – это «чистая, святая, Божья птица» (Гура 1995б: 515). Перед этим был замечен черный безухий пес, который постоянно попадался на пути короля и его войска. Никаких символических значений ему не приписано.

Появлялись предзнаменования и на небесах, по ним можно было прочитать, гневается ли Бог на людей или собирается выказать к ним свою милость. В 1664 г. после ужасных деяний примаса Пражмовского явилась страшная и огромная комета, которая зависла на небе. Так Господь выказал свой гнев Польше. Чем дольше она, явно угрожающая людям и знаменующая собой нечто ужасное, была видна, тем больший страх они испытывали в своих сердцах. В 1681 г. комета появилась вновь, но какова была на нее реакция, в «Записках» не сказано. По народным представлениям могли знаменовать войну комета, лунное или солнечное затмение, а также «красные столпы по обе стороны восходящего солнца (мазовец.); огненно-красное небо на закате (н.-луж.); красное солнце (болг.); обилие падающих звезд (болг.)» (Гура 1995а: 407). Король Ян Собеский узрел на небе совсем другие знаки. На пути к Вене рано утром при ясной погоде он рассмотрел маленькую радугу в виде молодого месяца. В течение получаса она меняла свою форму: небеса предвещали королю победу.

Если мир природы предвещал человеку счастье или несчастье, то люди, наделенные особым знанием, наводили на него порчу. Пасек полагал, что причиной его бездетного брака была именно порча. Ее, в том числе, производили с помощью поклада, т. е. предмета, который незаметно вносили в дом к тому, кто стал объектом вредоносных действий. «К числу наиболее распространенных <...> магических приемов наведения порчи можно отнести, прежде всего, подбрасывание к чужому жилью вредоносных предметов» (Виноградова, Левкиевская 2010: 70). Чаще всего такие предметы добывали на кладбище. Связанные с «тем» миром и наделенные отрицательной семантикой, они использовались, чтобы сделать женщину бесплодной. Это «...атрибуты погребальной обрядности (нитки от покрывала покойника, земля с могилы,

кость мертвеца)» (Плотникова 1999: 167). Щепка от гроба также бывала эффективным средством[20]. Именно трухлявая щепка стала орудием порчи, сыгравшим решающую роль в супружестве Пасека. Ее нашли в своей постели молодые супруги; подкладывали им и другие «нехорошие» предметы. Автор предполагал, что занималась этим родня его жены. Потому и не сбылась мечта о маленьком мальчике, «а все бы было хорошо, если бы не злость людская. Сделали ей так (как говорили), чтобы не было у нее больше потомства; находили мы в постели вещи разные, и я сам нашел трухлявые щепки от гроба» (Pasek 2009: 455). Негативное воздействие можно было нейтрализовать подобными же предметами.

В «Записках» упоминаются и другие поверья, связанные с насыланием порчи. Как известно, оно «осуществлялось, например, с помощью: взгляда <...>, плевка, прикосновения к человеку, дуновения или зевоты в его сторону; опасного слова (хулы, ругани, похвалы). Порча могла быть передана и мысленно <...> либо она “пускалась по ветру”» (Виноградова, Левкиевская 2010: 70). О сглазе Пасек говорит королю, пытаясь в лучшем свете изобразить неудачную разведку: «Может быть, нас сглазили (złe oko), так как мы прошли по неприятельским следам, видели огни и туман, но не смогли услужить вашему королевскому величеству, добыть языка» (Pasek 2009: 490). Если здесь упоминание о поверье выступает «фигурой речи» (Пасек явно старается спасти положение), то о силе опасного слова он пишет всерьез. Стефан Чарнецкий никак не хотел отпускать от себя некоего Поляновского с отрядом. Тот добился своего, и гетман, прощаясь, в сердцах воскликнул: «Чтобы вас вместе с ротмистром в первом же бою поубивали!» (Pasek 2009: 219). Так и случилось. Ротмистр погиб в бою вместе с двадцатью товарищами, да еще и обозных полегло человек сорок. Поляновский тогда был на волосок от гибели.

[20] Щепки и стружки, остающиеся при изготовлении гроба, также «использовали в магических целях: клали в капусту для защиты от гусениц (словац.); клали за пазуху, чтобы не бояться умершего (рус. владимир.), окуривали дымом горящих щепок руки тех, кто нарушил запрет работать в поле, пока в доме лежит покойник (банатские болгары)» (Афанасьева, Плотникова 1999: 555).

Пасек не воспринимал всерьез некоторые другие поверья. Однажды он заявил, что не верит в существование опасного пространства (locus fatalis). Его жена боялась жить в деревне, где прежние хозяева умирали один за другим. По народным поверьям, дом становился опасным местом после того, как в нем кто-то умирал (Плотникова, Усачева 1999: 119). Наш автор там жил долго, и все было хорошо. Зато он реагировал на прозвища и шуточные оскорбления, которыми наделяются представители иных этносов или соседей.

Новые соседи поддразнивают его, упоминая мазуров, а он остро реагирует на их поведение, но сначала лишь копит обиды: «Так всегда бывает, если кто-то с другого воеводства оказывается среди сородичей» (Pasek 2009: 466). Наконец, представляется удобный случай поставить их на место. Пасек полагает, что он не заслуживает такого отношения, так как он лишь сосед мазуров. Гости как бы между прочим сообщают, что мазуры родятся слепыми, т. е. намекают на их не-человеческое происхождение. «Мотив происхождения различных этносов от животных или превращения “чужих” в зверей и птиц – один из самых распространенных в этиологических легендах» (Белова 2000: 227). Этот мотив используется и в создании «портретов» соседей. «Жители Волковыского повета считали, что мазуры, подобно животным, рождаются слепыми и прозревают только на третий день» (Белова 2000: 228). Так соседи приравниваются к инородцам. Не упускают новые родственники случая обрушиться на гастрономические привычки соседей (об этом см. главу «Еда»).

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ. Перейдем теперь к мифологическому рассказу о свадьбе домашних духов. Пасек пересказывает его со слов кучера – участника и очевидца истории, которую тот наблюдал в особых условиях: выздоровев после тяжелой болезни. Напомним, что и Пасек увидел св. Антония на переломе болезни. Не раз в рассказе-пересказе повторяются обороты – своими глазами, на его глазах. Наибольшей достоверностью, как известно, обладает «видение своими глазами. <...> Сам рассказчик может не видеть

сверхъестественное, но воспринимать его (с помощью слуха, обоняния, осязания), что считается не таким достоверным, как зрение» (Цивьян 2008: 215). Сначала кучер получает звуковые сигналы о сверхъестественном: слышит прекрасную музыку и думает, что кто-то играет в других комнатах дома[21]. Напомним, что музыкант в народном мифологическом сознании связан с представителями «того» мира, музыка же выступает своеобразным мифологическим сигналом. В анализируемом рассказе человек не сумел его распознать и постарался перевести в неопределенную реальность. Когда рассказчик переходит от слуха к зрению, степень достоверности рассказываемого повышается.

На глазах кучера из мышиной норки выскакивает одетый по-немецки маленький человечек. Мышиная норка здесь упомянута не случайно. Это одно из мест пребывания демонологических персонажей, домашних духов, опекунов дома. Они обычно располагаются в нижней части дома, в подполье. То, что существо, появившееся из норки, маленького роста, определяется универсальным народным представлением об отклонении демонологических персонажей от нормы. «Иностранный» костюм – часто встречающаяся деталь их описания в славянской мифологии. Кучер не упоминает цвет костюма – обычно он бывает красным (Malcher 1999). «При продвижении на запад все чаще появляются данные, характеризующие домовика как маленького человечка в красной одежде либо как “ходячего” покойника» (Виноградова 2001). Польские поверья о духах – маленьких человечках, вероятно, сложились в результате воздействия со стороны соседей (гномы – по-польски «krasnoludki»). «Славяне искони не знали такой фигуры домашнего духа (как гном. – *Л.С.*), возможно, она появилась как гибрид древних славянских верований, на которые наложилось германское влияние. <...> Они, как правило, относятся к духам-опекунам домашнего очага, которые помогают человеку и умножают его достаток. Как правило – ведь случаются

[21] Примечательно, что музыка в ту эпоху была лекарством (remedium). Ею однажды излечили гетмана Чарнецкого, о чем сказано в «Записках» Пасека и в «Новых Афинах» Б. Хмелевского (Chmielowski 1753–1756).

и отступления от такого характера духа-опекуна» (Pełka 1987: 136). О европейском влиянии на этого домашнего духа пишет и Е.Е. Левкиевская. Она полагает, что карлики (гномы) не обязательно помогают людям; их «отношения с людьми строятся не на генетическом родстве с предками, а на принципах добрососедства» (Левкиевская 1999а: 154). Крошечные домовые встречаются в восточнославянских быличках, ср. быличку о «малюхоньком» старичке, который наделен и способностью к сжатию. Также маленький рост приписывается родственным домовому хлевникам и дворовым. Облик этих мифологических существ разнится со сменой ареала.

В рассказе кучера вслед за маленьким человечком появляются другой, третий, с ними выходят дамы. Гендерные различия демонологических персонажей встречаются не всегда, «Карлики делятся на мужчин и женщин, среди них есть старые и молодые, у них есть семьи, они справляют свадьбы» (Левкиевская 1999б: 471). Домашние духи, дамы и кавалеры, которых наблюдает кучер, выглядят как важные персоны. Когда музыка становится громче, они разбиваются на пары и начинают танцевать. Известно, что танец – одна из значимых характеристик демонологических персонажей, но танец маленьких человечков не похож на прыжки и кривляния нечистой силы. Они ведут себя очень чинно и танцуют красиво[22]. Заметим, что, по славянским поверьям, и домовые не прочь пуститься в пляс. Они собираются в какой-нибудь избе на краю деревни, откуда слышится их топот, пляшут в подполье, а также в клети или в сенях (Левкиевская 1999а: 123). Своими плясками они предвещают бракосочетания членов семьи, да и сами женятся. В одной быличке рассказывается, как из-под пола «раздаются <...> звуки свадьбы, справляемой домовыми: “Потом и пошло там, танцы да заиграла да пела. <...> Ну, танцевали, да выли, да плясали, да ходили”» (Кринич-

[22] Гномы, кстати, отличаются особым пристрастием к танцам: «И он взял принцессу за руки, и принялись танцевать вместе с гномами и блуждающими огоньками, а пауки весело прыгали вверх и вниз по стенам, точно живые огоньки. Сова била в барабан, сверчки свистели, а черные кузнечики играли на губных гармониках. Развеселый был бал!» (Г.Х. Андерсен, сказка «Дорожный товарищ»). Я. Ивашкевич именно со сказками Андерсена сравнил рассказ о свадьбе гномов (Tazbir 2009: 15).

ная 2001). В рассказе Пасека состоится свадьба одной из пар домашних духов, на чьи танцы опасливо смотрит кучер. Замечает он, что одна пара наряжена по-особому, но говорит только об уборе невесты. Называет и музыкантов.

О предстоящей свадьбе его информирует один из маленьких человечков: «Не бойся того, что видишь, ни один волос не упадет с твоей головы; мы – домашние духи, и у нас сейчас свадьба, женится наш брат, и мы идем на бракосочетание, а когда вернемся, то пригласим тебя на свадебный пир» (Pasek 2009: 165–166). Для домашних духов не характерна человеческая речь, у них есть свои акустические характеристики, но духи способны и к вербальному контакту. Речь карликов, по народным поверьям, принципиально неясна и невнятна, они «перемежают свою речь немецкими фразами, а некоторые человеческие слова заменяют своими (луж.)» (Левкиевская 1999б: 471). В рассказе кучера речь домашнего духа не имеет никаких дефектов.

Свадьба демонологических персонажей – известный мотив мифологических рассказов и поверий, не только славянских. Существует, например, латышская быличка на этот сюжет: «Не сиделось барону дома, он вышел в сад. <...> Гулял он, гулял, вдруг, откуда ни возьмись, маленький гном. Спрашивает барона, почему он такой грустный, почему ночью не спит. <...> Гном усмехнулся и говорит: “Невелика беда! Ты позволь нам, гномам, сыграть ночью свадьбу в твоем большом зале. Да смотри, чтобы никто не подглядывал, что мы делаем”. Барон очень этому обрадовался» (Легенды). В другой латышской быличке к хозяйке замка приходят гномы, которые также хотят «сыграть свадьбу, при условии, что их никто не увидит». В полночь, «когда свадьба была в самом разгаре», вернулся ее муж. «Как только он вошел в комнату, не понимая, что происходит, все сразу исчезло». Услышав рассказ жены, он «вскочил на лошадь и умчался обратно в лес. Наутро его нашли мертвым в лесу» (Легенды). «Карлики показываются только тем людям, которые им нравятся, и не любят, когда за ними подглядывают» (Левкиевская 1999б: 470).

Вернемся к мифологическому рассказу Пасека. Маленькие человечки после танцев выходят из дома, не причинив кучеру никакого вреда. Один из них запрещает ему закрывать двери, но тот больше не желает любоваться праздничным зрелищем (spectaculum) и нарушает данный ему запрет: закрывает дверь на крючок, чтобы компания духов не смогла вернуться. Известно, что сюжеты былички строятся на запрете, который нарушает человек при встрече с демонологическим персонажем. Этот запрет обычно известен каждому носителю мифологического знания. Кучер не проявляет никакой особой осведомленности и узнает о том, как следует себя вести в конкретной ситуации, от демонологического персонажа. В латышской быличке гном тоже требует от барона, чтобы никто не подглядывал за свадьбой. Его запрет нарушает не барон, а дочь садовника, которая, заглянув в окно, громко рассмеялась, когда увидела, как один гном, танцуя, поскользнулся и упал. «Тотчас свет погас, и гномы разбежались кто куда. Только старый гном остался; он подошел к дочери садовника и сказал: “За то, что ты не могла удержаться и подглядывала, ходить тебе тут после смерти ночами, лишая всех покоя”. <...> Дочь садовника вскоре умерла. И, как гном сказал, так оно и исполнилось: садовникова дочка по ночам бродит по замку» (Легенды).

Нарушение запрета могло грозить наказанием и кучеру, но домашние духи простили его. Возвращаясь, один из них пролез в щель под дверью, на глазах больного превратился в крупного мужчину и погрозил ему пальцем. Затем поднял дверной крючок и открыл двери, чтобы впустить всех участников свадебного обряда. Изменения внешнего вида, роста свойственны демонологическим персонажам (ср. русский леший). Маленькие человечки прошли тем же путем, что и выходили, и сразу отправились в мышиную норку. По польским поверьям, «krasnoludki» живут там всегда и легко могут пролезть в любую щель (Pełka 1987: 136; Malcher 1999). Они не забыли о своем приглашении, через час или более один из них вынес на тарелке свадебный калач с изюмом, богато украшен-

ный фруктами, и сказал кучеру: «Это молодой тебе посылает, чтобы ты отведал свадебного угощения» (Pasek 2009: 166). Это подношение можно сравнить с дарами домовиков в северно-русской быличке: они, как и гномы, появляются из-под подполья, но, в отличие от них, просят дать им тарелки для свадебного пира, что и делает старуха, хозяйка дома. Она получает в подарок парчу, которой ей хватило на два колпака.

В рассказе кучера его угощают, хотя он не только не помог маленьким духам, но и пытался им помешать. Судя по всему, ситуация угощения человека обратна той, которая именуется кормлением. Опекунов дома угощают ритуальной пищей в особые дни года, в обычные дни оставляют за печью кашу, молоко. Карлики же получают «соль с мукой или молоко в ореховой скорлупе» (Левкиевская 1999б: 472). Они часто просят у людей хлеб, лепешки, муку. «Половину подаренного им пирога они возвращают назад» (Левкиевская 1999б: 472). Домашние духи оделяют кучера также «частью» пирога точно так же, как это происходит, например, при делении каравая на славянской свадьбе (Байбурин 1992). В рассказе не говорится, какой это кусок, например, первый или последний, которым придавался особый мифологический смысл.

Кучер взял калач с большим страхом, о чем говорится не раз: «Кучер этот в ужасном страхе» (Pasek 2009: 165), «Он едва не умирает от страха» (Pasek 2009: 165), «Взял он его (калач) с огромным страхом, поблагодарил и поставил подле себя» (Pasek 2009: 166). Но к угощенью не притронулся. Когда пришедшие к нему друзья и лекарь спрашивают, откуда взялся калач, кучер кратко рассказывает о том, что произошло. Все удивились, что кучер даже не попробовал калач. Лекарь сказал, что бояться нечего, что в Швеции люди вообще не испытывают страха перед маленькими человечками, что калач принесли «домовые» (domownicy), «наши друзья». Со словами о том, что людям часто достается от духов съестное и что оно никому не вредит, гости тут же съедают калач. Угощение – это знак доброжелательного отношения духов к человеку, они явно не желали кучеру никакого вреда, во что он не поверил.

В финале рассказа подчеркивается, что контакты людей с духами – это обычное дело. Шведы, по словам Пасека, «одомашнили» персонажей демонологического мира, сделали из них spiriti familiari[23], превратили в прислужников по дому, невольников, как это бывает в Турции (естественно, с пленниками, а не с дьяволами). Противники находятся под защитой дьявола не только в своих домах, но и в бою. Пасек никогда не слышал, чтобы хоть одна польская сабля затупилась в бою со шведами. А ведь разными снадобьями натирают шведы пули перед сражением. Их отношениям с нечистой силой подводится следующий итог: каждый из них стрелок, каждый солдат и каждый колдун (charakternik) (Pasek 2009: 164). Ян Собеский был уверен, что турецкий визирь напустил на польское войско заразу, и что он колдун.

Если рассказ о свадьбе гномов – пересказ, а наблюдателем и участником событий выступает кучер, то в рассказе о странном существе наблюдателем является сам Пасек, хотя он несколько раз ссылается на других очевидцев. Рассказ принадлежит ему самому и построен на оппозиции человек/не-человек. В отличие от рассказа о свадьбе домашних духов, он не имеет четко построенного сюжета и слабо отделен от общего повествования.

При дворе Яна Казимира какое-то время жило странное существо, которое окружающие воспринимали как человека-медведя. По словам Пасека, это был «niedźwiadek alias in forma człowiek»[24] (Pasek 2009: 359). Хотя он и назвал это существо прежде всего медвежонком, все же выделил в нем человеческие черты: он был таким, каким человек должен быть, только весь зарос длинной шерстью. На руках и ногах у него не было медвежьих когтей, что опять же приближало его к человеку. Правда, на лице его тоже была шерсть, видны были только глаза, в чем и состояла основная «dyfferencyja» (отличие) его от человека. На вид ему было лет тринадцать.

Поведение человека/медведя, в отличие от внешнего облика, Пасек однозначно описывает как поведение живот-

[23] «Духов семьи» (лат.). – *Прим. ред.*
[24] «Медведь, а в других случаях по виду человек» (лат.). – *Прим. ред.*

ного: «не знал он обычаев человеческих, только звериные» (Pasek 2009: 360). Развернутый пример «звериных» обычаев относится к гастрономическому этикету, т. е. к культуре повседневности. Вот небольшой эпизод. Королева Людвика дала человеку/медведю кожуру груши, посыпанную сахаром. Тот охотно взял угощение, пожевал, выплюнул себе на ладонь и «вместе со слюной швырнул королеве между глаз» (Pasek 2009: 360). Сказав пару слов по-французски, она в гневе вышла из-за стола, чем страшно рассмешила короля. Из этого замечания следует, что странное существо присутствовало при обеде королевской четы, но вряд ли его сажали за стол. Придворный медик, правда, считал, что его приучили есть за столом. О том, как питался человек/медведь, писали многие. Кто-то видел, как он с жадностью ел мясо, а также щипал траву; как он ел хлеб, предварительно его обнюхав. Некоторые уверяли, что питался он, как подобает медведю: ел мясо, любил мед, дикие фрукты. Встречаются сообщения, что он отказывался от приготовленной пищи и всему предпочитал яблоки. Итак, оппозиция сырое/вареное не всегда включается в описание рациона человека/медведя, но все же она присутствует. Растительную пищу, а иногда только ее, упоминают многие.

О том, как передвигался человек/медведь, Пасек не говорит. Но многие видели, что стоял он с трудом, передвигался же, как животное, на четвереньках, часто прыгал: «он вскочил на лавку, как зверь, на четвереньках, после чего неожиданно встал на ноги» (цит. по: Kiersnowski 1990: 320). Другие уверяли, что это странное существо все-таки научили ходить, «ставя к стене, как собак, которых учат служить» (Kiersnowski 1990: 321).

Пасек подчеркивает, что человек/медведь начал говорить только после того, как его отдали в обучение к французам. Раньше он никак не мог объясниться с людьми: «Это существо не умело говорить» (Pasek 2009: 360). Другие авторы уверяли, что человек/медведь только рычал, но понимал, что ему говорят. Кстати, по некоторым мифологическим представлениям медведь понимает человеческую речь. Как рассказывал сам король Ян Казимир своему придворному

медику, медвежонок все же заговорил, «но голосом грубым и нечеловеческим выражал он свои мысли» (Kiersnowski 1990: 321).

Об этом существе много говорили, описывали свои наблюдения над ним в мемуарах, в газетных статьях, в чем проявилась тяга к экзотике, столь характерная для той эпохи. Все сообщения о человеке/медведе, развернутые и краткие, приближались к народному устному рассказу о сверхъестественном. Вера в реальность персонажей двойственной природы не пошатнулась к тому времени не только в простом народе, но и в высших слоях общества. Мифология сохраняла свои позиции в культурном сознании.

Медведь занимал почетное место в славянском зоологионе и принял на себя множество мифологических коннотаций. Б. Хмелевский, который приводит и рассказ Пасека о человеке/медведе, составил свой краткий очерк о медведе в «Новых Афинах», не забыв и о некоторых мифологических аспектах его природы. «NIEDŹWIEDŹ *qua forma*, napatrzemy się Polacy» («Медведь, на вид которого, мы, поляки, насмотрелись») (Chmielowski 1753–1756), – говорит он, но тут же замечает сходство медведя с человеком. Не только внешность, но и особенности поведения делали их похожими. Медведя даже называли лесным человеком. Славяне иногда наделяли его способностью к оборотничеству. В.Н. Татищев в одном примечании к «Российской Истории» пишет: «Я не весьма давно от одного знатного, но нерассудного дворянина слышал, якобы он сам на некоторое время в медведя превращался, чему слышащие вполне верили» (Татищев 1963).

Пытаясь определить природу странного существа, Пасек сочиняет историю происхождения человека-медведя, но не биографию. При этом он опирается на слухи: «о нем разные разное говорили, приходя к выводу, <...> другие же говорили» (Pasek 2009: 360), что ослабляет достоверность этой истории. Известно, что медведю приписывалось человеческое происхождение. «Повсеместно в этиологических легендах происхождение медведя связывается с человеком (у поляков

и украинцев это часто мельник), обращенным Богом в зверя в наказание за провинности» (Гура 2004: 212). Основных вариантов происхождения человека-медведя в рассказе Пасека два: медведица где-то похитила ребенка и вскормила его, поэтому он приобрел черты животного; медведица родила его, но от человека. Сюжет «о похищении медведем женщины и сожительстве с ней» был распространен и в литовской, и в славянской мифологии (Завьялова 2005: 688; Гура 2004: 212). В рассказе Пасека выведена инверсивная ситуация: медведица вступает в сексуальные отношения с человеком («ex semine viri cum ursa» – Pasek 2009: 360). Образ матери-медведицы, видимо, возник неслучайно. Как пишет М.В. Завьялова, в литовской мифологии «медведь предстает однозначно в женской ипостаси, является воплощением женского начала, материнства» (Завьялова 2005: 686). Кстати, именно в Литве будущий великий канцлер литовский М. Огиньский затеял охоту на медведей и, увидев странного медвежонка, приказал взять его живьем. Медведица защищала его до последней минуты своей жизни и погибла от рук охотников. Они тогда немало убили медведей, но и сами тоже полегли. Итак, именно происхождение объясняет внешний вид непонятного существа, именно оно стоит на первом плане в рассказе Пасека, который подчеркивает двойственность его природы, номинацией: он именуется медвежонком, медведем и мальчонкой (chłopczysko).

Литовские поверья о медведе использовал Пр. Мериме в своей новелле «Локис», героем которой стал человек-медведь. Так романтизм, уже не славянский, отозвался на мифологические призывы эпохи. Писатель сохранил за этим персонажем приметы мифологического (звериная природа), придал человеческие черты и в целом «гениально уловил суть литовской народной традиции, подметил ее важные черты и особенности, а что-то, вероятно, интуитивно почувствовал» (Завьялова 2005: 691). Вот что об этой новелле пишет Р. Керсновский, демонстрируя странные, на первый взгляд, отношения литературы и жизни: «... повесть Мериме

дала основания для вымышленной традиции рода Шеметов <...>, позднее утверждавших, что жена одного из их предков, будучи беременной, испугалась ручного медведя, жившего в доме, и родила ненормальное дитя» (Kiersnowski 1990: 314). Очевидно, между произведением французского автора XIX в. и польского XVII в. нет никаких прямых связей, есть лишь сходство основной темы, записанной в оппозиции человек/не-человек. Между ними вряд ли существовал посредник. Тем не менее нельзя пройти мимо одного замечания Вл. Чаплиньского, изучавшего «Записки» Пасека и их контекст, т. е. рукописную литературу XVII в. Он кратко сказал о французском дворянине, который в то же самое время, что и Пасек, бывал при дворе короля Яна Казимира. В своих мемуарах француз «упоминает некое лицо, которое воспитывалось при дворе и по своему умственному развитию и волосатости напоминало животное» (Czapliński 2009: 84). Значит, этот мемуарист предполагал его человеческое происхождение.

Держали человека/медведя при дворе Яна Казимира как некую диковинку, которыми так увлекался XVII век. Людей, отклонявшихся от нормы, уродов, тогда не только с любопытством рассматривали. Их увековечивали: с них заказывали портреты, как Фердинанд Тирольский со своего придворного великана. Они становились актерами: труппа при дворе Гонзага в Мантуе состояла из карликов. «В подобных, так сказать, “метаморфозах плоти”, порожденных самой природой, видели ее каприз, заключавший в себе особый смысл» (Тананаева 2013: 87). Наверное, когда городская толпа собиралась на площадях поглазеть на разных монстров, о «капризах природы» не задумывалась. Их выставляли напоказ, стремясь поразить и удивить. Не только отклонения от нормы тогда привлекали всеобщее внимание. Обычай держать дрессированных медведей в поместьях, при дворах был тогда распространен, как и медвежья охота, считавшаяся престижной забавой. На медведей охотились, кажется, все польские короли, а позже охота на медведей стала частью дипломатических встреч руководителей государств (Kiersnowski 1990).

Представив медвежонка при дворе Яна Казимира как существо двойственное, в чем он сам, пусть редко, но сомневается, Пасек не усмотрел в нем чуда природы. Оптимистически он предполагал даже возможность его эволюции: «...не знаю, во что медведь превратился, был ли он человеком или не был» (Pasek 2009: 363). Синтез мифологического и реального выглядел для автора «Записок» вполне естественно. Тенденция к нарушению границ человеческого тела, границ между человеком и природным миром реализовалась в его эпоху в представлениях о сексуальных отношениях человека и животного и порождении гибридов. Таким образом, мифологическое в этом рассказе переводится в реальный план, хотя и не окончательно[25].

Если в XVII–XVIII вв. истинность рассказа о странном медвежонке не подвергалась сомнению, а двойственность природы персонажа объяснялась его мифологическим происхождением, то в XIX веке отношение к нему поменялось. Приведем примечание к переводу фрагмента из «Записок» Пасека (1662 год), опубликованному в «Русском архиве» (Пасек 1878): «Юлия Пастрана и наш Костромской мужик, недавно показывавший себя публике, допускают возможность существования подобного человека» (Пасек 1878: 345). Авторы комментария не допускают двойственности человека-медведя и находят ему аналоги: женщину с бородой, мальчика с песьей мордой, выступавших в цирке. Их явно не заинтересовал польский человек/медведь, они разглядели в нем – в духе времени – не человека, вскормленного медведицей или рожденного ею от мужчины, и потому утратившего право называться только человеком. Для них он человек с врожденной аномалией.

Можно предположить, что странным существом, описанным Пасеком, был человек, страдавший редким заболеванием – гипертрихозом. Ранее оно называлось синдро-

[25] Другие авторы дописывают историю человека/медведя. Королю он надоел, и тот подарил его П.А. Опалиньскому, где он прислуживал на кухне, как обычно ручные медведи – носил дрова и воду; когда вырос, его пришлось посадить на цепь. Умер он примерно в возрасте двадцати пяти лет, «полностью сохранив свою дикость».

мом оборотня, т.е. в давние времена его могли бы отнести не только к «капризам» природы. При этом заболевании наблюдается обильное оволосение головы, лица, груди и других частей тела – вспомним описание медвежонка. Заболевание это сопровождается слабостью в ногах: медведь/человек едва ходил, иногда умственной отсталостью – он не говорил (Гипертрихоз 2009). Если согласиться с комментаторами перевода, мы получаем портрет человека неизлечимо больного, страдающего, видом и дурными манерами которого вдоволь позабавилась публика.

ЛИТЕРАТУРА

Афанасьева, Плотникова 1995 – *Афанасьева Н.Е., Плотникова А.А.* Гроб // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. В 5-ти тт. М., 1995–2012. Т. 1. М., 1995.

Байбурин 1992 – *Байбурин А.К.* О кулинарном коде ритуала // Балканские чтения – 2. Симпозиум по структуре текста. М., 1992.

Белова 2000 – *Белова О.В.* «Лях-девятьденник» и «москаль-людоед» (представления этнических соседей друг о друге) // Поляки и русские в глазах друг друга. М., 2000.

Виноградова 2001 – *Виноградова Л.Н.* Славянская народная демонология: проблемы сравнительного изучения. Дисс. в виде научного доклада на соискание уч. степ. доктора филологических наук. М, 2001. Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/folklore/vinogradova1.htm (29.09.2013).

Виноградова, Левкиевская 2010 – *Виноградова Л.Н., Левкиевская Е.Е.* Народная демонология Полесья. Т. 1. М., 2010.

Гипертрихоз 2009 – Гипертрихоз // *Бородулин В.И., Ланцман М.Н.* Справочник: Болезни. Синдромы. Симптомы. М., 2009.

Гура 1995а – *Гура А.В.* Война // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. В 5-ти тт. М., 1995–2012. Т. 1. М., 1995.

Гура 1995б – *Гура А.В.* Голубь // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. В 5-ти тт. М., 1995–2012. Т. 1. М., 1995.

Гура 2004 – *Гура А.В.* Медведь // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. В 5-ти тт. М., 1995–2012. Т. 3. М., 2004.

Завьялова 2005 – *Завьялова М.В.* Фольклорные и мифологические реминисценции в новелле Проспера Мериме «Ло-

кис» // Язык. Личность. Текст. Сборник статей к 70-летию Т.М. Николаевой. М., 2005.

Криничная 2001 – *Криничная Н.А.* Облик домового: тождество вербальных и пластических образов // *Криничная Н.А.* Русская народная мифологическая проза: Истоки и полисемантизм образов. В 3-х тт. Т. 1. Былички, бывальщины, легенды, поверья о духах-хозяевах. СПб., 2001. Текст доступен на сайте: http://sueverija.narod.ru/Muzei/Domovoi3.htm (30.09.2013).

Левкиевская 1999а – *Левкиевская Е.Е.* Домовой // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. В 5-ти тт. М., 1995–2012. Т. 2. М., 1999.

Левкиевская 1999б – *Левкиевская Е.Е.* Карлик // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. В 5-ти тт. М., 1995–2012. Т. 2. М., 1999.

Легенды – Латышские народные легенды о замках. Режим доступа: http://www.castle.lv/hroniki/legendi.html (30.09.2013).

Пасек 1878 – Из записок Пассека. Мазепа при польском дворе // Русский архив. 1878. №11. С. 343–347.

Петрухин 1999 – *Петрухин В.Я.* Конь // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. В 5-ти тт. М., 1995–2012. Т. 2. М., 1999.

Плотникова 1995 – *Плотникова А.А.* Бесплодие // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. В 5-ти тт. М., 1995–2012. Т. 1. М., 1995.

Плотникова, Усачева 1999 – *Плотникова А.А., Усачева В.В.* Дом // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. В 5-ти тт. М., 1995–2012. Т. 2. М., 1999.

Польская поэзия 1977 – Польская поэзия XVII века. Л., 1977.

Тананаева 2013 – *Тананаева Л.И.* О маньеризме и барокко. Очерки искусства Центрально-Восточной Европы и Латинской Америки конца XVI–XVII века. Чехия. Польша. Перу. М., 2013.

Татищев 1963 – *Татищев В.Н.* Глава 12. Сказание Геродота Гелиокарнасского о скифах, сарматах и прочих (Прим. автора №50) // *Татищев В.Н.* Собр. соч. В 8-ми тт. М.–Л., 1962–1979. Т. 2. Ч. 2. М., 1963.

Твардовский 1957 – *Твардовский А.Т.* Стихотворения и поэмы. В 2-х тт. М., 1957. Т. 1.

Цивьян 2008 – *Цивьян Т.М.* Оппозиция мифологическое / реальное в поздних мифологических текстах // *Цивьян Т.М.* Язык: тема и вариации. Избранное. В 2-х тт.Т. II. М., 2008.

Chmielowski 1753–1756 – *Chmielowski B.* Nowe Ateny albo Akademiia wszelkiej sciencyj pełna na różne tytuły jak na classes

podzielona, mądrym dla memoryjału, idiotom dla nauki, politykom dla praktyki, melankolikom dla rozrywki erzgowana. alias o bogu, bożków mnóstwie, słów pięknych wyborze, kwestyj cudnych wiele, o sybillów zbiorze, o zwierzu, rybach, ptakach, o matematyce, o cudach świata, ludzi rządach, polityce, o językach i drzewach, o żywiołach, wierze, hieroglifikach, gadkach, narodów manierze, co kraj który ma w sobie dziwnych ciekawości, cały świat opisany z gruntu w słów krótkości. T. 1–4. Lwów, 1753–1756. Режим доступа: http://literat.ug.edu.pl/ateny/index.htm (30.09.2013).

Czapliński 2009 – *Czapliński Wł.* Wstęp // *Pasek J.Ch.* Pamiętniki. Warszawa, 2009.

Kiersnowski 1990 – *Kiersnowski R.* Niedźwiedzie i ludzie w dawnych i nowszych czasach. Fakty i mity. Warszawa, 1990.

Malcher 1999 – *Malcher I.* Postać krasnoludka w polskiej demonologii ludowej. Wrocław, 1999.

Pasek 2009 – *Pasek J.Ch.* Pamiętniki. Warszawa, 2009.

Pełka 1987 – *Pełka L.J.* Polska demonologia ludowa. Warszawa, 1987.

Sobieski 1973 – *Jan III Sobieski.* Listy do królowej Marysieńki / *Opracował L.* Kukulski. T. 1–2. Warszawa, 1973. Режим доступа: http://literat.ug.edu.pl/listys (29.09.2013).

Tazbir 2009 – *Tazbir J.* Pasek jako kronikarz XVII wieku // *Pasek J.Ch.* Pamiętniki. Warszawa, 2009.

ЧАСТЬ III

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ВОЙНЫ И МИРА

Глава 1

ВЕЩЬ

Концепты вышних сил и фортуны, мифологические представления о мире соседствуют в сочинении Пасека с реалиями повседневности. Включая их в текст, он разряжает его риторичность конкретностью. Концепты первых двух рядов, основанных на антитезе Бог/дьявол, а также судьбы и случая, счастья, богатства, подчиняющихся фортуне, мы уже рассмотрели. Возникают такие концепты, как вещь, одежда, еда. Это концепты, не утратившие связь с миром повседневности, образуют еще один самостоятельный ряд, где вещь главенствует над едой и одеждой; тем не менее их целесообразно рассматривать отдельно.

Концепты, пришедшие из конкретного материального мира, нарушают равновесие условных устойчивых терминов, в которых описывается жизнь человеческая и картина мира в целом. Так возникает антитетичность всего повествования, что не препятствует их соседству. Концепты разных рядов зачастую находятся рядом и создают единое семантическое поле, в котором те из них, что связаны с материальным миром, работают не только на простые «жизненные» ситуации. Вокруг них также «выстраивается система ценностных ориентиров человека в различные периоды его жизни и в разных культурных стратах» (Злыднева 2011: 5). Они могут принимать и более высокие значения. Так реализуется возможность концептов выступать в разных культурных кодах. «В модель мира входит <...> набор кодов, которые используются для выражения смыслов для каждой конкретной культуры» (Никитина 2012).

В «Записках» Пасека вещь не является объектом разглядывания. Он крайне редко ее характеризует и почти не касается ее эстетических особенностей, как бы не замечая ее «индивидуальных» примет. Они остаются в тени. Хорошо

знакомая вещь «оживает» лишь в сравнениях с другими, так не только выявляются их преимущества или недостатки. Так они становятся зримыми.

Пока вещь находится в покое и не изменяет своих функций, она не привлекает внимания автора. Если она лишается своего привычного места и перемещается в пространстве, употребляется не по назначению, тогда она ему интересна. Пасек замечает вещь, когда изменяются ее функции или их набор существенно дополняется. Становится она объектом описания, если превращается в объект самых разнообразных действий, в том числе имеющих символическое значение. Значимость вещи определяет функция посредника между действователями. Их действия ее как бы подавляют, они главенствуют над ней и то же время определяют ее позиции в культурном пространстве. Вещь переходит из рук в руки: ее отнимают силой, крадут, отдают в знак повиновения, преподносят в дар. Коммуникативные ситуации, в которых участвует вещь, определяют сюжеты многих рассказов, в которых, кроме того, конкретизируется историко-культурный контекст эпохи, раскрывается восприятие человеком вещного мира, что его, в свою очередь, и характеризует. Заметим, что вещь,

характеризующая личное пространство человека, мало занимает Пасека, он предпочитает ей вещный мир войны.

ВЕЩНЫЙ МИР ВОЙНЫ. Вещи войны различаются в зависимости от того, как они мигрируют в пространстве. Среди них выделяются трофеи, символизирующие победу над врагом и презрение к нему. Тесная связь победы и трофеев отразилась в изображении аллегорической фигуры Победы. Б. Хмелевский в энциклопедии «Новые Афины» пишет, что она «изображается в виде крылатой девы с лавровым венком в правой руке и с пальмовой ветвью в левой. <...> Иногда ее рисуют на носу корабля или сидящей под трофеями» (Chmielowski 1753–1756). Если трофеи отдавались победителям добровольно в знак поражения или их находили на поле брани после бегства противника, то добыча завоевывалась, захватывалась в бою и была важным источником обогащения. Мародерство – это сурово осуждаемый способ добычи во все времена, в том числе и в XVII в. Здесь вещью завладевают, ничем не жертвуя и ничем не рискуя, в отличие от получения трофеев и добычи. Вещь-трофей, вещь-добыча, вещь, добытая мародерством, иногда могут совпадать, как, например, предметы роскоши.

Praeda licita[1]

ТРОФЕИ. Знамена, доспехи, оружие, музыкальные инструменты, боеприпасы и т.п., отнятые у неприятеля, покинутые им на поле сражения или сданные при капитуляции – все обретенные таким образом предметы составляют ряд собственно трофеев. Знамена среди них – наиболее значимые; они не имеют никакого практического значения и являются государственными символами. На их примере легко проследить, как они превращаются в символы победы, выявить правила в обращении с ними.

Следуя своему основному правилу, Пасек крайне редко говорит о внешнем виде знамен. Только однажды, когда

[1] «Законная добыча» (лат.). – *Прим. ред.*

ему самому удалось забрать знамя у русского, он замечает, что было оно золотистое и очень красивое. Как правило, на первом плане находится количество трофейных знамен: в одном сражении с русскими поляки, например, берут шесть московских знамен. Количество трофеев меряется не только числом. После еще одной победы над русскими, под Ляховицами, полякам достается несколько возов со знаменами. Не только в боях, но и в разведке можно было добыть вражеские знамена. Видимо, так смолянам в 1610 г. досталось польское знамя: когда город был осажден поляками, шестеро жителей вырвались, переплыли Днепр и вернулись с главным символом государственности своих врагов[2].

Если сами знамена только называются, то способ их получения заслуживает описания, разрастающегося в рассказ. Убегая с поля боя, русский хорунжий пугается наведенного на него пистолета и отдает Пасеку знамя, моля о пощаде. Тот надеется привести его в лагерь живым, что до тех пор ему никак не удавалось. Принести в лагерь вражеское знамя было еще более почетно. Но хорунжий начал сопротивляться, как только на горизонте появился русский отряд. Пасек прекратил задуманное предприятие: «Вижу, что его не доведу и сам погибну» (Pasek 2009: 209). Вытянув хорунжего саблей по спине, с русским знаменем в руках он помчался прочь, но продержался недолго и бросил знамя, символ своей победы. Даже в схватке со своими, которые случались не раз, могли брать трофеи, как бы имитируя исход подлинной битвы. Так поступил закрочимский кастелян, прославившийся своим военным искусством настолько, что его боялись все соседи. Беспричинно напав на хоругвь Кароля Потоцкого, он всего лишь с десятью товарищами одержал победу, забрав знамя и знак хоругви. Знамена не всегда отдавали покорно. Например, солдаты войска Я.П. Сапеги спрятали свои знамена за монастырскими стенами, а когда опасность миновала, выкупили их у монахов.

[2] Этот факт, источник сведений о котором остается неизвестным, обнародован лишь С.М. Соловьевым (Соловьев 1960: 551), однако он часто упоминается. Ср.: напр.: Фролов 1987.

Существовала особая церемония внесения знамен в лагерь победителей, которая в военное время, конечно, сокращалась. Развернутое русское знамя торжественно вносят в польский лагерь, следом ведут пленных, численность которых однажды была почти равна численности победителей. Трофеи как символы победы предназначались военачальникам. Разведчик так докладывает Стефану Чарнецкому: «Завтра, даст Бог, наш комендант будет вас приветствовать в большем составе и вражеское знамя бросит вам под ноги» (Pasek 2009: 200). Своенравный кастелян отослал гетману знамя хоругви, на которую он напал, т. е. повел себя так, будто победил турок, шведов или русских. В знак победы трофеи подносились самому королю[3]. Ян Собеский послал знамя турецкого султана, взятое как трофей в битве под Хотином (1673 г.), самому римскому папе. Так в первый раз на весь христианский мир прозвучало имя будущего польского короля. Б. Хмелевский в своей энциклопедии сообщает, что знамя это находится в доме Девы Марии, который ангелы чудесным образом перенесли в Италию, в Лорето (Chmielowski 1753–1756). Также будущий король поступил после битвы под Веной: он отослал в Рим «магометанское» знамя, врученное ему турецким визирем. После этого великому полководцу досталось множество златотканых турецких знамен и бунчуков[4]. Часть из них Ян Собеский подарил союзникам.

Трофейное оружие также символизировало победу, использовалось оно и по прямому назначению. В битве под Хотином трофеями стали семьдесят шесть орудий, которые пригодились победителям. Голландский адмирал, потерпевший поражение от шведов, не унывает. Он собирается добыть трофей – пушки, свои и чужие со дна моря: «Это все мое будет» (Pasek 2009: 246). Пасек только удивляется такому оптимизму. Пушки становятся польским трофеем после сражений с рус-

[3] Этот ритуал вошел в историю и повторялся не раз. Его даже намеревались скопировать в 535-ую годовщину Грюнвальдской битвы в 1945 г.: немецкие знамена, добытые в последних боях, следовало сложить у ног Б. Берута. Так повторился бы культурный жест 1410 г., когда знамена крестоносцев складывали перед королем Владиславом Ягелло.

[4] Бунчук – турецкое знамя, высокое древко которого украшалось конским хвостом; османский воинский штандарт (Gloger 1900). – *Прим. ред.*

скими, и не какие-нибудь, а бронзовые; ни одной железной среди них не нашлось. Двадцать из них воевода Ст. Чарнецкий отсылает в Тыкочин, старостой которого его назначили за военные заслуги; к своей пушке присоединяет две трофейные («długie i nośne» – «длинноствольные и переносные»). Турецкие пушки в большом количестве достаются победителям после победы под Хотином и под Веной. Роскошные сабли, янычарки (род огнестрельного длинноствольного оружия) и многое другое – оказывается в руках поляков.

Все эти трофеи – знак воинской чести и славы, что известно всем, от военачальников до челядников. В одном письме жене Ян Собеский описывает такой случай. Он приказал тем товарищам, у кого есть копья, встать в первый ряд. И вот «челядник выезжает с копьем, а пан его за копье – на что челядник ему: “Милостивый пан! Я для себя его вывез из сражения! И не бросил его, как другие!”» (Sobieski 1973). Король похвалил челядника и наградил пятью червонными злотыми.

Пасеку не раз удавалось добывать подобные трофеи. Саблю и пистолеты ему отдал в знак поражения одетый по гусарской моде русский, которого он принял за князя И.А. Хованского, главного московского военачальника. Сначала этот русский пытался убежать, но потом сдался на милость победителя, вручив ему оружие. Пистолеты эти были очень хороши: инкрустированы черным деревом и оправлены в серебро. Значит, автор «Записок» бросил на них взгляд, как и на золотистую саблю на темляке[5] и еще на один пистолет, который получил от русского «патриарха». Тот летел с коня с просьбой о пощаде. Не случайно в искусстве начала XVIII в. повторяется именно этот культурный жест. На картине «Апофеоз Петра I» «Петр написан сидящим на коне, под ногами которого изображены шведские пленные – они смотрят на российского монарха или протягивают ему свои шпаги» (Люстров 2008: 255).

Музыкальные инструменты – литавры, барабаны, трубы – обязательно входили в число трофеев и образовывали

[5] Темляк (тур. temlik, польск. temblak) – шнур или петля (ременная или тесьмяная), крепящаяся к эфесу холодного оружия и надеваемая на кисть руки. – *Прим. ред.*

единый символический ряд со знаменами и оружием. Когда трофеи превратились в орнаментальную группу, они стали украшать фасады зданий и их интерьеры: «...симметрично ниспадающие ряды знамен, на их фоне холодное оружие, перекрещенное огнестрельным, а внизу, в основании рельефа, пушки, ядра, а также военные барабаны и трубы» (Похлебкин 2001). Взять такой трофей, как инструменты, было делом чести. Во время столкновений королевского войска с войском Ежи Любомирского победителям достались не только знамена, но и литавры. Воинственный кастелян, о котором уже упоминалось, забрал литавры у своих однополчан. Солдаты турецкого паши однажды собрали брошенные поляками копья, знамена, барабаны и литавры. Недолго турки радовались победе, им пришлось расстаться с трофеями, так как поляки обратили их в бегство и вернули себе знамена, оружие и музыкальные инструменты, а также захватили богатую добычу на поле боя. На парадах вместе с вражескими знаменами выносили трофейные музыкальные инструменты. Богдан Хмельницкий прислал в Москву польское знамя, несколько барабанов и трех захваченных поляков (Реляция 1885). После битвы под Веной у поляков получили распространение небольшие турецкие барабаны. Они увозили их с собой в огромном количестве. Как и оружие, музыкальные инструменты имели не только символическое значение. В своих письмах Ян III Собеский не без сарказма отмечает, что в битве под Журавной (1656 г.) турки выдвинулись в бой под звуки музыки. Дважды выстрелив из пушек и получив решительный отпор, под грохот барабанов они отошли с поля боя со своими хвалеными орудиями (Sobieski 1973). Когда поляки взяли крепость на острове Альс, в лагере «музыка трубит, в литавры бьют, грохот, крики» (Pasek 2009: 119). Со стороны шведов труба звучит по-другому: она подает сигнал о капитуляции. Побежденные выбрасывают белый флаг.

Военная музыка зовет на бой храбрых рыцарей, под другую пляшут разные модники, ничего знающие о тяготах походов: «Одно дело, слушая изящные мелодии, учиться ба-

летам, скокам разным, танцам, ставя согнутые ножки как по нотам, другое дело слушать могучий звон марсовой капеллы» (Pasek 2009: 278)[6]. Эту музыку войны создавали литавры и трубы, звуки которых Пасек в другом месте противопоставляет свадебным напевам. Литавры тогда не держали в руках, а вешали на луке седла по бокам коня, на котором ехал барабанщик, бивший палкой по литаврам (Doroszewski 1961: 783; Савваитов 1896: 72). В то время в каждой хоругви были трубачи, обычно шедшие впереди барабанщика (Kitowicz 1985). По утрам они играли побудку, вечером – отбой. В лагере, где стояла хоругвь Пасека, на трубе играла женщина.

Наряду с символическими трофеями победителям доставались предметы роскоши. Рассказы о них занимают значительное место в описании поражения турок под Веной. Пасек составил его со слов очевидцев, восстановив не только ход сражения, но и вещный мир «чужого», поразивший его роскошью и богатством. Обратившись в бегство, турки побросали коней и верблюдов, овец, золото и серебро, деньги. Все богатство турецкого лагеря осталось на поле боя. Оно, с точки зрения Пасека, заслуживает описания, потому вещи приобретают зримость.

Шатры визиря такие огромные, как Варшава с ее окрестностями. О том, что шатры не уступают по величине Варшаве или Львову, пишет и Ян Собеский. Устроены они необыкновенно – внутри них есть маленькие потаенные комнатки, которые сразу и не заметишь. Там ванны со всей полагающейся утварью, мыла ароматные, разложенные стопками на полочках, пахучие притирания. В аптечках хранятся лечебные бальзамы и другие снадобья, тут же серебряные сосуды для воды, тазы медные для умывания. Одну такую аптечку описывает в письмах к жене и Ян III Собеский. Сверкают в шатрах ножи янычарские, мечи, украшенные рубинами и бриллиантами, часы на золотых цепочках, четки из сапфиров, ко-

[6] Противопоставление модной музыки и военной сродни противопоставлению музыки, под которую пляшут сарматы и галломаны у В. Потоцкого: «Простясь со старопольскими усами, /Гальярду пляшет он – не краковяк» (Польская поэзия 1977: 102). Ср. «W kotły, bębny uderzyli, / Na wojenkę zatrąbili» (Я. Гавиньский).

раллов и других драгоценных камней. А вот какая роскошь бросилась в глаза королю: «Там и бани, и садик, и фонтаны, кролики и коты, и даже попугай был, но так как он летал, мы не смогли его поймать» (Sobieski 1973). Мешки с талерами после боя лежат на голой земле или в шатрах. Денег этих так много, что забрать их все поляки не в состоянии. Турки не хранят деньги в шкатулках, потому что не воруют у своих, только небогатые прячут их в кошельках. Повсюду валяются ковры, расшитые золотом и серебром, постели, которые, наверное, стоят несколько десятков тысяч талеров. Кони турецкие покрыты роскошными теплыми попонами. Это великолепие дополняют съестные припасы: рис, оливки, масло, сахар, хлеб, мука. Всему этому богатству не следует удивляться. Ведь турки грабили весь мир, теперь оно достанется победителям, которые вскоре потащат с поля битвы шатры, ковры, серебряную утварь, сундуки с деньгами.

Предметом роскоши становится православный крест в дорогой оправе. Держа его в руках, горячо молится русский юнец, которого поймал Пасек. Ему жаль убивать молодого красавца, он отпускает его и забирает крест, очень красивый и явно дорогой. Наверное, его оправа стоит не меньше двадцати червоных злотых. Кони также входили в разряд трофеев, из-за них часто разгорались драки. Пасек однажды всерьез угрожает товарищу, пытавшемуся увезти коня, принадлежавшего ему по праву – ведь это он свалил на землю русского. В другой раз он видит, что бой стих и все вокруг, кроме него, уже набрали всякого добра и ведут в лагерь прекрасных коней. Тогда и он прихватил – уже не в первый раз – прекрасного скакуна.

Победители легко расстаются с только что добытыми трофеями (в чем видится не только способ облегчить передвижение по дорогам войны), но и выражение презрения к ним. Для воина они – не нажива; их ценность не сводится к чисто материальной; символическое значение затмевает их реальную стоимость, хотя многие вещи-трофеи стоят целые состояния. Таким образом, они добываются с тру-

дом, но ими не дорожат, в результате чего трофеи продолжают мигрировать. Возможно, что они временно находятся в руках победителей. Только поляки завладели турецкими богатствами, как получили приказ идти в Венгрию и тут же побросали все, что набрали под Веной. Идти в военный поход нужно налегке. Поэтому роскошные турецкие шатры кидались в грязь под копыта лошадей, расстилались по земле, чтобы облегчить переправу. Возы двигались дальше, а шатры, вбитые конскими копытами в землю, валялись там, где их оставили победители. Знаки победы им уже мешали. Так вещь приобретала чисто утилитарные функции и утрачивала символическую нагрузку.

Не только шатры, но и другие более мелкие турецкие раритеты по пути домой воины разбрасывали где попало. В реках топили оловянную посуду и различную кухонную утварь. В то время олово и изделия из него ценилось высоко. В шляхетских домах фаянсовая посуда еще не водилась, ей предпочитали оловянную. От медных сосудов, сундуков с деньгами, бурдюков также избавлялись как от ненужных вещей. Порой целые возы с трофеями оставляли на труднопроходимых дорогах, если они становились помехой. Правда, когда польское войско шло через венгерские земли, не все бросали свое добро. Некоторые сжигали возы с трофеями, чтобы ничего из того, что символизировало их военную мощь и удачу, не досталось венгерским повстанцам. Не только предметы престижного потребления, но и главные символы победы – вражеские знамена, оружие, музыкальные инструменты – выбрасывались без всякого сожаления. Так однажды, как уже было сказано, поступил и сам Пасек.

ДОБЫЧА. Как и трофей, добыча по праву войны относится к praedae licitae, способ получения вещи определяет ее статус. Примечательно, что, несмотря на легитимность добычи, Ян III Собеский был обескуражен тем, что сообщение о добыче, которое он желал оставить в секрете, стало достоянием гласности. Но он же писал следующее: «Не скажешь мне, душа моя, как татарские жены своим мужьям, возвраща-

ющимся без добычи, обычно говорят: “Ты не воин, если без добычи вернулся”» (Sobieski 1973).

Вещи, захваченные в бою или в сдавшемся на милость победителя городе, гораздо более практичны, чем трофеи, хотя они могли и совпадать. Основное отличие добычи от трофея состоит в том, что она не имеет символического значения. Добыча принимает его только иногда, как в случае, описанном О. Эдельман (Эдельман 2009). Когда шведские солдаты в захваченной ими карете Августа II Сильного обнаружили королевский колет, то пытались разрезать его на куски, чтобы оставить себе на память. Вещь добытая в основном служит обогащению, идея богатства определяет отношение к ней. Если символические трофеи прежде всего означают победу над врагом, то вещь-добыча – рост дохода. Военные походы всегда этому способствовали: «Ясно, что каждый хотел идти на войну с турками; так и Господу послужишь, воюя с неприятелем» (Pasek 2009: 539). Пасек с иронией замечает, что все тогда хотели воевать и никто не жалел собственной шкуры, так как потом будет на что и пластырь, и бинты купить, чтобы залечить раны.

Добытые на войне вещи имеют утилитарную и эстетическую функции. Это может быть домашняя утварь, конская упряжь и многое другое, что необходимо в повседневной жизни – как во время военных действий, так и в домашнем быту. Вот какой обобщающий ряд вещей выстраивает Пасек, повествуя о том, что досталось польскому войску, встретившему турок под Хотином: «Большую добычу взяли наши тогда седлами, серебром, шатрами богатыми, сундуками, <...> янычарками» (Pasek 2009: 501). Как видим, добыча – это предметы роскоши, конская упряжь, оружие, являющееся также трофеем, но не знамена или литавры, бесполезные в быту. После того, как польское войско вышло победителем в одном сражении с русскими, не только солдаты, но и крестьяне разобрали донские самопалы[7] и другое огнестрельное оружие, бердыши.

[7] «Самопал – пищаль с замком и огнивом. У конных воинов привешивался к седлу с правой стороны» (Савваитов 1896: 122).

Кони бывали то трофеем, то добычей в зависимости от того, отдавали их в руки победителей или насильственно отнимали. Яну Собескому в битве под Веной достался конь самого визиря с роскошной упряжью. Зачастую добывали одежду, хотя иногда она бывала трофеем. Парадную форму многих армий составляла одежда противника. Ткани также были желанной военной добычей. С недовольством Пасек замечает, что его обозный тащит лайковую кожу; из нее можно лишь сделать потник, который подкладывают под седло. Если бы в бою мы были рядом, то и бархат, и атлас, и великолепные седла, а не какая-то кожа, да и кони могли бы стать нашими, – размышляет автор, мечтая о великолепных дорогих тканях. Солдаты же довольствуются более дешевыми. Когда войска стояли в Дании, из разведки привозили полотно.

Обычно захватывали все, что только можно. Как только поляки взяли шведскую крепость, то побежали врассыпную: «хватают, рубят тех, кого найдут, выносят добычу» (Pasek 2009: 119). Берут все без разбора, порох несут в шапках, в платках. После победы под Веной победителям досталось огромное количество пороху, который они подожгли, устроив настоящий фейерверк, понравившийся Яну Собескому. Не всегда победителям удавалось чем-нибудь поживиться. При взятии другой крепости оказалось, что там и брать было нечего, кроме скромного пропитания[8].

Поведение солдат строго регламентировалось, налетать на добычу запрещалось, что не всегда действовало. Еще до прихода стражников они успевали пошарить по углам, ведь добыть хоть что-нибудь было необходимо. Старались опередить друг друга и союзники. После одного сражения императорские войска первыми разграбили турецкий лагерь. Пасек находит этому объяснение. Немцы ведь не особенно обогатились под Веной – они бежали оттуда, бросив все, что сумели набрать, а то, что осталось, потеряли. Ян III Собеский несколько иначе объясняет, почему так получилось: «Немцам

[8] Для обозначения добычи этого рода Пасек употребляет слово legomina, которое обозначает овощи, горох, муку, кашу и шире – всякие припасы (Doroszewski 1962).

иностранным почти ничего не досталось, потому что они в тот день, кроме тех, что были при мне, не вошли в турецкий лагерь. Нет у них ни пленников, ни знамен, никаких знаков победы, ни один из кавалерии в этой битве ни разу и не стрелял» (Sobieski 1973).

Добычу оставляли себе, продавали тут же в военном лагере, где существовали базары. В «Записках» намечен один эпизод торговли добычей. Однажды, идя по базару, Пасек видит, как армянин взвешивает серебряные ложки, и называет эти ложки добытыми (zdobycznymi). В то время и в домах среднего достатка уже водилось серебро. Огромные миски, вазы, столовые приборы из серебра, как пишет Е. Китович, уже украшали столы многих шляхтичей (Kitowicz 1985). Добычу не только продавали. Она и другими путями переходила из рук в руки. Когда поляки через венгерские земли шли к границе, их часто грабили. Как и трофеи, добычу бросали, если она становилась помехой в пути. Из-за богатой добычи, можно было утратить жизнь. Так случилось со Стефаном Куницким (Коницким), поставленным гетманом над казаками. Сражаясь с турками, он забрал у них много добра и счастливо пересек границу. Казаки возмутились, что им мало досталось добычи, и, позавидовав гетману, убили его. Так изменники ради наживы погубили достойного кавалера. Значит, они считали необходимым делить добычу, что происходило различно. Обычно пехота, следовавшая за гусарами, «обдирала» врагов и находила множество денег – ведь тогда поляки сражались с «москвой», а в бой шли знатные бояре.

Из «Дневника» С. Маскевича, который участвовал в походе на Москву в 1611–1612 гг., известно, что товарищи и обозные получили великую добычу, «наиболее из полку Зборовского, который стоял в Китае-городе». «И как добыча была не равна, ибо одни бились, а другие грабили; то приказано складывать вещи на майдан; все товарищи и челядники присягали в коле, по учрежденному в войске порядку, пред тем товарищем, который избран был продавать вещи; а в каждом полку был особый майдан» (Маскевич 1859). Каж-

дый товарищ получил право купить на майдане вещь за половинную цену: «Всему войску досталось майдановых денег по 28 злотых на коня» (Маскевич 1859). Кстати, Ян Собеский в письмах заметил, что не слышал о том, чтобы после победы под Веной добычу делили в полках. Он полагал, что это необходимо, по его приказу был составлен реестр амуниции, которую следовало разделить.

ОГРАБЛЕНИЕ. Не раз захват добычи оборачивался ограблением: «шведов порубили, города и деревни пограбили» (Pasek 2009: 164). Шведы же бежали с поля битвы за своим королем в Пруссию «с богатым добром, которое захватили в Польше» (Pasek 2009: 99). Почти каждая битва завершается сходно: «И тут сразу наши подоспели и разобрали все, что было» (Pasek 2009: 151), «... с коней их столкнули, платья и латы отобрали» (Pasek 2009: 411). В последнем примере доспехи, обычно важная часть трофеев, становятся добычей. В «Инструкции» депутатам от города Равы, которую составил Пасек, он предлагает освободить от податей его жителей – этот город уже основательно разграблен и разрушен. Для человека того времени было необходимо соблюдать правила захвата добычи. Некоторые из них производились не по правилам. Например, добыча доставалась не участникам сражений, а стражникам, охранявшим квартиры, на которых стояли отряды. Как только они двинулись в путь, то стражники взяли себе что получше, т. е. присвоили добычу, им не принадлежавшую. Такой способ передела собственности, добытой в бою, считался воровством, которое строго осуждалось. Забрать все то, что осталось в русской крепости, пленники и крестьяне имели право. Как только они увидели, что русские бегут, оставив полные возы съестных запасов, коней и многое другое, то принялись, по выражению Пасека, перетряхивать шалаши.

Грабили не только противников, но и население тех мест, по которым проходили войска. «Войска, если не было военных действий, находились на постое и грабили край не хуже неприятеля. Лагеря, обозы, схватки, мародерство, без-

наказанность всех этих ландскнехтов, своих и чужих, стали привычной нормой жизни, никого не удивлявшей и казавшейся естественной» (Тананаева 1979: 19). Пасек отрицательно относился к такому виду приобретения. Когда поляки, возвращаясь из Дании, остановились в немецком монастыре, оказалось, что там, опасаясь грабежей, спрятались женщины с детьми. Как только они увидели, что солдаты Чарнецкого настроены мирно, то сразу повеселели. Но не всегда встречи с населением заканчивались так.

Солдаты под водительством гетмана К. Сапеги, наслушавшись рассказов о богатой добыче, увидев серебро, богато расшитые одежды, разные необыкновенные вещицы, не удержались и бросились грабить так, будто только что из хлевов вышли, такие все были голодные – на все бросались и страшные разграбления производили. Так они возмещали недостачу, ведь «литве» ничего не досталось в боях с турками. Союзники поляков – императорское войско, вызывали страх у мирного датского населения. Жители одной деревни просили Пасека остаться у них, так как союзники уводят у них скот. Рассказывая о сражениях с «москвой», он не забывает упомянуть, как польская челядь подкралась ко двору, стоявшему над рекой, с целью поживиться. Начался шум, все решили, что это русские выступают. Почти всегда автор вину за такие злодеяния старается переложить на союзников, на литовское войско, на казаков. Вот один развернутый эпизод, посвященный этой теме.

Узнав, что казаки грабят дом одной вдовы и выносят из дома провизию и вещи, Пасек немедленно требует возвратить награбленное. Эти вещи в тексте названы фантами (fanty). Как объясняет З. Глогер, «Fant, fantowanie, fantować (от нем. pfand, pfänden) – это собственность (но не недвижимость), которую забирали за долги, нанесение вреда и проч., чтобы удовлетворить претензии обиженной стороны» (Gloger 1901). Здесь fant означает предмет, имеющий особую ценность. Между казаками и Пасеком состоялся диалог, он кричит им: «Нет такой моды в моем отечестве грабить

шляхетские дворы, особенно когда войско стоит на постое» (Pasek 2009: 319). Вдова так жалуется ему на казаков: «... грабят они меня, сироту убогую, хуже москалей, хуже всякого неприятеля» (Pasek 2009: 317). В результате поляки ссорятся с казаками, начинается перестрелка. Пасек выходит победителем, возвращает вдове ее добро и захватывает у казаков коней, седла, оружие. Бросают они и другую добычу.

Теперь встает важный этический вопрос, ведь казаки – это не противники, а союзники. Автор «Записок» решает добычу вернуть, с чем не соглашаются его товарищи. Но Пасек стоит на своем: ведь казаки – это «неприятели» и «не-неприятели» одновременно, они добровольцы под водительством казацкого полковника Мурашки. Грабить у своих или у «своих-чужих», какими автор считает казаков, – это недостойно. Лишение же имущества противников и настоящих «чужих» он не осуждает. Объясняя гетману Чарнецкому, откуда в его отряде взялись добрые кони, Пасек сообщает, что он вышел на поле боя с самим князем Хованским («daliśmy mu pole»), победил и захватил добычу, а затем признается, что произошло на самом деле. Гетман Чарнецкий негодует и хочет повесить храбрецов, но, узнав, что они выстояли в схватке с тремястами казаками, а их самих было всего несколько человек, не скрывает своего восхищения.

Итак, добычу, как и трофей, можно было потерять, но чаще ее везли домой, и она приживалась в новом пространстве, входила в польский быт. После сражений со шведами на территории Дании, с турками, с «москвой» в Польше оседали «чужие» вещи. Особенно много было вещей турецких; одежда богатая, кони прекрасные, попоны расшитые встречались на каждом шагу, что и послужило развитию польского ориентализма, проявившегося прежде всего в костюме. К вещам, добытым военным трудом, относились особо. Из «Записок» Я.Д. Тушиньского «мы узнаем о его почти детской радости от тогдашнего удачного приобретения: снятую с коня убитого им татарина дорогую изукрашенную уздечку он бережно хранил десятки лет» (Лескинен 2008: 248).

Praeda illicita[9]

МАРОДЕРСТВО. Мародерство часто случалось в войске, о чем Пасек пишет редко, но указывает, что солдаты порой отказывались от такого способа приобретения вещей[10]. Например, многие из них, войдя в крепость, которую перед этим занимали русские, не взяли то, что принадлежало погибшим. Бывало и по-другому. Товарищ, разнявший Пасека с одним москалем, ударил его штыком и решил пошарить в карманах убитого, но не успел. Пора было вставать в строй.

Как и военные, мирное население занималось мародерством. Крестьяне собирали добычу на поле боя, обыскивали трупы и не только. Они вылавливали побежденных шведов в лесах и болотах и распарывали им животы, надеясь обнаружить внутри золотые монеты, так как однажды нашли труп с распоротым животом и заметили золотой. Теперь поиски продолжались. «Не знаю, у кого из этих погибших не были вынуты внутренности» (Pasek 2009: 99), – замечает автор. Рассказ об этих событиях он обрывает, говоря, что трудно писать о том, чего сам не видел. Законченным является рассказ о том, как казаки брали языка. Когда турки засели в крепости, поляки никак не могли ее взять. Нужен был «язык», которого сумели добыть только казаки, затеявшие ссору на площади у всех на виду. Увидев, что один из них будто бы ранен и, видимо, уже умер, турки позарились на его яркий красный жупан, но не тут-то было. «Мертвец» не только пресек попытку мародерства, но и задержал турка, которого потом привели к королю.

БЫТОВАЯ ВЕЩЬ. Если вещь военного времени Пасек скупо, но характеризует, то вещь бытовая остается почти невидимой. В основном она лишь называется. Так как функции привычных вещей предполагаются известными, то рассказы

[9] «Незаконная добыча» (лат.). – *Прим. ред.*

[10] Вот как об этом пишет Ю.М. Лотман, вспоминая свои военные годы: «Мои друзья посылали домой захваченные на складах сахар или какие-либо другие продукты, то есть то, что действительно можно было назвать военным трофеем. В повальных грабежах мы не только не участвовали, но и открыто выражали к ним отвращение» (Лотман 2003).

о том, как они используются, отсутствуют. Исключения Пасек делает для вещей непривычных, которые рассматривает внимательно. Ему доставляет удовольствие видеть то, что трудно найти в Польше. Так, он подробно пишет о бочках, в которых датчане прячут все самое ценное, чтобы уберечь от грабителей. Это деньги, серебро, одежда, даже пища. Бочки эти не оставляют на земле, а опускают в море, неподалеку от берега, где приливы бывают очень слабыми. Вода не проникает в них, так как они плотно закрываются. Датский дом заинтересовал Пасека своим необычным устройством: в бедных домах печей не топят, потому что дорого, но посреди «избы» вырывают канавку, которую засыпают углем («сушеной землей») и вздувают огонь с одного ее конца. Кровати у них похожи на шкафы, куда люди забираются на ночь. По-другому они ведут хозяйство – пчел держат не в ульях, как в Польше, а в соломенных коробках.

О личных вещах Пасек пишет редко. Готовясь к отъезду, он приказывает слугам уложить necessaria, т. е. все то, что ему потребуется в пути. В других случаях они упоминаются, если с ними нечто случается. Например, они теряются. Когда Пасек с отрядом ополченцев идет в разведку, он находит бичи (канчуги), плащи, мешочки с сухарями, фляжки с водкой. Их явно побросали в спешке. (Иногда вещи выбрасывали в надежде найти кое-что получше.) Найденные вещи Пасек называет татарскими «следами» (vestigia), подчеркивая, что не имеет в виду следы конских копыт. Трусливые ополченцы, увидев приметы «чужого», конечно, испугались, решив, что враг совсем близко.

ПОДАРОК. Вещь, которая не добывается на войне, для Пасека прежде всего подарок. Обычно он ограничивается перечислением даримых предметов, называя некоторые их приметы или стоимость. Зато фиксирует то, как происходит дарение и те обстоятельства, при которых оно происходит.

Он привез из Дании различные раритеты, которыми так увлекались в его время. Среди них были разные диковинки, которые никто и никогда еще не видел в Польше. Рарите-

том был и тот подарок, который он приготовил для «своей дамы», Терезы из дома Кросновских. В Дании его поразили деревянные башмаки, в которых, страшно стуча, что мешает уличным беседам, ходят датчанки. Только знатные дамы здесь носят кожаную обувь, а в Польше так обуты все женщины, замечает автор. Поэтому он и выбирает для подарка липовые башмачки. О том, как они выглядят, нет ни слова. Зато специально купленная для них в Познани шкатулка описана довольно подробно. Она была инкрустирована, отделана морскими ракушками и черным деревом, выстлана красным бархатом.

На этом заканчивается рассказ о раритете, и Пасек переходит к акту дарения, в котором особое место занимает речь, предваряющая подношение. В ту эпоху речи произносились по многим поводам: на свадьбах, похоронах, коронациях, торжественных въездах королей и знатных персон в город. То, что подарок преподносился в сопровождении искусной речи, говорит о значимости ораторского искусства в ту эпоху. Даже в скромном деревенском доме дарение происходило по правилам поведенческого и речевого этикета.

Речь произносил не сам Пасек, а его сосед и друг, некто Франчишек Олтажовский, который успел убедиться в том, что будущее подношение представляет собой подлинную редкость, притом такую, которую никто никогда не видал. Оратор распространяется о необыкновенности подарка, привезенным издалека и выбранным со старанием. Конечно, он станет для девицы приятным сюрпризом. Олтажовский косвенно предупреждает о скромной стоимости сюрприза, в чем нет ничего удивительного. Не стоит выискивать в дальних странах нечто дорогое, обращать внимание на нечто известное и обычное. Так в речи, сопровождающей дарение, на первый план выходит мотив раритета. Усиливая значимость подарка, друг Пасека сыплет сравнениями с мифологическими предметами, золотым руном и золотым яблоком, конечно, не в их пользу. Ценность подарка увеличивается с введением в исторический контекст: кавалер для юной деви-

цы приготовил такой подарок, которому была бы рада сама Клеопатра; ничего подобного не сыскать ни в королевских, ни в императорских покоях.

Конечно, присутствующие предполагают, что в шкатулке скрыто нечто невероятное, может быть, даже драгоценности. Но когда ее открыли и увидели деревянные башмачки, то приняли подарок по всем правилам: выразили благодарность, восторг и удивление. Еще долго в этот дом съезжались соседи и родственники со всех окрестностей, чтобы полюбоваться такой редкостью. Так завершается рассказ о необыкновенном раритете, в котором основное место занимает его перемещение, выполненное по всем правилам.

Подарки необязательно хранились вечно, могли они и возвращаться. Так Пасек поступил с кольцом, которая будущая жена подарила ему в день обручения. Через годы он отдал этот подарок пасынку, чтобы родня со стороны жены не имела к нему никаких претензий. Соперник Пасека, Ежи Коморовский, перед свадьбой возвратил его будущей жене подарки, которые Пасек называет «символами дружбы». То же проделала и бывшая невеста. Так был обозначен разрыв отношений с предыдущим женихом. Подарками были, преимущественно, кольца, но среди подарков невесты была и подушка, которую Коморовский отказался возвращать. Позднее, когда они подружились, он объяснил свой поступок: «Тебе то досталось, что и мне было по нраву; но подушку я не отдам, ведь тебе голова досталась, которая на ней покоилась» (Pasek 2009: 461).

В Дании автор получал дары другого рода. Он явно вынуждал датчан сделать подношение, делая вид, что не владеет латынью. Рано утром ему принесли кубок с сотней чеканных талеров. Пасек здесь неслучайно говорит о bitych talarach – в то время ходили не только монеты стоимостью в один талер, в обращении были и слитки той же стоимости (Doroszewski 1960: 491). Этот дар существенно дополняли огромный живой лосось, которого принесли в ванной, вол и олень, также живой, его привели на веревке. Подношение сопровожда-

лось развернутым заявлением о том, что дары эти предназначаются Пасеку.

Он пишет и о подношениях высоким лицам. После выборов Михала Корыбута Вишневецкого королем ему поднесли самые разные дары: кареты, дорогие накидки, серебро и другие предметы роскоши. Дарили их не только сторонники короля, но и послы конкурентов, присутствовавшие на сейме. «Господь Бог склонил к королю все сердца», – восклицает Пасек. Все хотели выразить ему свое почтение. Поэтому каждый нес что мог: среди подарков были прекрасные рысаки и обычные пистолеты, оправленные в черное дерево или слоновую кость.

ВЕЩЬ-СИМВОЛ. Не забывает Пасек о вещах-символах, ставших частью изображения. Описывая польские гербы, он обращает внимание на те их элементы, которые ведут свое происхождение от реальных предметов, и дает им аллегорическое толкование, в первую очередь, оружию. Мечи охраняют Речь Посполитую, копья дают отпор врагам, топоры поддерживают справедливость, подковы попирают неприятелей. На гербе Стефана Чарнецкого изображена ладья, с которой не сравнится та, на которой Язон отправился в Колхиду за золотым руном.

Если этот ряд предметов изображен на гербах, то булава, которую вручают гетманам, реальная. Бывшая в свое время грозным оружием, она символически отмечает повышение статуса военачальника. Об этом говорится не раз, например: «Большую булаву получил Димитр Вишневецкий, малую – Яблоновский» (Pasek 2009: 509).

Итак, Пасек не выявляет свойства вещи, на первый план у него выходят те манипуляции, которым она подвергается. Вещь-трофей перемещается в пространстве – от побежденного к победителю, который мог ее утратить, уничтожить, воспользоваться ею не по назначению или передать другому в знак повиновения. Она имела столь высокое значение, что знамена, оружие и музыкальные инструменты впоследствии застыли в скульптурных изображениях как знаки побе-

ды. Добыча также способна к перемещениям, и именно их прослеживает Пасек, не обращавший особого внимания на бытовую вещь. «Причина в том, что данная сфера представителями всякого, в том числе и традиционного, общества считается малоинтересной для описания – она самоочевидна и не принадлежит самой культуре» (Лескинен 2008: 235). Внимание автора привлекают лишь дары, которые преподносят по торжественным случаям официальным лицам, или скромные свадебные подарки. Очевидно, что и эти вещи находятся в движении.

Пасек учитывает дополнительные смысловые коннотации, которыми наделяется вещь, а также эмоциональное отношение к ней. Трофеи утрачивают свое первичное значение и превращаются в символы. Добыча свидетельствует о военной удаче, поэтому не только сразить противника, но и приобрести то, что ему принадлежит, стремятся на поле боя. Дарами выражают безраздельное подчинение властителю, т. е. в этом случае вещь становится знаком иерархической структуры общества. Через вещь, непременно имеющую достаточно высокую стоимость, налаживают официальные отношения. Дарение было частью придворных ритуалов той эпохи. Подношения воспринимались как приглашение к контактам, без которого они и не начинались. Вещи, которые преподносят в дар частным лицам, означают симпатию, расположение, а также свидетельствуют о серьезных матримониальных намерениях.

Так через вещь манифестируются общественные и личные отношения, воспроизводятся эпизоды военных действий и создаются бытовые зарисовки. Очевидно, что только на войне вещь для Пасека «оживает» и приобретает самые разнообразные значения. Называя вещи или перечисляя их, строя вокруг них самостоятельные эпизоды, он показывает, как значения вещи меняются в разных жизненных контекстах и, соответственно, описывает эти контексты, которые также подлежат изменениям.

ЛИТЕРАТУРА

Злыднева 2011 – *Злыднева Н.В.* Предисловие от редколлегии // Коды повседневности в славянской культуре: еда и одежда. СПб., 2011.

Лескинен 2008 – *Лескинен М.В.* Событийность и повседневность в сарматских эго-документах // Категории жизни и смерти в славянской культуре. М., 2008.

Лотман 2003 – *Лотман Ю.М.* Не-мемуары // *Лотман Ю.М.* Воспитание души. СПб., 2003. Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/lotman/mem1/Lotmanne-memuary.html (30.09.2013)

Люстров 2008 – *Люстров М.Ю.* «Множество пленников убиенных» и «милость к пленным» в русских и шведских панегириках начала XVIII века // Категории жизни и смерти в славянской культуре. М., 2008.

Маскевич 1859 – Дневник Маскевича 1594–1621 // Сказания современников о Дмитрии Самозванце /Подг. текста, перевод, комм. Н.Г. Устрялова. В 5-ти ч. СПб., 1859. Т. 1. Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/rus12/Maskevic/frametext1.htm (30.09.2013).

Никитина 2012 – *Никитина С.Е.* Конфессиональные культуры в их территориальных разновидностях (проблемы синхронного описания). М., 2012.

Польская поэзия 1977 – Польская поэзия XVII века. Л., 1977.

Похлебкин 2001 – *Похлебкин В.* Словарь международной символики и эмблематики. М., 2001. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/pohl/index.php (2.10.2013).

Реляция 1885 – Реляция о военном походе его царского величества Алексея Михайловича в Литву против Польского короля Яна Казимира. 1654 г. // Витебская старина. 1885. Т. 4. Отд. 2. С. 347–352.

Савваитов 1896 – *Савваитов П.И.* Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора. СПб., 1896.

Соловьев 1960 – *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. В 15-ти кн. (29-ти тт.). М., 1960–1966. Кн. IV. М., 1960.

Тананаева 1979 – *Тананаева Л.И.* Сарматский портрет. Из истории польского портрета эпохи барокко. М., 1979.

Фролов 1987 – *Фролов В.П.* Героическая оборона Смоленска в 1609–1610 гг. // Военно-исторический журнал. 1987. № 6.

Эдельман 2009 – *Эдельман О.* Орлы и львы // Время новостей. № 211. 17 ноября 2009 г.

Chmielowski 1753–1756 – *Chmielowski B.* Nowe Ateny albo Akademiia wszelkiej sciencyj pełna na różne tytuły jak na classes podzielona, mądrym dla memoryjału, idiotom dla nauki, politykom dla praktyki, melankolikom dla rozrywki erzgowana. alias o bogu, bożków mnóstwie, słów pięknych wyborze, kwestyj cudnych wiele, o sybillów zbiorze, o zwierzu, rybach, ptakach, o matematyce, o cudach świata, ludzi rządach, polityce, o językach i drzewach, o żywiołach, wierze, hieroglifikach, gadkach, narodów manierze, co kraj który ma w sobie dziwnych ciekawości, cały świat opisany z gruntu w słów krótkości. T. 1–4. Lwów, 1753–1756. Режим доступа: http://literat.ug.edu.pl/ateny/index.htm (30.09.2013).

Doroszewski 1958 – Słownik języka polskiego / Pod red. W. Doroszewskiego. T. I–XI. Warszawa, 1958–1969. T. I. Warszawa, 1958.

Doroszewski 1960 – Słownik języka polskiego / Pod red. W. Doroszewskiego. T. I–XI. Warszawa, 1958–1969. T. II. Warszawa, 1960.

Doroszewski 1961 – Słownik języka polskiego / Pod red. W. Doroszewskiego. T. I–XI. Warszawa, 1958–1969. T. III. Warszawa, 1961.

Doroszewski 1962 – Słownik języka polskiego / Pod red. W. Doroszewskiego. T. I–XI. Warszawa, 1958–1969. T. IV. Warszawa, 1962.

Gloger 1900 – *Gloger Z.* Buńczuk // *Gloger Z.* Encyklopedia Staropolska. T. I–IV. Warszawa, 1900–1903. T. I. Warszawa, 1900.

Gloger 1901 – *Gloger Z.* Fant // *Gloger Z.* Encyklopedia Staropolska. T. I–IV. Warszawa, 1900–1903. T. II. Warszawa, 1901.

Kitowicz 1985 – *Kitowicz J.* Opis obyczajów za panowania Augusta III. Warszawa, 1985. Режим доступа: http://literat.ug.edu.pl/kitowic/ (29.09.2013)

Pasek 2009 – *Pasek J.Ch.* Pamiętniki. Warszawa, 2009.

Sobieski 1973 – *Jan III Sobieski.* Listy do królowej Marysieńki / Opracował L. Kukulski. T. 1–2. Warszawa, 1973. Режим доступа: http://literat.ug.edu.pl/listys (29.09.2013).

Глава 2

ЕДА

В «Записках» присутствует гастрономическая тема, в которой просвечивают значимые культурные смыслы. Так же, как вещь, она притягивает и собирает вокруг себя то жизненное пространство, которое в самых разных ракурсах представляет Пасек. «В польской историографии, посвященной обычаям и ритуалам, связанным с сарматской кухней и трапезой, можно отметить особую маркированность этой темы в контексте польского национального самосознания – т. н. «польскости» – наряду с другими элементами материальной культуры. Многие полонисты полагают, что в сохранении польской самобытности пища и вещные атрибуты играли столь же значимую роль, как язык, вера, литература», – пишет М.В. Лескинен (Лескинен 2011: 180). Эта тема не развернута в полной мере. Как и вещь, еда не становится в «Записках» доминантным объектом описания. Зато решительно все сферы жизни проводятся через гастрономический код.

В первую очередь значимо наличие или отсутствие еды. Голод/сытость – это противопоставление, на котором строятся многие эпизоды «Записок». Менее активно проявляется противопоставление праздничной и повседневной пищи, зависящее от церковно-календарного года. Оно реализуется прежде всего в назывании и перечислении ритуальных блюд. Противопоставление «свой»/«чужой» активно работает относительно еды. Особенности «чужой» еды Пасек замечает и фиксирует, характеризуя ее с точки зрения национальной идентичности. «Своя» еда, как и «своя» вещь, не заслуживает его пристального внимания.

Диапазон, в котором развивается тема еды, достаточно широк. Скудные подношения мещан и горожан, зимние припасы солдат, диковинные кушанья «чужого» находятся в

поле зрения автора. Он отмечает употребление алкогольных напитков по будням и праздникам, иногда сурово осуждая этот сарматский обычай и видя в нем помеху государственным делам, а иногда усматривая поведенческую норму. Не скрывает некоторых своих приключений, причиной которых стало пьянство. Так военный быт и мирное времяпрепровождение, праздники и будни, экстремальные жизненные ситуации, уклад шляхетской жизни получают гастрономические характеристики.

КОРОЛЕВСКАЯ МИЛОСТЬ. Перед тем, как обратиться к повседневности и военному времени, скажем о королевских милостях, которых был удостоен Пасек. Он бывал при дворе; король и простых солдат приглашал повеселиться и угощал их. Он сам любил банкеты и танцы, предавался веселью даже после отречения, не желая, как заметил Пасек, выказывать сожаление о содеянном. Во дворце и наш автор пил от души вместе со всеми и танцевал. Но когда королю накрывали на стол, он со своими спутниками покидал дворец и ни разу не побывал на пышных банкетах.

Рассматривая зал в шведском замке, Пасек лишь представлял себе роскошные ужины – там, конечно, танцевали и другими разными наслаждались «рекреациями». Что подавалось на этих ужинах и как за столом соблюдался этикет, он уточнить не мог. Правда, он слышал о любимых кушаньях короля Михала Вишневецкого – тому особенно нравились жареные утки. Поговаривали, что и умер он, поев такой утки, отравленной. Не видал Пасек ни сахарных гениев, ни гипсовых богов, ни карет, запряженных шестерней, т. е. тот настольный театр, всю ту «симметрию структуры», о которой пишет Е. Китович, рассказывая об убранстве королевских и магнатских столов (Kitowicz 1985). Так и не узнал он, что рыбу следует варить в мясном бульоне или вине, а лягушек употреблять в пищу.

Он упоминает о чудесных яствах лишь с целью обличения тех, кто отсиделся дома во время военных действий, поедая трюфели (tertufole), улиток и устриц. Таковы пищевые

маркеры (Морозов 2011) людей недостойных. В. Потоцкий, кстати, сравнивает богатые угощения с райской жизнью не в пользу последней: в раю ведь только яблоки и груши, «также мне обед нужен». Другое дело пиры у богачей: «На банкетах шляхетских вы поглядеть смогли бы:/Тоже десерт и фрукты, но также дичь и рыба» (Польская поэзия 1977: 104–105).

Кроме того, Пасек отмечал свою избранность. Король Ян Казимир, по его рассказам, благоволил к нему, что выразилось в том, что ему на квартиру «красиво» приносили еду с королевской кухни («przyniesiono jeść pięknie z kuchnie królewskiej» – Pasek 2009: 309) и пенистое вино, – то самое, которое пил король. Не забывали и о челяди: выкатывали для нее бочку меда и задавали коням овса. Так выглядела королевская милость. Из текста следует, что и в дальнейшем король помнил о Пасеке – он каждый день получал «порцию» с королевской кухни. Так выказывал свое расположение к нему и киевский епископ, Томаш Уейский, распорядившийся присылать ему кушанья со своей кухни: «Стало еще лучше, чем раньше, теперь носили и от короля, и от него» (Pasek 2009: 295). То есть он был приравнен к королевским дворянам, не получавшим плату за свои труды, которые замечательным образом описывает А. Владиславиуш: «И не временем труд твой бесплодный отмерен, /А за волей чужою ты скачешь, потерян. <...> Хочешь сесть, а стоишь; хочешь стать – сесть укажут. <...> Воет с голоду брюхо, хоть в доме богато, /Потому что иной раз не ешь до заката» (Польская поэзия 1977: 161). Зато эти дворяне получали пищу и роскошные одежды от самого властителя.

Существовал такой ритуальный жест власти и в России. Подданных поощряли особым способом – подачей: «...и как бывают столы на властей и на бояр, и кого кормят, также и про бояр и думных и ближних людей подачи повсядневно, что посылаются от царского и от царицына и от царевичевых и от царевниных столов, от обеда и от ужины» (Котошихин 1884). «В дипломатическом обиходе присылаемая еда могла заменять пир» (Свирида 2011: 263). И.-Г. Корб в своем «Днев-

нике» пишет, как послы Польши и Дании были пожалованы царским столом. «Польский посол получил 25 блюд кушанья, а датский посланник только 22; да тому и другому прислано разных питей по 6 ведер. Кажется, министерство имело в виду порушить тем спор о преимуществе, поднятый датским и польским послами. Польский посол и угощение получил первый, и кушанья послано ему больше. Датскому посланнику больно было, что он поставлен ниже польского, и не мог он перенести горя, что разностью угощения так далеко отстал от других» (Корб 1866). Доставлялась еда послам особым способом и чрезвычайно торжественно (Свирида 2011: 263). При этом если царь в постный день не обедал, то царских блюд, соответственно, никому не доставляли. Если слуги подачу не доносили, их били батогами на царском дворе.

Видимо, «порции», которые получал Пасек, были сытные, и вино, наверное, хорошее. Но главное, что кушаньями со своего стола его отличал сам король. Пасек был непритязателен и питался самой простой едой, о чем мы узнаем из его рассказов о чудесной выдре и ее искусстве ловить рыбу, которую наш автор любил больше, чем мясо: «... самое лучшее мясное кушанье я готов поменять на хорошую рыбу» (Pasek 2009: 520). Рыбу, которую приносила выдра, он отдавал на стол прислуге. Но щук и больших окуней ел сам. Он редко рассказывал о своих гастрономических пристрастиях, скупо описывал королевские милости, основное внимание автор «Записок» уделял пропитанию солдата.

ВОЕННЫЙ БЫТ. Свою службу в армии, выступая с речью о тяготах военной службы, он описывал в том числе через код еды. Бывал он в большой нужде, когда редко ел и часто сражался. Это не заставило его уйти с военной службы, чтобы сладко пить и жирно есть. Очевидно, что противопоставляется здесь не война и еда, а война и мирная жизнь, подразумевающая гастрономическое изобилие. Война же семантически связана с голодом, который настоящему воину не помеха. Жизнь в промежутках между сражениями изображается в опоре на оппозицию голод/сытость. Примечатель-

но, что другие авторы той эпохи как бы не обращали внимания на эту существенную сторону жизни. В их сочинениях каждодневные заботы «проникают за очерченные авторами границы, случайно вторгаясь в текст. <...> Хотя проблема нехватки еды – столь актуальная в то время – и не осознается авторами как событийная, она столь очевидна, что не достойна специального упоминания» (Лескинен 2008: 247).

Пасек же рассказывает, как в военных лагерях зачастую не хватало полноценной пищи, о настоящем голоде, который ему приходилось переживать вместе со всеми. Всякий раз, когда он хочет сказать, что военный быт упорядочен, то говорит, что пропитания достаточно, но никак не детализирует солдатский рацион. Например, когда польское войско переправилось через Одру, прусаки снабжали их провиантом, устраивали на ночлег. Бывало, что долгое время солдаты кормились с огорода, главным продуктом питания как-то раз была свекла. Ее пекли, варили, жарили, выдумывали разные свекольные блюда – например, пироги, которые приготовлялись следующим образом: вареную свеклу раскладывали на оладьях, видимо, тоже из свеклы, сворачивали, как пирог, и сажали в печь. «Сверху конопляным масло помажешь, вот тебе и угощение», – вспоминает Пасек. «Во время голода, эпидемий и военных действий в состав продуктов, допустимых для употребления могут входить виды пищи, которые в обычных условиях исключаются из круга повседневных пищевых предпочтений» (Морозов 2011: 91). Венгерские солдаты, которых Пасек с иронией именует графами Катона (ему известно, что katona по-венгерски значит солдат), попав в польский плен, сначала ели на серебре и вина разные пили, а потом воду; дрова рубили и на кухню носили, потому что за них не прислали выкуп. Так они и жизнь свою кончили.

Сколько и каких в лагере находится припасов, для Пасека, как для всякого солдата, жизненно важно: «Как только король вышел за границу, дали войску большой провиант» (Pasek 2009: 533). Так бывало не всегда, в том числе и у противников, что Пасек отмечает. Например, русские однажды

стремительно бежали из своего лагеря из-за нехватки припасов. Зато у турок скота было много: овцы у них стадами ходили. Значит, они не страдали от голода. Об опасности остаться голодным Пасек говорит постоянно, характеризуя лагерную жизнь. Условия ее смягчались, когда перерывы между походами бывали довольно длительными. Тогда солдаты жили, как крестьяне. На лагерном базаре – а такие всегда были в лагерях – все было дешевле, чем в городе. Зимой устраивались как у себя дома и даже лучше. «Очень хорошо там было все налажено; если бы всегда так было, то не нужно было бы с места на место по всей Польше таскаться и коней замучивать до смерти», – пишет он.

Съестные припасы, как и скот, составляли часть добычи. Когда поляки вошли в русский лагерь под Толочином, то обнаружили там скот, оставленный «москвой». Его всегда держали при войсках, за ним ходила челядь. Если отряд шел в поход, стадо вели за ним. Поляки обрадовались: кому достался вол, кому корова яловая. Все уже давно не видели мяса, потому тут же забили «добычу» и занялись приготовлением еды. На почти забытый запах потянулись все, никого не нужно было приглашать. Мясо уже стало редкостью. Тот скот, который еще оставался, крестьяне уводили и прятали в лесах, где и держали круглый год. У них отбиралось все, что можно, и они голодали не меньше, чем солдаты. По случаю победных сражений на скорую руку, как в этом случае, в лагере устраивались пиры. Как только некто Боженцкий намеревался повести речь «о процедуре» одного удачного боя, его тут же призвали остановиться: «Не рассказывай, пан-брат, пока нам есть не дадут» (Pasek 2009: 213). Тут повара всех комиссаров бросились разводить огонь, варили и жарили, водки, вина, меды расставляли. Все спешились, собрались и слушали рассказы о битве и победе. Это было искреннее и ничем не сдерживаемое веселье.

ПОСТОЙ. На постоях войско полагалось снабжать провизией, когда отряды отправлялись в путь, их следовало обеспечить съестными припасами и напитками. В этом случае

полагалось поставлять не только провиант для солдат, но и корм лошадям. Должно было хватать на всех, и челядникам, и солдатам, а не только офицерам. Требовалось многое – куры, гуси, каплуны, яйца, масло, сыр, каша, солонина. Необходима была водка, пиво обычно не брали, его пили на месте и никогда за него не платили. Правда, все эти продукты можно было заменить деньгами. Только так можно было избавиться от постоя, затруднявшего повседневную жизнь шляхтичей и крестьян (Kitowicz 1985).

Постой характеризуется с точки зрения изобилия/недостачи довольствия. Однажды сказано, что даже если бы у каждого солдата было по десять животов, все равно бы всем хватило. Подобное изобилие длилось недолго, тем более что солдаты, набирая в одном месте съестное (legomina), в другом его продавали. Стояли войска на одном месте, пока хватало пищи. Союзники помогали друг другу припасами, поляки делились с литвинами, но на постой не пускали. В «Записках» зафиксированы случаи, когда народ не выдерживал поборов и оказывал войску сопротивление. Тогда припасы отбирали силой, со стрельбой и криками. Такое поведение было вынужденным – в перерывах между походами войску не платили, что в 1660 г. послужило причиной солдатских волнений. В инструкции Пасека для равских депутатов на сейм 1667 г. в отдельном пункте сказано, что им следует просить короля, чтобы войску дали соль, которую они давно не получали.

Вот каким был постой в Дании. По решению воеводы Чарнецкого, отряды зимой 1658 г. в Дании не заходили в глубь страны, чтобы «есть хлеб шведский, а не датский» (Pasek 2009: 107). Поляки поражались местной дешевизне – вола там можно было купить за один талер. Здесь обстоятельства складывались для них благоприятно. Пасек с удовольствием перечисляет, что бывало у него на столе: напитки хорошие, особенно меды, которые сами местные жители не пьют, а кораблями отправляют в другие провинции. Приносили ему множество всякой рыбы, которую задешево ловили специально для него. Гороховый хлеб, который пекли в этих

местах, его не устраивал. Поэтому присылали хлеб только пшеничный и житный. Неплохо жилось автору «Записок» на постоях у «своих», приглашавших его отобедать. Он ел и пил в кругу гостей, вел нескончаемые беседы и, вообще, жил как в раю. Ему возами доставлялись такие специалитеты, которых в военном лагере не сыщешь. Такие угощения бывают только на домашних празднествах, вспоминал Пасек.

Когда он сопровождал русских послов в Варшаву, то также не бедствовал и хорошо запомнил, с какими припасами отправились в путь русские послы. Взяли с собой много стерляди и белуги (Пасек пишет «bilługa»). Свежую рыбу свозили для них со всех сторон, за ней специально посылались подводы. В возах, с которыми они прибыли, было навалено мясо, дичь, и сосуды с напитками сложены. Отправляясь с путь, Пасек получил распоряжение не требовать с населения подношений и всем сообщал, что оказывает шляхте уважение, минуя их владения. Они же все равно присылали напитки, дичь, хлеб, овес.

В роли пристава Пасек старался быть справедливым. Когда без его ведома с мещан вытребовали денег на подковы, хотя и гололеда не было, и снегу коням было почти по седло, да и мягкий он еще был, то запретил подобное вымогательство. За это благодарные мещане положили ему в сани огромную бутыль водки и просили прислать доброго пана, чтобы он не все забирал у местного населения. Заранее к праздникам присылали съестное или привозили деньги в надежде, что пристав проедет мимо. Шляхтичи рассказывали ему, что солдаты и офицеры, стоявшие у них ранее, превратили их в настоящих крестьян. Бывало и по-другому. Все вместе угощались и пили, после чего однажды оказалось, что шляхтичи выпили больше, чем привезли. Недостача была немедленно компенсирована.

В уже упомянутой поездке с русскими послами мещане отказались поставлять провиант и корм коням, так как у них уже стояли офицеры литовского полка. Началось настоящее «долгое стояние», в котором Пасек участвовал вместе с рус-

скими боярами. Он распорядился перегородить самую широкую улицу возами. Бояре сели на коней, а их свита встала с мушкетами наготове. Казаки приготовились к бою и стояли, как на параде. Когда появился бургомистр, Пасек приказал сковать для него ножные кандалы и ударил обухом. (Это распространенное тогда оружие применяли чаще всего в драках, а не в боях, его носили вместо палки; с ним запрещалось входить в костелы и брать на сеймы.) Мещане испугались и стали предлагать деньги, но Пасек был непреклонен и требовал провиант и подводы для сопровождения послов. Пока шли переговоры, по его приказу взяли шесть бочек меду из одной харчевни; и русские, и поляки гуляли вместе до утра. Утром забрали стога сена и снопы жита на корм лошадям, и тут горожане не выдержали и принесли забитых свиней, кур, гусей. Дали коней числом сто тридцать. Появилась супруга плененного бургомистра с разными напитками. Так выступление Пасека за честь польского короля и русского царя закончилось победой. Вот как он объяснил поручику литовского войска свое поведение: «У меня дело с городом, не с солдатами. Вы выказываете недовольство не мне, а двум монархам» (Pasek 2009: 347).

МИРНОЕ ВРЕМЯ. Военный быт в большей степени отразился в «Записках», чем мирная жизнь, хотя Пасек прекрасно ориентировался в гастрономических привычках и обычаях средней шляхты. Он практически не касался каждодневной пищи и обычаев, связанных с гастрономией. Поэтому приведем обширную цитату: «Обед состоял из четырех блюд, из которых два были мясными (“один каплун на шесть человек, отварная телятина, большой кусок жирной говядины”) и двух овощных (“морковка или репа на свежем мясе, квашеная или свежая капуста либо горох, все на свежем сале”); творога и сыра к обеду или на ужин “сколько захотят”; по воскресеньям и в праздники пятое блюдо (мясное – гусь, каплун, телятина или свинина). На ужин – три блюда: мясное, овощное (“с небольшим куском мяса”) и каша на мясном отваре, обильно сдобренная мясом. По средам, пятницам и субботам на обед –

“по два куска рыбы, овощи с маслом, овощи с творогом. На ужин – яичница либо вареные яйца, пирог на шесть человек”. На полдник – “хлеб с маслом, либо поджарить колбасу, или бигос приготовить”. Пиво к обеду, на ужин, между обедом и ужином – “сколько выльется”» (Этикет). Как видим, пища была обильной, о чем, как и о многом другом из домашней жизни, Пасек не вспоминает.

Он ничего не говорит о режиме питания, так как в основном описывает экстремальные жизненные ситуации. Так, после своего чудесного выздоровления он почувствовал страшный голод и даже начал упрекать домашних, что во время болезни его морили голодом. Что подадут, ему все равно, он все съест с большой охотой, уверял он. При этом, несмотря на истощение после тяжелой болезни, выздоравливающий отказался от скоромного. На скорую руку для него приготовили постный хлебный суп в маленьком горшочке, что его возмутило. Пасек требует взять большой горшок, не жалеть кореньев, выловить в садке щуку и приготовить ее особым образом (na kwaśno, szaro)[11]. Когда все увидели, как хозяин ест и пьет, то поняли, что он совершенно здоров. Лишь в этом эпизоде домашнее блюдо названо и кратко описано.

ПРАЗДНИЧНЫЙ СТОЛ. Можно было бы ожидать, что праздничный стол привлечет рассказчика, но он не создал картин праздничного изобилия, нет у него трогательных воспоминаний о Пасхе или Рождестве. Довольно подробно он рассказывает о рождественской службе в лесу, но не о ритуальной трапезе, которая, видимо, была скудной. Сказано только, что челядь подвезла съестное, и все сели, где стояли, и ели, утоляя вчерашний голод. В другой раз из-за сильной метели он опоздал на сочельник в дом, где его ожидала очередная невеста. Когда он появился, уже подавали рыбные блюда, составляющие ядро постного стола, обязательного в канун Рождества.

[11] Это старинный польский рецепт, по которому до сих пор готовят ритуальное рыбное блюдо на предрождественский ужин. Сначала щуку обжаривают, потом поливают соусом с самыми разнообразными специями и уксусом.

Когда войско стояло на постое во время праздника Пасхи, местные шляхтичи прислали каплуна, гуся, барашка. Както король специально приказал на пасхальные праздники встать на постой и кормиться у хозяев. На другую Пасху капеллан после драматического морского путешествия прислал Пасеку по его просьбе освященные яйца, а также лепешки и барашка. Барашек – это агнец (agnus Dei), ритуальная пасхальная пища, которая делается из теста или масла[12]. Он поел, и еще на вечер осталось. О пасхальной ритуальной пище Пасек вспомнил еще раз, когда принимал участие в преследовании войска Е. Любомирского. Он надеялся, что противников загонят к Балтийскому морю – пусть плывут в Швецию! Они же будут праздновать Пасху и радоваться великопольским агнцам и целым головкам жирных сыров. Как видим, ритуальные угощения на великие церковные праздники в основном перечисляются, особенно если их приходится праздновать вне дома, но не вписываются в полный ритуал проведения Пасхи и Рождества.

«ГАСТРОНОМИЧЕСКИЕ» ПРОЗВИЩА. Если еда становится центром сюжетного эпизода, о ней рассказывается подробнее. Женившись, Пасек принимает в своем доме новых родственников, а они насмехаются над кушаньями, которыми их потчуют. Ведь эти кушанья мазовецкие, а не краковские. Под 1667 годом Пасек пишет о недружелюбии краковян, которые называли его пришельцем (advena). Но он кому дал по лбу, кому в нос, кому в спину и таким образом всех усмирил, чтобы больше не называли его чужим.

В основе поведения гостей Пасека лежит традиционное противопоставление обычаев и гастрономических привычек, свойственных разным областям и даже отдельным селам или деревням. Проводится это противопоставление и в тех случаях, когда рацион их жителей мало чем разнится. «Прозвища строятся по модели отношений “мы – они”, что гово-

[12] Агнец Божий – значимая часть пасхальной пищи, но не только. Существовали медальоны из алебастра, золота и драгоценных камней с его изображением. Их носили как украшения. Кроме того, были агнцы, вылепленные из воска, относившиеся к разряду реликвий (Gloger 1900a).

рит о том, что оппозиция “свой – чужой” очень важна для носителей традиционного сознания» (Васькина 2011: 26). Гости соревнуются в остроумии и не унимаются, т. е. ведут себя как полагается по отношению к «чужому» и пока не выходят за пределы смехового пространства. Лишь завидев телячью голову, они весело сообщают, что это мазовецкий папа. Рассмотрев, что «покоится» она на желтом тесте, замечают, что это мазовецкие облатки (komunikanty[13]). Как видим, гости переводят гастрономический код в недозволенную область, в сферу сакрального. На первом плане у них находятся способы приготовления пищи, а не гастрономический этикет или меню. Еда «чужого», следовательно, явно переводится в сферу его образа жизни (Васькина 2011: 27).

Обратим внимание на цвет теста, который стал поводом для вызывающего поведения гостей. Облатки разных размеров пекутся только из муки и воды и цвет сдобного «мирского» теста иметь не могут. Цвет этот создавал шафран, приправа очень распространенная в то время. Его добавляли к мясу, к рыбе, клали в тесто. В сандомерском воеводстве телятину и рубцы (flaki) подавали с шафраном. Поэтому жителей этого воеводства прозвали «желтобрюхами» (Kitowicz 1985). Это яркий пример коллективного прозвища, выполненного в гастрономическом коде. Выходки гостей заканчиваются танцами, а потом и дракой: гости и хозяин хватаются за сабли. Это абсолютно традиционное завершение обмена коллективными прозвищами. «Такое подзадоривание друг друга выполняло и социальную функцию – вызывало склоку, драку, служило проявлению молодецкой удали, расстановке статусов “свой – чужой” и, как следствие, “сильный – слабый”» (Васькина 2011: 28).

Если такой была реакция на гастрономические привычки близких соседей, можно представить, как она усиливалась по мере отдаления от «своего» пространства. Там уж точно и обычаи не те, и еда не та. Так Пасек думал о литвинах, и

[13] Комуниканты отличаются от обыкновенных облаток размером, это так называемые малые облатки, которые обычно разносят по домам больным и умирающим.

свои мысли изложил в стихотворной форме вот по какому случаю. Поссорился он в Вильне с литвинами из-за недостроенного дома, в котором остановился на постой вместе со своей челядью и конями. Ссора закончилась дракой. Но обиделись литвины на оскорбление словом: обидные вирши автор записал на стене дома, ставшего причиной раздора. Темой послания избрал особенности литовской кухни. Рифмованные строчки задели национальное достоинство литвинов и, как они полагали, даже опозорили. Ведь Пасек называет их любимое кушанье – ботвинью (boćwina), т. е. суп, сваренный из свекольной ботвы, – «свинской едой, которую людям и есть-то не пристало». Он даже выдумывает причину их вооруженного конфликта – литвины возмутились тем, что он не стал есть ботвинью. С его точки зрения, употреблять в пищу свекольную ботву, а не корнеплоды невозможно. Ботву жрут одни свиньи. Следует вывод, что свинья и литвин в одной сворке ходят. Свинья по ночам принюхивается ко всему, литвин тоже ночью грабит. В эти строчки вплетаются некоторые литовские слова: kukuć (боров), litwos geras (литовские бараны), а также польские ругательства. Заканчивается послание напоминанием о том, что получили литвины польской саблей по лбу.

Гастрономические пристрастия жителей более дальних земель не кажутся Пасеку столь ужасными, по крайней мере, они не вызывают у него столь сильных эмоций. Он подробно сообщает, как питаются датчане и что он ел в Дании. Его интересы простираются гораздо дальше тарелки – в область экономики страны. Он рассказывает, чем богата Дания: в одной провинции водится много рыбы; например, в Гренландии ее так много, что, если бы датчане не рыбачили, корабли бы не протолкнулись в море; водится там множество разных зверей. В другой провинции прекрасный мед. Датчане всегда обмениваются тем, что производят. Занимают автора способы хранения продуктов – датчане морозной зимой сушат рыбу, отчего она становится «деревянной».

Делает он конкретные замечания о типе питания «чужого». Хлеба в Дании много, а питаются жители в основном рыбой и мясом. Кажется, Пасеку не нравится такое однообразие. Но тут же он сообщает, что готовят они из всего на свете. Написал он несколько слов о режиме питания датчан: они варят кушанья на целую неделю и редко едят горячее. Удивляло его время каждодневного приема пищи, не совпадающее с тем, к которому он привык и считал нормой. По его наблюдениям, у датчан время завтрака, обеда и ужина никак не маркируется. Они постоянно «кусочничают». Чтобы перекусить, отрываются даже от полевых работ. Как сделают один сноп, садятся и едят хлеб с маслом. Съели кусок и опять за работу. Обеденный стол накрывают по воскресеньям.

Рассказывая о воскресных обедах, Пасек доверительно сообщает, что некоторые кушанья вызывали у него настоящее отвращение, как кровяная колбаса: «меня так угощали, что тошно становилось» (Pasek 2009: 110). Датчане ни одной капли крови вола, свиньи, барана не упустят, аккуратно собирают ее, смешивают с разными крупами, набивают кишки забитых животных и варят, а потом свивают из них настоящие венки и водружают на рога коровы, голова которой у них считается украшением стола. Такое блюдо бывает даже у благородных особ. Пасек не желает есть кровяную колбасу, мотивируя отказ своей национальной идентичностью. «Такую пищу полякам есть не пристало», – гордо говорит он и переходит от противопоставления своего чужому к оппозиции человек/не-человек. Ведь, если я буду есть такую колбасу, собаки станут нашими врагами, это ведь их пища, – находит автор убедительный аргумент, явно нарушая правила приличия.

У него полно гастрономических запретов. Они распространяются на некоторые продукты: не прикасается он к угрям и некоторым видам рыб. Однажды ему все-таки пришлось отведать одной страшной рыбы, похожей на черта. Только увидев ее, Пасек заявил: «Если бы меня одолевал ужасный голод, я бы и тогда ее не ел» (Pasek 2009: 134). После того, как уже съел полмиски приготовленного из нее блю-

да, он никак не мог поверить, что у такой безобразной твари может быть такой прекрасный вкус. Потом Пасек никогда не прикасался к блюдам, приготовленным из рыбы с рогами.

Если датская кухня оказалась для него все-таки приемлемой, хотя и за некоторыми исключениями, то русскую кухню он не принял и всячески осмеивал. Напомним, что он писал о пище врагов, с которыми общался при заключении перемирия. При этом он сумел включить в рассказ о кулинарной специфике «чужого» и правила этикета. Как пристав он побывал на царском пиру, который устроил стольник Афанасий Иванович Нестеров. Такие пиры, не предполагавшие присутствия царя, были частью международной дипломатии. Их давали военачальники, послы по случаю военных побед, перемирий и проч. 25 сентября 1654 г. царский пир был устроен, например, после переговоров о сдаче Смоленска: «На такой пир приглашались воеводы и сотенные головы Государева войска, а также побежденные, смоленская шляхта» (Курбатов 2004).

Торжественное приглашение Пасек получил от сына стольника, Михаила Афанасьевича. В его изложении оно звучало так: «Царь Государь Великой, Белой и Черной Руси, Самодержец, просит, сударь, тебя, своего друга на белужье колено и лебяжье гузно». Его возмутили такие названия – что это за мода такая! Называть кушанья «коленом» и «жопой»! Так Пасек перевел слово «гузно». Вдобавок он не знал, что такое белуга. С рыбой вообще многие путешественники по Московии как-то не ладили. «Ярыми противниками русской рыбы были датчанин Якоб Ульфельд и <...> Таннер», который писал, что некоторые рыбные блюда «не только есть, но и смотреть было противно» (Свирида 2011: 264).

Поблагодарив через Михаила Афанасьевича русского царя, Пасек заметил, что он простой солдат и не привык ко всяким специалитетам. Но выразил надежду, что подадут еще что-нибудь, кроме этих блюд, которыми смогут насладиться сами русские послы. Михаил Афанасьевич не сдавался и объяснял, что как у вас приглашают на кусок мяса, хотя на

столе будут и ястребки, и многое другое, так у нас просят на лебяжье гузно, не называя все другие яства. Если же говорят, что будет и лебяжье гузно, и белужье колено, то значит, что устраивается царский банкет. Заметим, что в те времена проведения любых официальных торжеств – великокняжеских, царских и боярских пиров – начинались с жаркого из лебедей. Его отсутствие на столе являлось знаком неуважения к гостям. О лебедях среди жаркого на русском столе вспоминал и И.-Г. Корб (Корб 1866).

Пасек был неумолим и спрашивал, почему не на голову приглашают, не на крыло или грудку. Михаил Афанасьевич отвечал, что гузно у лебедя – самая вкусная часть. Пасек и тут нашелся: мы же приглашаем на каплуна, а не на его гузно. Последовал убедительный ответ, который «простой солдат» не принял во внимание: «Таков обычай». Так выглядел русско-польский гастрономический диспут, основанный на языковых недоразумениях и различиях в этикете, а также на нежелании одного из участников диалога отличать часть от целого.

Назавтра приглашение на пир было повторено. Пасека удивило, что перед началом пира он должен был выучить на память царские титулы, чтобы не ошибиться, когда будет произносить тосты. Русские пугали его: если ошибешься, будет страшное оскорбление государю, и все придется говорить сначала. Когда пили за царское здоровье, Пасек держал перед собой список царских титулов. Из русских лишь стольник знал на память титулы польского короля, остальные, как и он, также читали по бумаге. Они пили здоровье польских военачальников, Чарнецкого и других, против которых только что сражались. Пасек произнес здравицу в честь Долгорукого, Хованского, Шеремета, на что русские возмутились и даже обиделись, но смолчали. Потом стольник сказал, что они «недостойны, пусть за их здоровье пес помои пьет, столько народу погубили» (Pasek 2009: 337).

Кушаний на этом пиру подносили много, но все было плохо приготовлено и невкусно. Русские повара все пересушивали и пережаривали. Аналогичные претензии, но к

польским поварам, имел Г. де Боплан, который так описывал поразившие его особенности польского застолья: «Все подающиеся здесь блюда – самые обыкновенные и в удивительно огромном количестве, приготовленные грубо, несмотря на большое количество гостей» (цит. по: Лескинен 2011: 183). Вторит Боплану И.-Г. Корб: «... хотя всех кушаньев счетом было сто восемь, но на немецкий вкус весьма немногие были хороши» (Корб 1866). По мнению Пасека, кухня у русских однообразная, и подают они одно и то же. Он был недоволен изобилием мяса, хотя и польский стол предполагал в то время большое количество мясных блюд. «В многочисленных свидетельствах иностранцев пиры сарматов, начиная с XVI в., описываются в весьма негативном ключе. Благодаря им хорошо известно, в частности, что в кухне польской шляхты преобладали мясо, сало и дичь (причем, в первую очередь, добытые на охоте), а также пиво, мед (чуть позже – водки и импортные вина), белый хлеб и сладкие десерты. Овощи (особенно сырые) и салаты из них появляются на столах знати только с введением моды на итальянское после появления при королевском дворе итальянки Боны Сфорцы» (Лескинен 2011: 182). О главном блюде польского стола красочно пишет Е. Китович: на торжественных обедах подавалась так называемая пирамида, выложенная на огромном блюде, удержать которое могли только двое слуг. В основании пирамиды находились огромные куски жареной говядины, над ней надстраивались баранина, свинина и проч. Далее высились ряды домашней птицы и дичи; увенчивалась пирамида самыми маленькими птицами, например, бекасами (Kitowicz 1985).

Отголоски диспута о русском обеде слышны в беседе Пасека с русскими, которых воевода Чарнецкий пригласил отобедать в лагере. Они очень хвалили угощение, на что Пасек сказал: вот видите, наш гетман не подавал вам никакой жопы, как вы мне, а ведь вам понравилось. Русский стольник Иван Поликарпович ответил ему замысловато, но разумно: «Как же, милостивый государь! Везде ворона говорит: ка, ка,

ка! У вас приглашают на кур, а у нее есть гузно; у нас же просят на гузно; при гузне всегда голова есть» (Pasek 2009: 340).

Итак, Пасеку не только не нравятся гастрономические привычки «чужих», его возмущает внешний вид представителей подводного царства, которые оказываются на его столе, удивляет плохая русская кухня, неверный ритм датского каждодневного питания, «неправильный», чрезмерный гастрономический этикет царского пира, а также подозрительная кулинарная номинация.

ПЬЯНСТВО. Прекрасно ориентируясь в польском ассортименте легких и крепких напитков, Пасек размышлял на тему московской водки примерно в том же ключе. Он решил, что русские подают ему плохую водку, а сами пьют хорошую, и когда сдружился с русским стольником, выхватил у него однажды чарку. Ведь тот, выпивая, всегда приговаривал: «Сладка водка государева!». Оказалось, что водка эта пахнет ужасно и вкус у нее плохой – как бы коза верещала, если бы ей насильно такое в глотку влили! Пасек попытался объяснить такие различия напитков тем, что близ российской столицы есть одно место, где живут англичане, которые делают прекрасные ликеры и другие напитки. (Может быть, он имел в виду Английское подворье или Немецкую слободу.) Русские берут их с собой, когда отправляются заграницу. Не угодили Пасеку и датчане. Нехорошо датское вино, а мед славный. Привозят в эту страну добрые вина испанские.

По-другому он относился к своим, отечественным напиткам и настоящей польской модой Пасек считал пьянство. «Какой напиток был распространен в какой провинции, таким и угощали, и была дурная компания, дурной пир, если не напивались, когда гость на трезвую голову прощался с хозяином; тогда мало уважали такого шляхтича, в доме которого царила трезвость, мало чего он стоил в компании, называли его обычно французом или слабаком» (Kitowicz 1985).

Тема пьянства была актуальной не только для мемуарной литературы, присутствовала она и в поэзии, где решалась в противопоставлении пороков и добродетелей, и

пьянство сурово осуждалось, как и обжорство. А. Владиславиуш прославлял разумную трезвость, утверждая, что она «к добродетели приобщает всех» (Польская поэзия 1977: 163). В. Потоцкий возводил пьянство во всеобщий порок, привнесенный в мир сатаной: «Спит весь мир, пьяный, глаз не продирая, /Черпает черт из чаши, полной вином до края. / Спит весь мир, недвижный, словно мертвое древо, /Давит божья давильня тяжкие гроздья гнева. /Дьявол следит рьяно, чтоб не прошло похмелье, /Пальцем грозится, даже псам подливает зелье» (Польская поэзия 1977: 106). В. Коховский осмеивал застольные баталии. Он негодовал по поводу того, что стол превращается в поле битвы, артиллерийские батареи – в батареи бутылок, военные укрепления возводятся из паштетов и тортов; над всем этим великолепием высится «Башня цукатная, а перед ней /Стена кренделей» (Польская поэзия 1977: 130). Я.А. Морштын соединял вакхическую тему с излюбленной темой барокко carpe diem: «Пей, забудь печали, /Друг ты мой, дружище! /Кто-то думал быть в кружале, / Попал – на кладбище» (Польская поэзия 1977: 81). Пасека не интересовали эти «высокие материи», он писал о том, как пил сам и как пили другие.

В повседневной жизни алкоголь был частью дневного рациона. Дома на завтрак полагался пивной суп, после которого принималась не одна рюмка водки. Перед обедом пили наливки, вечером крупник[14] (Pachocka 2003). Пили, конечно, в гостях, задерживаясь там надолго. Пасек не приводит никаких подробностей о том, каких марок вина подавали во время одного затянувшегося визита, и лаконично сообщает – была пьянка (pijatyka). По правилам напитки подавали, начиная с легких: пива и слабого вина. Затем шло венгерское и более крепкое спиртное. Произносили тосты, первым начинал хозяин и по кругу приветствовал гостей. Очевидно, что подобный этикет не соблюдался на офицерских попойках. Не случайно своих товарищей по оружию автор называет дебо-

[14] Здесь имеется в виду крепкий напиток, приготовленный с медом и специями, обычно подавался в горячем виде, как пунш (Gloger 1901b). – *Прим. ред.*

ширами, они всегда находили возможность напиться. Принимая под свою ответственность роту казаков, сопровождавших московских послов, Пасек, кстати, сам после серьезной пьянки, требовал от них трезвого поведения.

Вспоминая, как его пригласили на пир, устроенный в шалаше, Пасек в сердцах восклицает: «Лучше бы этого не было!» (Pasek 2009: 193). И он прав: напившись, друзья и соратники затевают ссору и начинают драться на дуэлях. Так все и дерутся в состоянии всеобщего тяжелого алкогольного опьянения. Пили и на поле боя. Например, как только закончилось одно сражение с «москвой», поляки, закусив сухарями, стали распивать водку из медных фляжек, да так основательно, что у них голова закружилась. Фляжки эти, носившиеся на ремнях в кожаных чехлах, вмещали в себя два «гарнца»[15]. После пьянки все улеглись спать на траве.

Пили во дворце, где затевали пьяные ссоры. Приняв соответствующую дозу, Пасек был готов задеть кого угодно: «...мне он (гетман И. Мазепа, который тогда служил у польского короля. – *Л. С.*) всегда не нравился, особенно когда я в подпитии, ведь в таком состоянии все обидным кажется» (Pasek 2009: 357). Эти его слова созвучны строкам Д. Братковского: «Обидишь незнакомых, обругаешь, /И, протрезвев назавтра, уверяешь, /Мол, это Хмеля Хмельского вина» (Польская поэзия 1977: 126). Назвав Мазепу есаулом (assawuła) и услышав в ответ обидное для него – «капрал», Пасек с размаху бьет его кулаком по лицу. Оба хватаются за сабли. Назавтра он не пошел в замок – на трезвую голову все видится по-другому. Пили на выборах гетмана, которые проходили в поле перед королевскими шатрами. Депутаты и арбитры, т. е. те, кто не имел права голоса, приходили кто трезвый, а кто и пьяный. Много пили и буянили на сеймах и сеймиках, где наиболее знатных персон «потчевали изысканными блюдами и добрыми напитками, особенно венгерским вином, и там, где его было больше и оно было особенно хорошо, там все и толпи-

[15] Garniec (горшок) – так называлась мера жидкостей, начиная со средних веков. Единица эта довольно сильно различалась в разные годы: от двенадцати литров до примерно четырех. Считалось, что каждый гарнец составлял четыре кварты (Gloger 1901a).

лись» (Kitowicz 1985). Публика попроще обходилась водкой. Пьяные выходки одного шляхтича, Яна Фирлея Броневского, закончились трагедией на войсковом круге: его зарубили неподалеку от поля.

Пасек не видел в пьянстве ничего дурного, что характерно для того времени. Особое отношение к вину сохранялось долго. По словам Б. Хмелевского, вино не люди изобрели, как пиво, горилку или мед, а создал сам Господь Бог. Пользу его и достоинства оценил патриарх Ной после потопа, когда напился (Chmielowski 1753–1756). Поэтому можно было появиться на важном заседании не на трезвую голову, ведь только закончилась встреча с друзьями. Кстати, Пасек легко заводил дружбу, сорил только что полученными деньгами, пил сам и весело спаивал всех подряд. Хотя утверждал, что это его спаивали в нехороших компаниях. Если он был особо расположен к человеку и радовался встрече с ним, то, следуя моде польской, обязательно напивался. Сам же, по доброй воле, до ужасного состояния никогда не доходил, «а ведь есть такие, кто пьет в одиночку». Эти его слова предупреждают рассказ о тяжелой болезни, которую Пасеку пришлось перенести (видимо, delirium tremens). От пьяных он натерпелся немало. Один из его гостей, великий пьяница, задирал его до тех пор, пока Пасек не поколотил его и других визитеров, после чего пришлось звать цирюльника, оказывавшего в те времена медицинскую помощь. Затем он пил со своей челядью и издевался над пьяными слугами гостей: совал в нос жжёную бумагу, пачкал усы. Однажды пьяные постояльцы пытались выгнать его с квартиры. Чаще Пасек налаживал отношения с хозяевами: выпивал с ними за ужином фляжки по две хорошего вина, а потом отправлялся спать. Пил он с новыми знакомыми по самым разным случаям, например, когда его не задержали после трагического происшествия во время театрального представления.

Пьянство не всегда было стихийным, оно подчинялось этикету. Пасеку подносили напитки в знак благодарности. Одна вдова, чей дом он спас от разорения, прислала ему и

его солдатам пиво и водки разные. Тогда пили драгуны, а Пасек с вахмистром устроился в санях. Случались и более лестные предложения. Однажды сам король предложил ксендзу Пикарскому выпить по поводу отставки Пасека. В другой раз он всем присутствующим предложил напитки, велел придти музыкантам и фрейлинам, и в этой приятной обстановке предложил Пасеку помириться с Мазепой, после чего те вместе напились. Чарнецкий перед сном предлагал ему на выбор мед или «петерцимент»[16], Пасек, как всегда, предпочел мед. Выпили тогда они по три серебряные чаши, каждая чуть больше кварты. Пил за его здоровье маршалек Жеромский и солдатам своим велел поднять за него чаши. Были у нашего автора и более скромные собутыльники. Со своей челядью выпил он однажды сначала одну бочку пива, а потом и другую. Слуги не отставали от хозяев. Ожидая их, они напивались и ложились спать по углам.

Существовали особые дни в году, когда пьянство было ритуальным. Обязательно пили на масленицу, последние дни которой назывались dni Bachusowe[17]. Тогда распевали веселые песни об уходящих забавах и пирах: «Mięsopusty, zapusty, /Nie chce państwo kapusty, /Wolą sarny, jelenie i żubrowe pieczenie»[18]. Провожали такими песнями не только оленину, но пиво и мед. В 1662 г. эти веселые дни Пасек провел, сопровождая русских послов, у которых возы были набиты добрыми напитками и дичью. Все веселились и на санях под русскими дугами ездили по гостям. Говоря о похоронах, Пасек лишь называет поминки. Свадебный пир также не стал объектом описания. Только о его собственной помолвке сказано несколько слов: слуга Пасека Дзенгелевский спел песенку со смыслом и подыграл себе на скрипке, все поняли намек, начали пить и кричать «Виват!». Отмечается в «Записках» ин-

[16] «Петерцимент» (petercyment) – так назывался сорт малаги, популярный в Польше, которому многие предпочитали пиво, а не только мед. Название этот напиток получил от искаженного имени поставщика. Об этом сорте вина вспоминает З. Глогер, приводя старую пословицу: «Nic po petercymencie, gdy wystałe piwo» (Gloger 1902).

[17] «Дни Бахуса» (лат.). – *Прим. ред.*

[18] «Посты да масленицы, никто не хочет капусты, все желают жаркого – из косуль, оленей и зубров» (пол.). – *Прим ред.*

дивидуальное поведение, связанное с алкоголем. Тот самый закрочимский кастелян, который победил однажды своих же соотечественников и взял у них трофей, пил по-особому. Его поведение резко выделялось на фоне всеобщего веселья в доме, где он уже не жил и лишь приходил навещать жену. Перед тем, как выпить рюмку, он просил у нее разрешения, стоя на коленях. Затем пил и осенял всех святым крестом, пока шли танцы, и совсем замолкал, когда напивался. В своем доме в пьяном виде кастелян производил различные экзерциции с мечом.

Алкоголем не всегда сопровождались бурные застолья и банкеты. Его употребляли и в медицинских целях. Когда Пасек чуть не погиб во время морской прогулки и едва выбрался на берег, ему тут же дали сухую рубаху, развели огонь и принесли еды. Но он потребовал меду, насыпал в него имбирь и гвоздику и потихоньку выпил целый горшок. За этим занятием его и застали друзья, пришедшие к нему осведомиться о здоровье. Назавтра Пасек встал совершенно здоровым. Алкоголь помог ему излечиться и от несчастной любви. Вместе с другом и родственником Рыльским они пили с горя и радости не один день. Страдая при мысли о разлуке с датской возлюбленной и одновременно всей душой стремясь на родину, Пасек вел задушевные беседы со своим другом, и каждый раз, вспомнив прекрасную девицу, горькими слезами разбавлял разнообразные напитки. Страдания и пьянство лишили его сна.

Однажды, чтобы не вступать в деловые отношения, он притворился пьяным. Правда, он действительно недавно выпил, но сделал вид, что пьян ужасно и не может беседовать с неким Жерославским, желавшим заменить его на посту пристава при московских послах. Тот ему о деньгах толкует, а Пасек требует выпить, желает доброго здоровья и просит принести что-нибудь поесть. Жерославский откладывает серьезную беседу назавтра («de mane consilium») и напивается так, что челядь выволакивает его на себе. «Я себе позволил, а он не возражал, считая меня очень пьяным» (Pasek 2009: 335), –

заключает Пасек свою хитроумную игру. Он любил разыгрывать своих собеседников. Когда узнал, в какой корчме есть мед, то попросил русских бояр выпить в той корчме и заплатить. После чего оставшееся челядь взяла бы бесплатно. Еще одну страшную пьянку он устроил назло несговорчивым горожанам, не приготовившим подводы и провиант, – «такая фантазия у меня родилась» (Pasek 2009: 347). К нему присоединились офицеры литовского войска и русский посол, который поставил «романию» (то же, что петерцимент), уже напившись добрым медом. Притворившись, что не знает никаких языков, Пасек одурачил датчан. Поняв его хитрость, датчане посмеялись вместе с ним и славно выпили.

Еда почти не определяет сюжеты рассказов, они возникают прежде всего в отсутствии еды. Она значима как важная часть жизнеобеспечения. Примечательно, что и король Ян III Собеский в письмах с войны не раз пишет о еде: «Что касается куропаток, фазанов и другой живности, могли мы их есть по нескольку раз в день; этого у нас в достатке, как и фруктов» (Sobieski 1973). Хотя иногда он просит прислать деликатесов и рассказывает, как в лагере варили варенье, но не хватило сахара. «Своя» еда, с точки зрения Пасека, не заслуживает описания, исключение делается для «чужой» еды. Ей даются вкусовые характеристики, рассказывается даже о декорировании стола (напомним датский венок из кровяной колбасы). Проводя через гастрономический код как важные, так и малозначимые события своей жизни, пропуская через него мирное время и время войны, автор обогащает его алкогольной темой. В отличие от еды, алкоголь оказывается сюжетообразующим элементом. Рассказов о пьяных розыгрышах или стычках в «Записках» довольно много. В связи с алкоголем затрагивается тема этикета.

На основе гастрономического кода строятся сравнения. Этикет, выбор продуктов для приготовления пищи, само ее приготовление становится для них пригодным материалом: «А тут Москва мешается, крутится, как тот, кому за столом не сидится» (Pasek 2009: 206); «так как мы вслепую под огонь

лезли, смешались мы с ними, как зерно с сечкой» (Pasek 2009: 204). Войска перемешиваются, как пища в горшке, на сейме все кипит, как в горшке. Рассуждая, какие кому достались враги, Пасек приходит к выводу, что полякам выпало драться с теми, кто обучен военному делу и неустанно в нем упражняется. Другие же имеют дело с врагами слабыми и изнеженными. Так бывает: кому-то достается порция с корицей и другими сладкими приправами, а другому оставляют нечто с хреном или горьким перцем. Не случайно здесь упоминаются приправы, которые тогда стоили дороже, чем кушанья. Миндаль, изюм, лимон, шафран, имбирь, корица подходили тогда и к мясу, и к рыбе, и к меду, а не только к сладким блюдам. Бедняки же довольствовались привычными приправами, хреном, например. Острый перец для них уже был дорог. Пасек объединил хрен и перец по вкусовому признаку, но никак не по гастрономической изысканности.

Чтобы еще раз показать, как работал код еды в эпоху Пасека, в заключение приведем знаменательное название сочинения об искусстве гастрономии, освященном свыше (Краков, 1660). По словам автора, Ст.К. Херциуса, написал его сам Господь Бог. Оно звучит так: «Банкет народу человеческому от монарха небесного сразу после сотворения мира из разных трав, зерен, овощей, скота домашнего и зверей диких, и птиц, и рыб, приготовленный». На первом плане здесь выступает хозяин, «разумный, рассудительный, милосердный, не жадный, не скупой и не чревоугодник» (Gloger 1990b).

ЛИТЕРАТУРА

Васькина 2011 – *Васькина А.С.* Пищевой код в коллективных прозвищах (Каргопольский и Няндомский района Архангельской области) // Коды повседневности в славянской культуре: еда и одежда. СПб., 2011.

Корб 1866 – *Корб И.-Г.* Дневник // Русский вестник. 1866. № 4. Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/rus13/Korb_2/text1.phtml?id=4074 (30.09.2013).

Котошихин 1884 – О России в царствование Алексея Михайловича. Современное сочинение Григория Котошихина. Из-

дание Археографической комиссии. СПб., 1884. Режим доступа: http://bibliotekar.ru/rus/92.htm (30.09.2013).

Курбатов 2004 – *Курбатов О.А.* Государев Смоленский поход 1654 года // Седмица. 2004.

Лескинен 2008 – *Лескинен М.В.* Событийность и повседневность в сарматских эго-документах // Категории жизни и смерти в славянской культуре М., 2008.

Лескинен 2011 – *Лескинен М.В.* Изобилие и обжорство в национальной культуре: об интерпретации сарматских пиров // Коды повседневности в славянской культуре: еда и одежда. СПб., 2011.

Морозов 2011 – *Морозов И.А.* «Когда есть нечего…»: пища в экстремальных и кризисных ситуациях // Коды повседневности в славянской культуре: еда и одежда. СПб., 2011.

Польская поэзия 1977 – Польская поэзия XVII века. Л., 1977.

Свирида 2011 – *Свирида И.И.* Функции еды в иностранных описаниях России XVI–XVII вв. // Коды повседневности в славянской культуре: еда и одежда. СПб., 2011.

Этикет – Этикет и гостеприимство в старой Польше. Режим доступа: http://www.delishis.ru/biblio/content/Polish/Polish_432.html (30.09.2013).

Chmielowski 1753–1756 – *Chmielowski B.* Nowe Ateny albo Akademiia wszelkiej sciencyj pełna na różne tytuły jak na classes podzielona, mądrym dla memoryjału, idiotom dla nauki, politykom dla praktyki, melankolikom dla rozrywki erzgowana. alias o bogu, bożków mnóstwie, słów pięknych wyborze, kwestyj cudnych wiele, o sybillów zbiorze, o zwierzu, rybach, ptakach, o matematyce, o cudach świata, ludzi rządach, polityce, o językach i drzewach, o żywiołach, wierze, hieroglifikach, gadkach, narodów manierze, co kraj który ma w sobie dziwnych ciekawości, cały świat opisany z gruntu w słów krótkości. T. 1–4. Lwów, 1753–1756. Режим доступа: http://literat.ug.edu.pl/ateny/index.htm (30.09.2013).

Gloger 1900a – *Gloger Z.* Agnusek // *Gloger Z.* Encyklopedia Staropolska. T. I–IV. Warszawa, 1900–1903. T. I. Warszawa, 1900.

Gloger 1900b – *Gloger Z.* Bankiet // *Gloger Z.* Encyklopedia Staropolska. T. I–IV. Warszawa, 1900–1903. T. I. Warszawa, 1900.

Gloger 1901a – *Gloger Z.* Garniec // *Gloger Z.* Encyklopedia Staropolska. T. I–IV. Warszawa, 1900–1903. T. II. Warszawa, 1901.

Gloger 1901b – *Gloger Z.* Krupnik // *Gloger Z.* Encyklopedia Staropolska. T. I–IV. Warszawa, 1900–1903. T. II. Warszawa, 1901.

Gloger 1902 – *Gloger Z.* Petercyment // *Gloger Z.* Encyklopedia Staropolska. T. I–IV. Warszawa, 1900–1903. T. III. Warszawa, 1902.

Kitowicz 1985 – *Kitowicz J.* Opis obyczajów za panowania Augusta III. Warszawa, 1985. Режим доступа: http://literat.ug.edu.pl/kitowic/ (29.09.2013).

Pachocka 2003 – *Pachocka A.* Sarmackie zmagania z Bachusem // Obyczaje: magazyn międzynarodowy. 2003. №15.

Pasek 2009 – *Pasek J.Ch.* Pamiętniki. Warszawa, 2009.

Sobieski 1973 – *Jan III Sobieski.* Listy do królowej Marysieńki / Opracował L. Kukulski. T. 1–2. Warszawa, 1973. Режим доступа: http://literat.ug.edu.pl/listys (29.09.2013).

Глава 3

ОДЕЖДА

Костюм, как и всякая другая вещь, для Пасека не представляет особой эстетической ценности, но имеет материальную стоимость. На войне он – объект добычи, в мирное время характеризует статус и состояние человека. По костюму можно определить, «свой» человек или «чужой». Он участвует в процессе коммуникации. Через костюмный код человек выполняет правила этикета и следует моде, которой подчиняется не только одежда и манера одеваться, но и стиль жизни.

МОДА. Пасек прекрасно понимал, что мода распространяется не только на платья, шапки, обувь, но и на сабли, на конскую упряжь, на все «аппараты» (т. е. одежду), военные и домашние; также на прически, жесты, походку, приветствия. «Не хватило бы и десяти воловьих шкур, чтобы это все записать!» – восклицает он. Так в «Записках» возникает известный мотив воловьей шкуры, на которой черт записывает грехи человеческие[19]. Жизнь по моде для автора «Записок» греховна только на первый взгляд. Он с огромным удовольствием описывает новый стиль одежды, который поляки сами «сочинили», побывав в Дании. Потом, как бы опомнившись, гневно говорит о вреде моды. Тяга к моде, с его точки зрения, – предел легкомыслия (summa levitas) польского народа. Существует такой обычай – хоть наизнанку платье выверни, скажут, что мода такая, и все станут ее расхваливать и носить, пока она не дойдет до простых людей. Так прочерчивается вертикаль культурного пространства, по которой высокие образцы – в данном случае высокой моды (для того времени) – опускаются на нижний уровень. Как известно, такова динамика всей культуры в целом.

[19] Этот распространенный мотив использовали, например, школьные драматурги примерно того же времени. Он присутствует в пьесе «Komunija duchowna Św. Borysa i Hleba».

Стремление к моде приводит к обнищанию, от него проистекают все беды Польши. Никто не хочет соблюдать экономию, поэтому Пасек щедро раздает дельные советы. Ведь разные платья можно купить у иностранцев – их бы на свой век хватило, и детям досталось бы. Одежда, особенно дорогая, действительно, наследовалась. Но так никто не делает, а через год мода улетучивается – всё переделывают или продают задешево, шьют новые наряды. В старых же теперь только дома ходить можно. Если в люди выйдешь, то сразу, как воробьи на сову, накинутся, и начнут чирикать: глянь, глянь, да пальцем показывать и вопить, что наряд этот еще потоп помнит. Дамы особенно подвержены моде, но про них и их выдумки и писать нельзя: ведь тогда и всей книги не хватит, – утверждает Пасек.

Этого он, действительно, не делает, зато подробно рассказывает, как изменился польский костюм после похода в Данию. Его рассматривают король с королевой, на которую, как и на ее придворных дам, необычный наряд произвел огромное впечатление. Королева велела солдатам крутиться и вертеться, желая хорошенько разглядеть непривычные фасоны. Одеты они были по-новому, на иностранный манер, но это был не иностранный костюм, а польский, только усовершенствованный. Поменялись ткани, из которых шились привычные польские жупаны и ко(у)нтуши. Теперь это крепкая плотная льняная материя («drelich»), из нее шили также паруса, лосина, которая шла на короткие куртки. Не только куртки, но и контуш стал коротким, теперь он был только по колено. Обычно поляки ходили в долгополом свободном жупане, на него сверху одевался такой же длинный контуш, слегка расклешенный снизу. Их добывали в боях с татарами, у которых одежду такого покроя носили только знатные люди. Надевались они на польские жупаны.

Контуш обязательно подпоясывали. В Польше появились персидские золотые пояса, богато украшенные турецкие, их повсеместно называли «стамбульскими». Мода на красные и желтые сапоги также пришла с Востока (Talko-Hryncewicz

1924). Народ победнее просил сапожников подкрашивать черные сапоги желтой или красной краской, стремясь показать, что они не хуже знатных панов (Kitowicz 1985). Считается, что и кавказские мотивы можно распознать в польском костюме того времени. Ян Собеский интересовался кавказской модой и ей подражал (Барановский 1979). Новый стиль одежды, который ввели польские солдаты, стал называться черкесским. Пасек считал это совершенно неверным. Ведь его «сочинили» поляки, так как было неудобно ходить в длинной одежде в стране, где все носят короткое. Как только укоротились жупан и контуш, сразу удлинились сапоги. Раньше поляки носили сапоги короткие. Достать за границей их было негде, а старые сносились. Поэтому стали носить сапоги по немецкой моде с высокими и широкими голенищами (почти до пояса). Этого, с точки зрения Пасека, требовал эстетический подход. Просто получилось бы чучело, если бы носили длинное платье на такие сапоги, оно болталось бы и сзади и спереди. Сапоги стали украшать подвязками, серебряными, золотыми, усыпанными драгоценностями. Новая мода прижилась стремительно. Все начали укорачивать самые роскошные контуши и жупаны из шелка, парчи, бархата, дорогого сукна или вообще меняли их на новые из простой грубой ткани. Переделали и польские сапоги, их стали носить короткими. Задали работы и портным, и сапожникам.

Во времена Пасека пошла мода на немецкое платье. Так одевался король Ян Казимир и его приближенные, хотя и сарматский костюм, естественно, с ним сосуществовал. Так возникло не-различение поляков с иностранцами. Пани Сулковская, готовая обвинить короля за промедление в гражданской войне, не может вычленить его из группы приближенных и спрашивает у Пасека: «Золотой мой, покажи, кто из них король, я ведь его еще не знаю. Знаю, что по-немецки ходит, но там же несколько немцев: не знаю, который из них» (Pasek 2009: 407). Пасек показал, кто из этих «немцев» король. Напомним, что в «Записках» и домашние духи разгуливают в немецком платье.

Обратим внимание на то, что презрительные прозвища немцев происходили из особенностей их костюма. Начиная с XVI в., они носили короткие, обычно до колен, пышные штаны (*Pluderhosen*), которые очень не понравились полякам. Для них надеть такие штаны значило отказаться от отечественных обычаев. Назывались они pludry (Pludry 2013). Немцев и шведов поэтому поляки называли pludrakami: «Иди домой, злодей голоштанный (pludrak); раз нет добычи, дарую тебе жизнь» (Pasek 2009: 100). Позднее поляки удивлялись тому, что pludracy ходят без шапок: «Смешно было поляку в теплой шапке видеть немца, в жестокий мороз бегающего по улицам с непокрытой головой, но в тяжелой шубе, волчьей, медвежьей или какой другой, но мода все стерпит» (Kitowicz 1985). Со временем они все решительнее перенимали заграничную моду. В результате «на всех публичных собраниях красовались два народа: один польский, другой немецкий» (Kitowicz 1985).

Подобное разделение станет важной темой польского Просвещения. Теперь на сцене и в литературе противостоят друг другу не сармат и немец, а сармат и галломан. О стремлении изменить свой внешний облик, надев чужой костюм, еще в XVI в. писал Л. Гурницкий[20]: у поляков нет своей одежды, но ведь раньше она не могла не быть, но мы ее забросили и ухватились за новинки. Теперь охопни наши кажутся нам простецкими; но есть в них величавая святая свобода польская, свидетельствующая о здоровье Речи Посполитой.

Слово «мода» в XVII в. имело широкое значение и употреблялось не только в связи с одеждой. В «Записках» говорится о польской моде на пьянство, моде на захват чужого: «сначала введут в расход, устроят неприятности, а потом начинают уничтожать, <...> а он (пострадавший. – *Л.С.*) должен низко кланяться, выпрашивать собственные деньги, которые он охотно давал, а те отдают сколько захотят, потому что у них мода такая» (Pasek 2009: 597). У врагов поляков, татар, тоже есть своя мода – нападать на челядников, когда они ко-

[20] *Górnicki Ł.* Dworzanin polski (1566). – *Прим. ред.*

сят, пасут коней или стоят на часах. Есть мода и на конскую упряжь. Но нет такой моды, чтобы товарищ взял под уздцы твоего коня, это забота челядника. Мода означала обычай, но такой, который не заслуживает слишком высокой оценки. Д. Братковский в стихотворении «О моде» противопоставляет моду на одежду «моде» на милосердие. Оно начинается словами: «Все вы, вельможи, моды измышляете, /А вот эту моду вы не соблюдаете <...>. Чтоб солдату от беды оправиться, /А селянину от нужды избавиться, / Взяли бы ту моду, вы, вельможи, ибо /Люд небогатый скажет вам спасибо» (Польская поэзия 1977: 125). Как писал позднее Е. Китович, мода была решительно на все, и только хлеб не выходил из моды. «Каким он появился на свете, таким и остался». Он прекрасно понимал, что «пока что-либо в моде, то хорошим считается, хотя оно и самое неудобное и совсем плохое» (Kitowicz 1985).

В «Записках» представлены «моды» самого разного вида, они и создают общий стиль жизни. Описание моды в одежде выполнено в «Записках» конструктивно, автор создает образ костюма, а не передает впечатление от него. Отличительная черта моды – перемены. Им удивляется король Ян Собеский, не понимая, зачем его супруга зимой требует китайки – «видно, снова во всем идет перемена» (Sobieski 1973). Даже в военных походах он внимательно присматривается, в каких кто ходит контушах, жалуется, что у него остался только один приличный голубой жупан (błękitna suknia), а в сером и ходить нельзя. Не раз упоминает эту «серенькую материйку», которая совсем износилась. Хочется королю, чтобы королева прислала ему ткань, такую тонкую, как шелк, которой на контуш пойдет локтей тринадцать. Нужны ему и более грубые ткани, которые защищали бы его от дождя, – сейчас он промокает до нитки. Странным кажется королю отсутствие роскоши в одежде иностранцев, например, наряды и конская упряжь лотарингского принца скромны и совсем не новы: «Платье на нем серое, без всего (т. е. без всяких украшений. – *Л.С.*), пуговицы золотые, довольно новые; шляпа без перьев. <...> Конь неплохой, седло старое, уздечки простые,

поводья плохие и архистарые» (Sobieski 1973). Ян Собеский замечает, что в Вене никто не обращает внимания на свой внешний вид. Генералы ходят на манер полуфранцузский и полувенгерский. Польские обычаи этого не допускали.

БОГАТСТВО/БЕДНОСТЬ. Костюм свидетельствует о достоинстве и положении человека. Костюм короля – о его величии, которое знаменовало богатство и статус. На коронации Ян Собеский медленно передвигался на коне под балдахином, который несли за ним двадцать четыре человека. Был он в контуше из турецкой парчи с соболями, сверкающем бриллиантами и рубинами. Черные жемчужины, скрепляющие страусиные перья, украшали его колпак.

Иногда Пасеку хватало одной, но значимой детали, чтобы определить статус человека. Через деталь он описывает праздничную церковную службу в ляховицкой крепости, которую так рвалась захватить «москва», но не смогла. Собрались все, «кто жив был». Пришли шляхтичи со своими женами, разряженными просто чудесно: «эта прекрасно, а та еще лучше, другая, богато одетая, была так увешана золотом и драгоценностями, что едва шла» (Pasek 2009: 213). Именно драгоценности, неважно какие, главное, что их много – выделено только золото – определяют меру богатства. Сами наряды описанию не подлежат, хотя автор и воспринимает их с эстетической точки зрения («postroiło się to od cudów», «pięknie», «piękniej»[21]). В других случаях наряды просто именуются богатыми. Когда воевода Ст. Чарнецкий решил, что хорошо бы его племяннику посвататься к дочери закрочимского кастеляна Т. Олендзкого, он отправил его на это «мероприятие» «богато, в достойном окружении» (Pasek 2009: 178). Видимо, воевода позаботился о внешнем виде своего племянника и его свиты, но тот не добился расположения девицы. Родственники невесты короля Михала Вишневецкого Элеоноры Марии, в отличие от Чарнецкого, показали себя не с лучшей стороны. Племянница императора не выглядела на свадьбе соответственно своему положению.

[21] «Сшито чудесно», «красиво», «красивее». – *Прим. ред.*

Богатство не всегда оценивается положительно. В письме, направленном примасу Пражмовскому, которое, как утверждают исследователи, Пасек лишь вставил в свои «Записки», адресат обвиняется в чрезмерной роскоши. Передана она через детали одежды и интерьера. Примас развалился в бархатном кресле под серебряным епископским посохом[22], поправляет он свою крошечную бородку, вдыхая бальзам из набалдашника (в котором обычно прятали духи – Pasek 2009: 394, прим. 36); хотя сера из адской табакерки ожидает его. Представляется примас в этом памфлете верхом на коне в фиолетовой сутане, закрывающей даже конский хвост, и вдобавок безусым. Настоящий польский воин не мыслился без сарматских усов.

В этом же письме возникает противопоставление богатству бедности через код одежды: «Не умел этого ничего (примас. – *Л.С.*), когда в посконной рубахе за телятами ходил у отца в Пражмове» (Pasek 2009: 394). Такие рубахи, как и другую одежду, шили из домотканого холста (поскони), который производили из конопли. Такой вид одежды по-польски назывался «конопляным» («konopnym») или словом łyk, łyczek (волокна конопли или холст из них). Это типичный перенос обозначения с ткани на одежду, из которой она сшита (Чернышева 2011: 9). В польском языке перенос этот продолжился. «Жители маленьких городков носили яркие желтые жупаны из конопляной материи (łyczakowe); так как эта материя, как и атлас, делалась из волокон, т.е. конопляного лыка, их обычно звали łyczakami; шляхту же от их кармазиного жупана – кармазинами» (Kitowicz 1985). Так довольно долгое время называли и крестьян, и бедных горожан[23].

[22] Епископский посох (pastorał, у Пасека pasterał) – знак сана и архаический символ власти. В средние века его вытачивали из слоновой кости, позднее отливали из серебра. Его навершие украшали растительный орнамент, изображения Божьей Матери или святых. Епископ опирается на этот посох во время торжественной литургии (Pastoral).

[23] И на рубеже XIX–XX вв. повседневная мужская одежда состояла из посконной рубахи, белых посконных штанов и соломенной шляпы. Летом крестьянин ходил босиком, зимой в сапогах (Domino). Напомним, что значения бедности в русском языке закрепились за словом «посконный», ср. пословицы, которые во множестве приводит В.И. Даль, например: «Куда нам с посконным рылом в суконный ряд!», «С посконной рожей да в красные ряды» и др. (Даль 2012).

Бедная шляхта носила серые жупаны из домашней шерсти. Поэтому ее называли «szlachtą szaraczkową». В этом видели традицию, идущую со времен Пястов. Как писал Ш. Старовольский, отцов наших серой шляхтой звали, не носили они ни шелка, ни бархата, довольствовались серым сукном, которое дома делали.

Вычленил Пасек знак бедности и в другой стране. Наряды датчанок он называет прекрасными, хотя они носят деревянные башмаки. Как и посконная одежда, такая обувь говорит о бедности. По крайней мере, так обстоит дело в Польше.

Не только одежду «своих», но и «чужих», даже на поле боя, Пасек воспринимал как бедную или богатую. Носился он на своем быстром коне, но успевал заметить и седло золотистое, и пестрый (papuzi) жупан, и подсумок на серебряной цепочке у русского юнца. А вот еще один русский вместе с другими выскакивает из лесочка – богато наряженный, по «гусарской моде». Седло опять же золотистое, платье шелковое, колпак вышитый, богатый. Русский колпак всегда привлекал внимание поляков, естественно, не фасоном, а тем, что его отвороты украшались драгоценными камнями. Пасек, завидев русского, которого решил взять в плен, сразу обратил внимание на то, что наряжен он будто на свадьбу. Колпак же его был расшит жемчугом – наверное, пошла целая пригоршня. И еще бриллиант на нем красовался[24].

Итак, отличительной особенностью немецкого костюма поляки считали штаны, а русского – колпак. Немецкие штаны, на их взгляд, имели непривычный покрой и длину: поляки все-таки еще не расстались окончательно с долгополыми контушами и жупанами; русский колпак привлекал их богатством. Они и сами поражали всю Европу роскошью своих нарядов, которые могли стоить столько же, сколько несколько деревень.

[24] «Калпак (татар. Калпак) – высокая к верху суживающаяся шапка с узким меховым отворотом и с одною или двумя прорехами, к которым прикреплялись пуговицы и запоны» (Срезневский 1891: 1183). Видимо, поляки так долго охотились за русскими колпаками, что они вошли в моду. В XVIII в. «пожилые сенаторы и состоятельные шляхтичи на большие торжества носили собольи колпаки с бархатным верхом, красным, синим или зеленым, и прикалывали к опушке надо лбом драгоценный камень» (Kitowicz 1985).

Роскошь эта доставалась им на поле боя. Раздевать врагов было делом обычным. Их одежда становилась знаком победы. Так, с одной стороны, активизировалась оппозиция свой/чужой, с другой – происходила ее нейтрализация. Если противники возвращались с поля боя не голыми, то только потому, что сапоги у них были худые и платье бедное. Их с коней сталкивали, одежду и латы стаскивали. Пленных, перед тем как убить, также раздевали. Солдаты деловито совещались: «Давайте сначала я его раздену, ведь платье на нем хорошее, можно кровью запачкаться» (Pasek 2009: 119). Облачившись в чужую одежду, польские солдаты выглядели довольно забавно, зато богато. Даже простой челядник после битвы щеголял в турецкой шубе и чалме, да еще на прекрасном арабском скакуне. Заметим, что чалма была для поляков главным знаком турецкого костюма. Когда они одержали победу над турками, то гнали их так, что многие бросились вплавь. Долго потом по Дунаю, словно стая уток, плавали чалмы, за которыми следили победители. Польские контуши и жупаны добывали казаки, воевавшие не на их стороне. «Со старины глубокой одевались <...> во что попало, а главным образом в одежду, взятую в добычу. В праздники они наряжались в богатые азиатские или польские уборы» (Сафронов).

Раздевание, отсутствие костюма означало наказание. После стычки с казаками драгуны связали их и били плетками, чтобы помнили солдат Чарнецкого, потом раздели и голых погнали к лесу, на снег. Был страшный мороз. Фальбовский, чью жену соблазнил Мазепа, поймал его, долго мучил, раздел, посадил на коня лицом к хвосту, сняв седло, и погнал через густой лес. Когда Мазепа, измученный, постучался в свой дом, узнали его только по голосу.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ. Переодевшись в «чужое» платье, польский солдат утрачивал приметы, присущие «своим». Его и принимали за «чужого». Однажды в лагерь на киргизском коне прискакал неизвестный в московском колпаке, украшенном жемчугами. Солдаты приняли его за русского и ра-

довались удаче – «язык» сам идет к ним в руки. Но он оказался товарищем по оружию, вернувшимся с боевого задания. Послужила однажды одежда приманкой, на которой была построена военная хитрость казаков, выманивших турок из крепости красным жупаном. Навела она ужас на одного старика и стала причиной его неожиданной смерти. Его сын, возвратившийся после битвы под Веной, «решил по-особому потешить добычей своего отца» (Pasek 2009: 501). Он оделся в турецкое платье, водрузил на голову чалму, и въехал в родную деревню на верблюде. Отец не признал его: человек в турецкой одежде, да еще на верблюде никак не мог быть его сыном. Увидев, какое страшилище въезжает к нему во двор, старик, крестясь, пустился бежать. Сын же кричал ему вслед: «Это я, сын твой!», а отец несся от него еще быстрее. Потом он заболел от испуга и вскоре умер. Повторим, что подобного рода переодевания не были вынужденными, и свидетельствовали они не о стремлении идентифицироваться с врагом, а о победе над ним.

Переодевание не всегда было лишь знаком победы. Например, чтобы сгладить различия с союзниками, выказать им уважение и симпатию, курфюрст бранденбургский Вильгельм одевался по-польски. Следовал он польской моде неслучайно, так как мечтал о польском троне после смерти короля Яна Казимира. Жестом вежливости обмениваются литвины с отрядом Пасека: они встречают его настороженно, но шапки снимают.

Смена костюма означала стремление быть неузнанным. Чтобы пробраться в Гамбург, один польский офицер оделся «по-немецки», но говорил он только «по-мазовецки». Если бы поехал он в польском платье, то не догнал бы своих никогда, – сказано о нем в «Записках». Взяли его «цесарские», и так как он не смог с ними объясниться, приняли за шпиона: «Видно, ты шпион, платье немецкое, а речь твоя не по платью» (Pasek 2009: 163). Таким образом, идентификация «чужого» здесь происходила по двум параметрам: язык и одежда.

Не только на войне, но и в мирной жизни одежда была знаком идентификации. Однажды Пасек, стараясь избежать нежелательной встречи, надел контуш, в котором его еще никто не видел, и только после этого отправился в город. Он желал остаться неузнанным. Как уже говорилось в первой части работы, двоюродный брат Пасека скрылся от преследований, изобразив несчастный случай, для чего разбросал свои вещи по замерзшей реке. Шапку его нашли и понесли тому шляхтичу, у которого он останавливался: «Ведь он ее лучше знал» (Pasek 2009: 379). Шапка была быстро «опознана» и стала вещественным доказательством в деле исчезновения одного из родственников Пасека.

Головные уборы, как считал Е. Китович, первыми бросаются в глаза, так же на них реагировал Пасек. Точнее, на манипуляции с ними. В Дании, во время церковной службы «лютеры» в какой-то момент закрывали лица – мужчины шляпами, женщины накидками, чего не делают католики. Пасек затеял с ними диспут: ведь так не делали ни Христос, ни апостолы. Те отвечали, что евреи прикрывали таким образом Иисусу глаза, когда он пророчествовал. Пасек тут же нашелся: если вы так поминаете муки Спасителя, то вам по шее дать следует. Такой религиозный диспут он провел в Дании из-за странного, с его точки зрения, обращения с элементами костюма. Закрочимский кастелян также через костюм выражал отношение к вере: он прикрепил к своей шапке крестик с изображением распятого Христа (pasyjka) и с благоговением всматривался в него, когда снимал шапку и нес ее перед собой и дома, и в церкви.

Однажды Пасек принял русского в шелковом платье и вышитом колпаке за самого князя Хованского, мнимый Хованский же решил, что перед ним челядник, а не товарищ (офицер). Пасек предложил ему сдаться, но русский смотрел на него с опаской: «Так как я был в сером контуше, он не доверял мне, думал, что я голодранец, челядник какой-нибудь, а они челядников больше всего боятся, зная, что от них никакого снисхождения не будет» (Pasek 2009: 209). Поэто-

му он очень оживился, увидев другого врага, но в красном («karmazynowym») контуше, правда, вытертом, и на таком коне, что и до Страшного суда его не догонишь. Красный цвет был различительным признаком одежды богатых шляхтичей. К ним трудно было причислить всадника, которого увидели и русский (мнимый Хованский), и Пасек. Издалека можно было заметить его неприглядный вид, наглядно свидетельствовавший о бедственном состоянии. В красных контушах ходили товарищи (офицеры), челядники – в серых. В том, как русский воспринял Пасека, а также его комбатанта, решающую роль сыграл цветовой код: красный контуш он предпочел серому. Так он проявил осведомленность в различии чинов и званий польского войска. Вот еще один пример того, как оценивался цвет одежды. По пути в Данию многие участники похода уходили назад целыми отрядами. От одного из них осталось только шестеро челядников, которые прибились к хоругви Пасека, где их прозвали цыганами – они ходили в красных домотканых плащах (kilimach). Здесь, может быть, не только цвет определил это прозвище, но и вид одежды. Видимо, эти плащи были похожи на накидки, т. е. «цыгане»-челядники отличались по своему виду от других солдат. Вдобавок красный цвет им был не по рангу.

Тогда товарищи (офицеры) и челядники носили контуш, жупан, пояс, шаровары, шапку, которая у челядника шапка была в два раза выше, а контуш (katanka)[25] короче, чем у офицеров. Как пишет Е. Китович, именно у челяди прежде всего появились мундиры, различавшиеся по цвету. Пасек, кстати, разглядел, что челядники, убившие шляхтича на рыцарском круге, были одеты в бирюзовые мундиры. Когда он говорит, что Чарнецкий обещал провинившимся выдать сукно на новые мундиры «вне очереди» за проявленную ими храбрость, эту материю он называет словом barwa (цвет) (см. об этом: Gloger 1900). Про сукно пишет и Ян Собеский, приводя слова

[25] Katanka – «род кафтана, куртки или плаща, подбитого мехом, который носили в XVI в.» (Żurawska-Chaszczewska 2010: 82–83; 261). Как видим, такой вид верхней одежды существовал и в XVII веке.

Менжиньского, обращенные к казакам, которые требовали денег: «Здесь в Польше у вас есть казенное сукно, а как приедете в войско к королю, там будут и деньги» (Sobieski 1973). Сукно тогда было очень дорогим. В связи с этим Пасек в своей Инструкции равским депутатам предлагал поставить на сейме вопрос о твердых ценах на все товары.

Долгое время офицеры не желали унификации, многие считали ношение мундиров «постыдным» и «неравенство в войске вызывающим» («...które dotąd nosić towarzystwo polskie za sromotę i jakąś nierówność miało» – Kitowicz 1985). Это затрудняло жизнь в мирное время, так как существовало неписаное правило не впускать во дворец плохо одетых людей. Военные не всегда могли похвалиться богатыми нарядами, поэтому даже офицеров самых высоких званий иногда принимали за «простых», и вход в королевские покои им был закрыт. Как полагает Китович, эта ситуация тоже способствовала распространению военной формы.

В походах было достаточно взглянуть друг на друга, чтобы понять, кто есть кто: «...отряды мешались друг с другом по ходу движения, но спрашивать, из какой они дивизии, не нужно было, одного взгляда было достаточно: когда бедные, босые, пешие, то малиборчики; когда верхом, при оружии и одеты достойно, то датчане, как нас, солдат Чарнецкого, называли» (Pasek 2009: 168–169). Когда началась братоубийственная война, солдаты с трудом разбирались в том, где враг и где соратник. Потом заметили, что в войске Е. Любомирского у каждого на левой руке есть повязка. Пасек такую повязку себе сделал и особенно ничего не боялся, хотя понимал, как страшно ошибиться, когда брат воюет с братом, а сын с отцом. «Такая эта война предательская, когда одна и та же одежда, одна мода!» (Pasek 2009: 418).

В заключение скажем, что Пасек прекрасно знал символическое значение костюма. В речи, написанной по случаю смерти гетмана Чарнецкого, он через код одежды противопоставляет своего героя античному Парису: не золотой шлем он носил, не в шелках он ходил, а в латах. В быту же

автор «Записок» явно не интересовался ни символическими значениями одежды, ни модой. Правда, он страшно огорчился, когда сгорели его шубы и платья, а, может, их и украли, когда загорелась корчма, в которой он остановился. Убытку было на четыре тысячи. Переживал, что не взял с собой плащ, когда попал под дождь. Замечал он потери других. Когда на одном пиру подносили разные напитки, литвины перепробовали все, что можно, и, напившись, потеряли кошельки с деньгами, сабли, шапки и пояса. Радовался, когда венецианский бархат спас его от удара противника на дуэли и только в одном месте была повреждена эта дорогая ткань.

ЛИТЕРАТУРА

Барановский 1979 – *Барановский Б.* Кавказ и Польша в XVII в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М., 1979.

Даль 2012 – *Даль В.И.* Пословицы русского народа. В 2-х тт. М., 2012.

Польская поэзия 1977 – Польская поэзия XVII в. Л., 1977.

Сафронов – *Сафронов И.Н.* Одежда и обувь // *Сафронов И.Н.* Материальная культура Донского казачества XVI–XVII вв. Режим доступа: http://fstanitsa.ru/way/odezhda-donskikh-kazakov-16-17-vv (30.09.2013).

Срезневский 1893 – *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I–III. СПб., 1893–1912. Т. I. СПб., 1893.

Чернышева 2011 – *Чернышева М.И.* Тематически-исторический словарь русского языка: одежда // Коды повседневности в славянской культуре: еда и одежда. СПб., 2011.

Domino – *Domino Z.* Kultura ludowa mieszkańców Babicy. Режим доступа: http://www.babica.czudec.pl/index.php?strona=kulturaludowa (30.09.2013).

Gloger 1900 – *Gloger Z.* Barwa // *Gloger Z.* Encyklopedia Staropolska. T. I–IV. Warszawa, 1900–1903. T. I. Warszawa, 1900.

Kitowicz 1985 – *Kitowicz J.* Opis obyczajów za panowania Augusta III. Warszawa, 1985. Режим доступа: http://literat.ug.edu.pl/kitowic/ (29.09.2013).

Pasek 2009 – *Pasek J.Ch.* Pamiętniki. Warszawa, 2009.

Pastoral – Słownik liturgiczny. http://www.oltarz.pl/slownik/ (30.09.2013).

Pludry 2013 – Pludry // Słownik wyrazów obcych. Wydawnictwo Naukowe PWN, 2013.

Sobieski 1973 – *Jan III Sobieski.* Listy do królowej Marysieńki / Opracował L. Kukulski. T. 1–2. Warszawa, 1973. Режим доступа: http://literat.ug.edu.pl/listys (29.09.2013).

Talko-Hryncewicz 1924 – *Talko-Hryncewicz J.* Muślimowie czyli tak zwani tatarzy litewscy. Kraków, 1924. Режим доступа: http://www.piotrowscy-ze-strachociny.pl/varia/talko-hryncewicz-07.html (30.09.2013).

Żurawska-Chaszczewska 2010 – *Żurawska-Chaszczewska J.* Słownictwo rzemiosł skórzanych w polszczyźnie historicznej. Praca doktorska. Poznań, 2010.

ЧАСТЬ IV

ОБРАЗ САРМАТА

Глава 1

САРМАТСКИЙ РЫЦАРЬ

В «Записках» ни разу не говорится о сарматах или сарматской идеологии, определявшей тип жизни и мировосприятие того времени, в котором жил Пасек. Но не называемые прямо концепты сарматизма возникают в его речах и не раз конкретизируются в «примерах». В характеристиках военачальников и простых солдат вырисовывается ключевая фигура сарматизма – воин-рыцарь, которого автор часто именует кавалером и обязательно указывает на его принадлежность к рыцарскому сословию (stan rycerski), или рыцарству. Шляхта называлась рыцарским сословием, так как была обязана с оружием в руках и верхом на конях защищать родину, если в этом была необходимость. Также называлось и войско («компания»): «Zasiadło tedy do kościoła rycerstwa siła i z naszego, i z litewskiego wojska» («Расселось тогда в костеле многочисленное рыцарство и нашего, и литовского войска» – Pasek 2009: 215). Пасек особо подчеркивает, что это польская шляхта, а, например, не иерусалимская, и гордится тем, что в его жилах течет кровь славных поляков, что он принадлежит такому народу, который знает, что такое политичное обхождение, в отличие, например, от татар.

Он видит себя в рядах воинов-рыцарей, шляхтичей и примеряет на себя их идеальные образы. Как бы присоединяясь ко всем славным воинам, автор переходит на личное местоимение множественного числа: «... короче говоря, все мы сотворим то, что нам положено, поедем, куда следует; будем там, где и другие; не побоимся оказаться в опасных местах» (Pasek 2009: 554). Наделяя себя качествами, присущими настоящим героям, или проявляя их, Пасек напоминает, что и он, как эти рыцари, храбр; как они, он заботится о своей репутации; также любит родину и мыслит не о своем обогащении, а о счастье матери-Польши.

ПОРТРЕТ РЫЦАРЯ. Будто забывая о том, что значит для воинов добыча, Пасек заявляет, что рыцари не стремятся к богатству. Не о доходах и вознаграждениях помышляют они, бросаясь на поле битвы. Напомним, что средневековый рыцарь «не дорожил имуществом, иногда даже не имел его» (Лескинен 2002: 107). Польские воины последующих веков следовали этому идеалу. Таков и сам автор. Как только взял он в руки оружие, то уже не помышлял ни о каких выгодах, никогда не записывался в чьи-нибудь любимцы, а сражался вместе со всеми там, где не гимны Гименея, а трубы Марса звучат. Не боялся он никаких трудностей и не преследовал личных целей. Не заботился о своем состоянии, которое со временем лишь умалялось. Пасек возмутился, когда невеста, назвав его «рыцарским человеком», предположила, что он привык к большому жалованью. Так она возвела напраслину на все рыцарское сословие – не больше сорока-шестидесяти злотых в квартал получали рыцари, и не этими монетами измерялись их военные подвиги, а врожденной любовью к родине и почитанием короля.

Рыцари наделены мужеством и храбростью, решимостью и способностью действовать, кураж в них есть и воля отчизне послужить, – утверждает Пасек. Сходно говорит об этом Б. Хмелевский: на гербе Короны польской изображены «не стены и не башни, потому что в чистом поле поляки грудью своей защищали отчизну» (Chmielowski 1753–1756). Идеальные примеры отваги подают военачальники, храбрые кавалеры. Гетман Чарнецкий, закатав рукава, с голыми руками бросается в бой впереди войска и носится среди чужих и своих, как простой солдат скачет, стреляет, рубит. Врывается в самую гущу битвы, призывая не страшиться врага и надеяться на Бога. Перекрестившись, первым переправляется через реку, ведя за собой войско. Другие рыцари не вписаны в такие динамические «картинки» и характеризуются довольно скупо. О Госевском (Гонсевском), например, сказано, что он только что выкуплен из московского плена, что это прекрасный военачальник, счастливый в боях,

и весьма достойный сенатор. Товарищи-офицеры обычно именуются отважными, добрыми и славными солдатами, старыми солдатами, кавалерами, опытными в боях. Многие из них, как Рубешовский и Войновский, удивляют неизменной храбростью и чувством долга: «...мы выдержали (атаку русских. – *Л.С.*), потому что должны были» (Pasek 2009: 205). И Пасек с отважным сердцем рвался в бой наравне с другими сынами отчизны. Невзирая на зимние холода, шел на войну, участвовал в тех кампаниях, где все истово сражались, и где кровь лилась вместо сладких ликеров.

Каждый рыцарь хранит свою честь, отстаивает ее и защищает, ибо честь для него дороже жизни. О чести как непременной черте рыцаря не раз упоминается в «Записках», приводятся документы, в которых развивается тема чести, – такие как «Генеральная амнистия». Честь заменяла рыцарям военную присягу, ее еще и не было тогда в польских войсках. Храброму кавалеру она была не нужна, ведь ему присуще врожденное достоинство, добродетели сдерживают его более, чем присяга. По законам чести он не может, например, убить пленника, взятого другим. Он держит слово кавалера, данное Господу и товарищу по оружию, которого никогда не подводит даже в мелочах. Обещал Пасек посетить пана Тышкевича и задержаться у него на неделю – и сдержал слово. Но подвел Пасек пана Сладковского, мечтавшего женить его на своей дочери. Увидев, что он, только что женившись на другой, возвращается из церкви, Сладковский вопит: «Где же слово шляхетское?» (Pasek 2009: 460). Пасек пытается вывернуться из неприятного положения. По-другому он ведет себя в экстремальных ситуациях, когда сам Господь свидетельствует о его чести, когда в жестоких сражениях он остается в живых и кровью доказывает, что нет на нем вины (Пасека обвиняли в убийстве одного шляхтича). Рыцарские традиции продолжаются в дуэлях. Несостоявшаяся дуэль воеводы Чарнецкого с генералом Монтекукколи опозорила последнего; не вступив в бой, остался он «с конфузией»[1].

[1] Кодекс чести сарматских рыцарей во многом совпадает с тем, которым приняли для себя ускоки, сражавшиеся против османов в XV–XVI вв. (Запольский 2012: 34–35).

Для рыцаря главное – чистая совесть, или «memoria actionum nostrarum bene a nobis gestarum» («память наших добродетельных поступков» – Pasek 2009: 302). Человек с чистой совестью мужественно переносит оскорбления и несправедливые обвинения, так как уверен в своей невиновности. Его не собьют с толку ни угрозы, ни просьбы. «Солнце, как ни проси, не станет лепешкой жмыха, не превратится правда в неправду; ни одного шага не уступлю, видит Бог, из-за угрозы, и если привелось бы мне при моей невиновности пострадать, то ни просить, ни страшиться не буду...» (Pasek 2009: 293–294). Он бережет свою репутацию, как воины древних времен. Репутация связана с честью: «Я вас уверяю, что этот случай ни вашей чести, ни доброй репутации не повредит» (Pasek 2009: 288). Также она близка по смыслу славе. Порой о репутации так и говорится: «...и будет у вас и добрая слава, и милости королевские, и всякие почести» (Pasek 2009: 292). Заботясь о репутации, Пасек на постое не берет денег с местных жителей, и никакие уговоры не могут заставить его это сделать.

Каждый рыцарь стремится к славе, но не все знают, что обрести ее помогает только Господь. Это Он возвращает польскому народу вдруг утраченную славу, которую можно сравнить с солнцем, ведь она своими лучами разгоняет в человеке всякие «гнусности» и освещает добродетели: «Кто к славе стремится, как в солнце ходит» (Pasek 2009: 555). Слава неразрывно связана с жизнью, они всегда рядом, поэтому можно сказать: «тот, кто отбирает мою добрую славу, отбирает жизнь» (Pasek 2009: 374), «Превратив меня в изменника, отобрали у меня добрую славу, которая с жизнью рядом ходит» (Pasek 2009: 305). Добиться ее можно, лишь имея природную честь и совершая добродетельные деяния – защищая веру и отчизну. «Моральные качества рыцаря – благочестивые и воинские добродетели (честь и слава)» (Лескинен 2002: 107). Хотя славу приносят и некоторые дурные дела: «Не была бы миру известна добродетель, если бы не ее противности» (Pasek 2009: 307). Славе противостоит «неслава», которой не следует страшиться, ведь ее легко сменяет слава. Но следует

помнить, что «трудные порой дороги ведут к доброй славе, <...>, благодаря трудностям остаются в памяти мира добродетели. Hectorem quis nosset, felix si Troia fuisset» («Кто бы знал Гектора, если бы Троя была счастлива» – Pasek 2009: 288). Бывают они и дорогами войны: «Не страшно храброму сердцу через огонь и меч, <...> через Сциллу и Харибду под добрым водительством стремиться к доброй славе» (Pasek 2009: 422).

О «депозите доброй славы» Пасек заботится всегда. Ее вместе с репутацией и всяческими заслугами незаслуженно могут отобрать недоброжелатели и даже сама отчизна. После того, как его оклеветал Мазепа, этот «депозит» у него только умножается, кстати, как и доходы. Автор «Записок» всегда надеется прославиться. Из его рассказов следует, что о нем идет добрая слава (например, про его мужество знает вся Литва). В одной своей речи гетман Чарнецкий то ли в шутку, то ли всерьез вспоминает о пальме первенства, которую Пасек стремится получить ранее других. Пасек надеется, что, возможно, его имя будет известно каждому, как и имена других героев.

Храбрые воины, стараясь оставить по себе добрую славу, тем самым прославляют отчизну. Они рвутся к славе и хватают ее обеими руками. При упоминании их имен, подобно звону колокола, распространяется слава, живущая в веках. «Прекрасно, если кого-то украшает старина, но не менее прекрасно, если он сам приносит славу дому своему» (Pasek 2009: 564). Слава для некоторых рыцарей уже записана «в древних актах»: их деды и прадеды (naddziady) были уже столь почитаемы, что при виде их смягчались даже каменные сердца. Так усиливается мотив славы храбрых рыцарей XVII века, хотя их почитают, даже если их подвиги не вторят подвигам предков. Истинным героям противостоят те, кто стяжает себе чужую славу. Многие не желают делиться славой, даже сам Чарнецкий. Он всегда готов выступить первым, не дожидаясь союзников, с трудом соглашается с тем, что на одну военную операцию немцы пойдут без него: «Пускай у них будет хоть одна победа, еще ничего хорошего не сделали, а хлеба поели очень много» (Pasek 2009: 160).

Таковы универсальные черты рыцарей, которым неведомо чувство страха и которые храбро сражаются с любыми врагами, дорожат своей честью и репутацией, знают цену славе. Им ее дает мужество (fortitudo): «Что в этом мире приносит человеку почести? Что дает ему славу в веках? Fortitudo – так мудрецы утверждают в согласии, Fortitudo – отличает славу» (Pasek 2009: 571). Мужество и другие добродетели «аккомодирует», что уподобляет польских рыцарей античным героям, что не удивительно, так как поляки искали и находили свои корни в античности. Наследуют они Александру Македонскому и его воинам, которые, как и польские шляхтичи XVII в., в «Записках» именуются рыцарями. Их слава живет в веках: «Еще наши времена не изголодались по рыцарям прежних времен; тот, у кого в гербе есть лев и медведь, бесстрашно взирает на битву» (Pasek 2009: 557). Они презирают богатство и живут в бедности; земля им служит ложем, пищей все, что находится под рукой, а сон их короче, чем ночь. Примечательно, что участник английской экспедиции, Адамс, развивал тот же мотив, но относительно русского воина, которому, как и польскому, и любому другому приходилось терпеть всяческие лишения. «Этот жилец снегов черпает воду из замерзшей реки, разводит в ней овсяную муку, и обед готов. Насытившись, он тут же располагается и отдыхает при огне. Мерзлая земля служит ему пуховиком, а пень или камень подушкою» (цит. по: Свирида 2011: 267).

Польским рыцарям покровительствуют античные боги, в первую очередь Марс, которому они приносят себя в жертву. Грозный бог войны провозглашает своим сыном такого рыцаря, как Ланцкороньский: «Доволен Марс тем, что сын его достойный своих “зверей гербовых” превышает их доблестью, а они ведь возвышаются над всеми на земле мужеством, силой и храбростью» (Pasek 2009: 559). Не ароматные бальзамы вдыхают подобные ему воины, а серу и селитру из табакерки своего античного покровителя. Сравниваются воины с Ахиллесом, Гектором и Сципионом, которые вряд ли бы справились с новой «манерой воевать», – ей в совершенстве владеет только воевода Чарнецкий.

Для польских рыцарей самое главное в жизни – это вольность. «Только свобода, наивеличайшее благо из всех благ, является собственностью вашего рода и вашего имени», – писал Ст. Ожеховский (цит. по: Лескинен 2002: 54). О «золотой вольности» Пасек вспоминает довольно редко и чаще сокрушается по поводу ее утраты. Причины ее, как он полагает, заключаются в том, что общество или находится на грани гражданской войны, или ведет ее. Кроме того, находятся среди поляков такие, которые желают возвести на трон своей страны какого-нибудь француза. Обвиняется в этом в «Записках» и примас Пражмовский. Это он мечтал отнять у шляхты «вольный голос», да и королева хотела ввести в Польше «галлицизм» и сделать королем французского вертопраха. «Тогда вольность польская была не в чести, ею не дорожили» (Pasek 2009: 388). Пасек различает вольность и своеволие (swawola), т. е. нежелание признавать интересы «другого». «... *"swawola"* включала в себя в том числе и неограниченную свободу в выражении чувств, эмоций, желаний – т.е. подчинялась нормам и практикам архаического средневековья» (Лескинен 2011: 186). Устойчивые представления о золотой вольности продолжали жить и в XVIII в.. Б. Хмелевский называл ее бесценным бриллиантом Короны польской. Мила вольность и зверям, и птицам, возлюбил ее и человек, всегда готовый отдать за нее жизнь. Мать ее и фундамент – равенство, благодаря которому «szlachcic na zagrodzie był równy Wojewodzie»[2]. Еще одним фундаментом золотой вольности польской служит Libera Regum Electio («свободные выборы короля»).

СМЕРТЬ. Рыцари, наделенные добродетелями, жертвуют собой, не жалея сил во имя родины. Отечество их – antemurale Christianitatis[3], которое может пасть от ненужных кровопролитий, и не только оно, но и другие государства христианские. Ведь турки такой развели огонь, что он все

[2] Известная польская пословица о периоде «золотых вольностей» граждан шляхетской республики: «В своей усадьбе и шляхтич – воевода». – *Прим. ред.*

[3] Antemurale christianitatis (лат.), przedmurze chrześciaństwa (пол.) – букв. «крепостной вал христианства» – концепция, провозглашавшая польских сарматов и Речь Посполитую оборонным рубежом, оплотом христианства в Европе. – *Прим. ред.*

христианство может пожрать. Поэтому все польские рыцари пошли вслед за королем на битву под Веной, даже те, кто мог бы и дома остаться по причине старости и болезней. Например, убеленный сединами гетман Сенявский предпочел смерть среди своих соратников, хотя и не мог уже выступать с оружием в руках. «Ведь мы не только для себя рождаемся», – заявляет Пасек, на многочисленных примерах «из жизни», а также «из истории» раскрывающий суть рыцарской «философии» жизни и смерти. Подтверждает он ее латинским изречением: «Quisquis ad vitam editur, ad mortem destinatur» («кто родился, тому предназначено умереть»).

Во славу Господа и милой отчизны рыцарь тяжко трудится на поле боя, идеальным образцом для него служит жертва Авраамова: по велению Господа он готов принести в жертву сына своего Исаака. Рыцарь сам посвящает себя Господу и возлагает на алтарь отечества собственную жизнь. Обычно значения жизни передаются через устойчивую пару «здоровье и кровь» («zdrowie i krew»). Гетман Чарнецкий так призывает солдат к выступлению: «Панове, во имя Господа и здоровьем, и кровью нашей пожертвуем в этой битве» (Pasek 2009: 225), т. е. не пощадим живота своего. Жертвуя жизнью, рыцари умирают достойно. «Если должно умереть, умрем, лишь бы достойно, и не может быть лучшей смерти, чем та, которой погибает человек за свои добродетели и любовь к родине» (Pasek 2009: 276). Истинные воины не страшатся смерти и презирают ее. «Им не жаль погибать, так как не знают они иных радостей», – пишет Б. Хмелевский.

Не смерть их ищет, а они ее, как гетман Чарнецкий, который, правда, упокоился мирно, «насытившись днями». Но этот «польский Гектор» несколько раз на дню мог погибнуть, так как на полях сражений всегда искал славной смерти. «Искал он ее в молодых летах в чешских, в немецких провинциях, у брата своего родного служа знаменосцем; искал ее в татарских, валашских, мультанских, венгерских, казацких, московских, шведских, прусских, датских, ольштынских государствах, и за Днепром, и за Волгой, и за Одрой, и за Эль-

бой, и за морем, охотно жертвуя своей жизнью во спасение отчизны» (Pasek 2009: 423). Так и полковник Пясечиньский, который был «почти как Чарнецкий», защищал славу своего народа и погиб, получив пулю в грудь, т.е. умер, как герой. Сам гетман Чарнецкий с открытым забралом встречал пули и снаряды неприятеля. Прямо в лицо принял он выстрел и до смерти носил в своем горле серебряную затычку, без которой не мог сказать ни слова. Фр. Ланцкороньский не спиной к врагам поворачивался и не прикрывался латами, когда проливал кровь во имя Марса. Шрамы покрывали грудь, а не спину Пасека, значит, и он стоял лицом к врагу. Вместе с «коммилитонами», т. е. соратниками, они его свидетели перед судом. Как писал Б. Хмелевский, не мушки, а шрамы украшают солдата. Без них было стыдно возвращаться с войны.

Всем польским храбрецам тут же находятся античные образцы – Ганнибал по расположению ран определял, как кто вел себя на поле боя: кавалерскими считались раны на груди воинов. Один из них, умирая, просил врага перевернуть его на спину, чтобы «гетману» не было за него стыдно; чтобы увидел он раны не только на спине погибшего солдата.

ОПЛАКИВАНИЕ. Храбрых героев, павших на поле боя, оплакивают, как гетмана Чарнецкого. Плачут солдаты и сам король, который без слез не мог о нем вымолвить ни слова. Присоединяются к ним даже враги Чарнецкого, завидовавшие его славе. Вспоминая полководца, не могли не заплакать и те, чьи сердца тверже гор кавказских. Дом радости тогда превратился в дом плача по нему: оплакивала сенатора Польша, а Марс Гектора, и имя его навсегда осталось украшением польской славы. Рыцари, подобные ему, заслуживают особых посмертных почестей.

Торжественные похороны храбрым кавалерам, Рубешовскому и Войновскому, устроили сослуживцы. Конечно, они далеки от настоящих сарматских pompae funebri[4], но, по словам Пасека, не всякого сенатора так провожают, как этих

[4] «Похоронные процессии» (лат.) – наименование старопольского обряда пышной театрализованной погребальной церемонии. – *Прим. ред.*

старых воинов. Они поровну делили тяготы, горе и радости и умерли в один день. Если бы пришлось говорить о том, в каких лабиринтах войны они побывали, то дискурс (т. е. погребальное слово автора), длилось бы целый день. В своей речи он напоминает, что покойные однажды уже пережили мнимую смерть. В одной битве их так сильно порубали, что остались они лежать на площади рядом с умершими. Рубешовского даже завернули в дерюгу. Король передал деньги на похороны двух друзей, но они выздоровели и снова встали в строй, поблагодарив за помощь, которая им не понадобилась. Тогда король вновь их одарил. Теперь с ними прощаются в храме духовенство, воинство, шляхта. Их подвиги прославляют ораторы.

Обычно на похоронах речи произносили духовные лица, члены семьи, друзья, соседи, сослуживцы. Пасек пишет только о сослуживцах – они берут слово один за другим. В этом он усматривает аналогию с афинским обычаем – воинов не хоронили до тех пор, пока лучшие из лучших не произнесут хвалебных речей в их честь при большом стечении народа. Примечательно, что, сказав о том, что два славных воина уже готовы отправиться в иную «компанию», Пасек дает им слово, т. е. «партия умерших» разряжает «партию живых» (О.А. Седакова).

По обычаю в конце церемонии всех, кто пришел проводить в последний путь усопшего, он благодарил сам, т. е. его близкие от его имени. «В сарматской Польше с трудом мирились с исчезновением члена своего рода из числа живых, стремились продлить его присутствие на земном плане с помощью архимима, речей, нагробного портрета, что подтверждается весьма часто присутствующей в польской литературе, и далеко не только в эпоху барокко, темой воскресения мертвых, появления их среди живых» (Тананаева 2008: 86–87). Когда хоронили короля, похоронную процессию завершал человек в королевском одеянии, за которым несли королевские инсигнии. Так уже не через слово, а и через визуальный образ налаживался контакт между двумя мирами.

Через Пасека старые солдаты прощаются со своим отрядом, со всеми сослуживцами и родственниками, а также с будущими поколениями своего рода, которых уже не увидят[5]. Благодарят всех за то, что им помогли сказать миру земному vale, а вечности salve, и напоминают, что ни слава, ни душа никогда не уходят в могилу. Функция речей, произносимых перед гробом, как и нагробного портрета, и хоругвей, и конклюзий[6], «заключалась в том, чтобы покойный предстал перед собравшимися "ad vivum" – т. е. живым, именно в момент последнего прощания, до того, как земля скроет его навеки» (Тананаева 2008: 78). Есть у покойных последняя просьба – желают они, чтобы товарищи помнили их и не отказались посетить «дом траура», т. е. пришли бы на поминки, которые были важной частью похоронного обряда. На них порой уходили целые состояния. Так как обряд зачастую длился несколько дней, участников похорон потчевали и поили не раз, поэтому печальная церемония прерывалась драками и гулянками. Бывало, когда такие застолья превращались в шумные забавы и все забывали, по какому поводу они собрались (Manyś 2011).

Заметим, что Пасек сосредоточился только на вербальной части обряда похорон. Ни слова он не сказал о том, как по случаю траурной церемонии была украшена церковь и как совершались отдельные элементы обряда. Видимо, похороны старых солдат были довольно скромными. Никто не ломал у их гробов сабли, не было у них нагробных портретов, столь популярных в ту эпоху, когда похороны превратились в особое паратеатральное представление. О христианском смирении словно все забыли. Казалось, будто покойники старались перещеголять друг друга. Но бывало так не всегда. Например, Миколай Радзивилл Сиротка просил положить

[5] Как пишет З. Глогер, простой народ до сих пор привязан к погребальным речам (рубеж XIX–XX вв.). Священник, провожающий покойника на пути из дома на кладбище, выполняет для них старый обычай. Обращается к каждому из родственников покойного, чтобы попрощаться с ним от его имени (Gloger 1903b).

[6] Конклюзия (konkluzja – пол., conclusion – лат.) – жанр текста-комментария, здесь используется в узком значении: в XVII–XVIII вв. так назывались надписи на гробе, содержащие выдержки и сентенции из погребальных речей. – *Прим. ред.*

его в гроб в одеянии паломника. Не желал он ни катафалка, ни роскошных тканей на гроб, ни коней, ни ломаных копий. Гроб его должны были нести бедняки, которых называл он своими братьями.

Автор «Записок» не мог не знать символико-аллегорический язык своего времени, но пользовался им крайне редко. В погребальном слове он к нему обращается. Аллегория смерти, переведенная в слово и украшенная сентенциями, возникает в начале его ораторского выступления. Он вопрошает, у кого и где можно искать защиты от неумолимой смерти, а затем цитирует надпись в «иероглифике» Генуэзской республики, подтверждающую вселенскую власть смерти: «Leges lego, reges rego, iudices iudico» («Законы устанавливаю, властителями управляю, судей сужу» – Pasek 2009: 183). Сетуя на неожиданные удары судьбы, он напоминает о воскресении в смерти, которое ожидает всякого, покинувшего земной мир. На этом связь с миром аллегорий обрывается. Вспоминает Пасек античные сентенции о смерти, которая никого не минует: каждый родившийся должен умереть, и богатый в своем кабинете, нежащийся под золотистым балдахином, и солдат в бедном шалаше, укрытый грубой попоной. Ему известно, что неразделимы с жизнью изгнание, плач и болезнь. В его восприятии смерти проскальзывают и оптимистические ноты. Он знает, что смерть бывает триумфом над жизнью. Поэтому отчаиваться не следует: «... человеческая жизнь суть война ... и покуда живем, постоянно ведем мы какую-нибудь битву, а когда окончим свое бытие, то как бы уходим, победившие, с поля брани с триумфом» (цит. по: Тананаева 2008: 86).

Если смерть Рубешовского и Войновского на поле боя оправдана, то смерть тех, кто погибает на неправедной гражданской войне, бессмысленна: «Офицеров тогда много погибло, и все людей достойных, из полка Чарнецкого, настоящих кавалеров, старых солдат, которые чудеса творили в Дании, в московских, казацких, венгерских сражениях и оставались непобедимыми – на гражданской войне все погибли» (Pasek 2009: 417). Это был цвет рыцарства.

Иногда о смерти на поле боя говорится, как в военных сводках, сухо, с перечислениями потерь с обеих сторон: «Уже с той и с этой стороны было немного трупов» (Pasek 2009: 202), «Завязалось жестокое сражение, трупы так и падают» (Pasek 2009: 226), «...устлали мы поля их трупами, т. е. московскими и казацкими» (Pasek 2009: 256). Упоминания о военных потерях порой перерастают в зримый апофеоз войны: «Ударили мы по гуляй-городам, по-нашему чеснокам, и рубили их, не останавливаясь. Тогда многие полегли. Труп лежал на трупе; и над всеми чесноками высился вал, из трупов сложенный» (Pasek 2009: 230). За врагами смерть может и приплыть, как за шведами, которые убежали от нее за море, думая, что она там их не найдет.

Итак, Пасек подробно описывает смерть героев, остающихся в памяти поколений, демонстрирует смерть «коллективную», когда на полях сражений остаются горы трупов и погибает даже вестник (nuntius cladis), должный сообщить королю, что его войска больше нет. С видимым удовольствием рассказывает, что в некоторых битвах в основном погибают враги: русские воеводы, князья, думные бояре, чиновники царские. Как видим, риторические решения мотива смерти в «Записках» несомненны. Он зачастую подменяется однородным с ним по смыслу мотивом крови.

КРОВЬ. В своем завещании гетман Станислав Жолкевский, отказываясь от пышных похорон, пишет: «... вместо черного бархата, означающего печаль, пусть гроб накрыт будет пурпуром, в знак пролитой для отчизны крови, и это не ради какого-то тщеславия, но для того, чтобы призвать и других к добродетели» (цит. по: Тананаева 2008: 85). В этих знаменательных словах гетмана переплетаются темы жертвы и мужества, этой главной рыцарской добродетели, и смерти на поле боя.

Образ смерти разрастается, когда сама природа орошается кровью человеческой: реки после битв окрашиваются кровью, а земля ею напивается: «Так комиссары рассказывали, что <...> земля насытилась кровью человеческой, как

водой после сильного дождя» (Pasek 2009: 151). Сравнение крови с дождем встречается не раз: «Тяжко видеть кровь человеческую в таком количестве, как там, ведь народ так тесно стоял, что стоя и погибал, один труп на другой падал; а ведь прежде на этом пригорке березняк стоял, теперь оттуда кровь лилась ручьем, как вода после сильного дождя» (Pasek 2009: 210). В стихотворении, написанном в честь победы под Ляховицами, пространство, залитое кровью, расширяется: «Напоили кровью города, поля, леса» (Pasek 2009: 237). Так природа и обжитое человеком пространство пропитывается кровью врагов. О том, чтобы кровь католическая текла ручьями, мечтают гданьские «лютеры». В стихах, написанных в честь Ланцкороньского, эта устойчивая метафора антикизируется: «... неприятельской кровью окрасили Марсово поле (Martis arenam) и своей не пожалели» (Pasek 2009: 559).

Если земля и воды насыщаются кровью, то человек напивается крови, т. е. пресыщается битвой: «Мы думали, что после таких тяжких трудов настанет время отдыха, потому что вдоволь напились мы и своей крови, и крови неприятеля» (Pasek 2009: 239). Раненые, сражающиеся как герои, утопают в своей крови. Так случилось с покойным Рубешовским, который чуть не захлебнулся собственной кровью, в которой плавал после боя (и мог уплыть совсем далеко). Напиться собственной крови – значит умереть: «в четверг с аппетитом великим желали крови христианской напиться, в субботу своей досыта напились» (Pasek 2009: 548).

Пролитие крови метафорически означает сражение: «По всем городам, особенно в Умани, такое страшное было кровопролитие, что там чуть ли не два раза по сто тысяч казаков погибло» (Pasek 2009: 506). О нем ведет речь наивный шляхтич, который так проникся содержанием в первый раз в жизни увиденного спектакля, что потребовал расправы с французским королем: «Убейте вы такого-то сына, раз уж вы его захватили; не оставляйте в живых, если выпустите его, он мстить будет и войны множить, кровь проливать человеческую, и не будет покоя на земле» (Pasek 2009: 386). Проли-

тие крови – это и гражданская война: «А не лучше ли было договориться, не проливая так много крови человеческой и не опустошая бедную Отчизну?» (Pasek 2009: 437). Как только эта братоубийственная война начнется, кровью будет залита вся Речь Посполитая. Всегда найдутся такие, кто «меча желает и крови разлития» (Pasek 2009: 493). Это желание охватывает многих даже тогда, когда они занимаются делами государственными: «Несколько раз тогда дело шло к кровопролитию и ведь пришло, так как через пару дней зрелище (spectaculum) трагическое состоялось» (Pasek 2009: 497). Убили Яна Фирлея Броневского, и «лежал он, как скотина забитая, в собственной крови» (Pasek 2009: 498).

В высоком плане кровь знаменует жертву. О кровавой жертве во славу Господа и Девы Марии ведет речь капеллан в проповеди перед боем. Он обещает солдатам, что кровь «омоет их грехи, и в небе им, без сомнения, будет уготована вечная корона» (Pasek 2009: 115). Тема спасительной силы крови возникает в эпизоде рождественской службы в лесу. Когда Пасек опускается на колени, чтобы помочь облачиться священнику, гетман Чарнецкий замечает, что у него руки в крови: «Пан брат, ты бы руки хоть вымыл». За него отвечает священник, и ответ его знаменателен: «Это ничего, не противна Господу кровь, пролитая во имя Его» (Pasek 2009: 124). Так жертвенная кровь на руках солдата и алтарь, которым на время службы стал пенек, придают явственные очертания мотиву кровавой жертвы во славу Господа и отечества. Это общий мотив того времени: тогда на мессу шли воины, запятнавшие руки кровью врага, чего не страшились; ведь «защита отцовской веры от посягательств – святое и богоугодное дело» (Лескинен 2002: 81). Я. Пельц полагает этот мотив универсальным «для рыцарской культуры, имеющей общие средневековые традиции, которые еще были живы в сознании сарматского рыцаря XVII в.» (Pelc 1972: 135). На параллели в поведении воинов-героев эпохи барокко и средневековья обращает внимание и другой польский исследователь (Chemperek 2001): в последней строфе поэмы Торквато Тас-

со «Освобожденный Иерусалим» Готфрид сразу после взятия города: «ликует; день еще не меркнет; / Идет он в город, им освобожденный, / И, руки не омыв от вражьей крови, / Вступает вместе с воинами в храм»[7].

С мотивом кровавой жертвы увязывается тема мести. Взывает, «вопиет» к воинам кровь братьев, оставшихся на поле боя. «Всем тогда досталось, ведь поляки мстили за кровь своего полковника» (Pasek 2009: 164). Позволяет им Господь «отомстить за братскую кровь» (Pasek 2009: 549), которую рыцари проливали во имя здоровья отчизны. Очень часто говорится, что пролилась невинная кровь, это за нее мстят оставшиеся в живых. Бывает, что зря проливают ее на полях войны, – сокрушается Пасек и возводит мотив крови на недосягаемую высоту. За все человечество принесена в жертву кровь Христова. Об этом должен помнить каждый воин, отправляющийся на битву. Священная кровь Спасителя становится купелью для истинных воинов и не дает им погибнуть. Это Ахиллеса мать купала в разных водках пахучих, чтобы никто не мог его убить. Так вновь появляется античное сравнение, как всегда, не в пользу древности.

Не только жертва бывает кровавой, но и бог войны, и его меч. Военные кампании – трудные, кровавые, смертельные – так Ян Собеский называет кампанию под Веной, где поляки полили шляхетской кровью цесарскую помощь (намек на пассивность союзников). Сражения – это кровавая работа, и заслуги его кровавые. Кровью добывается и достаток, и награды. Залив кровью мир войны, автор «Записок» высоко оценивает исход боя без единой капли крови. Но кровавая наука войны редко допускает такой исход. Науке этой ревностно учились два товарища, Ян Рубешовский и Ян Войновский. Всю жизнь они служили Беллоне и своей кровью гасили пожары, разгоравшиеся на просторах отчизны. В другой метафорической конструкции кровь приравнивается к чернилам – Пасек пишет кровью, т. е. сражается вместе со всеми в честных боях, а враг его, Гожковский, черным карандашом.

[7] Пер. В. Лихачева.

От него и несет канцелярией, но не войной, которой он и не нюхал. Кровопускание, этот популярный способ лечения в те времена, также приобретает метафорическое звучание.

Кровь в устойчивом обороте «zdrowie i krew» по значениям увязывается с жизнью, применяется он и относительно античных героев. Означает кровь родство, как в словах короля, обращенных к капеллану Пикарскому. «... Представление о доминирующей роли природы (крови), а не традиции или авторитетов в формировании добродетельного человека» характерно для эпохи Пасека (Лескинен 2002: 78). Таким образом, значения жизни и смерти, а также родства передаются через этот концепт.

РОД. Понятие рода, который связывает прошлое и настоящее, пронизывает культурное сознание XVII в. «Запечатленной историей Рода являются герб, галереи портретов предков, дневники, silva rerum» (Лескинен 2002: 59). Отражается его история и в «Записках» Пасека. Великих предков польских рыцарей вспоминает в своей речи капеллан Пикарский, благословляющий войско на битву. Сама Дева Мария, по его словам, призывает их выступить против народа-святотатца (т.е. шведов) и «показать всему миру немеркнущую славу и отвагу («фантазию») предков» (Pasek 2009: 115). О них так говорит проповедник-кармелит: наши богобоязненные предки, которых почитали другие народы, были зеркалом («pro exemplari speculo»), выставленным на обозрение для всего мира. «Такие тогда были поляки!» (Pasek 2009: 601). Очевидно, что так намечается не прямая генеалогическая линия, ведь «миф о первопредках <...> подчеркивает иерархию и структуру отношений внутри единой общности, объединенной не только кровным родством, но и общим “характером”, так как в мире мифа настоящее повторяет прошлое» (Лескинен 2002: 48).

Воины-рыцари помнят о своих предках, не рвут с прошлым и соблюдают прежние обычаи. Таков бесстрашный рыцарь Фр. Ланцкороньский. Подобные ему не запятнали себя в боях, как и его предки в старые времена. Рыцари новых времен, как орлята, подрастая, подражают своему бла-

городному отцу: «Орел орла родит и не голубя сокол» (Pasek 2009: 564). «Птичий» ряд продолжают сокол и феникс – так называется только закаленный в боях воин. Речь Посполитая хранит законы своих «наияснейших» благочестивых предков, о чем говорится и в «Рескрипте на выборы короля», где король Ян Казимир именуется потомком. Этот последний птенец гнезда Ягеллонов сидит на троне в короне, наследуя дедам и прадедам. Дедов и прадедов вспоминает в своей речи и обозный коронный Марчин Хелмский: они несли бремя власти, которое теперь лежит на плечах короля. Рыцари помнят о заслугах не только королей, но и их отцов. Поэтому возникает вопрос: почему не выбрать Михала Корыбута Вишневецкого, ведь он хорошего рода; не забыт ведь покойный Иеремия Вишневецкий, как и его добродетели и благородство. Выбрав сына, рыцарство через потомство отблагодарит Вишневецкого-отца за служение отчизне. Чтобы стать потомством истинным, с предков следует брать пример, – утверждает В. Куницкий (Лескинен 2002: 60).

Не только родовыми связями наделены рыцари времени нынешнего. Они отличаются и не унаследованными добродетелями. Non gens, sed mens, т. е. не происхождение, а собственный разум украшает их. Хотя лучшим из них дано и то, и другое. Истинным наследникам минувших времен противопоставляются те, кто позорит свой род, переходит на сторону врага, остается, например, на службе у шведского короля. Такие со своими отрядами позорно бегут с поле боя.

СЕМЬЯ. Если род остается в пределах абстрактных риторических построений, то семья приобретает в «Записках» конкретные очертания, конечно, подчиняясь роду. Например, говорится, что не только семья, но и весь род готов дать отпор его обидчику: все хватаются за сабли и смотрят на него «марсом», т. е. с угрозой, а тот их сторонится. Родственные связи опутывают все сочинение Пасека: то он вспоминает дядю со стороны отца, то со стороны матери, то двоюродных братьев, то племянника, Станислава Пасека, – но не только потому, что выводит их героями своих бесконечных исто-

рий, хотя и так бывает. Этот племянник оказался в татарском плену и провел в Крыму полтора года. Теперь, благодаря дяде, который «купил ему татарина», он вернулся, оставив вместо себя другого товарища. Об этом племяннике вспоминает в своей речи обозный коронный Хелмский, говоря, что Пасек всегда служил отчизне, как и его родственники. Значит, вся семья его достойна уважения.

Практически родня принимает активное участие в жизни нашего автора. Братья Хочивские не отпускают его к потенциальному тестю со словами: «Да пусть бы он и саблей размахивал, мы бы тебя не пустили, потому что мы тебе ближе, чем он; завтра поедешь, а день сегодняшний посвяти нам» (Pasek 2009: 452). Так он в этот раз и не женился. Останавливает его от такого же серьезного шага еще в Дании другой родственник, капеллан Пикарский, приходившийся Пасеку дядей. Устроить его счастье решил и Енджей Ремишовский, женатый на его двоюродной сестре по дяде. Он подыскал ему невесту среди своих родных, «как обычно свой своему» (Pasek 2009: 453). Отправляясь к ней, Пасек едет еще с одним своим дядей, Войчехом Хочивским, и его сыном. В беседах с невестой он ссылается на приглашение ее родного брата. Тот самый брат быстро подводит дело к венцу. Потом начинаются браки между двумя породнившимися семьями: одну из падчериц Пасек выдает за своего племянника.

Он знает, что родственники никогда его не подведут, уверен, что многочисленные братья непременно подтвердят его невиновность, как и войско, в котором он служит, как и сам Господь Бог. Он нуждается в помощи родни и сам готов оказать любую услугу, хотя иногда скрывает свое родство. Чтобы не рассказывать об истинных целях своего путешествия, он называет своим дядей Казимежа Гожевского и уверяет, что направляется к нему. Делает он это, опасаясь дяди по женской линии, Станислава Тшемеского (Pasek 2009: 266). В другой раз объявляет себя племянником полковника Домбровского, двоюродного брата по дяде превращает в родного. Иногда Пасек как бы вспоминает, кто еще ему приходится

родней. Рассказывая, что некто Ян Потрыковский выдал замуж свою падчерицу за Мачея Потрыковского, он вскользь замечает, что этот Мачей его родственник.

Связанные семейными узами близкие и дальние родственники обычно живут неподалеку друг от друга. Священник Пикарский, кстати, так отговаривает Пасека жениться на датчанке: «И какое же утешение было бы твоим родителям и родственникам, если бы ты даже удачно женился, но они о тебе только слышали бы, но не видели? Это было бы так, как будто ты умер и попал в Царствие небесное. Не радостно им будет знать, что родственник их хорошо живет где-то за двести, за триста миль, утешатся они только, если он будет рядом» (Pasek 2009: 162). Родня часто собирается вместе, например, чтобы отпраздновать радостную встречу: только приехал Пасек домой, сразу собралось много родственников, соседей и добрых друзей. Сам он не может проехать мимо гусарского отряда, чтобы не задержаться ненадолго – ведь в нем служат многие члены его семьи. Приехав с женой в Краков на королевские похороны, он видится со своими родными, которые не очень довольны его женитьбой, – теперь он живет слишком далеко от них.

Автор «Записок» не забывает о родителях, пересказывает письма отца и благословения матери. Хочет получить родительское благословение и перед свадьбой, но невеста и ее родственники ловко отговаривают его от поездки домой и страшно торопят: «Как начали мне голову дурить брат с сестрой» (Pasek 2009: 459). Примечательно, что он собирается не только привезти родительское согласие на брак, но хочет пригласить своих родных. Не упускает случая сказать, что отец не телят ему велел пасти, а учиться. Когда родители состарились, Пасек взял их к себе, а потом достойно похоронил: мать в стопницком храме у отцов реформатов[8], отца в Кракове.

[8] Костел св. Петра и Павла в Стопницах (известен с XIV в.). Есть версия, что в этом же костеле был похоронен и сам Пасек. В XVII веке в городе был основан монастырь реформатов (1633), костел находился в его ведении. (Реформаты – одна из групп ордена францисканцев из так наз. «реформированных» его ветвей; выделилась в Италии в XVI веке, в Речи Посполитой с 1622 г., в русской традиции именуются обычно миноритами.). – *Прим. ред.*

О значимости родственных связей он вспоминает в погребальной речи на смерть Рубешовского и Войновского. Связи эти способна разорвать лишь смерть, она имеет такую силу над людьми, что разлучает их, рвет брачные узы, из-за нее отец лишается сына, а сын отца. Очевидно, что семья распадается и по-другому: на гражданской войне отец выступает против сына, брат против брата. Родственные связи, особенно кровное родство (nexus sanguinis), определяли тогда не только частную жизнь. От родства зависело, на чьей стороне выступали солдаты, хотя и «религиозная принадлежность» играла значительную роль. «Осложнялись внутрисословные отношения и конфессиональной принадлежностью: в стране проживали протестанты, ариане, православные, униаты» (Лескинен 2002: 74). Но в отрядах ариан и протестантов служили католики, потому что приходились кому-то братом, дядей или кем-нибудь еще. Кстати, сам Пасек пошел воевать с Ракоци, потому что на эту войну завербовался его родственник, Филипп Пекарский.

Примечательно, что по терминам родства назывались в те времена отряды. Отряд, руководимый Вацлавом Лещиньским, – это отряд зятя (Лещиньский приходился зятем Чарнецкому). Под началом Любомирского выступали его собственные отряды, отряды, которыми руководили его братья, племянники, родственники со стороны жены и добрые друзья. Возвращаясь на родину после битвы под Веной, пошли поляки и все войско императорское искать турок, начали они атаковать их крепости и выступать против них. Но стражник Бидзиньский не совладал с ними, и весь его полк был выбит: «Он едва спасся бегством, но народу погубил больше двух тысяч; молодых офицеров и шляхты, и много родственников своих погубил» (Pasek 2009: 545).

Не раз упоминаются родственные связи людей родовитых, известных. И простых служак Пасек представляет в терминах родства, как в рассказе о дуэли с братьями Нучиньскими. В терминах родства Пасек представляет союзническое императорское войско, разбираясь в родственных узах

Вильгельма Оранского с прусскими властителями. Античные примеры также обретают сетку родственных отношений.

Не только прямое кровное родство или свойство, но и родство и братство по гербу признавались в ту эпоху: «Есть чему гордиться равскому племени, герб его не только наследует землю, но и небесные губернии <...>. Полно его и в Литве, и в Короне, во всех воеводствах, почти везде, даже в чешском королевстве» (Pasek 2009: 562). Общий герб не предполагал обязательного родства по крови, но делал всех равными и превращал в «гербовых братьев»[9]. Однажды Пасек, чтобы избежать опасности, «сочиняет» себе новое имя и прикрывается родством по гербу. Он изменяет кровному родству и уверяет, что его двоюродный брат ему не кровный родственник, что у них только герб общий. Называется он Жебровским. Его собеседники сомневаются в истинности этого имени, но наш автор не сдается: «Так и есть, ведь у меня два имени. Пасек Жебровский» (Pasek 2009: 369). «А кто же тогда наш канцлер?» – спрашивают они. Им был тогда Ян Пасек, сын Яна Пасека, смоленского городничего, оба они тезки автора «Записок» (Pasek 2009: прим. 413, 369). Тот Пасек Го(с)лавский, а я Пасек Жебровский, – не задумываясь ни на минуту, сочиняет автор «Записок».

Родством по гербу, видимо, объясняется традиционное обращение шляхтичей друг к другу. Каждого товарища-шляхтича вне зависимости от чина, называли паном-братом, как воевода Чарнецкий Пасека: «...но также, пан-брат, имеешь [преимущество] перед всем войском, так как воюешь на море, а они на суше» (Pasek 2009: 140). Фр. Олтажовский при вручении подарка юной девице называет его братом и товарищем. Пасек гордится своим происхождением, равным про-

[9] Для такого вида родства существовали специальные определения. Herbownik, herbowny – «это шляхтич, имеющий общий герб с другим шляхтичем, принадлежащим тому же самому гербу». По этой принадлежности определялась общность по гербу «wspólność, spólność herbowa», на ней основывалось родство, каждый член ее назывался «stryjec, krewny herbowy» (Doroszewski 1961: 57). Они считались братьями, а не просто родственниками. Слово stryjec утратило исконное значение двоюродного брата по отцу и стало общим для всех членов гербового братства. Как писал Б. Папроцкий, «под одним гербом могло быть несколько сотен, а то и тысяч братьев гербовых <...>, хотя одни были знатными господами, а другие бедняками» (цит. по: Gloger 1900).

исхождению других панов-братьев. Не раз повторяет, что он шляхтич, чем мотивирует, например, требование вернуть награбленное: «“А Вам-то что?” – Отвечаю: “То, что я шляхтич”» (Pasek 2009: 317). Притом не какой-нибудь «привозной». Гордится он и принадлежностью к войску: «Я солдат на службе Речи Посполитой, состою в реестровых войсках, и не пристало мне перед Вами, пан полковник, отчитываться, кто я такой и куда я иду» (Pasek 2009: 318). Ссорясь по поводу того, кто убьет шведа, победители также следуют старинному этикету. Заметим, что когда Ян Казимир отрекается от трона, он становится братом всем шляхтичам: «... право шляхты на свободу, на право посполитое и равенство с королем» существовало всегда (Лескинен 2002: 106). Но здесь король превратился в шляхтича. Все тут же припомнили, что король – брат, а не господин своим подданным. Как в обращении пан-брат, так и в наименовании рыцаря-офицера товарищем, заложена идея равенства, которое не распространялось на всех людей или на все земли.

Итак, в клишированной форме «пан-брат» явственно проступает общеславянская традиция «родственных» обращений (Дубровина 2009: 92). В ней явно отпечатался мотив «золотой вольности» Речи Посполитой, поддерживающий идею рыцарского равенства и братства. Очевидно, что не только родство по крови и гербу, но и дружба связывала истинных рыцарей и ко многому их обязывала. Постепенно это чувство ослабевало и переставало определять отношения равных между собой рыцарей и сенаторов: «Еще лет пятнадцать тому назад могли мы насчитать несколько десятков сенаторов, которые жили между собой в искренней дружбе и любви и сообща выступали и на защиту отчизны нашей, и чести своей ... Теперь и двух в сенате не сыщем, которые бы между собой приятельские чувства сохраняли, а среди шляхты и вовсе такие перевелись», – писал Ш. Старовольский (цит. по: Лескинен 2002: 84).

Пасек рисует портрет идеального друга, противопоставляя ему человека, неспособного к дружбе. Настоящий друг

обладает четырьмя качествами, – повторяет он вслед за анонимным поэтом, автором стихотворения «Реквизиты доброго друга» (Pasek 2009: прим. 14, 513). Он сражается за друга своего; несется ему на помощь, невзирая на расстояния; дает взаймы и помогает добрым советом. Редко когда встретится человек, обладающий всеми этими качествами сразу. Хорошо если хоть одним из них может кто-то похвастаться. У некоторых и одного из этих качеств нет. Тогда на что он может рассчитывать, никому он не нужен, ведь он не знает, что такое настоящая дружба. Сам Пасек всегда бросался на помощь друзьям и зачастую терял и деньги, и время, хотя не всегда мог надеяться на то, что они придут к нему в трудную минуту. Но все-таки друзья и родственники вставали рядом и поддерживали его. Когда однажды он выкликал тех, кто готов пойти с ним в разведку, сразу отозвался его брат, Хочивский, и друг, Секлицкий. За ними потянулись и другие. О Пасеке многие говорили как о примерном друге («pro exemplo boni amici» – Pasek 2009: 597) и восхищались его благородством.

РОДИНА. Чтобы представить отношения государства и гражданина (речь о них не раз идет в оправдательных речах автора), Пасек обращается к коду родства. Этот код «организован как прозрачная и четкая сетка отношений <...>, которые проецируются на вторичные значения названий родственников» (Березович 2009: 257). С помощью системной «семейной» метафоры Пасек создает образ матери-Польши, который тут же дополняется существенными фигурами: появляются отец (отцы) и сыновья, отчим (отчимы) и пасынки, противопоставленные между собой по характеру отношений к матери[10].

Итак, мать всех поляков – Речь Посполитая польская, а не венгерская и не немецкая. Определив «семейный» статус родины, Пасек наделяет ее важнейшей материнской функци-

[10] Семейная метафора работала и относительно истории: «История – это разум многих людей, собранный воедино; кто ее не знает, тот подобен ребенку, не ведающему ни отца, ни матери» – пишет П. Скарга (цит. по: Лескинен 2002: 57). «Ст. Ожеховский уподобляет устройство “правильного” государства хозяйству, состоящему из трех частей: хозяина – короля, жены, его, хозяйки – рады (rada) и челяди – общества (pospólstwo)» (Лескинен 2002: 55).

ей – кормлением, и представляет как рачительную хозяйку. Обратим внимание на то, что в народной культуре в метафорических комплексах, составленных из терминов родства, «мать осмысляется как “питающая, кормящая”» (Березович 2009: 257). Все усилия матери-Польши могут пропасть даром из-за неправильного поведения детей. Когда запасы пищи в доме подходят к концу, каждая мать, если даже и хлеба уже нет, найдет, чем накормить своих детей; сумеет она и назавтра приберечь кое-что, чтобы они не ослабели от голода. Но если своевольные детки разом опустошат закрома, то ничего не останется назавтра и о дальнейшем пропитании уже и думать будет нечего. Так разумная, управляющаяся с хозяйством мать противопоставляется детям, готовым разом промотать нажитое. Есть у нее и блудные сыны, которые из-за малой выгоды способны распродать свое наследство.

Конечно, не все дети Речи Посполитой таковы. Многих можно назвать истинными сынами отчизны, не щадящими для нее живота своего. Заметим, что наименование граждан Речи Посполитой сынами отчизны характерно не только для «Записок», но и для государственных документов, которые в них вошли. Сыны родины – это священники и епископы, рожденные и воспитанные родиной, вдобавок они ею же и украшены («kondekorowani»). Это и сам король, которого родина, как и епископов, родила, воспитала и потом возвела на трон. Истинный сын родины – гетман Чарнецкий, он для нее настоящее лекарство (безоар – драгоценный камень, которому приписывались свойства спасать своего владельца от яда). Спас он родину, когда, казалось, она готовилась перейти в мир иной; он победил шведов и потом колотил их еще и за морем. Высокое звание истинного сына имеет только тот, кто забывает о частных интересах. Такими сынами родина-мать гордится. В стихотворении, написанном по случаю тяжелого ранения Фр. Ланцкороньского, родину-мать символизирует польский герб, белый орел. Это он радуется, что имеет такого достойного сына и не желает даже смотреть на других «никчемных персон». Его орлята вырастут не такими и будут равны орлу своей славой.

Конечно, некоторые только притворяются сынами, на самом деле они ведут себя как пасынки, так они и должны называться. Ведь они похваляются несуществующими подвигами, за что понесут соответствующее наказание. Искренняя сыновняя любовь не может повредить родине, наносят ей ущерб поступки тех, кто из сыновей превратился в пасынков. Они родину считает мачехой, как примас М. Пражмовский, как злые советники короля, готовые погубить мать-родину во имя своих мелких интересов и даже уничтожить ее. Так в семейной метафоре раздваиваются представители младшего поколения.

Пасек знает, как трудно расставаться с родиной, оставлять тихие домашние радости и достаток, ютиться по углам где-нибудь заграницей и как чудесно возвращаться домой к своим Ларам, пускай и с пустой казной. Всегда готовый отдать жизнь за родину-мать, он только для нее трудится и сражается, делает все, что может, для нее и для короля. Он клянется, что пасынком своей родине никогда не был, да и не мог быть по рождению, у него к ней врожденная любовь. Но любовь эта не слепая. Пасек видит, что ходит она сонная вокруг да около, а на сеймах и сеймиках все занимаются приватными делами, которые и ставят превыше всего. Устраивают бесконечные банкеты, «хлеб <...> вырывают из горла людей заслуженных, тратят на интриги и подкупы, блюдя только свои интересы» (Pasek 2009: 268). Забывают, что призваны родину защищать, предаются разным излишествам и пьянству; лезут эти дармоеды в государственную казну, как настырная кошка в миску с молоком.

Очевидно, автор не заботится о том, чтобы его семейная метафора соответствовала устройству реальной семьи, поэтому у Речи Посполитой не один отец, а множество. Не только король – отец отечества, но и все сенаторы – отцы родины (patres patriae) или народа. Об отцах не говорится подробно, Пасек сосредоточивается на их антиподах, отчимах родины, и не раз повторяет: «К отчимам отчизны взываю, имея в виду, что не отцы ей сенаторы» (Pasek 2009: 283). Они, по его словам, своими махинациями довели Речь Посполитую до пол-

ной нищеты, лишили ее славы, как случилось во время войны со шведами. Сенаторы, слушая такие речи, обижались и просили короля пресечь попытки подобных оскорблений.

Итак, наряду с прямым кровными родственниками в семейной метафоре Пасека участвуют представители чужого рода, приобщившиеся к нему, но не ставшие своими, отчимы и пасынки. Дети, которых родина вынуждена принять на воспитание или когда-то покинувшие ее, приносят ей наибольшие страдания. Когда они поднимают на нее руку и выступают против нее, родина становится такой несчастной, такой бедной, будто ее ограбили неприятели: «Стонала тогда отчизна, предчувствуя, что ей уготовано претерпеть» (Pasek 2009: 390). Страдает она, видя, в какие страшные «лабиринты» заводят ее люди злой воли, и остается в ужасном «пароксизме» вместо того, чтобы пребывать в покое. Так родина сиротеет. Досаждают ей не только дети, но и враги, готовые пожрать ее, бедную.

Обращаясь к коду родства, Пасек и хоругвь (отряд) представляет родной матерью солдата: «...никогда не видели меня в задних рядах, а всегда там, где требуется, с хоругвью [отрядом], матерью моей» (Pasek 2009: 260). Не раз он упоминает бытовавшее среди солдат прозвище «дед» популярного гетмана Стефана Чарнецкого – так между собой они ласково его называли.

Так через категорию родства, определявшую один из важнейших культурных кодов эпохи, в «Записках» представляются патерналистские отношения между старшими и младшими по званию, зависимость солдата от боевой единицы, формулируется идея отношений гражданина и отечества, в чем проступают архаичные представления об устройстве общества и его отдельных институций. Кроме того, из этой категории вырастает «форма выражения других смыслов (не отношений родства)» (Толстая 2009: 9). Она позволяет активно выражать то самое эмоциональное отношение к делам государственным, которое присуще человеку внутри семьи: кого-то он любит, на кого-то гневается и негодует, страдает и

радуется за всех членов семьи и готов принести себя в жертву, как храбрый кавалер, добровольно идущий на смерть.

Очевидно, что концепт отчизны неразрывно связан с концептом Бога – эти две высочайшие ценности в культурном лексиконе XVII в. образуют устойчивое словосочетание. Тот, кто завязал Гордиев узел, должен его развязать во имя Бога и отчизны, – пишет Пасек. Существует и такая часто повторяющаяся пара, как Бог и закон; против них выступают всякие отщепенцы; за Бога и честь сражаются храбрые кавалеры.

«ЧУЖИЕ». Большой семье, где все почитают родителей и равны между собой, противостоят «чужие», для которых законы не писаны. Это французы, заполонившие Варшаву. Они сыплют деньгами, важничают, свобода у них в Варшаве небывалая. Устраивают они триумфы, празднуя несуществующие победы. «В покои королевские французу войти можно всегда, поляк же у дверей полдня настоится» (Pasek 2009: 385). И внешне они не похожи на поляков: «Придя в королевские покои, редко чуприну увидишь, только парики огромные надо лбами застилают свет из окон» (Pasek 2009: 388)[11]. Многие недовольны пристрастием двора к этому народу, ведь уже министры отплясывают под пение петуха («ad Galli cantum», т. е. «под французскую дуду» – Pasek 2009: 388), самого короля французы обвели вокруг пальца.

Итак, выводя на страницы «Записок» идеального рыцаря, порой сбиваясь с высокого слога, всегда стараясь представить в среде ему подобных, также наделенных высокими добродетелями, Пасек рассказывает о его заслугах и героической смерти. Иногда он обходится лишь перечислением подвигов и заслуг и редко конкретизирует рыцарский портрет, предпочитая балансировать между «реальным» и «идеальным», смешивает представления о рыцаре прошлого, чья слава осеняет потомков, с характеристиками современных солдат. Как известно, тип «доброго католика и доброго рыца-

[11] «Парики стремительно приобретали карикатурный вид, при Яне Казимире и Михале Корыбуте польские магнаты носили их почти постоянно, что вызывало возмущение Стефана Чарнецкого. Парик противопоставлялся шлему, был синонимом утраты воинской готовности и мужества польскими рыцарями» (Gloger 1903a).

ря» «рождала сама действительность. Состояние постоянной войны стало той привычной атмосферой, в которой рождались, жили и умирали. Армии тянулись в разных направлениях, то на север – против шведов, то на восток – против русских, то на юг и юго-восток против казаков, турок и татар» (Тананаева 1979: 19).

Характеризуя рыцарей прошлых веков и благородных героев нынешнего времени, Пасек их возвышает, находя для них античные и библейские образцы. Они в равной степени подпирают рыцарский статус главного героя. В формировании его портрета в непротиворечивом единстве находятся мотивы служения отечеству и силам небесным. Так рыцарь, следующий античным и библейским примерам, оказывается под опекой небесных сил и под водительством славных гетманов. Например, Господь вместе с Девой Марией выводит победительницей с поля боя всю кавалерию, сражавшуюся под началом Чарнецкого. Так Пасек «сооружает» систему ценностей, которые не только перечисляются и называются, но и вводятся в общекультурный контекст, приобретая конкретные очертания.

ЛИТЕРАТУРА

Березович 2009 – *Березович Е.Л.* Метафорические комплексы, составленные терминами родства, в славянских языках // Категория родства в языке и культуре. М., 2009.

Дубровина 2009 – *Дубровина С.Ю.* Родство по духу: культурно-языковая перспектива // Категория родства в языке и культуре. М., 2009.

Запольский 2012 – *Запольский И.А.* Военный кодекс чести как основа самоидентификации ускоков // Образ войны в общественной мысли славянских народов эпохи Средневековья и раннего Нового времени. М., 2012.

Лескинен 2002 – *Лескинен М.В.* Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. М., 2002.

Лескинен 2011 – *Лескинен М.В.* Изобилие и обжорство в национальной культуре: об интерпретации сарматских пиров // Коды повседневности в славянской культуре: еда и одежда. СПб., 2011.

Свирида 2011 – *Свирида И.И.* Функции еды в иностранных описаниях России XVI–XVII вв. // Коды повседневности в славянской культуре: еда и одежда. СПб., 2011.

Тананаева 1979 – *Тананаева Л.И.* Сарматский портрет. Из истории польского портрета эпохи барокко. М., 1979.

Тананаева 2008 – *Тананаева Л.И.* Нагробный портрет в Речи Посполитой (XVI–XVII века) // Категории жизни и смерти в славянской культуре. М., 2008.

Толстая 2009 – *Толстая С.М.* Категория родства в этнолингвистической перспективе // Категория родства в языке и культуре. М., 2009.

Doroszewski 1961 – Słownik języka polskiego / Pod red. W. Doroszewskiego. T. I–XI. Warszawa, 1958–1969. T. III. Warszawa, 1961.

Chemperek 2001 – *Chemperek D.* Pasek w Danii – literackie i kulturoznawcze jakości «Pamiętników» // Studia filologiczne 2. Studium Genetale Sandomiriense – Wyższa Szkoła Humanistyczna – Przyrodnicza w Sandomierzu. Sandomierz, 2001. Режим доступа: http://www.staropolska.pl/barok/opracowania/pasek_01.html (30.09.2013).

Chmielowski 1753–1756 – *Chmielowski B.* Nowe Ateny albo Akademiia wszelkiej sciencyj pełna na różne tytuły jak na classes podzielona, mądrym dla memoryjału, idiotom dla nauki, politykom dla praktyki, melankolikom dla rozrywki erzgowana. alias o bogu, bożków mnóstwie, słów pięknych wyborze, kwestyj cudnych wiele, o sybillów zbiorze, o zwierzu, rybach, ptakach, o matematyce, o cudach świata, ludzi rządach, polityce, o językach i drzewach, o żywiołach, wierze, hieroglifikach, gadkach, narodów manierze, co kraj który ma w sobie dziwnych ciekawości, cały świat opisany z gruntu w słów krótkości. T. 1–4. Lwów, 1753–1756. Режим доступа: http://literat.ug.edu.pl/ateny/index.htm (30.09.2013).

Gloger 1900 – *Gloger Z.* Herb // *Gloger Z.* Encyklopedia Staropolska. T. I–IV. Warszawa, 1900–1903. T. I. Warszawa, 1900.

Gloger 1903a – *Gloger Z.* Peruki // *Gloger Z.* Encyklopedia Staropolska. T. I–IV. Warszawa, 1900–1903. T. IV. Warszawa, 1903.

Gloger 1903b – *Gloger Z.* Pogrzeby królewskie i inne // *Gloger Z.* Encyklopedia Staropolska. T. I–IV. Warszawa, 1900–1903. T. IV. Warszawa, 1903.

Manyś 2011 – *Manyś B.* Pompa funebris a życie codzienne w świetle XVIII-wiecznych oracji funeralnych Pawła Giżyckiego // Homo sum: humani nil a me alienum puto. Życie codzienne wczoraj i dziś. Poznań, 2011.

Pasek 2009 – *Pasek J.Ch.* Pamiętniki. Warszawa, 2009.

Pelc 1972 – *Pelc J.* Sarmatyzm a barok // Problemy literatury staropolskiej. 1. Wrocław, 1972.

Глава 2

НА ТЕАТРЕ ВОЙНЫ

Вне ассоциаций с античными героями, оставив в стороне славных предков, Пасек выводит рыцарей на театр военных действий и погружает в повседневность войны. Он не пишет очерки военной истории, на первом плане у него жизнь человека на войне, где тот не только совершает подвиги, но и старается выжить и просто живет, проявляя присущие ему нрав и черты натуры. В своих «Записках» он прослеживает перемещения отрядов противников, рассказывает об их снаряжении. Эти рассказы напоминают самые настоящие военные донесения. И тут же, резко меняя средства выражения, говорит, какую радость приносит битва, когда рука уже устает, а неприятели все еще валятся наземь. В «Записках» предстают критические точки войны – сражения и паузы между ними: длительные переходы, после которых солдаты получают передышку на постоях. Так образ войны приобретает протяженность, а человек на войне – конкретность. Со знаменем в руках солдат или со славой побеждает или гибнет на поле боя. Сражения не обязательно заканчиваются победами, бывают и поражения. Солдаты не только рвутся в бой, но и бегут домой, так и не понюхав пороха. Еще человек на войне тяжело работает. Так под взглядом автора «Записок» макроистория срастается с микроисторией, коллективное – с индивидуальным (Репина 2001).

Индивидуальное еще не особенно интересовало Пасека. Он предпочитал собирательные портреты воинов XVII в. Так казаков он называет «семенами» (от тур. «сеймени», т.е. вооруженные по турецкому образцу). «Семены» вместе с поляками сражались против шведов, «... и все как на подбор, и возраст, и рост одинаковый, будто их одна мать родила» (Pasek 2009: 154). Пасек явно ими любуется. Устрашающий портрет воина совершенно в другом ракурсе представляет в «Новых Афи-

нах» Б. Хмелевский в середине следующего, XVIII в.: «Воин должен быть не субтильным, а готовым ко всяким невзгодам, не с лица, а сердцем прекрасным <...>. Пусть страшилой будет, скорее враг от него побежит. <...> Марсу потребны лица грозные (marsowate) <...>. Не наряд, но оружие его красит, руки его не мылом воняют, а навозом конским и порохом смердят. Не любы Марсу лосиные рукавицы и тонкие рубашечки, подавай ему железный панцирь, железные рукавицы и оружие» (Chmielowski 1753–1756).

На страницах «Записок» действуют полководцы, воеводы, польные и коронные гетманы, иностранные адмиралы, курфюрсты. Выступают в них офицеры-рыцари, которых в те времена называли товарищами, потому что по чину они были равны ротмистру регулярной армии, командующему отдельным отрядом. По рангу товарищ был выше офицера наемных войск. Товарищ приводил с собой на войну своих подчиненных: простых солдат и челядников, обозных, которые образовывали вспомогательный состав армии. Всех их показывает Пасек на театре войны.

Гетман
Стефан Чарнецкий

Стефан Чарнецкий – великий военачальник «на манер великих воинов», о котором можно сказать: «Дай Бог, чтобы такие военачальники еще рождались! Счастлива мать, его породившая!» (Pasek 2009: 229).

Казалось, его вел дух пророчества, когда он внезапно приказывал трубить сбор и седлать коней. Благословив войско перед

началом битвы, он тут же набрасывал план сражения. Всегда принимал нестандартные решения, умел хитрить с противником. Поступал разумно, например, не сжигал крепостные строения, стараясь сохранить жизнь своих солдат, для которых был настоящим отцом и заступником. Выказывал к ним уважение, например, просил старших из них по возрасту первыми начать сражение. Разделял с ними тяготы военной жизни: почти не спал, вставал с побудкой, всегда трудился и не терпел праздности. Была у него такая «фантазия» – не кланяться никому и ничего не просить. Автор испытывал гордость за своего полководца. Он прошел с ним не одну войну и всегда держался рядом с ним, разделяя радость и горе. Пасек старается поставить свое имя рядом с его именем: «И мы с Чарнецким помогли, как умели» (Pasek 2009: 101). Очевидно, что Пасек создал идеальный портрет военачальника. Таких было немало в польской барочной литературе (Мочалова 2012: 80).

В «Записках» говорится о поведении других персонажей высокого ранга. Голландский адмирал был человеком доброго нрава; вместе с поляками ходил не только в церковь, но и в корчму, приглашал их к себе. Великий литовский гетман Ян Павел Сапега всегда старался отличиться на военных советах и никогда не торопился с помощью, за что ему потом бывало стыдно.

В «Записках» множество отдельных набросков портретов товарищей. Это не те герои войны, чьи имена вошли в историю, но Пасек старается их назвать поименно: «Досталось и нашим: Писарский, староста вольбромский, ротмистр с поручиком погибли, также Желецкий, да староста быдгосский, и другие» (Pasek 2009: 502). Это воины, павшие на поле боя. Им противостоят трусы, забывшие о воинском долге, их имена автор также перечисляет. Мутят они воду и «портят сердца» солдатам, отчего те задумываются о побеге. Таким не место в войске: «Бывают такие люди, которым взбредет в голову пойти служить, но им лучше дома кур сажать на яйца и от цыплят ястреба отгонять» (Pasek 2009: 197). Похожи на них ополченцы (pospolite ruszenie), пошедшие с Пасеком в

разведку. Они все время ему напоминают, что не получают вознаграждений за ратные труды, что они не «kwarciani»[12]. Следовательно, им и не нужно собой рисковать. Есть такие, что дожили до седых волос, а ни разу в бою не были и кровь не проливали: «Неважно, что долго в войске служишь и давно стал солдатом, важно сражаться часто» (Pasek 2009: 299). Значит, зря ели они свой хлеб (chleby, т. е. жалованье из королевской казны. Помощь в содержании войску оказывали духовенство и городские власти. Chleby в широком смысле могли означать королевские милости, земли и пр.).

Концепт хлеба Пасек обыгрывает, сталкивая его первичные значения с дополнительными коннотациями. Хлеб часто не тем достается, кто сражается, «и мне не досталось, и другим, более заслуженным, не удалось его даже попробовать» (Pasek 2009: 268). Так с добрым рысаком бывает, когда овес из его стойла осел поедает. Но солдат заслуживает вознаграждения: «если кто нанимается на работу, то и плату получает» (Pasek 2009: 260). Давать его нужно вовремя – не тогда мы к хлебу тянемся, когда его из печи вынимают, а когда его острым железом в бою зарабатывают. Речь идет о зимнем довольствии (chleb hibernowy), которое под пером Пасека легко превращается в свежеиспеченную буханку. Бывает хлеб и сладким, и жирным. Сжимается он до краюхи, которую отец не пожалеет для сына-солдата, когда о нем не заботятся ни король, ни войско. Становится он пропитанием во время похода, когда солдаты идут медленно и коней пасут, а по королевскому приказу их всюду хорошо содержат.

В обязанности челядников – czeladź (luźna), czeladź (obozowa), pocztowi, ciura, pacholiki[13] (см.: Sikora) – входила забота о пропитании войска и содержание коней, на них лежала ответственность за сохранение добычи. Однажды Пасек назвал их кормильцами (karmiciel). Когда было необходимо, их выставляли на поле боя. Под Ляховицами, например, че-

[12] Уже на сейме 1564 г. был учрежден специальный фонд, составлявший четвертую часть королевских доходов, т. е. кварту (quarta pars). Эта кварта предназначалась на содержание войска, получившего наименование – kwarciane (wojsko kwarciane) (Plewczyński 1985: 9–10).

[13] Челядь лезная, обозная, почтовые, чуры, пахолики (пол.) – разновидности военной обслуги.

лядникам был дан приказ встать в ряды наравне с гусарами. «Расставили этих бедолаг, и они встали так красиво, что, глядя, на них, все почувствовали прилив сил» (Pasek 2009: 227). Так образовалось второе войско, готовое к бою и имевшее довольно угрожающий вид. Челядники сражались не хуже товарищей, «все стремились тогда к победе, иначе и быть не могло» (Pasek 2009: 228). Проявив себя на поле боя, они могли повысить свое звание, стать товарищами, ротмистрами, поручиками. Купят такому коня, вот он уже и пан товарищ (Pasek 2009: 532). Когда в них не было нужды на поле боя, челядники все равно находились рядом с товарищами. Они держали под уздцы или ехали верхом на запасном коне: если падет конь товарища, будет другой на замену. Как это происходило, однажды кратко описал Пасек. Его гнедого коня ранили и ударили бердышом. Тогда он пересел на мышастого («мышку»), на котором до того ехал челядник[14]. Однажды автор «Записок» чуть не погиб из-за его небрежности – тот не подтянул поводья этому мышастому коню, и он начал спотыкаться на кочках и увязать в кустах. Нога всадника застряла в поводьях, привязанных к луке. Ему даже показалось, что коня подстрелили и что он сам оказался в страшной опасности. Затем понял, в чем дело и сумел спастись, призвав на помощь товарища. В другой раз Пасек обухом ударил челядника, который попытался отвести в сторону его любимого коня: «... мое здоровье дороже всех коней <...>. А если на меня нападут, а ты и этого забираешь?» (Pasek 2009: 198).

Не хуже, чем челядники, проявляли себя на войне добровольцы. Один из них, молодой парень, лихой забияка, дразнил и задирал русских, стоявших в строю в ожидании боя. Услышав предложение самому царю поцеловать смельчака в зад, они не выдержали и понеслись. Полякам только это и было нужно. «Москва» ловила парня, а он несся на киргизской лошадке и заводил их в лес, где встречали их товарищи с саблями наголо. Этого добровольца, ритуально оскорбляв-

[14] Это было обычаем в конных сражениях того времени, в том числе и у татар (Боплан 2004: 220–221). – *Прим. ред.*

шего врага, можно сравнить с рыцарем, вызывающим врага на поединок перед всем войском, чтобы вселить в каждого солдата волю к победе.

СОЛДАТСКАЯ РАБОТА. Пасек хорошо знал, какую цену приходится платить за подвиги на поле боя, и не раз говорил о солдатской работе: «После такой тяжелой работы, с коней не слезая, ночью направились мы в город» (Pasek 2009: 211), «После таких тяжких трудов, как мы думали, будет отдых...» (Pasek 2009: 239). Сделали эту работу почти за три часа (т. е. взяли крепость), – сказано в другом месте. Чарнецкий перед боем так обращался к войску: «За работу! Бог в помощь» («Do roboty, imię Boskie wziąwszy na pomoc!» – Pasek 2009: 226). Что такое настоящий военный труд, уже не знают солдаты новых поколений, – полагал автор «Записок».

На войне не только стреляют и убивают, на войне трудятся, возводя укрепительные сооружения, собирая топоры, чтобы было чем рубить крепостные стены. Снопы вяжут, которыми прикрываются при наступлении: «Тяжело было с этими снопами на вал по снегу забираться; кто сноп свой донес, тому помогло, находили в нем потом застрявшие на полпути пули» (Pasek 2009: 117). Работают солдаты по ночам: таскают корзины с землей, копают окопы, перетаскивают орудия, «и все потихонечку» (Pasek 2009: 150). Днем бы им помешали враги. На рассвете колют лед на замерзшей реке, перебираются на другой берег вплавь, заткнув за воротник пистолеты и подвязав подсумки на шее. После такой работы с каждого встречного срывают рубахи, чтобы переодеться во все сухое. Идут они пешими, ведут коней под уздцы через болота. Лишений на войне немало. Из-за грохота пушек многие глохнут – ведь шум вредит слуху. У самого автора «Записок» после одного боя месяца три шумело в голове, как в пивной бочке. Редко когда бывали передышки после таких трудов: «Хоть посидели несколько недель спокойно» (Pasek 2009: 128). Закончив трудную работу на Балтийском море, солдаты в 1660 г. даже не смогли масленицу как следует справить. Тут же пришли королевские универсалы – не с жестким

приказом, а с настоятельной просьбой – готовиться к войне с «москвой». В том же году перед Троицей удалось отдохнуть недели три под Козерадами.

СРАЖЕНИЯ. Д. Хемперек, анализируя датские эпизоды в «Записках», пишет: «Удивляет краткость батальных сцен, особенно при сравнении текста Пасека с “Дневником товарища панцирной хоругви” Якуба Лося, также активно действующего профессионального солдата. Для Лося Дания – это территория битв, стычек, бросков, его дневник наполнен описаниями военных событий. С великой скромностью представляет он свое участие в них, делая героем историю. Другое дело – Пасек» (Chemperek 2001). Действительно, у него иные задачи, и не только.

Он вычерчивает карту военных действий, но замечает также темп и ритм сражений: «А тут из сосняка выходит хоругвь Турчиньского и Антоновича татарская хоругвь (вооруженная только саблями, луками и пистолетами – Pasek 2009: прим. 293, 208) в двести коней, и, выйдя, рысью пошли» (Pasek 2009: 202). Отмечает избыточно быстрое и неориентированное движение, которое называет мельтешением: русские крутятся, вертятся, Трубецкой носится среди своих, как юла. Казачий полковник Мурашка вьется на коне под бунчуком, скачет с буздыганом в руке. Чарнецкий ввинчивается между русскими гуляй-городами; передвижение войск Ст. Чарнецкого и Е. Любомирского сравнивается с танцем, который называется goniony[15]: «...это не война была, а этот самый танец. Мы с места на место неприятелей гоняли, а догнать не могли, они же убегали, но убежать не могли». Перемещения войск сравниваются и с другим танцем, из которого – как считается – произошел польский оберек (oberek). Это wyrwany, исполнявшийся в разных темпах, то быстром, то медленном.

[15] Goniony – это быстрый народный танец, ставший популярным в XVII–XVIII вв. Он очень близок к игре, его упоминает Ян Кохановский в стихотворении «Pieśń świętojańska o Sobótce». Перемещения войск, подобное этому танцу, заметила одна простая женщина, не побоявшаяся сказать королю: «Это, милостивый король, очень все странно: вы догнать можете, но не догоняете; я, вот, старая баба, да и то, если бы решилась, то догнала бы» (Pasek 2009: 407). На это сравнение обратил внимание и З. Глогер в своей «Энциклопедии» (Gloger 1901).

Набрасывает Пасек «композицию» некоторых мизансцен, учитывая расстановку сил. Подробно рассказывает, как Чарнецкий расставлял хоругви, чтобы врагу казалось, что на него движется большое войско. Разделив людей на эскадроны, за каждым поставил панцирных гусар. «Такое прекрасное получилось войско, что казалось в нем одной “гусарии” тысяч шесть» (Pasek 2009: 222). Пасек не отстает от своего военачальника: «Приказали мы челядникам встать не ровным строем, а кучно, как бы полумесяцем» (Pasek 2009: 119). Его отряд однажды окружают казаки, тоже стараясь встать полумесяцем. Таким образом, они учитывают опыт, полученный в боях с татарами. З. Глогер полагает, что такой строй татары унаследовали от самого Тамерлана. Они целой ордой встают перед неприятелем полукругом, чтобы потом захватить его в клещи. Не раз на глазах автора пехота мешается с кавалерией, а пушки загораживают путь к победе: «И снова такая мешанина случилась <...>: одного гонишь, а другой тут же над тобой стоит с саблей; того закалываешь, а другой, как заяц несется» <...>, «было той резни на три мили. Мы возвращаемся назад, а другие еще гонят (врага. – *Л.С.*)» (Pasek 2009: 209).

Автор «Записок» обладал панорамным зрением. Вот как он увидел, а также услышал морское сражение, оказавшись на голландском корабле. Шведы на кораблях, едва различимых в дыму орудий, готовятся к бою. С берега слышны крики, колокольный звон и барабанный бой. На набережной толпится народ, некоторые на лодках идут на помощь своим. Вот один шведский корабль, попавший в окружение, стоит, как месяц среди звезд. Обстреливают его со всех сторон так, что только щепа от него летит; «и отошел он в сторону, прямо как пес хромой, которому зашибли лапу» (Pasek 2009: 143). «Страшна война на суше, но еще страшней на море. Здесь летят в воду паруса, ломаются мачты, не только человек здесь враг человеку, но и вода» (Pasek 2009: 144).

ВООРУЖЕНИЕ. Представляя сражения, Пасек ведет тему оружия и больше всего пишет о сабле. Лучше ее ничего нет:

«szabla – grunt»[16] (Pasek 2009: 205). «Не только у мелкой шляхты, но и у вельможных панов сабля переходила от отца к сыну, от сына к внуку и далее как одно из самых дорогих сокровищ» (Kitowicz 1985). Нельзя сравнить с саблей пистолет, набивать который времени не хватает. Поэтому порой врага можно и отпустить. Хорошо набивать, когда идешь на встречу с неприятелем, но, столкнувшись с ним, нужно браться за саблю: «А как выстояли под их огнем, взяли их на сабли, шведы и набивать не поспевали» (Pasek 2009: 164). Пистолет не так точен в бою, как сабля. Тогда в ходу были мушкеты, которые набивались также ухналями (подковными гвоздями), а не только порохом: «У этого Янковского мушкет был с дулом мощным; как плеснет из нее ухналями» (Pasek 2009: 322). Стрелять из некоторых видов оружия приходилось с «чужого» плеча: один стрелял, другой держал ствол. Его также можно было повесить на стену – на прикладе был крючок. Такой вид огнестрельного оружия назывался «hakownica». Они были тяжелыми и с длинными стволами. Сам Пасек лихо стрелял из двух пистолетов, третий носил за поясом; было при нем и длинное охотничье ружье («guldynka»), с которым ходили на кабана.

Копье – это серьезное орудие в руках гусар. Когда русские стараются спрятаться за своими гуляй-городами, польские гусары хватаются за копья, и те сразу отходят. Пушки (puszy) Пасек считает ненужной новинкой, которая вредит людям, отравляет воздух, воду и разносит заразу. Раньше камнями бросались, крепостные стены таранили, и тоже была война. А теперь как «... начнут давать огня, палить из пушек, как град, пули сыплются» (Pasek 2009: 204). Ничто не помогает против них: огненный дождь проникает через латы и лосину до костей и, как сверлом, сверлит. «Стоишь в безопасности на земле, Богом и натурой поставленный, и не знаешь, что под тобой творится, что в то же мгновение и на том же месте вместе с башнями и домами каменными, взлетишь, как муха, вместе дымом под облака» (Pasek 2009: 531). Так оружие,

[16] «Сабля – опора» (пол.). – *Прим. ред.*

представленное в действии, становится смысловым центром «картинок с натуры», в которых и самому автору всегда находится место.

Луками к тому времени поляки уже почти не пользовались, но астраханские татары, сражавшиеся на русской стороне, стреляли из таких огромных луков, что один человек не мог бы натянуть тетиву. Из них стреляли вдвоем. Стрелы, прилетавшие на польскую сторону, казались солдатам настоящими коромыслами[17]. Падали они перед рядами или вонзались в них. Орудовали русские и бердышами.

Были у них передвижные полевые укрепления, назывались они гуляй-городами. В русском названии на первый план выдвигается концепт движения. Гуляй-город состоял из бревен, связанных между собой крест-накрест и сцепленных железными скобами, – так считал Пасек. Польские гусары протискивались через них прямо к противнику: «Ударили мы по этим гуляй-городам, по-нашему чеснокам; наши здесь рубили без устали» (Pasek 2009: 230). Потеряли только одного своего товарища, и еще конь один пал. Пасек говорит, что это укрепление было настоящей крепостью. Гетман Чарнецкий, чтобы взять ее, приказал однажды рыть окопы, мелкие, но частые. Так как лопат не хватало, землю брали кто шапками, кто полами, но к утру окопы были готовы. Потом, правда, они полякам не пригодились, а гуляй-города русские сами и переломали.

КОНИ. Воин XVII в. не расставался с конем, который не раз выносил его с поля боя. Он шел на войну, ведя под уздцы одного коня, двух других за ним вели слуги-челядники. Стоил конь дорого, иногда целое состояние, как и упряжь, и богатые турецкие попоны, которые, как уже говорилось, брали как добычу. В особых случаях упряжь тщательно украшали по турецкой моде, декорировали драгоценными камнями. Над

[17] Судя по всему, Пасек описывает лук-самострел. Это «лук, вделанный в деревянную соху (приклад) с полосою (ложею). При стальном луке тетива делалась из толстой веревки или из воловьих жил и, натянутая, спускалась с помощью особого ворота, который назывался коловратом самострельным. Величина самострела была иногда необыкновенной» (Саввaитов 1896: 123).

ухом коня развевался бунчук (белый конский хвост); голову его покрывала сетка, золотая или серебряная, надо лбом красовалась кита, иногда даже из страусиных перьев. Длинная попона из дорогих турецких тканей покрывала коня почти целиком. Наименования частей упряжи и масти коней, кстати, во многом были заимствованы из языка врагов, т. е. турок или союзников – татар (Talko-Hryncewicz 1924).

Пасек был знатоком конских пород, разбирался в их достоинствах, но ему самому не везло с конями. Каждый из них то подыхал, то его калечили, то убивали. Денег на покупку коня у него не было, а отец уже не мог помочь деньгами. Опротивело воину такое счастье, от которого он иной раз плакал. Не только с ним приключались такие несчастья. Вот и под Войнилловичем однажды убили коня. Но всегда и в пылу боя Пасек не забывал отметить не только породу коня, но и масть. Вот какой-то русский скачет на «пловом» коне, князь Трубецкой несется впереди русского войска на калмыцком коне. Заметив всадника, въезжающего в лагерь, Пасек сразу увидел, что под ним не польский конь, а киргизский, добытый в бою с русскими (bachmat). Самому автору в одном бою сначала достался конь гнедой, а потом вороной со шрамом, который совсем его не портил. Однажды Пасек получил коня, принадлежавшего ранее русскому воеводе Змееву, как сказали пленные. А как-то раз его товарищ по хоругви добыл ему коня самого визиря. К седлу коня были приторочены сума («похоже, из чистого золота»). Внимательно присматривался он к тому, как обращаются с конями враги. Например, турки держали их в шатрах, не давали намокнуть, хорошо кормили.

Солдаты берегли своих коней, деливших с ними тяготы войны. Старались облегчить им трудные переходы, вытаскивали из грязи, где те замирали и стояли, раскорячившись, как коровы. Не садились на них верхом, вели под уздцы, когда те увязали в болотах почти по самые тебенки[18]. Водные пере-

[18] Tebinka, тебенка, тебенек – «четырехугольный отрезок кожи, привешенный у седла, для защиты ноги от трения о стременной ремень» (Савваитов 1896: 144). И.И. Срезневский приводит слово «тебенек», которое означает «лопасть у седла: – Тебенки серебряны кованы. <…> Тебенки <…> писаны золотом, твореным по червчатой эмали …» (Срезневский 1912: 944).

правы для коней были самыми трудными, так как не все они хорошо плавали. Таким животным помогали добираться до берега не только люди, но и другие кони, окружая слабого пловца и поддерживая его. Плавали кони по-разному. Один, например, всегда плыл боком. Когда вода его понесла, всадник, отпустив поводья, начал тонуть. Конечно, Пасек спас его[19]. Коней солдаты держали при себе, ложась спать в чистом поле, наматывали на руку поводья. Их отправляли пастись на луг, задавали корм прежде, чем сами садились есть. Заботился о конях и сам король, Ян Собеский. В письмах к жене он не забывал сказать, что они плохо переносят слякоть и дожди, что кони голодают и щиплют листья с деревьев. Переживал он за своего заболевшего коня и надеялся, что тот к нему вернется. Пасек всегда помнил, что и коням, а не только людям, нужно перевести дух. Потому в Дании однажды выбрал не сухопутную дорогу, а морскую, чтобы дать коням отдохнуть.

Конь – не только верный помощник, о котором следует заботиться, но и друг солдата. Своему павшему коню Пасек посвятил эпитафию, в которой развивает тему дружбы: «мы были так привязаны друг к другу, потому что вместе выросли. Теперь всадник остался один, и ничто ему не мило: всегда сокол сторонится быстрой воды, зная, что уронит в нее свои перья. Он печалится: не так мы должны были расстаться, ведь хотел я покоить твою старость. Не радует его предстоящая битва: как сойдутся войска в баталии, мужество не покинет меня, но буду я тяжко вздыхать и плакать, вспоминая тебя, мой гнедой – vale» (Pasek 2009: 98–99). Эмоциональная связь с конем была отличительной чертой настоящего сарматско-

[19] Вот как описывает переправу Ю.М. Лотман в своих «Не-мемуарах». «Шагая по топкому песку на самом берегу Дона, я увидел две черные фигуры в плащах, закрывающих знаки различия <…>, и услышал отрывок разговора: речь шла о необходимости переправить через Дон лошадей. Один из говорящих докладывал, что нашел крепкую лодку и парня, который имеет небольшой опыт: он будет держать лошадь под уздцы, а она будет плыть, надо только найти опытного гребца. Меня захватила волна нахальства. Я вышел из темноты и подошел к ним со словами: «Гребца ищете? Вот он я». <…> «Смотри, – сказал он, для убедительности прибавив несколько слов из военного красноречия, – сам утонешь, так мне <…> не жалко, а ты мне лошадей не утопи». <…> Я на веслах, а другой солдат брал лошадь под уздцы, садился на корму, мы отталкивали лодку, лошадь, брыкаясь, заходила в воду, и я начинал грести» (Лотман 2003).

го рыцаря. Животные платили человеку тем же, как явствует из популярного рассказа о смерти гетмана Чарнецкого. Когда тот заболел, его положили посреди комнаты и окружили вниманием. Гетман же попросил привести своего соратника, белого рысака, и тот склонился над умирающим хозяином, понурив голову. Кажется, конь понимал, что происходит. Давали ему овес – он не желал есть, давали воды – он бил копытом. Исповедовавшись, гетман заснул и уже не проснулся. Скоро не стало и его верного товарища по победоносным военным походам (Legenda).

ВОЕННЫЙ БЫТ. Между боями товарищи, оставаясь в лагере, находили себе занятия, пока челядники занимались хозяйством. Здесь на базаре можно было продать добычу, в шалашах играли в карты, шашки и шахматы, выпивали. Подобные забавы часто мешали автору «Записок» сосредоточиться. Товарищи также дрались на дуэлях, которые автор считал большим несчастьем. Череда дуэлей, случившаяся «по пьяному делу», стала темой одного самостоятельного рассказа.

На пирушке, устроенной в шалаше одного товарища, Пасека начал задирать некий храбрец, с которым он хотел выяснить отношения на трезвую голову, что не удалось. Не было у него сабли, но ему ее принесли. На территории военного лагеря драться было запрещено. Пришлось искать другое место. На самом деле дуэли были вообще запрещены. Поэтому не полагалось ни ритуальных вызовов на поединок, ни секундантов, ни свидетелей. Бои проходили часто, но абсолютно не по правилам. Шляхтичи дрались, рубились без всякого этикета, так как за дуэль полагалось строгое наказание. Если дело не заканчивалось смертью одного из них, на их ссоры и драки никто не обращал особого внимания. Примером такого «неправильного» поединка З. Глогер считал и поединок Пасека (Gloger 1903a).

Противник по фамилии Нучиньский оскорблял его, а наш автор уповал на Бога, и сражение кончилось его победой. Тут же без всяких дуэльных формальностей на него

напал младший брат дуэлянта, и снова Пасеку пришлось выказать свою смелость и удачливость. Затем появился хозяин шалаша, Марчин Ясиньский, их двоюродный брат по тетке. Последний противник был гораздо опаснее других. За две недели до этого он зарубил одного товарища на дуэли. Пасек и Ясиньский решили сойтись в поединке за речкой, где хозяин шалаша начал ему угрожать и столкнул его с мостика в воду. Потеряв равновесие, тот упал. Как только выбрался на сушу, сразу начался бой, собрались зрители, и Пасек вновь вышел победителем. То, что братья противника Пасека сменяли друг друга на дуэли, было в порядке вещей. За члена своей семьи, рода, которому было нанесено оскорбление, заступались все его братья, с которыми он находился в разной степени родства (Gloger 1903a). Оказалось, что день этот был фатальный, по всему лагерю прошло пятнадцать дуэлей. Троекратная дуэль Пасека не осталась безнаказанной. Хозяин шалаша должен был выплатить в бернардинский монастырь в Бресте шестьсот злотых, а в праздник отстоять три мессы в полном снаряжении с саблей в руках.

Несмотря на подобные неприятные случаи, с печалью пишет Пасек, как изменился лагерь по окончании военных действий. Обозные разбежались кто куда, кто умер, кто домой уехал или женился, возы обветшали, и «все куда-то подевалось» (Pasek 2009: 168).

ВРАГИ. В «Записках» представлены как свои, так и чужие, т.е. враги, а также союзники, которые не могли стать своими. Презрение к врагам, антипатия к союзникам, а также сочувствие к пострадавшим пронизывают сочинение Пасека. По его мнению, есть народы, которые просто не переносят друг друга, как датчане шведов, у них к ним врожденная ненависть. С поляками же у них симпатия, датчане у них помощи просят.

О добрых чувствах поляков по отношению к «москве» говорить не приходится. Стоят они, бородатые, в боярских хоругвях, такие страшные, «как никакой другой народ». Но что же? Грозили они, пугали князем Долгоруким и своей сто-

лицей, но когда пошла польская разведка, молчали, пасть не разевали. Страшными сначала казались астраханские татары, которых Пасек называет калмыками. Ничего они не умели, только крутили своими кнутами и прочь бежали быстрей, чем «москва»: «Что-то я не слышал ничего о том, что раны нанесли нашим эти калмыки» (Pasek 2009: 233). Враг бежит и сдается на милость победителей, как и шведы. Они взывают к милосердию, забыв «свинские» обычаи своего народа, – так «чужой» противопоставляется «своему». Страшны турки, но они стараются воевать не сами и впереди себя выставляют пленников и янычар. Это народ изнеженный, превратившийся в баб. Другими были они, когда одно за другим государства завоевывали. Погрязли в богатстве и роскоши, что их и погубило. Многих из них взяли в плен под Веной, привели к гетману пашу алеппского, сивого, как голубь, который оплакивал свою старость. Попался в руки полякам и другой паша, силистрийский.

За турок обычно воюют татары, которых сначала совершенно не боялись союзники поляков, немцы (императорское войско). Они потому и насмехались над поляками: ведь воюют они с голым и безоружным народом, всегда готовым бежать с поля боя. Только потом сообразили, что против татарской сабли их оружие бесполезно, даже самые большие пушки. «Татарским танцем» издавна называли поляки их манеру воевать – в самый разгар битвы они убегают с поля, чтобы затем начать ее заново; «и кто уже почувствовал себя победителем, тому трудно признаться, что он проиграл» (Gloger 1903c). Стало ясно, что татары – опасный враг. «Воевал я с татарами, но никогда не видел после битвы так много татарских трупов, как немецких, русских или каких других. Увидеть триста, четыреста трупов татар – это великая, значит, случилась победа» (Pasek 2009: 551).

СОЮЗНИКИ. Чувства товарищества по отношению к союзникам Пасек не испытывает. Почему-то в одной битве полякам, например, солдаты курфюрста бранденбургского даже помешали. Они чрезвычайно жестоки: «Немцы нико-

го живьем в плен не брали и убивали с особой жестокостью. И после смерти творили с ними всякое: таскали, кожу с них сдирали, ремни потом нарезали; через три дня после битвы ни одного турка на поле боя нельзя было увидеть с целой спиной» (Pasek 2009: 549–550). «Кавалерская» честь была им незнакома еще и потому, что турки их часто побеждали: бросались на них с саблями и резали, как скот. Описывает автор и случай, когда немцам-союзникам не удалось получить никакой добычи. Они не попали в турецкий лагерь, потому не взяли пленных, не получили знамен противника и никто из них даже не выстрелил. Но Пасек не желал развивать эту тему, а всех похвалил.

Не было особой помощи от татар, воевавших на стороне поляков и составлявших вспомогательные отряды. Завидев врага, они часто разбегались. Хан крымский, к которому обратился за помощью польский король, обещал прислать стотысячное войско, но потом передумал. Не хотел он помогать в братоубийственной войне с войском Любомирского[20]. Также казаки то выступали на стороне поляков, то сговаривались с турками идти войной на поляков.

В ином ключе описываются датчане. Они народ хозяйственный, добрый, много пострадавший от шведов. Женщины у них красивые, «слишком белые» и менее сдержанные, чем польки.

ВОЕННЫЙ ЭТИКЕТ И ЖЕСТОКИЕ РИТУАЛЫ. В XVII в. этикет был разработан как для мирной, так и для военной жизни. Его правила выполнялись неукоснительно. Перед сражением во вражеский стан отправляли гонцов с предложением «dać pole» (вступить в сражение). Получив ответ, гонцы возвращались в свой лагерь. Военачальники не раз испытывали

[20] Речь идет о рокоши Ежи Любомирского (1616–1667), одного из богатейших польских магнатов. Используя недовольство магнатов всемогуществом супруги последнего представителя Вазов на польском троне – Яна II Казимира (Людвика Мария надеялась посадить на место супруга француза), Ежи Любомирский высказал претензии сначала на роль протектора, а потом и на корону. Магнатская партия с лозунгом сохранения принципа liberum veto, которую поддержал канцлер и примас М. Пражмовский, собрала войско, 13 июля 1666 г. выступившее против короля в местечке Манты под Иновроцлавом. См. подробнее раздел «На государственном поприще». – *Прим. ред.*

Битва под Веной (1683)

терпение противника и не сразу начинали сражение. Однажды готовые к бою поляки не выдержали и послали гонцов к князю Ю.А. Долгорукому с требованием начать сражение: мы ведь воевать пришли, а не на постой встали. Русские тут же пошли в своих гуляй-городах на встречу с польскими рыцарями. В другой раз им снова пришлось «просить поле» у Долгорукого, но тот надменно ответил: «Хотя и вечер близко, мои войска смогут вас успокоить и за час, и раздать все, кому что полагается, не тратя на это целый день» (Pasek 2009: 227). Напрасно русский полководец так надменно себя вел, ведь он спасся только потому, что ночь настала и помешала полякам добить врага. Как Пасек говорит, их «ночь родила»: «Долгорукого и тех, кто ушел, ночь родила; если бы день был в разгаре, все бы они полегли» (Pasek 2009: 231).

ТРИУМФЫ. Польские разведчики возвращаются в лагерь «с триумфом» – с трофеями, вражескими знаменами, пленными, часть которых отсылают королю. Их встреча

была настоящей церемонией. При ней присутствовал и Пасек. Русские, оставив в ляховицкой крепости, которую уже заняли, небольшой отряд, надеялись туда вернуться после победы, но потерпели поражение. Они штурмовали крепость не раз. По словам Пасека, осталось там лежать тридцать тысяч русского войска. После победы в эту крепость пришли польские отряды. Их приход совпал с праздником Благовещенья Богородицы, все собрались на торжественную службу, – и шляхта, и военные. Монахи в честь гетмана Чарнецкого устроили торжественную процессию; пережившие осаду горожане и горожанки приветствовали его, называя непобедимым воином и защитником, посланным самим Господом. Гетману все это показалось лестью, и он надвинул шапку на уши. Сапеге не досталось и половины тех похвал, которые были адресованы Чарнецкому, хотя это были его земли. Это был настоящий триумф: «Из пушек стреляли так, что земля дрожала; а потом служба прекрасная, проповеди, поздравления, благодарности, возносимые Господу, и всюду радость со слезами» (Pasek 2009: 215). Победив русских при реке Полонке, все пошли в Ляховицы, а потом в Борисов, где Чарнецкий не стал драться с противником, чтобы сохранить крепость над Березиной.

Поляки, предлагая шведам сдаться, также посылают к ним гонцов, которые склоняют их к капитуляции. Те отвечают, что не боялись поляков на их родине, а на своей земле тем более не будут. Но после им пришлось вывесить белый флаг и трубным сигналом известить о поражении. Въезд в освобожденный город также оформлялся по правилам. На немецкий манер офицеры ехали впереди отрядов с саблями наголо, товарищи поднимали вверх пистолеты, челядники – бандолеты[21]. Вильгельм, курфюрст бранденбургский, даже одевавшийся по-польски, по польскому обычаю стоял с непокрытой головой, держа шапку в руках, пока перед ним проходили все польские хоругви.

[21] Так назывались короткие карабины, носившиеся на ремне, бандолете (от нем. das Bandolet). В польском название ремня перешло к виду оружия (Gloger 1900).

Одновременно с правилами поведения сохранялись особо жестокие способы унизить врага, выказать ему свое презрение. Во время осады Вены турки убили Денхоффа, воеводу поморского, своей «композицией» сильно напоминавшего короля: он был такой же толстый. Его голову турецкий паша послал императору, думая, что это голова польского короля. Таким архаическим способом он предупреждал, что так будет с каждым врагом турок, если все они не сдадутся в течение трех дней. Кстати, о том, что тело несчастного нашли без головы, пишет и Ян Собеский в письмах к жене. Поляки хорошо знали этот кровавый обычай. На рыцарском круге раздавались такие угрозы: «"...давай, бей, тащите нам его за круг, пошлем его голову Собескому в подарок". – И уже замахнулись» (Pasek 2009: 497).

Можно предположить, что сон на трупе убитого врага, о котором пишет Пасек в одном эпизоде и который исследователи обычно обходят стороной, является особым ритуализованным поведением, также архаического типа. Оно не обусловлено какими-нибудь особыми обстоятельствами. Конечно, не только общая жестокость нравов того времени, но и состояние автора и его товарища после выпитых ими нескольких кварт позволило им примоститься после боя на теле убитого русского. Это товарищ принял решение: «Пан Ян, что же мы кулак будем под голову подкладывать? Устроимся, как на подушке, на этом москале» (Pasek 2009: 303). Пасек согласился прилечь за компанию. Они спали часа три, держа в руках поводья. Вскочили, услышав какой-то странный звук. Решили, что в мертвом теле еще тлеет какой-то дух.

Судя по всему, это не сверхъестественный и не единственный случай такого странного поведения. Напомним строки из раннего стихотворения Лермонтова «Поле Бородина», перекликающиеся с эпизодом «Записок»: «В душе сказав: помилуй, Боже /на труп застывший, как на ложе, /Я голову склонил». Здесь тело врага уже не подушка, а ложе. Похожая ситуация повторяется и в XX в. Она описана в «Фронтовом дневнике» Б. Суриса, участника Великой Отечественной вой-

ны. Он приводит рассказ капитана Гофмана, который лег спать, положив голову на немецкие трупы, и только потом заметил, что запачкался кровью: «... бой-то был штыковой, и раны здоровенные, крови достаточно» (Сурис 2010: 35). Нельзя не обратить внимание на несколько строк из поэмы А.Т. Твардовского «Василий Теркин»: «А убьешь, так и потом / На тебе, как клещ, повисну, /Мертвый буду на живом. Отоспись на мне, будь ласков, /Да свали меня вперед» (Твардовский 1957: 147). Возможно, что сон на трупе мертвого врага – это «общее место», восходящее к архаическим формулам поведения победителя, впоследствии не раз переживавшее актуализацию.

Пасек не раз использует клише, которые можно встретить и в русской поэзии, которые, естественно, определяют общность сюжета, предоставленного самой жизнью: «Этих прикончили, следующая ватага наступает, тех бьют, а уже другие (рядом. – *Л.С.*), уже хватит, уже *руки устали*» (Pasek 2009: 209) – «рука бойцов колоть устала»; поляки и русские в сражении смешиваются между собой, «как зерно с сечкой» (Pasek 2009: 204). Не хватает только коней, но Пасек затем пишет, как ранили его любимого гнедого – «смешались в кучу кони, люди». Каждый раз он ведет подсчет потерям польского войска: «... а наших только несколько человек с коней попадало» (Pasek 2009: 202), «многие наши полегли, многих постреляли» (Pasek 2009: 204) – «тогда считать мы стали раны, товарищей считать». Ночью у костра после битвы идут рассказы о сражениях и победах, о бегстве врага, «все спрашивают о “процедуре” войны» (Pasek 2009: 212) – «Бойцы вспоминают минувшие дни и битвы, где вместе рубились они».

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА. Пасек – не только очевидец и участник многих военных походов. Он размышлял по поводу государственной военной политики, которая, с его точки зрения, неверна. Не следовало бы заключать невыгодные договоры, потому что «... с такими неприятелями договоры недолговечны, у них всегда есть аппетит, хотят они сожрать бедную нашу родину» (Pasek 2009: 509). Не нра-

вилось ему, когда Польше приходилось выплачивать «москве» значительный «basarunek», т. е. платить за нанесенный ущерб: «...а потом выторгует враг то, что мы должны были бы получить, ведь у нас мода такая: разбив неприятеля, привыкли мы ему давать возмещение» (Pasek 2009: 283). Говорил он о том, что, начиная войну, нужно думать, чем она может закончиться. Основания для вступления в войну необходимы. Иначе страну можно разрушить не хуже, чем это сделает неприятель. Не следует грозить войной и не выступать, что, с его точки зрения, поляки делают часто. Нельзя давать врагам передышку, а то они успеют приумножить свои силы. Если поляки начинают воевать первыми, война заканчивается их поражением, но когда на них нападают, они всегда выходят победителями. Это излюбленный тезис автора, всегда подкрепляемый обращениями к силам небесным.

В заключение можно сказать, что война представлена в «Записках» прежде всего в отношении к ней автора, который, конечно, пишет и о судьбах родины, обобщая свой исторический и военный опыт. Чаще всего он в отдельных «картинках» рисует военный быт, который занимал его не меньше, чем сражения. Пасек повествует о войне, выступая включенным наблюдателем, не изменяя индивидуальной точке зрения.

ЛИТЕРАТУРА

Боплан 2004 – *Боплан Г. де.* Описание Украины / Пер. с франц. З.П. Борисюк, ред. А.Л. Хорошкевич, Е.Н. Ющенко. М., 2004.

Лотман 2003 – *Лотман Ю.М.* Не-мемуары // *Лотман Ю.М.* Воспитание души. СПб., 2003. Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/lotman/mem1/Lotmanne-memuary.html (30.09.2013).

Мочалова 2012 – *Мочалова В.В.* Ян Кароль Ходкевич: воин в литературном зеркале // Образ войны в общественной мысли славянских народов эпохи Средневековья и раннего Нового времени. М., 2012.

Репина 2001 – *Репина Л.П.* Персональные тексты и «новая биографическая история»: от индивидуального опыта к социальной памяти // Сотворение Истории: Человек – Память –

Текст. М., 2001. Режим доступа: http://www.ist-bessmertie.narod.ru/statrepina.htm (28.09.2013).

Савваитов 1896 – *Савваитов П.И.* Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора. СПб., 1896.

Срезневский 1912 – *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I–III. СПб., 1893–1912. Т. III. СПб., 1912.

Сурис 2010 – *Сурис Б.* Фронтовой дневник. М., 2010.

Твардовский 1957 – *Твардовский А.Т.* Василий Теркин // *Твардовский А.Т.* Стихотворения и поэмы. В 2-х тт. М., 1957. Т. 1.

Chemperek 2001 – *Chemperek D.* Pasek w Danii – literackie i kulturoznawcze jakości «Pamiętników» // Studia filologiczne 2. Studium Genetale Sandomiriense – Wyższa Szkoła Humanistyczna – Przyrodnicza w Sandomierzu. Sandomierz, 2001. Режим доступа: http://www.staropolska.pl/barok/opracowania/pasek_01.html (30.09.2013).

Chmielowski 1753–1756 – *Chmielowski B.* Nowe Ateny albo Akademiia wszelkiej sciencyj pełna na różne tytuły jak na classes podzielona, mądrym dla memoryjału, idiotom dla nauki, politykom dla praktyki, melankolikom dla rozrywki erzgowana. alias o bogu, bożków mnóstwie, słów pięknych wyborze, kwestyj cudnych wiele, o sybillów zbiorze, o zwierzu, rybach, ptakach, o matematyce, o cudach świata, ludzi rządach, polityce, o językach i drzewach, o żywiołach, wierze, hieroglifikach, gadkach, narodów manierze, co kraj który ma w sobie dziwnych ciekawości, cały świat opisany z gruntu w słów krótkości. T. 1–4. Lwów, 1753–1756. Режим доступа: http://literat.ug.edu.pl/ateny/index.htm (30.09.2013).

Gloger 1900 – Bandolet // *Gloger Z.* Encyklopedia Staropolska. T. I–IV. Warszawa, 1900–1903. T. I. Warszawa, 1900.

Gloger 1901 – Goniony // *Gloger Z.* Encyklopedia Staropolska. T. I–IV. Warszawa, 1900–1903. T. II. Warszawa, 1901.

Gloger 1903a – Pojedynki // *Gloger Z.* Encyklopedia Staropolska. T. I–IV. Warszawa, 1900–1903. T. IV. Warszawa, 1903.

Gloger 1903b – Semen // *Gloger Z.* Encyklopedia Staropolska. T. I–IV. Warszawa, 1900–1903. T. IV. Warszawa, 1903.

Gloger 1903c – Tatarski taniec // *Gloger Z.* Encyklopedia Staropolska. T. I–IV. Warszawa, 1900–1903. T. IV. Warszawa, 1903.

Kitowicz 1985 – *Kitowicz J.* Opis obyczajów za panowania Augusta III. Warszawa, 1985. Режим доступа: http://literat.ug.edu.pl/kitowic/ (29.09.2013).

Legenda – Legenda o Stefanie Czarnieckim. Режим доступа: http://www.powiat-wloszczowa.pl/index.php?akcja=ciekawostki_legendy#7 (1.10.2013).

Pasek 2009 – *Pasek J.Ch.* Pamiętniki. Warszawa, 2009.

Plewczyński 1985 – *Plewczyński M.* Żołnierz jazdy obrony potocznej za panowania Zygmunta Augusta. Warszawa, 1985.

Sikora – *Sikora R.* Zapomniana armia. Режим доступа: http://www.kresy.pl/kresopedia,historia,rzeczpospolita?zobacz/zapomniana-armia (1.10.2013).

Talko-Hryncewicz 1924 – *Talko-Hryncewicz J.* Muślimowie czyli tak zwani tatarzy litewscy. Kraków, 1924. Режим доступа: http://www.piotrowscy-ze-strachociny.pl/varia/talko-hryncewicz-07.html (30.09.2013).

Глава 3

НА ГОСУДАРСТВЕННОМ ПОПРИЩЕ

Сарматские рыцари служили королю и отчизне, не только сражаясь, но и занимаясь делами государственными. О таком «раздвоении» Пасек пишет: «Я двоякий гражданин: я и шляхтич, я и солдат, и от слов своих никогда не отпираюсь» (Pasek 2009: 274). Король, называя его человеком заслуженным, говорит: «Пан воевода, перед нами человек несправедливо обвиненный, шляхтич и солдат, которого мы давно знаем» (Pasek 2009: 602). Королю вторит воевода: «Милостивый король, я этого человека хорошо знаю, мы в войске и на сеймиках много лет были вместе» (Pasek 2009: 602). Пасек участвовал в сеймиках[22], а знатные персоны – в сеймах, на которых он бывал в качестве арбитра (т.е. не-депутата), как вольнослушатель. Но он не раз участвовал в элекционных сеймах и рыцарских кругах (koło rycerskie)[23]. Сделаем небольшое отступление.

СЕЙМ. На первых порах сеймы проходили в Петркове, затем с 1569 г. в Варшаве, с 1575 г. – в ее окрестностях; каждый третий сейм назначался в Гродно, на чем настояли представители Литвы. Собирались сеймы раз в два года и длились шесть недель. Если были особые причины для внеочередного созыва, заседали в течение двух недель. Заседания шли по

[22] Периодические собрания местной шляхты, на которых решались вопросы обороны королевства, податного обложения для этой цели, сбора ополчения, а также общегосударственные проблемы, в частности, – выбора короля. Процедура выбора короля начиналась именно с сеймика, который должен был апробировать предложенную кандидатуру и представить в генеральное коло свое решение (Dzięgielewski 2003: 53).

Воеводство Рава, где Ян Хризостом Пасек родился и провел большую часть жизни, входило в состав Мазовии, лишь в конце XV столетия вошедшей в состав Короны Польской. Представители Мазовии на элекционных сеймах XVII в. составляли больше четверти общего числа привилегированных выборщиков. Особенно много мазуров принимало участие в выборах Михаила Корыбута Вишневецкого в 1669 г. Элекции предшествовали равский, гостыньский, черский, варшавский, вышогродский и рожаньский сеймики, которые потребовали от местной шляхты обязательного присутствия на этом действе и выполнения своих «гражданских» обязанностей. Даже самая маленькая земля – Рожаньская – отправила на сейм, несмотря на расходы, сопровождавшие пребывание на сейме, 613 человек; всего же мазуров или подписавшихся в этом качестве было без малого 3000 человек (Dzięgielewski 2003: 16, 17, 74–75). – *Прим. ред.*

[23] Собрание представителей шляхетского (рыцарского) сословия происходило под открытым небом. Кавалеристы не спешивались с коней, но выстраивались в форме круга (по-польски «коло»), от чего и произошло наименование процедуры.

установленным правилам. Начинались они богослужением; затем депутаты приветствовали короля, сенаторы произносили речи, некоторые из них приводит Пасек. На сеймах принимались государственные документы, которые потом печатались (konstytucje sejmowe), а также слушались судебные дела. Иногда они переносились на специальные советы короля с сенаторами. На таком совете слушалось дело автора «Записок»[24]. Обсуждались и экономические вопросы. Король Ян Казимир пишет Стефану Чарнецкому, что на ближайшем сейме следует рассмотреть вопрос о «нерве войны» (nervus belli). Наименование – nervus belli, nervus rerum[25] – тогда имели деньги.

Пасек не часто описывает, как проходили сеймы. Иногда он лишь называет некоторые из них, как бы отмечая отдельные отрезки исторического времени. Коротко останавливается на вопросах, которые решали депутаты. Например, в 1662 г. оглашались имена тех, кто покрыл себя позором во время гражданской войны (wojna domowa). В этом же году русские послы спешили на сейм, чтобы начать переговоры inter gentes (между народами). В 1664 г. на сейме разбиралось дело Ежи Любомирского[26]. Довольно подробно рассказывается о сейме 1668 г., на котором произошло отречение короля Яна Казимира. В 1673 г. в Варшаве состоялся сейм, на котором был ратифицирован документ о мире (sejm pacyfikacyjny). Тогда умер примас Пражмовский, возглавлявший французскую партию. Упоминается сейм 1677 г., на котором был назначен посол к туркам, а депутаты обсуждали содержание войска. На варшавском сейме 1683 г. решался вопрос о союзничестве и выступлении против турок. Сейм в Гродно начался 26 января 1688 г. На нем автор «Записок» собирался побывать.

Как театр военных действий, так и «государственное поприще», т. е. сейм, – это место, где Пасек не столько дейст-

[24] Dzięgielewski 2003: 39. – *Прим. ред.*

[25] Букв. «нерв войны, нерв вещей» (лат.) – «суть войны, суть вещей». – *Прим. ред.*

[26] Сейм 1664 г. осудил великого маршалка коронного Ежи Себастьяна Любомирского, предъявившего претензии на трон после будущей смерти короля Яна II Казимира (1648–1668). Сторонники претендента начали гражданскую войну, по мнению Пасека, разорившую Речь Посполитую больше, чем все войны с внешними врагами (Pasek 2009: 385).

вует, сколько рассматривает и все замечает. В «Записках» он выражает отношение к тому, что услышал и увидел. Ему представляется важным рассказать, как он не только устраивал свои личные дела, но и как ему удавалось оставаться на всех заседаниях, например, на сейме в 1666 г. Приехал он за свой счет, так как очень хотел «послушать, о чем говорят, и увидеть, что там творится» (Pasek 2009: 414). Под конец сейма, когда сенаторы (Izba Senatorska) и депутаты (Izba Poselska) собирались вместе, всех арбитров просили выйти вон. Они толкались у выхода и даже получали по шее. Наш автор не желал прерывать своих наблюдений и упрашивал кого-нибудь из маршалков разрешить ему остаться – ведь в эту школу (palaestra) он приехал за свой счет, чтобы припасть к источнику знаний, а любые сведения он сохранит в тайне. Те сдавались, восхваляя его рвение и шляхетские добродетели. Поэтому ему было достаточно лишь вежливо поклониться. Другие же прятались за печкой, откуда их выволакивали, а он днями сидел в зале заседаний и самым внимательным образом (diligentissime) выслушивал все речи и прения. Если депутаты собирались по ночам, он также оставался с ними. Он так увлекался происходящим, что даже забывал о еде.

Пасек живописует «картинки нравов», царящих на государственных заседаниях. В основном его внимание привлекало то, как они срывались. В инструкции равским депутатам в 1667 г. он пишет, что сорвано уже три сейма и что Ян Казимир взялся довести до счастливого конца четвертый, что ему так и не удалось. Собирает король и пятый сейм, надеясь на благоразумие депутатов. Их призывают собраться с силами и завершить заседания. Срывы сеймов происходили не только по политическим причинам, но и по личным, связанным с имущественными спорами. По словам короля, некто Токажевский сорвал сейм 1689 г. Правда, уже с самого начала было понятно, что он не будет доведен до конца. В другой раз сейм затянулся из-за споров гетмана литовского коронного Ю.Б. Слушки с К. Домбровским, подкоморием виленским. Слушка подал на Домбровского в суд, так как тот вторгся на его земли. Поэтому, с его точки зрения, такого человека не следовало допускать

на сейм. Но и сам король был заинтересован в том, чтобы этот депутат не принимал участия в заседаниях.

Хотя Пасек объявляет сеймы политической школой для юношества, советуя обязательно бывать на них, чтобы слушать речи умудренных опытом политиков, он их критикует. Видел он, как разные дела там «выкручивались», их было столь много, что целой книги не хватило бы, чтобы все описать. На сеймы тратятся огромные деньги, депутаты получают крупные взятки. Например, на сейме 1661 г. судили черниговского чашника за то, что он взял четыре тысячи злотых. Позднее не обращали внимания и на гораздо более крупные суммы. Во время заседаний затевались кровавые стычки, на сеймы тогда приходили с обухами[27]. В лучшем случае все только говорили и шумели. Пасек ожидал, что в палате депутатов (Izba Poselska) начнется страшный крик (fremitus), как только начнут разбирать его дело. Так и случилось. Атмосфера на сеймах была просто угрожающей, как в 1662 г., когда депутаты и сенаторы никак не могли прийти к согласию. Чтобы покончить с этим, вызвали войска; они тесным кольцом, которое все сужалось, окружили Варшаву; участников сейма обещали выпустить только по его окончании. Так Речь Посполитую силой призывали к порядку, но право liberum veto, этот основной механизм срыва сеймов, который называли зеницей свободы (pupilla libertatis), никто не отменял.

Принято считать, что первым в 1652 г., используя это право, остановил сейм депутат Владислав Сициньский. Позже оно стало основным инструментом в политической борьбе. Послы (депутаты) иногда справлялись со своей задачей настолько быстро, что сеймы заканчивались, как только выбирали маршалка. Их не только подкупали, чтобы они своим голосом остановили сейм. Их можно было и припугнуть. Так, присутствие на сеймах офицеров и солдат гетмана (Я. Собеского. – *Л.С.*) приводило к тому, что решения прини-

[27] Обух был страшным орудием в руках поляка, «им часто наносили смертельные раны, а, не видя крови, продолжали молотить, разбивая кости. Шляхта, не расстававшаяся с обухами, отбирала у своей челяди не только здоровье, но зачастую и жизнь. Поэтому на великих съездах, сеймах и сеймиках, где зачастую буйствовали забияки, было запрещено появляться с обухами». «В кафедральном гнезненском соборе при входе висела таблица, предупреждающая, что заслужит проклятья каждый, кто в дом Божий осмелится войти с таким инструментом» (Kitowicz 1985).

мались под сильным нажимом. Во время дебатов толпа военных вырастала на глазах, а их реакция на аргументы партии двора приводила к столкновениям[28]. Отнюдь не все видели в liberum veto верное средство спасения отечества. В. Потоцкий писал, обращаясь к депутатам и ко всему сарматскому роду: «Ты во зло употребляешь вольности залог, /Но твое “не разрешаю” сгубит нас, дай срок»; «Изнеженность, бесчинство, своеволье – /Вот корень бед твоих, сарматский род!» (Польская поэзия 1977: 102, 113). Но еще и в XVIII в. Б. Хмелевский считал liberum veto третьим фундаментом Короны польской. Это право, по его словам, разрешает свободно выступать на сеймах и сеймиках, а ведь в слове проявляется дух вольности (Chmielowski 1753–1756).

Не только заседания, но и городской быт во время сеймов запечатлел Пасек в «Записках». Он мимоходом сообщал, что на улицах стало невозможно не то что проехать, но и пройти; что никак нельзя найти квартиру, так как все заняли депутаты. Многим из них хороших квартир не доставалось, и они селились где попало, в том числе и на крестьянских дворах[29]. В королевском дворце толкалось множество народу – вход в него был свободный. Все ожидали сенаторов, которые запаздывали иногда часа на два: «Пока меня не вызвали; видел я разных и всяких господ, всех слуг королевских, много шляхты, каждый мог войти, никому не запрещалось» (Pasek 2009: 297). Так выглядел дворец перед началом заседаний. В этой сутолоке Пасек обменивался любезностями со своими знакомыми, ожидая аудиенцию у короля или решения сенаторов.

Перед сеймами на местах собирались сеймики, именовавшиеся «przedsejmowymi». Под 1671 г. сказано, что «сеймики предсеймовые были в ноябре (in Novembre), а сам сейм

[28] Существовали и другие способы затянуть или сорвать сейм. Один из них, более поздний, описывает Е. Китович. На этом сейме говорили речи, пока не стемнело. Когда маршалек приказал принести свечи, то депутаты стали кричать, что при свечах на сеймах не заседают, и принялись шапками, руками и платками их тушить. Когда маршалек понял, в чем заключалась их хитрость, то попрощался со всеми и закрыл заседание. Со временем появились и другие способы прерывать сеймы или речи отдельных ораторов. Арбитры бросали в них зеленые яблоки и груши, стараясь попасть прямо в лоб. Мешали говорить, под общий хохот сталкивая друг с друга с лавок и т.п. (Kitowicz 1985).

[29] Dzięgielewski 2003: 85. – *Прим. ред.*

варшавский в январе (in Januario)» (Pasek 2009: 481). Значимость их была столь велика, что король считал необходимым помянуть их в «Декларации милости Его Королевского Величества». На этих сеймиках выбирались послы – депутаты на сейм, представлявшие отдельные воеводства и, конечно, всю Речь Посполитую. По словам Пасека, он не раз «маршалковал» на них. Даже когда служил в войске и приезжал к отцу в отпуск, в сеймиках он обязательно принимал участие и видел в этом большую пользу для себя. Так он налаживал нужные контакты, что могло помочь ему в будущем. На сеймиках заявляли о делах, требующих рассмотрения на сейме, составлялись инструкции для депутатов. Одну из них, от Равы, написал сам Пасек. Эти инструкции ограничивали депутатов и одновременно организовывали их. Обычно содержание их было довольно общим. Сеймики, которые проходили после сеймов, назывались «relacyjnymi», на них сообщалось о том, как прошли сеймы, и распространялись печатные материалы. И тут все расходились во мнениях: одни, например, хвалили декрет, выданный в отношении Любомирского, другие – осуждали. Так на сеймиках формировалось общественное мнение. Существовали и так называемые «генералы», т.е. генеральные сеймики (generał-sejmiki), на которых собирались представители отдельных провинций. Они проходили накануне общих сеймов.

Нравы, царившие на сеймиках, были не лучше, чем на сеймах. В сатирическом ключе их так описывал Д. Братковский: «Эх, подевались те люди куда, /Спать завалились ли те господа, /Что до отвалу, бывало, кормили,/Бедную шляхту винишком поили. <...> Если откушаешь почек с шафраном, / Если напьешься у пана вина – /Честью воздать ему надо сполна, /Стало быть, выбрать на сейм в депутаты ,/А коль не выберешь – жди-ка расплаты» (Польская поэзия 1977: 124–125). На сеймиках, по словам Е. Китовича, как и на сеймах, будущих депутатов спаивали, чуть что хватались они за сабли и начинали настоящие сражения.

Среди сеймов выделялись такие, которые можно назвать собраниями «особого назначения»; это сеймы элекционные (выборные) и коронационные. Обычно они проводились

в открытом пространстве, как и генеральный или рыцарский круг (koło generalne, koło rycerskie), которые собирали гетманы во время войны. На них рассматривались планы дальнейших военных действий, решались административные вопросы, устраивались суды над провинившимися товарищами. Все эти собрания, и элекционные, и генеральные, проходили на открытом поле, где в палатках и «шалашах» могли разместиться от трех до десяти тысяч шляхты с конями и многочисленными слугами. В центре поля рвом и валом огораживалось место для королевского шатра (szopa[30]) и шатра для сенаторов, где проходили заседания сената (Izba Senatorska). Все рыцарство вставало в круг на поле. Обычно с коней не сходили, поэтому круг мог называться конным сеймом (Pasek 2009: прим. 89, 492). В строго указанных местах за пределами круга могли ставить шатры представители разных воеводств, не принимавшие участие в собрании.

Пасек не раз присутствовал на таких государственных мероприятиях. Даже король Ян Казимир в своих сопроводительных письмах пишет, что на всех «генеральных кругах» тот стоял за справедливость, о чем ему, королю, известно. Вот как наш автор описывает элекционный сейм после отречения этого короля от трона. Профранцузская партия давно пыталась провести своего кандидата, соря деньгами. Тогда шляхта отказалась выбирать депутатов, что было возможно. На конвокационном сейме в конце 1668 г. краковский кастелян Варшицкий, которого затем выбрали «директором» собрания, заявил, что вся шляхта, а не отдельные депутаты, должна выбирать короля, поэтому и нужен «конный» элекционный сейм. Иначе права шляхты будут нарушены. В ответ на это ее представители приняли постановление об обязательной присяге будущих избирателей и отказались выбирать депутатов. Ради обеспечения свободы выбора многие

[30] «На элекционном сейме местом, где заседали сенаторы, было деревянное здание, наскоро и специально для этого построенное, которое называлось шатром (szopa). Его ставили посредине окопанного места на элекционном поле, крыли дранкой, стены были полотняные. Первый такой шатер был поставлен на выборах Сигизмунда III Вазы. Когда выбирали Генрика (Генриха Валуа. – *Прим. ред.*), шатер сделали из дорогих тканей, оставшихся после Сигизмунда II Августа. Шатер ставил маршалек за счет общественной казны. Для выборов Станислава Августа (Понятовского. – *Прим. ред.*) построили шатер, весь сделанный из дранки. После выборов шатры обычно сжигали» (Gloger 1903).

предвыборные сеймики объявили «посполитое рушение» – всеобщее ополчение. Все сели на коней и отправились на круг между Великой Волей и Варшавой, как на войну[31]. Собрались со всех воеводств, приехали со свитами, с челядью, с пехотой. Богуслава Радзивилла, например, сопровождало тысяч восемь человек. Ехали долго, останавливались на отдых на целые недели. Все вырядились как можно лучше. Играла музыка, которой раньше в Польше и не слышали. Называлась она тогда прусской[32].

В этой напряженной ситуации для решения даже такого вопроса, как избрание маршалка сейма, понадобилось 8 дней. Ситуация усложнилась, когда дело дошло до присяги, установленной в ноябре-декабре 1668 г. Как только начались переговоры, все старались перекричать друг друга, забыв о возможном польском кандидате на трон, Михале Корыбуте Вишневецком. Наперебой предлагали то немцев, то французов. Работа шла активная: «Здесь дают, там одаривают, сыплют, льют, угощают, обещают» (Pasek 2009: 469–470). Только Вишневецкий никому ничего не дает и не обещает. Примас[33] потребовал устроить перерыв в переговорах, длившихся уже больше месяца; часть депутатов соглашается с этим, часть выступает против. Переговоры перерастают в угрозы: «Изменники, заколем вас всех, не выпустим отсюда, <...> других сенаторов выберем, из своих выберем короля, которого Господь Бог нам на сердце положит» (Pasek 2009: 470)[34]. И вот уже началась стрельба. Одни сенаторы в своем шатре спрятались под креслами, другие на поле – под каретами. Двинулись отряды, пехота пошла врассыпную. Наконец, солдат отвели с поля, и господа сенаторы вылезли из своих укрытий и едва живые отправились кто на квартиры, а кто в шатры. Назавтра заседание не состоялось. Интеррекс – примас Миколай Пражмовский и сенаторы отказались продолжать сейм. Но к полю уже

[31] «Сермяжную» мелкую шляхту, в особенности из Рожаньского сеймика, отправили на элекционный сейм мазурские великие паны за свой счет (Dzięgielewski 2003: 75). – *Прим. ред.*

[32] Это была духовая музыка, из инструментов Пасек называет только фагот (pomort).

[33] На него с конца XVI столетия в периоды бескоролевья возлагались обязанности интеррекса – временного главы государства (Dzięgielewski 2003: 88). – *Прим. ред.*

[34] Лишь через шесть недель после выстрелов ополченцев сейм принимает постановление о лишении принца Конде права занять польский трон. – *Прим. ред.*

вновь двигались войска, и когда они подошли к его середине, все подтянулись поближе. Собрались, но молчали и даже не смотрели друг на друга. Все боялись повторения вчерашнего. Некоторые поэтому и не появились, сказавшись больными[35].

Пасек пишет о себе как активном участнике этого сейма. Он направляется то к одной группе шляхты, то к другой, прислушивается к тому, что говорят, возвращается к своим и сообщает, что все хотят Пяста. Начинается путаница: одни думают, что имеется в виду Поляновский, другие – что Вишневецкий. Сначала, взяв под руки, повели в центр круга Поляновского, несмотря на противостояние собрания. Пасек не растерялся: «Сразу я вышел из ряда, подскочил к сандомирцам; и все за мной ринулись; пришлось двинуться и хорунжим со знаменами. Тут и ввели мы его (Михала Корыбута Вишневецкого. – *Л.С.*) счастливо в круг» (Pasek 2009: 477) и, наконец, зазвучал благодарственный гимн[36]. Пасек не случайно так подробно рассказывает о своей роли в выборах Михала Корыбута Вишневецкого.

Они продемонстрировали сознательность и организованность мелкой и средней шляхты в отстаивании интересов родины, патриотом которой был Ян Хризостом Пасек, всегда руководствовавшийся принципом: salus rei publici – suprema lex[37].

Кратко говорится об элекционном сейме, на котором выбирали Яна Собеского (1674)[38]. Элекционный сейм состоял-

[35] М. Пражмовский, великий коронный маршалек и маршалек рыцарского кола покинули окоп, надеясь сорвать тем самым продолжение сейма. Однако его депутаты упросили куявского епископа Казимира Флориана Чарторыйского огласить список предложенных на трон претендентов. Высказали свое мнение сенаторы и рыцарские кола. Лишь 19 июня 1669 г. началась нормальная работа сейма. Выяснилось, что ни одна делегация не поддерживает кандидатуры иностранцев. Коронные воеводства поддержали Михала Корыбута Вишневецкого (Dzięgielewski 2003: 111). – *Прим. ред.*

[36] Dzięgielewski 2003: 83, 109. – *Прим. ред.*

[37] «Благо республики есть наивысший закон» (лат.). – *Прим. ред.*

[38] Бескоролевье наступило во время войны с Турцией, что обострило внутренние противоречия в стране. Шляхта, участвовавшая в посполитом рушении, выступила против примаса-интеррекса, великого коронного гетмана и их союзников. После заключения Бучачского мира была оформлена конфедерация коронного войска для защиты гетмана. Внутренние распри привели к разорению польских земель, на территориях которых не побывал внешний враг, в то время как татары захватили земли Подолии и Волыни, а турки взяли, казалось бы, неприступную крепость Каменец на Волыни. Это несколько отрезвило воюющие стороны, примирившиеся на сейме 1673 г., принявшем дополнительные расходы на войско. Все это позволило гетману Яну Собескому 11 ноября того же года одержать блистательную победу под Хотимом, накануне которой скончался Михал Корыбут Вишневецкий (Dzięgielewski 2003: 112–113). – *Прим. ред.*

ся под Варшавой и не был таким многочисленным, как предыдущий. «И здесь было много конкуренции, а ведь Господь Бог дал нам Пяста, os de ossibus nostris» (Pasek 2009: 503).

Король
Михал Корыбут Вишневецкий
(пр. 1669–1673)

В «Записках» упоминаются коронационные сеймы. В отличие от прочих, такие сеймы обычно не срывались. М.К. Вишневецкого короновали в Кракове при большом стечении народа в 1669 г. Коронацию Яна III Собеского отложили в связи с наступлением турок на Вену. Его короновали только 4 февраля 1676 г. на третий день после похорон Яна Казимира и Михала Корыбута.

В 1672 г. никак не могли решить, каким будет сбор шляхты. Это мог быть конный сейм; созыв (konwokacja) или генеральный круг (koło generalne). Созыв потребовал бы определенного числа участников: для проведения сейма было необходимо учитывать территориальный принцип, т. е. следовало собрать депутатов от разных земель. И то, и другое не получилось бы, а тут вся Речь Посполитая (tota Respublica), и «каждый сам себе депутат» (Pasek 2009: 492). Значит, нужен генеральный круг, так как «Речь Посполитая in armis existit»[39] (Pasek 2009: 492). Решено было избирать депутатов от отдельных земель, по два человека. Выбрали и Пасека. Решили, что в заседаниях будут участвовать только депутаты, хотя каждый сможет взять слово, предварительно сообщив, о какой «материи» он собирается говорить.

[39] «Находится под защитой» (лат.). – *Прим ред.*

Как и описанный выше элекционный сейм, круг, естественно, проходил в поле, в его центре по обычаю на коне восседал гетман[40]. В ожидании гетмана – неделю, другую – солдаты занимались строевой подготовкой. Так проходил смотр войск, которые будто на войну собирались. По его окончании офицеры пировали и играли в карты. Когда открылся круг, все шло, как на обычных сеймах – сначала выступил с речью маршалек, затем были поздравления от короля и сенаторов, на которые маршалек отвечал с большим изяществом. На этом круге ставились задачи защиты родины и борьбы с турками. С ними справились быстро, но другие, более частные, долго обсуждались на «партикулярных» кругах, представлявших отдельные земли.

Не очень мирно вела себя шляхта на этих «партикулярных» кругах, «которые проходили по отрядам перед заседаниями и где не обходились без большого шума; достаточно того, что нельзя было не то что сказать что-нибудь против короля, а проворчать себе под нос, чтобы люди не были задеты за живое и не сказали бы, что "это наш король, кровь наша, кость от кости (os de ossibus)"» (Pasek 2009: 496). По словам Пасека, эти «холерики» тут же хватались за меч и жаждали крови, боясь, что потеряют свои свободы. Другие даже не могли слышать имен известных магнатов и сразу принимались кричать: «Судить! <...> Изменник, ты заслуживаешь меча палача <...>. Долго ли изменники будут нам доставлять беспокойство своими кознями?» (Pasek 2009: 496).

Отнюдь не в дружелюбной обстановке проходил и сам круг. Вот началось: шум пошел, «на каждое слово саблями звенят, обухами размахивают, за пистолеты хватаются» (Pasek 2009: 496). Маршалек зовет на помощь пехоту, бегут сенаторы, бегут епископы, едва всех уняли. Всадники жестко держат круг, стоят близко друг к другу, так как всегда найдется тот, кто захочет его разорвать. Другие бегут прятаться по шала-

[40] Н.В. Гоголь в «Страшной мести» так описывает казачий круг: «Ох, помню, помню я годы; им, верно, не воротиться! Он был еще жив, честь и слава нашего войска, старый Конашевич! как будто перед очами моими проходят теперь козацкие полки! — Это было золотое время, Катерина! — Старый гетман сидел на вороном коне. Блестела в руке булава; вокруг сердюки; по сторонам шевелилось красное море запорожцев. Стал говорить гетман — и всё стало, как вкопанное» (Гоголь 1984: 83).

шам. После убийства одного депутата, Броневского, все испугались, а маршалек за полчаса свернул заседание. Мертвого приволокли за ноги (а башмак уже на нем один остался) и бросили со словами: «Вот вам первый недовольный, так и с другими будет» (Pasek 2009: 498). Перед окончанием круга чуть не убили еще одного товарища, М. Замойского. Его обвинили в том, что он оскорбил короля словом: будто бы сказал, что лучше бы такому королю мылом торговать, чем на троне сидеть. Бедняга клялся, что не говорил ничего подобного, стоял на коленях, сложив руки на груди, пока маршалек не воскликнул: «Хватит, братья, крови!», а король не уведомил всех о своей милости: «Даже если бы и хуже что говорил, все равно прощаю и прошу за него» (Pasek 2009: 499). Подобного рода события случались не раз. Так, на одном рыцарском круге (1662 г.) «доносителя» так ударили обухом по шее, а потом принялись молотить уже упавшего, что отняли его от мучителей едва живого. С той поры все чаще на рыцарских кругах случалось подобное: «каждая сессия, каждый круг не обходились без ссор, шума и сабель» (Pasek 2009: 366). В такой обстановке решались вопросы государственной важности.

В 1666 г. на поле в лагерь, где стояло королевское войско, приехал Ежи Любомирский, чтобы принести извинения и со смирением принять решение короля о своем изгнании. Королевский шатер охраняли только два отряда, все войско разбрелось по своим шалашам, но все больше народу собиралось вокруг шатра Яна Казимира, чтобы увидеть столь редкую церемонию; для этого опустили полотняные стены шатра. Несколькими годами раньше войско собралось на круг, чтобы выяснить, кто с кем останется – королевские войска тогда противостояли войску Любомирского[41]. Круг разделился на тех, кто за и кто против. Некоторые жалели, что приехали сюда, другие считали, что одна голова хорошо, а две лучше. Наконец, после долгих препирательств были приняты какие-то решения, но они тут же были оспорены. Принятие окон-

[41] Уже в 1660 г. под влиянием обещаний Е. Любомирского ротмистр Адам Джалыньский, староста братианский, приказал своей панцерной хоругви выйти из дивизии Чарнецкого, находившейся под Борисовым под предлогом того, что хочет заменить ее на гусарскую (Pasek 2009: 219).

чательных вердиктов отложили до утра. Назавтра Пасек произнес речь за слабого оратора, Кшивецкого, который всем приказал быть на генеральном круге. Каждый отряд здесь должен был произнести свою «декларацию», после чего заседания круга прервали с надеждой на помощь Божию. Круг этот проходил шумно. Все переговаривались и даже кричали, как несколько удалых пьяниц со стороны Любомирского: «Не будем обращать внимание на "чарнечиков"[42], на их тонкости, в их дивизии все капелланы – одни иезуиты» (Pasek 2009: 253). Прикрикнули на них воины Чарнецкого, и они замолчали.

Итак, Пасек был слушателем и наблюдателем государственных дел и их участником: «... я с каждым могу по рождению сравняться. За мной сеймики, за мной трибуналы, за мной круг генеральный...» (Pasek 2009: 274). Он не страшился выступать перед сенаторами и мог говорить им в лицо: «Справедливы и истинны, могу сказать, великого сенатора доводы, я и сам, если бы на этом месте сидел, Вашу Милость, в подобных обстоятельствах, не судил иначе» (Pasek 2009: 272). Он так отвечал на обвинения сенаторов: «Хоть я и не конфедерат, равный им солдат по заслугам; хоть я и не депутат, но опозорили меня, как депутата, выдав намерение за действие (intentio pro facto)» (Pasek 2009: 271). Резко осуждал Пасек пассивность и бездействие тех, кто стоял у кормила власти, и их приспешников: «Многих таких вижу, которые, французским ланцетом жилы отворив, кровь проливали, или их цирюльник неосторожно брил», но и они тянутся к хлебу, ими не заработанному, угнетают бедных и заслуженных. «На сеймах и сеймиках скандалы устраивают и презирают тех, кто лучше их. Какая от них польза (emolument) Речи Посполитой и королю? А вот какая: занимают они сеймы и сеймики своими приватными интересами и проталкивают их» (Pasek 2009: 268).

КОРОЛЬ. Не только на сеймах и рыцарских кругах бывал Пасек, был он вхож и во дворец. Беседовал с королями, которые, как он пишет, были к нему благосклонны. Ян II Казимир, Михал Корыбут Вишневецкий, Ян III Собеский заступались за него в случае необходимости и всегда хорошо о

[42] Т. е. сторонников гетмана Чарнецкого. – *Прим. ред.*

нем отзывались. Свои отзывы о них оставил и Пасек, представив выборы королей, их участие в сеймах, кое-что сообщил об их частной жизни и, конечно, о своих отношениях с ними. Не забыл упомянуть основные королевские добродетели: властитель должен быть милосердным, ибо его доброта скорее склонит к нему сердца подданных, чем суровость. В ту эпоху развивалась тема взаимной любви между королем и его народом, она даже входила в официальные документы. Ян Казимир, объявляя о своем решении дать всем участвовавшим в гражданской войне (wojna domowa) генеральную амнистию, пишет, что только узы любви, связывающие короля и все сословия, помогут укрепить положение в стране. Пасек был уверен в том, что правила и законы существуют не только для народа, но и для королей.

Ян Казимир Ваза, не жалея своих сил и здоровья, старался быть полезным своей отчизне, но мешали ему ужасные перемены фортуны.

Как писал Пасек, был он справедливым, но не желал прощать тех, кто совершал убийства и насилия. Надеялся, что вернутся в страну всеобщая любовь и единение. Ради этого он и отрекся от престола. Все депутаты возражали – ведь еще ни один король не поступал так со страной; поляки терпели всяких властителей и ни одного не убили и не выгнали из своего государства, хотя не всеми довольны были; какого Бог дал, того он сам и возьмет. Но никакие слова не действовали на Яна Казимира, даже речь седовласого старца Ожги. Многие плакали, когда его слушали, а вместе с ними и сам король. После церемонии отречения все шутили и смеялись, предлагая Яну Казимиру называться Снопковским, так как в его гербе красовался сноп. Пасек твердо знал, что не сам король решился на такой поступок – все произошло из-за интриг слепого на один глаз примаса, который так и не добился своего. «Король, как человек слабый, делал то, что ему советовали, особенно верил он словам слепого советника» (Pasek 2009: 390). Шляхта, посчитав отречение Яна Казимира огромной бедой для страны, на сейме 1669 г. постановила, что с этого времени ни один король не имеет права на отречение, что, правда, не помогло.

Король
Ян Казимир Ваза
в польском костюме
(пр. 1648–1668)

Как бы наследуя традиционным поучениям монарха, Пасек пишет так и не произнесенную речь в связи со смертью Яна Казимира. Начинается речь трогательным обращением: «Милый король!» Затем следуют объяснения, что это злые советники заставили короля сойти с престола: «Ну, вот тебе, милостивый король, и результат (усилий. – *Л.С.*) нечестивых советников, которые добились своего, соблюдая не твои, а собственные приватные интересы» (Pasek 2009: 463). После отречения король не пожелал остаться на родной земле, но именно здесь его воспитали в истинной вере и любви к родине. Он добровольно ее покинул, а кости его вернулись, пожелав тлеть в родной земле («a kości twoje pragnęły, żeby się do niej powróciły i w niej spróchniały!» (Pasek 2009: 508). Такова посмертная судьба короля, который волей Божией взошел на польский трон. Ян Казимир не оставил наследника, о чем часто говорили его противники, правда, это никак не могло повлиять на выборы нового короля. Они добивались выборов нового короля при жизни Яна Казимира, чего раньше не бывало. Даже разослали универсалы на сеймики перед сеймом с этим предложением.

Этот король ездил на войну со своей королевой, со всем двором и фрейлинами. Любил веселиться и танцевать. Держал себя просто, конечно, часто беседовал с Пасеком и упрекал его за то, что тот долго не приходит во дворец. При-

глашал бывать у него каждый день для бесед. Он и заходил в королевские покои, даже в спальню, чтобы рассказать о своих делах и попросить защиты. Ему завидовали другие шляхтичи и спрашивали, откуда взялась такая «конфиденция», с которой и поздравляли. Поручая Пасеку сопровождать русских послов, Ян Казимир в письмах дает ему лестную характеристику: это человек опытный в рыцарских делах и преданный королю, мужество его и отвага хорошо известны. От других людей король слышал о его деяниях и сам знает, как он ревностно служил отчизне в годину испытаний. Называя себя его должником, обещал щедро заплатить за труды. Но в казне не было денег, «не держались» они у короля: «Был он добрым паном, но не имел счастья к деньгам, просто они не хотели у него держаться» (Pasek 2009: 365).

О Михале Корыбуте Вишневецком Пасек пишет скупо, зато подробно представляет элекционный сейм, на котором состоялись его выборы (см. выше). Упоминает о его женитьбе на сестре императора. Свадьба состоялась в 1670 г. в Ченстохове в присутствии многих польских шляхтичей, немцы же повели себя невежливо (видимо, их было довольно мало). Приходилось Пасеку встречаться и с этим королем. В его шатре в военном лагере он докладывал о результатах разведки. Судя по всему, популярность Вишневецкого Пасек явно преувеличил, но он пишет и о недовольстве в войске, начавшемся после того, как турки взяли Каменец. Некоторые даже были готовы бросить короля на штыки врага. Его осуждали так же, как Яна Казимира, но ведь «дал нам Бог теперь отца, а не господина, но им уже и этот не хорош» (Pasek 2009: 496). Его Пасек не раз именует милостивым властителем. О неожиданной смерти Вишневецкого в 1673 г. автор говорит, упоминая слухи о том, что его отравили.

Довольно подробно представил он похороны обоих королей, Яна Казимира и Михала Корыбута. Их хоронили одновременно (1676 г.), тело Яна Казимира привезли из Франции. Тела обоих королей, предшественников Яна III, внесли в склеп Вавеля в роскошных гробах через день после въезда в Краков Яна Собеского. Везли их по городу на одном катафал-

ке и совершили над ними общую церемонию. Хоронили их в разных гробах и разных местах костела: Яна Казимира положили в часовне его отца, Сигизмунда; Михала – «в том углу, как войдешь в церковь, справа, в часовне, не знаю, какого короля» (Pasek 2009: 508–509). Присутствуя при этом знаменательном событии, Пасек, по его словам, испытывал великое христианское смирение. Во время церемонии скипетр, печать и ключ от казны переломили над их саркофагами. Кроме этого символического жеста расставания покойных с их земной славой и властью, никакие другие ритуалы сарматских похорон не упомянуты. Но на похоронах короля Яна III, по свидетельству одного современника, появился один из самых значимых элементов похоронного обряда эпохи барокко – нагробный портрет. Лицо короля в гробу так изменилось, что «его пришлось прикрыть другим, написанным» (Тананаева 2008: 76). Присутствовал Пасек и на похоронах королевы Людвики, супруги Яна Казимира, но никак не отозвался об этой печальной церемонии, так как был занят своими делами.

Как уже было сказано, три польских короля оказались одновременно в стенах древнего Кракова. За день до похорон Яна Казимира и Михала Вишневецкого торжественно въехал в город следующий король, Ян Собеский: все радовались и рукоплескали ему. Даже у тех, кто не хотел видеть в нем короля, произошла в сердцах «трансфигурация». В течение семи часов шли отряды, двигался нескончаемый ряд роскошных карет. Заключали шествие сенаторы и маршалки Польши и Литвы с булавами из черного дерева, украшенными драгоценными камнями.

Если Яну Казимиру адресована речь, которую пристало бы произнести на погребении, то Яну Собескому, этому великому воину, Пасек составляет речь похвальную. Отчизна должна быть ему благодарна за то, что он своей собственной персоной явился на войну с турками, и все за ним потянулись, никто не хотел сидеть дома. Так Польша спасла все христианство. Поэтому с такой радостью встречают Яна Собеского жители Вены: «Когда поехал король осматривать Вену, собралась огромная толпа народу посмотреть на него,

видно, не было такой толпы и при обороне города» (Pasek 2009: 544).

Автор не терпит оскорблений, которые наносят его королю. Как только немцы назвали его откормленной свиньей, он тут же схватился за саблю. Пишет он не только о победах Собеского, но и о поражениях. Разбили турки его на Дунае. Напали на поляков, обратили в бегство: «все войско побежало и сам король, и гетманы, все были покрыты позором и стали посмешищем для немцев» (Pasek 2009: 545).

Король
Ян III Собеский
(пр. 1679–1696)

С этим королем у Пасека сложились неплохие отношения. Омрачены они были одной королевской прихотью – Ян Собеский пожелал иметь у себя его любимую выдру. В остальном он был к нему милостив. Когда Пасек просил у него аудиенции, тот его принимал, а ведь иногда и сенаторов к себе не допускал. Если король был занят, Пасек старался попасть ему на глаза, тот кивал в знак того, что понимает его намерения. Узнав, что в передней его дожидается племянник Пасека, недавно вернувшийся из татарского плена, король приказал его привести и обошелся с ним ласково («przyjął go król milusieńko» – Pasek 2009: 599).

Судя по «Запискам», с Яном Казимиром автор встречался гораздо чаще, чем с его преемниками, он сочувствовал ему и даже симпатизировал. Ян Собеский был для него образцом короля-воина, Михал Корыбут Вишневецкий сидел на троне лишь четыре года, с ним Пасек не успел познакомиться поб-

лиже. Зато он имел свое мнение о том, какой должна быть королевская власть, пусть даже оно совпадало с распространенными в то время суждениями. Наш автор не только оставил зарисовки дворцового быта, описал королевские привычки, он размышлял об отношениях короля с подданными. Нельзя сказать, что сеймы представлялись ему эффективным средством управления государством. Неслучайно он описывал простодушное или агрессивное поведение избранников Речи Посполитой и реже останавливался на вопросах политики или управления государством. Наиболее подробно он описал сеймы элекционные, не забыв рассказать о своей важной роли в выборах королей. Видимо, королевские аудиенции лучше запечатлелись в его памяти, чем принятие на сеймах решений государственной важности.

ЛИТЕРАТУРА

Гоголь 1984 – *Гоголь Н.В.* Повести. Драматические произведения. М., 1984.

Польская поэзия 1977 – Польская поэзия XVII века. Л., 1977.

Тананаева 2008 – *Тананаева Л.И.* Нагробный портрет в Речи Посполитой (XVI–XVII века) // Категории жизни и смерти в славянской культуре. М., 2008.

Dzięgielewski 2003 – *Dzięgielewski J.* Sejmy elekcyjne, elektorzy, elekcje 1573–1674. Pułtusk, 2003.

Gloger 1903 – *Gloger Z.* Szopa // *Gloger Z.* Encyklopedia Staropolska. T. I–IV. Warszawa, 1900–1903. T. IV. Warszawa, 1903.

Kitowicz 1985 – *Kitowicz J.* Opis obyczajów za panowania Augusta III. Warszawa, 1985. Режим доступа: http://literat.ug.edu.pl/kitowic/ (29.09.2013).

Pasek 2009 – *Pasek J.Ch.* Pamiętniki. Warszawa, 2009.

Глава 4

НА ХОЗЯЙСТВЕ

Не только на поле боя, на рыцарском круге или сейме, но и на хозяйстве проявлял себя польский шляхтич XVII в. Хозяин и воин – это два образа жизни, которые он попеременно примерял на себя. Выполняя роли защитника отечества и рачительного хозяина, он осознавал их взаимозаменяемость. Не для всех чередование ролей было добровольным. Не все хотели воевать, так как не отличались храбростью и не могли совладать со своей натурой и «боязливым» сердцем. Это автор «Записок» служил постоянно (continue) и без перерыва (non per intervalla) (Pasek 2009: 595). Не все были склонны и к занятиям домашним хозяйством, но перемены жизни заставляли солдат оседать на земле, иногда на время. В 1677 г. они хозяйничали в лагере под Трембовлей: сеяли, пахали, косили луга. Варили мед и пиво, и полные возы из лагеря шли прямо на майдан. С завершением военных действий солдатам пришлось испытать перемены фортуны. После смерти гетмана Чарнецкого, многие, по словам Пасека, лишившись такого военачальника, расстались с Беллоной и обратились к Церере. Он сам поступил также.

Но не все сумели правильно поменять меч на орало: «Некоторые засели дома, женились, испытывая пренебрежение со стороны властей; многие добрые солдаты обабились, спились так, что просто страшно» (Pasek 2009: 382). Порой осевших на земле помещиков призывали хотя бы на время (pro tempore) забыть о домашних делах и вспомнить о насущных проблемах отечества, т. е. принять участие в сейме. Пасек всегда был готов и к этой перемене. Другие все же оставались дома, потому что тяготились и воинской службой, и общественными обязанностями. Они вообще не хотели служить: «А на сеймах и сеймиках я не бываю, предпочитаю дома хозяйство вести <...>. Лучше я буду своими делами зани-

маться, чем, погибая, смотреть на очевидные преступления и называть их добродетелями» (Pasek 2009: 400).

Нельзя сказать, что образ доброго помещика-хозяина казался Пасеку таким же привлекательным, как образ воина-рыцаря. Он не восхвалял его за умение вести домашние дела или за естественную связь с природой. Про шляхтича, «сидящего на земле», и Б. Хмелевский писал неодобрительно: не знает он никакой экономики, в хозяйстве у него повсюду грязь и порядка нет; не в своей усадьбе, а в мешке с деньгами он его наводит (Chmielowski 1753–1756). Такой хозяин оторван от жизни, равнодушен ко всему, что творится на свете и что в обществе случается. Ведь сидит он, как старый гриб, один в своем дому и не хочет прославить свое имя. Предается праздности и лени, ни на что не годится и никому не нужен. Про такого можно сказать, что он и не живет вовсе, так как не соблюдает правила жизни. Но все же ведение хозяйства считалось делом важным и необходимым: «Проводя время в занятиях хозяйством, когда каждый добросовестно управляет своей вотчиной, не стыдимся никаких занятий сельских», – утверждал Л. Опалиньский (цит. по: Лескинен 2002:115).

Сам автор «Записок» явно был хорошим хозяином. В основном он писал о собственном опыте и не особенно интересовался делами других, не обобщал увиденное и рассказывал о себе. Пасек брал в аренду деревни, подписывал контракты на определенное количество лет, после чего недвижимость становилась его собственностью, что не всегда проходило легко: «Приказывает он, отъезжая, чтобы, как время придет, его жена приехала и все добро отдала» (Pasek 2009: 510). На самом деле все произошло совершенно по-другому, что автора не смутило. Он вышел из положения. Вот как он привел в порядок усадьбу, которую потом передал во владение пасынку: значительно улучшил почву, привил одичавшие фруктовые деревья, сберег лес, отремонтировал строения, выплатил все долги. Случались в его хозяйстве неприятности. Однажды загорелось гумно, и убытку оказалось на двадцать тысяч злотых. Пасек обвинил в пожаре одного

из крестьян, которого жестоко наказал. Но тогда был очень сильный ветер, загорелись многие постройки и в других хозяйствах. Так что в пожаре никто не был виноват. Устраивали ему неприятности и соседи. Автору приходилось участвовать в затяжных земельных спорах, которые переходили в ссоры, драки и даже настоящие сражения. Кроме того, он вел с ними тонкую игру; так, в 1688 г. оставил свою жену в Ольшовке, хотя сам перебрался в Мадзяров. Сделал вид, что ее не выпускают оттуда «враги», что не соответствовало действительности. Они уже и забор разобрали, лишь бы она уехала. Соседи (или родственники) не раз захватывали имущество друг друга, сгоняли с земли, потом по суду им приходилось платить возмещение (basarunek). Все судились беспрестанно, у Пасека, например, в 1684 г. было восемь судебных дел.

Шляхта занималась торговлей, нарушая правила, которые в идеале считались для сармата непреложными – он не должен был строить, продавать и покупать, как писали поэты, создававшие идиллические картины жизни шляхтича-воина и землевладельца. Но Западная Европа нуждалась в зерне, и поляки, невзирая на свой социальный статус, поставляли его в Голландию, Англию, Францию, Швецию, что помогло восстановлению разрушенной войнами Речи Посполитой. По мнению З. Глогера, шляхтич не ронял свою рыцарскую честь, занимаясь торговлей – он продавал плоды своих трудов на земле. И позже даже знатные господа ходили в Гданьск продавать зерно и имели свои собственные флотилии на Висле, Нареве и Буге (Gloger 1903a; Gloger 1903b).

Пасек начал торговать в 1670 г., когда в первый раз сплавил зерно по Висле в Гданьск. Над новичком (на языке сплавщиков – fryc), как это полагалось во всех цеховых братствах и профессиональных сообществах, подшучивали опытные сплавщики и запугивали его. Они надеялись обмануть его в расчетах, но Пасек и товар хорошо пристроил, и деньги заработал. Обман этот, судя по всему, входил в традиционный обряд посвящения новичка в ремесло. Пасек явно не гнушался своим новым занятием и с уважением относился к своим но-

вым компаньонам. Называл купцов по имени и давал им лестные характеристики, ср. «продал пану Вандерну, купцу очень достойному» (Pasek 2009: 480). Значит, они не представлялись автору людьми, стоящими гораздо ниже него. Важность этих поездок для него несомненна, сообщения о них стоят рядом с рассказами о выступлениях польского войска. Строятся они все примерно одинаково. Вот одно из них, довольно распространенное: «В Гданьск ходил двумя судами; пришли на девятый день, вода была большая и тихо было; продал я пану Тынфу пшеницу по 160 злотых. Вернулся сушей, а суда еще стояли на приколе недель шесть» (Pasek 2009: 525). Шел он сушей потому, что дубасы (от рус. дуб), команда на которых составляла от восьми до четырнадцати человек, и плоты можно было разобрать и пустить на продажу: из них строили дома и заборы. Иногда сообщения в «Записках» сжимаются до указаний дат отправления и прибытия в Гданьск.

Очевидно, что не только выгода влекла нашего автора, хотя и об этом не стоит забывать. Торговые поездки принесли ему новый жизненный опыт. Водное путешествие давало возможность повидать мир и быстро разбогатеть в случае удачи. Иногда оно становилось событием столь важным, что о нем вспоминали всю оставшуюся жизнь, впоследствии о нем рассказывали из поколения в поколение. Пасек не был особенно многословен в своем сочинении, повествуя о поездках. Он лишь кратко отметил их, следовательно, они не стали для него особо важными событиями.

Пасек не первым в польской литературе обратился к теме речного судоходства и торговли. В 1595 г. вышла поэма С.Ф. Кленовица под названием «Flis, to jest spuszczanie statków Wisłą i inszemi rzekami do niej przypadającemi» (обычно слово «flis» оставляют без перевода, хотя значение его известно – это сплав). Во второй части поэмы идет речь о подготовке судов к плаванию, торговле и тяжком труде сплавщиков. Им занималась беднота, бродяги, которым поэт нашел аналогии в «Одиссее» и «Энеиде», а также в других классических произведениях. С.Ф. Кленовиц не только создал произведе-

ние, где картины географического пространства соседствуют с устойчивым образом морской стихии. Он еще составил словарь профессиональной лексики сплавщиков (flisaków). Его путешествие, но теперь с поэмой о судоходстве в руках, много лет спустя повторил историк, археолог, этнограф Зыгмунт Глогер. Не раз он сравнивал пейзажи, которые когда-то видел Кленовиц, с теми, что увидел сам, и обязательно обращался к его поэме: «“Флис” у меня был в кармане, как же мне в него не заглянуть <...>. И снова нас колышат воды Вислы, а добытый из дорожной сумки Кленовиц повествует об этой реке между Вышегродом и Плоцком» (Gloger 1903a). Об этом же труде Пасека вспоминает ученый и перечисляет его поездки в Гданьск.

Автор «Записок» обращал внимание на монетарную политику в стране и резко критиковал ее еще до того, как начал торговать. Его возмущало, что на польском рынке появились деньги «волоские» (т. е. итальянские. – *Прим. ред.*). Их введение в оборот стоило так дорого, что «инвенторов» этой операции нельзя назвать сынами польского народа. Провинились они перед Господом, потому что повсюду началось страшное обнищание и смертоубийства из-за этих денег. Разбираясь в тонкостях нового для него дела, Пасек следил за изменением цен на зерно. В 1685 г. оно стоило дорого, потому что был неурожай. Значит, можно было продать и горох, и ячмень, что он и сделал. Правда, сожалел, что немного опоздал – начал бы раньше, можно было бы выручить вдвое больше. Бывало, что зерно падало в цене, и тогда торговля не состоялась: «Этот год (1679. – *Л.С.*) милостью Божией спокойный был, но неурожайный, всюду дешевизна, что арендатором невыгодно» (Pasek 2009: 515). Необходимо было следить за тем, как прибывает вода в реке. После жаркого лета Висла долго оставалась мелководной, и пшеница тогда перегорала в амбарах. Дождавшись большой воды, наш автор отправлялся с плотами, нагруженными зерном. Однажды он, сразу после тяжелой болезни, начал свое путешествие позже других, и ветер сначала был сильный, но ему все удалось как нельзя

лучше. На следующий год он снова снарядил суда с зерном, продал его с выгодой и вернулся сушей. Не забыл написать, что год этот был урожайным.

Изменения цен зависели от погодных условий, которые Пасек, занявшись хозяйством, обязательно фиксировал. Это не были идиллические описания картин природы. Прежде всего он писал о резких климатических изменениях. Например, в 1680 г. зима только встала и вдруг исчезла. Стало так тепло, что скотину отправили пастись в поле, ведь всюду трава была. Все стали пахать и сеять. Пасек долго сомневался: начать ему сев или нет, и, наконец, решился. В 1682 г. стояла «итальянская» зима, бесснежная и теплая; на санях не ездили, реки не встали, травы зеленели. Люди пахали и сеяли в марте, который выдался на редкость теплым, что «было противно его натуре» (Pasek 2009: 529). Морозить начало в апреле, снег выпал на Пасху – пропал почти весь горох, который уже взошел. Теперь можно было и сани запрячь. Вот еще одна картинка: В 1686 г. зимы просто не было, ни снега, ни морозов, и реки не вставали; землю пахали под яровые в феврале, скотина кормилась свежей травой, а не сеном; в пост отсеялись, к Пасхе все предвещало хороший урожай. За время, который наш автор провел вместе с матерью в Ченстохове, жара сменилась холодом и даже снег выпал, в чем Пасек усмотрел кару за грехи – в этот год люди останутся без хлеба. Такие записи мог оставить настоящий хозяин, а не любитель природы, не имеющий никаких практических интересов.

Пасек проявлял свой практицизм и при выборе невесты. Размышляя о приданом, на которое сильно надеялся, он считал, что лучше бы его дали не деньгами, а землей, конечно, плодородной. У одной невесты есть деревенька и никаких долгов. За эту деревню ее отец дал бы 70000 злотых. У другой – такая земля, что не только пшеницу родит, но и лук. Где его посеешь, там он и вырастет, да всегда чистый, сухой, крупный. Эта невеста пришлась автору по сердцу, т. е. он склонился в пользу «жирной почвы», а не денежного достатка. Выбрал он себе в жены совсем другую невесту, вдову

с пятью детьми, которая не только была хороша собой. Дядя Пасека расхваливал ее как добрую хозяйку: у нее и дом в достатке, и порядок всюду наведен; конечно, деревеньки она арендует, но деньги у нее водятся.

Занимаясь сельским хозяйством и торговлей, автор «Записок» много времени уделял делам своей семьи. Запись под 1675 г. начинается рассказом о том, как он осел в Скшипеве и ничем не занимался, а только отдавал в монастырь, женил и выдавал замуж детей своей жены – одну падчерицу выдал за своего племянника. Отец Пасека отдал этим молодым деревню Камень, а сам вместе с матерью переехал к нему. Улаживал автор наследные дела большой семьи, и все это требовало немалых денег, «...а что касается неприятностей, поездок, ссор, драк и поединков, я их даже не считаю» (Pasek 2009: 482).

Друзья и соседи также просили его о помощи. Как писал от имени шляхты, сидящей на земле, Л. Опалиньский, мы «... некоторое время посвящаем обязанностям дружеским и взаимному общению» (цит. по: Лескинен 2002: 115). Весь 1678 год Пасек выезжал на мировые суды (kondescencyje). Проходили они на месте споров между соседями. Судьи в основном решали вопросы о материальном возмещении за ущерб, нанесенный чужому имуществу. Также не раз ему приходилось участвовать в «компромиссах» (kompromisy), т. е. замирениях. Он помирил своего брата с неким Келчовским, которые поссорились из-за какой-то деревеньки. На подобную акцию его приглашал и кастелян Я.А. Мышковский. От него Пасек как-то отправился сопровождать своего друга, решившего посвататься к одной панне. Участвовал он в банкетах, которые полагалось устраивать в доме молодого мужа через неделю после свадьбы, где обязательно были танцы и маскарад (przenosiny). Не последнюю роль играл наш автор в похоронных и свадебных церемониях. Пришлось ему побывать на свадьбе своего родственника, который попросил его стать дружкой. В 1681 г. он хоронил своего бывшего соперника, Александра Коморницкого, с ним он потом подружился. Он и умер на его руках. Пасек всех приглашал на поминки и про-

изнес приличествующую печальному событию речь, которая всем понравилась. Женил в Кракове другого своего друга, Александра Томицкого. Потом выдал замуж панну Томицкую в Пиньчове – свадьба удалась, и гостей было множество. Когда его друзья отдавали своих дочерей в монастырь (lokacyje), они просили его сказать соответствующие речи, что Пасек и делал. Очевидно, все это чужие семейные дела, которым автор «Записок» как человек общественный уделял много времени, но иногда все-таки расстраивался по этому поводу: «Чего мне только стоят все эти дружеские услуги, только один Бог знает» (Pasek 2009: 512).

Успевал Пасек побывать и на торжественных церемониях: в Кракове на въезде (ingres) Яна Малаховского, который получил краковский епископат; на посвящении (konsekracyja) епископа львовского: обставлено оно было куда лучше и банкет был роскошный. Присутствовал автор и на въезде Станислава Мышковского, получившего титул маркграфа из рук самого Папы. Тогда вновь назначенные епископы, воеводы и другие важные персоны торжественно обставляли свое прибытие в город, устраивали празднества в связи с получением новых титулов, которые непременно заканчивались банкетом. С русскими послами ездил Пасек с визитом к гетману Чарнецкому, особенно удивили его сани: «... ехали они на санях лежа, как на постели. У них обычай такой, не постилают себе, чтобы сидеть, как у нас, и не сидят, а лежат, накрывшись, во весь рост, только одну бороду и видно; также и бедняки делают, постеливши себе какую-нибудь гуньку, лежит себе и едет, только чтобы моду свою соблюсти» (Pasek 2009: 339).

Обязательно ездил Пасек в гости к соседям. Как полагалось, он проявлял учтивость к хозяевам и вел изящные беседы с другими гостями. Тогда можно было появиться и в незнакомом доме, дожидаться приглашения было не обязательно. Можно было заехать к любому шляхтичу, который принимал его и оставлял в доме надолго, оказывая всевозможные знаки внимания. Например, хозяин вручал ему ключ от погреба, где

Гетман
Ян Павел Сапега

хранились напитки, хозяйка – от кладовой, где он мог выбирать себе любые яства. В то время существовал обычай оставлять свободные места за обеденным столом для гостей, которые могли появиться совершенно неожиданно и огромной компанией.

Пан Ожаровский, например, просто заехал к Пасеку, потому что они куда-то вместе направлялись. В гости тогда ездили с детьми, со слугами и с собаками. Знаменитая выдра автора ненавидела собак и решила прогнать гончую гостя. Та со страху хотела сначала выпрыгнуть в окно, но потом вскочила на стол и разбила два граненых бокала с вином. По-другому принимали его самого, также с собакой. Некто Станиславский (Станцлевский), приметив его в церкви, пригласил к себе погостить, отдохнуть или хотя бы отобедать. Пасек чувствовал себя у него в доме просто замечательно: «... и я, и челядники мои, и кони, как в раю побывали» (Pasek 2009: 267). Собаку его кормили со стола, еду подавали на серебряном блюде, сидела она на шелковой подушке. У виленского воеводы Яна Павла Сапеги наш автор также побывал на обеде. Подолгу он гостил у пана Тышкевича, которому как-то обещал заехать, но остался надолго. Они пили, пировали, охотились. После того, как прошло неделя, Пасек собрался уезжать, но его не отпускали. Еще одна неделя прошла в приятных беседах, хозяин даже решил сосватать гостю

свою племянницу, но она была еще слишком мала. Приданого же у нее было тысяч на сто. Гость то уезжал, то возвращался, «как это обычно бывает у добрых друзей» (Pasek 2009: 315). Особенно подолгу гостили в домах, где были девицы на выданье. По две-три, а то и по четыре недели жил Пасек то у одного друга, то у другого, которые хотели ему сосватать своих дочерей или племянниц. Как только он отправлялся домой, за ним тут же присылали вновь. Солдаты и офицеры на постоях иногда превращались в настоящих гостей, по крайней мере, такую роль им отводили хозяева. Пасек хорошо запомнил череду банкетов в Стшале, танцы и карты, и все «архишумные» забавы. Время пролетело, как один чудесный день. Хозяйка дома не только старалась ему угодить, но велела содержать достойно и обозных его, и лошадей.

Не всегда шляхтичи так спокойно и размеренно проводили время в гостях. В своем собственном доме Пасек, не стерпев насмешек гостей-родственников со стороны жены, взял одного из них на руки (все подумали, что это шутка, что он нянчится с ним, как с малым ребенком – этот гость был маленького роста) и стукнул им другого, который тут же упал навзничь, ударился головой об лавку и потерял сознание. Все схватились за сабли, но женщины разняли драчунов. Вслед за хозяевами дрались слуги, над которыми Пасек поиздевался вдоволь. Ш. Старовольский полагал, «что старинный польский обычай гостеприимства сменился грабежами, разбойными нападениями на путников, дружеские застолья стали разгульными пирушками, а оружие, прежде служившее благородной защите слабых и беззащитных, используется теперь против хлебосольных хозяев: “И мы с оружием за стол садимся, а потом, упившись, без разбора виноватых и невиновных бьем, стреляем, убиваем”» (цит. по: Лескинен 2011: 181). Так автор XVII в. идеализировал старину и сокрушался по поводу «повреждения нравов».

Не так много места в «Записках» занимает описание жизни «помещика», в основном Пасек пишет о земельных тяжбах и разделе наследства, а также о торговле зерном. Но все

же он оставил краткие живописные рассказы о многодневных визитах к соседям, значительно расширив тему повседневности в мирное время.

Итак, польский шляхтич существовал в двух ипостасях – воина и земледельца. Они дополнялись еще одной, нарушавшей издавна существовавшую антитезу, построенную на принципе дополнительности. Попеременно выступая то воином, то землевладельцем, шляхтич мог заниматься и торговым делом, как Ян Хризостом Пасек, изучивший его до тонкостей и не стыдившийся этого, ранее позорного для сармата занятия. Он довольно сжато описал стиль жизни шляхтича-помещика, тем не менее в «Записках» сложилась картина его взаимоотношений с семьей и с друзьями. Без семейных и дружеских связей немыслим портрет и идеального рыцаря-сармата.

ЛИТЕРАТУРА

Лескинен 2002 – *Лескинен М.В.* Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. М., 2002.

Лескинен 2011 – *Лескинен М.В.* Изобилие и обжорство в национальной культуре: об интерпретации сарматских пиров // Коды повседневности в славянской культуре: еда и одежда. СПб., 2011.

Chmielowski 1753–1756 – *Chmielowski B.* Nowe Ateny albo Akademiia wszelkiej sciencyj pełna… Lwów, 1753–1756. Режим доступа: http://literat.ug.edu.pl/ateny/index.htm (30.09.2013).

Gloger 1903a – *Gloger Z.* Dolinami rzek. Opisy podróży wzdłuż Niemna, Wisły, Bugu i Biebrzy. Warszawa, 1903. Режим доступа: http://literat.ug.edu.pl/gloger/ (1.10.2013).

Gloger 1903b – *Gloger Z.* Szlachta // *Gloger Z.* Encyklopedia Staropolska. T. I–IV. Warszawa, 1900–1903. T. IV. Warszawa, 1903.

Pasek 2009 – *Pasek J.Ch.* Pamiętniki. Warszawa, 2009.

ЧАСТЬ V

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ ПАСЕКА

Глава 1

ПРИРОДА

Тема природы в «Записках» тесно связана не только с разобранной темой хозяйства. Каждая годовая запись у Пасека обязательно содержит указания на смену времен года, например: «... морозы встали на св. Мартина». Годовое время делится на месяцы: военные действия не начинались в течение двух месяцев, в Драхиме (теперь Дравско) стояли месяца три. Годовая запись заканчивается словами о завершении года. Стремится Пасек к точности и в повествовании о частностях: на четвертый день отпустили Вольского, на четвертый день выступили в поход и т.д., т.е. он высчитывает отрезок времени, за который произошло какое-то событие (плен Вольского), а также время ожидания. Измеряется время и минутами, что не предполагает точности, не раз говорится о четверти часа, о часах – поляки и с русскими не начинают сражение и стоят друг напротив друга два часа (Pasek 2009: 225).

ПОГОДА. На войне солдат внимательно присматривается и к переменам погоды, которая многое решает в военном деле. Так, во время переправы на остров Альс погода была теплая, было очень тихо, мороза не было, началась оттепель (rezolucyja), но потом снова подморозило. За переменами погоды следили и противники – как только потеплело, шведы ринулись на Фионию. Море, кое-где покрытое льдом, не пускает войско, солдатам приходится рубить прибрежный лед (Pasek 2009: 126). Всюду была великая грязь и слякоть, и снег пошел. Были уже настоящие холода, когда польское войско переправлялось через Днепр, что усложнило общую ситуацию (Pasek 2009: 239). Всюду была великая грязь и слякоть, и снег пошел. Русские разбили лагерь и окопались так, будто собирались в поле зимовать (Pasek 2009: 239). Исключением не была и юго-восточная сфера приложения польских военных талантов. Осязаемые материальные результаты битвы под Веной – ткани, деньги, драгоценности в очень неболь-

шой степени достигли Речи Посполитой: продолжительные обильные дожди заставили победителей расстаться с большей частью добычи, чтобы с ее помощью сделать размокшие дороги удобопроходимыми.

Пасек укоряет метеорологов-наблюдателей за переменами погоды, которые не могли предсказать резкое похолодание на Пасху: «Наши господа метеорологи (minucjarze) ничего об этом не писали. Верю я в то, что знают они, что на небесах происходит или, точнее, что там написано. Лучше бы он знал, когда и кому жена записочки пишет, а ведь не знает, а узнал бы, если бы его предупредили; поймал бы тогда негодницу, отнял у нее записочку и прочитал» (Pasek 2009: 529). Так обвинения метеорологов перерастают в маленький рассказ о неверной жене и доверчивом муже. Они всегда становились объектами насмешек. З. Глогер упоминает такого «предсказателя» погоды, чье имя вошло в пословицу: «Nie zgadnie pan Niewieski, co zrobi Pan Niebieski»[1] (Gloger 1901). В XVII в. люди следили за погодой по календарям.

ПЕЙЗАЖ. Ландшафт описывается довольно редко, но все же есть описание рощи, куда поляки загнали русских, пруда, в котором тонули бедные литвины, а по Дунаю плавали чалмы да трупы турок. Не всегда ландшафт соотносится с человеком, иногда автор его просто созерцает. Но это должен быть пейзаж необыкновенный. Не лес и не речка, не холмы и долины вызывали в нем эстетическое чувство, а море. «Нет здесь ничего от солдатской практичности, описание, создано рукой поэта, который тонкой линией отделил голубой цвет от темно-синего, увидел, как разнятся цвета воды морей. Безбрежность моря передается означенной перспективой» (Chemperek 2001), – пишет польский исследователь.

Пасек создал настоящий морской пейзаж. Он даже заметил границу между двумя морями, на берегу которых находился. Когда оба моря спокойны, особенно вечером, можно увидеть границу между ними. Граница эта, с его точки зре-

[1] Пословица «Не угадать Господину (Пану) Невескому, что сделает Господь Небесный» (пол.). Профессор и декан философского факультета Замойской Академии Станислав Невский – математик и астроном. Известность получил благодаря своим так наз. «замойским календарям», в которых содержались афоризмы, фрашки, стихи, а также астрономические и погодные прогнозы. – *Прим. ред.*

ния, явственно проступала ближе к закату (Pasek 2009: 130). Хемингуэй также, живя на Кубе, вглядывался в воды Карибского моря, смыкающиеся с волнами Тихого океана.

Пасек присматривался к воде, и ему виделись в ней облака – это «гребни волн достигают неба» (Chemperek 2001), а каждое море, как оказалось, имеет разную натуру. Одно кажется голубым, а другое – черным, одно, как небо, а другое отличается от него. Одно море волнуется, и волны скачут, а другое «стоит спокойно». Пасек представляет морской пейзаж в движении, главенствует у него цветовой код. «Оттенки цветов зависят от времени дня, места и погоды. Визуальное, живописное описание близко импрессионистской технике» (Chemperek 2001). Как считает Д. Хемперек, Пасек, даже когда видит море с точки зрения путешественника и этнолога, использует поэтический язык (Chemperek 2001).

Пасек стал он очевидцем морской бури: корабль, на котором он находился, чуть не потерпел крушение. Автор развернуто сравнивает бурю с военным сражением. Мы движемся, и море тоже движется. Слава Богу, что буря надвигается медленно. Как к городу приблизились, вода так и начала скакать. Только ее вычерпают кто чем: кто шапками немецкими, кто

тем, что под руку попалось; вот уже следующий враг близко, опять волна поднялась, накрывая морских путешественников и вместе с ними лодку. Один враг минует, другой настигает. Лодка уже трещит. Когда море играет, такой шум стоит, что ничего не слышно – ни криков о помощи, ни голосов с берега. Море то бросает их на берег, то снова уносит.

На войне нельзя бояться, но море страшно и опасно, в чем Пасек легко признается, описывая одну из морских прогулок. Желая дать отдых коням, он собрался ехать на пасхальную службу в Аархузен морем. Но моряки не сумели найти верного пути, была ночь и очень темно. Видно было только небо и воду. Пасек первым заметил какие-то строения. Но моряки ему не поверили и оказались вблизи шведских кораблей на волосок от гибели. Шведы пустились за ними в погоню, но все обошлось.

ПОДВОДНЫЕ ПЕЙЗАЖИ. Пасек разглядывает спокойное море, видя под водой самые разные чудеса. Там всякие гады и звери морские, чудесные рыбы. Море так чисто, что можно увидеть самых маленьких рыбок, кружащихся возле водорослей, белеющих в воде, как снег (Pasek 2009: 136). Пасек создает подводный пейзаж, населенный чудесными рыбами, видит чистый песок, траву (водоросли) и будто бы деревца.

ЖИВОТНЫЕ. Пасек не мог не знать язык зоологионов, но когда он в первый раз увидел разных зверей морских, то сразу его забыл. Язык этот жил долго, ср. описание тюленя в «Энциклопедии» Б. Хмелевского: «Phoca <...> – тюлень морской или морская собака, величиной с теленка рыба размером с собаку; кожа у нее твердая, поросшая шерстью, зубы огромные как пилы железные, <...> ног четыре как у гуся, голова маленькая, короткая. Выбрасывается на морской берег и там крепким сном засыпает и храпит» (Chmielowski 1753–1756). Этот зверь от природы привязан к человеку. Рассказывает Хмелевский и о дрессированном тюлене («ученом»), которого везде возил с собой один плут или шарлатан. Этот тюлень при произнесении христианских имен с веселой миной производил некие знаки и издавал звуки, а при упоминании турка и еретика хранил молчание (Chmielowski 1753–1756). Так представлял себе

тюленя Б. Хмелевский, следуя за описаниями, почерпнутыми из зоологионов. По-другому описывал этого морского зверя Пасек. Только последнее высказывание польского энциклопедиста соотносимо с наблюдениями Пасека.

Пасек видит, как на скалах, похожих на домики, сидят какие-то странные зверьки. Чтобы хорошенько их разглядеть, нужно подобраться к ним поближе. Поэтому он с друзьями отправляется в замок, стоящий на скале прямо в море. Спрятавшись там, можно было наблюдать, как вылезают на скалы «жестокие дельфины», огромные собаки морские и греются в лучах солнца, развалившись, подставляя ему толстое брюхо. Насмотревшись досыта на этих невиданных зверей, можно кинуть в них камушек, и тогда в одно мгновение они скрываются в воде. Как рассказывают местные жители, в них даже стрелять бесполезно, они все равно уйдут под воду, только порох зря потратишь. Потом Пасек перестает удивляться чуду природы, нарисовав чудесную «картинку», построенную то на движении, то на покое диковинных морских зверей, повадки которых он также попытался описать, приблизив к читателю невиданные им моря, где якобы одновременно проживают дельфины и тюлени.

Не только кони, но и другие домашние животные входят в круг наблюдений Пасека. За отрядами всегда шел скот, каждый отряд имел свое стадо. Весь скот собирали перед очередным выступлением. Те, кто еще остался, грустят и высматривают своих, – замечает Пасек, всегда внимательно присматривавшийся и диким, и к домашним животным (Pasek 2009: 199). Ян Собеский пишет в письме к жене, что войска осталось меньше пяти тысяч, одних убили, другие сами умерли, третьи больны, а большая часть в лагере при волах, коровах, овцах и добыче. В сражениях с турками поляки добывали великое множество верблюдов. Они привлекли внимание самого короля Яна Собеского, он упоминал о них в письмах и обещал Марысеньке привезти их в дар (Sobieski 1973).

В хозяйстве у Пасека, вероятно, был разный скот, но он о нем не пишет. Увлекавшийся, как и каждый шляхтич того времени, охотой, он с радостью описывает своих собак. «Если

говорить об охоте с борзыми, то я завел себе свору борзых от двоюродного брата Станислава Пасека из Сохачевской земли: эти борзые были и красивыми, и рослыми и при том такими прыткими, что не нужно было спускать за зайцем и лисой целую свору, достаточно было на каждого зайца одной собаки, чтобы заяц не ушел. На волка же (ходили. – *Л.С.*) посполитым рушением. Мои соседи охотники говаривали: не повезет тому зверю, который встретится с паном Паском, ему уйти уже не удастся» (Pasek 2009: 524).

Рассказы о гончих собаках и ловчих птицах российскому читателю невольно напомнят повествования С.Т. Аксакова, Л.Н. Толстого и других русских писателей. Но Ян Хризостом в «Записках» не только говорит о себе как о страстном охотнике, но и рассказывает о своей любви к диким животным. У него был дар приручать их. «У меня было особое пристрастие содержать («ćwiczicz») диких животных в ласке, так что псы переставали гнать своих диких собратьев. Вот приезжает кто-нибудь ко мне, а тут во дворе лисичка с собаками играет, войдет в дом, а тут под столом шпиц («szyc») лежит, а заяц на нем сидит».

В Дании Пасек интересовался волками, сернами, оленями и зайцами. Замечал, что не всем можно травить серн, удивлялся, что здесь всех волков повывели[2]. Не могут они теперь нападать на города и деревни. Куропатки в Дании глупые. Испугавшись, сразу падают в море и тонут.

В сферу внимания Пасека попали и верблюды, множество которых досталось польскому воинству в 1673 г. в результате победы под Хотимом, откуда турки в панике бежали за Днестр к Каменцу Подольскому. Они бросили огромное число верблюдов, и даже автору записок достался один из них, которого он использовал в качестве «подъездка», т. е. вспомогательной лошади его пахолка.

О привязанности Пасека к своей замечательной прирученной выдре мы уже писали. Ей и ее необыкновенным до-

[2] Он подробно рассказывает о причинах этого. При появлении волка все мужчины выходили на охоту за ним, чтобы утопить в море или уморить длительной погоней. В последнем случае волка вешали на виселицу или сук дерева – для устрашения его сородичей. Отсутствие этих хищников делало и других зверей менее защищенными. Олени не боялись подходить к людям, а те обходным маневром загоняли их в овраги, образованные в результате добычи торфа (Pasek 2009: 108).

стоинствам автор посвящает несколько страниц (почти всю запись за 1680 год). С.И. Николаев рассмотрел эпизод с «черненькой курочкой» из «Жития» протопопа Аввакума на фоне «Записок» польского шляхтича – современника Аввакума (Николаев 2003). Несмотря на все громадные отличия, культурные и бытовые, конфессиональные и интеллектуальные, художественное сознание обоих авторов роднит одна черта: Аввакум и Пасек не выискивают экзотическое, а превращают бытовое и повседневное в чудесное и удивительное, уже поэтому они отошли от средневекового мировоззрения, которое при изображении животных обычно преследовало цели аллегорической интерпретации их нравов и свойств в духе христианской экзегезы (ср. «Вертоград многоцветный» Симеона Полоцкого). Но то, что Аввакум и Пасек отошли от средневекового мировоззрения, по словам С.И. Николаева, не значит, что они отошли от литературной традиции вообще. Оба описывают реальных животных, но описывают в классическом жанре «похвалы животным», известном европейской литературной теории и практике с античности. И описывают по правилам: откуда взялись, как питаются, какая от них польза, какими удивительными достоинствами они обладают и т. д. У обоих авторов риторическая схема наполнена живым содержанием. Описывая и оплакивая своих любимцев, нелепо и нечаянно погибших при трагических обстоятельствах, Аввакум и Пасек вспоминают много времени спустя о давешнем и минувшем, о том чудесном или удивительном, что когда-то было у них (Николаев 2003).

РЫБЫ. Присматривается Пасек к рыбам и удивляется их разным видам и формам. Оказывается, что самых красивых из них есть нельзя. Датчане бросают их собакам и птицам, а безобразных едят. Смотреть на них страшно, но они вкусные.

Пасек описывает диковинную рыбу, которой его угощали в Дании: «названия ее не помню, но оно чудное какое-то, как и сама рыба: морда и глаза у нее страшные, как у дракона, пасть широкая и плоская, как у обезьяны; на лбу два кривых рога, как у дикой козы, острые, как игла; на загривке крючок, не меньший, чем рога, закрученные к голове. Такие крючки,

постепенно уменьшающиеся в размерах, идут по всему хребту, аж до хвоста. Вся рыба круглая, как колода, а кожа ее как шагрень, и на ней колючки, ровно когти у ястреба и страшно острые – если уколешься, сразу кровь пойдет. У других рыб есть крылья, как у птиц, такие носы и головы, как у аистов. Если ее несут в мешке, и она высунется в дырку, подумаешь, что аиста несут» (Pasek 2009: 135).

Другая рыба еще страшнее, похожа она на того, кого изображают на стенах церковных, «а изо рта у него огонь пышет» (Pasek 2009: 134). Эти условные описания через сравнения и отсылки к нижнему миру, не проясняют, что это за рыбы. Зато их вид должен поразить читателя.

Пасеку не достичь вершин, на которых утвердился Бенедикт Хмелевский, сообщая читателю о том, что наплавался он с самыми разными авторами по многим морям и немало поймал рыб морских и речных, их он не ел вместе с выдрой или щукой, а поведал о них читателю, желая удивить его, но не насытить.

В описании животных Пасек оставался верен себе, обращая внимание на отсутствовавших в Польше редкостных зверей. В этом он не был одинок. Как отмечали современники, уже император Рудольф имел манеру выбирать только редкостное и удивительное (Тананаева 2013: гл. 1). Домашний приют Пасека для прирученных зверей и птиц, конечно, соответствовал духу времени, однако не шел ни в какое сравнение в вошедшими в XVI в. в моду зверинцами. Вскоре после того, как короли и князья начали устраивать зверинцы, их примеру последовали магнаты и богатейшая шляхта[3]. Славился радзивилловский зверинец под Бялой, где содержалось больше 600 ланей и были также отделения для медведей, волков, кабанов и зайцев. Ш. Старовольский упоминает кшепицкий зверинец, в котором было 1600 оленей и много других животных. Даже в начале XVIII в. Замойские в своем зверинце под Замостьем содержали диких польских лошадей. Среди многочисленных сочинений познаньского во-

[3] См., например: *Rej M.* Zwierzyniec stanów szlacheckich, którzy natenczas żywi byli. Kraków, 1562.

еводы Яна Остророга, храброго рыцаря и прирожденного хозяина эпохи Сигизмунда III и Владислава IV, есть довольно обширное сочинение «Комаженьский зверинец» с правилами, как выбирать место и создавать зверинец (Gloger 1902).

ПТИЦЫ. В рассказах Пасека о птицах совсем не чувствуется влияния риторики или «научных» представлений о роли пернатого мира в формировании культуры. А ведь его предшественники и современники приписывали появление греческих букв Lambda и Ypsilon наблюдению за полетом журавлей, примеру сладкопевчих птиц – соловья, жаворонка, канарейки – создание музыки (с чем вполне можно согласиться, сославшись на «Соловья» А.А. Алябьева) и риторики, которая якобы основывается на выборе прекрасных слов. Искусство архитектуры или военную архитектуру мир заимствовал от ласточек, лепящих свои гнезда. Разноцветные перья крыльев научили людей рисовать, передали людям опыт охраны, подслушивания, хождения полками, от длинноносых пошли и военные трубы. Птицы, запасавшие и прятавшие еду на зиму, – кукушки и сороки, – научили экономике.

В рассказе о необычайном начале 1686 г., когда было очень тепло и уже 14 апреля все высеяли, Пасек летом замечает непрерывные полеты стай диких гусей, которые вообще не гнездились в окрестностях Кракова и Сандомира. Они доставили много хлопот хозяевам, так как основательно вредили посевам. Да и выглядели они несколько необычно, чуть пестроватые, гнездились вместе с домашними, к ним можно было подойти и убить палкой. К сожалению, слухи о них Пасек не записал (Pasek 2009: 590).

Пожалуй, для Пасека проблема «хлеба»/пропитания/довольствия была особенно близка, (и можно было бы ожидать и научного осмысления значимости пташьего царства), однако и в этой области он не отметил роли птиц, оставшись их простым любителем, наблюдателем и владельцем. «У меня всегда бывали хорошие сокола (в том числе “дремлики”), ястребы, кобузы (по определению В. Чаплиньского – мелкие охотничьи птицы), вороны, садившиеся на шест, кидавшиеся на куропаток, окружавшие зайцев, как балобан

(rarog)[4]». У всех были свои «повинности» (Pasek 2009: 524). Однажды у него был «чересчур большой ястреб, но такой резвый, что догонял любую птицу и не ленился лететь даже за самой маленькой пташкой, охватывал ее своими огромными крыльями и доставлял живехонькой [до дома]. Пускал его и на больших птиц, он не стеснялся и этого: гуси, утки, цапли, коршуны, вороны, догонял их как перепелок, и их за день по нескольку штук ловил. Был таким сильным, что иногда, напав на старого зайца и удушивши его, переносил на другой загон, подняв с земли, как куропатку. Жил у меня восемь лет, пока не сдох» (Pasek 2009: 524). Как видим, Пасек следит за поведением пернатых. И с удовольствием приводит «птичью пословицу»: «Ворон ворону глаза не выклюет» (Pasek 2009: 126).

ЛИТЕРАТУРА

Николаев 2003 – *Николаев С.И.* Курочка протопопа Аввакума и выдра Яна Пасека // Russica Romana. 2003. Vol. 10.

Тананаева 2013 – *Тананаева Л.И.* О маньеризме и барокко. Очерки искусства Центрально-Восточной Европы и Латинской Америки конца XVI–XVII века. Чехия. Польша. Перу. М., 2013.

Chemperek 2001 – *Chemperek D.* Pasek w Danii – literackie i kulturoznawcze jakości «Pamiętników» // Studia filologiczne 2. Studium Genetale Sandomiriense – Wyższa Szkoła Humanistyczna – Przyrodnicza w Sandomierzu. Sandomierz, 2001. Режим доступа: http://www.staropolska.pl/barok/opracowania/pasek_01.html (30.09.2013).

Gloger 1901– *Gloger Z.* Kalendarz // *Gloger Z.* Encyklopedia Staropolska. T. I–IV. Warszawa. 1900–1903. T. II. Warszawa, 1901.

Gloger 1902 – *Gloger Z.* Raróg // *Gloger Z.* Encyklopedia Staropolska. T. I–IV. Warszawa. 1900–1903. T. III. Warszawa. 1902.

Gloger 1903 – *Gloger Z.* Zwierzyniec // *Gloger Z.* Encyklopedia Staropolska. T. I–IV. Warszawa. 1900–1903. T. IV. Warszawa. 1903.

Pasek 2009 – *Pasek J.Ch.* Pamiętniki. Warszawa, 2009.

Sobieski 1973 – *Jan III Sobieski.* Listy do królowej Marysieńki / Opracował L. Kukulski. T. 1–2. Warszawa, 1973. Режим доступа: http://literat.ug.edu.pl/listys (29.09.2013).

[4] Балобан – хищная птица из семейства соколиных, использовалась для лова (Gloger 1902).

Глава 2

ИСКУССТВО

АРХИТЕКТУРА. В пылу сражения Пасек не забывает рассмотреть крепость, которую они только что захватили. Эта крыша была залом для рекреаций: здесь веселились, ужинали, танцевали сами короли. Находится она в очень удачном «проспекте», т. е. перспективе (Pasek 2009: 122). Вид с нее был прекрасный – можно было обозреть все датские провинции и даже часть Швеции. В крепости на этом острове была угловая башня, выходившая прямо к морю, с плоской, как пол, крышей, огражденной балюстрадой. Сверкали на ней золотистые латунные водостоки, но ярче их были статуи, расставленные по углам.

Описана крепость под Фредерикс-Одде. Она расположена в пустынном месте, здесь редуты прямо выходят в море. Потому близко подходят корабли, или их можно не подпустить. Так защищается весь датский флот.

Вот Фридеризант, который не город, а могущественная крепость, врезавшаяся в море. Прекрасно она защищена и с суши, и с моря. Есть еще две крепости, стоящие напротив друг друга: Helsinoriam – Helsingöriam, Cronoburg(um). Они стерегут вход из Балтики в океан.

Описание церкви в готическом стиле свидетельствует о его интересе к этому виду искусства: «Алтари, картины – старинной работы, но такие прелестные краски, резьба и позолота, такой прекрасный порядок, что и пылинки нигде не заметишь, можно подумать, что только вчера оттуда монахов выгнали» (Pasek 2009: 167). Это была лютеранская церковь, которую Пасек увидел в предместье Гамбурга. В этой церкви, по преданию, сохранилась келья самого Лютера. «При всей внешней нетерпимости поляков того времени, при их доказанной неоднократно делом решимости защищать католи-

чество повсюду, они оставались людьми своего времени, тяготевшего к универсализму и раз навсегда покончившего со средневековой узостью горизонта, – это касалось и религии, и искусства» (Тананаева 1979: 21).

Пасек пишет о датских церквах. «Церкви там очень красивые, раньше они были католические, служба прекраснее, чем у польских кальвинистов, потому что у них есть в церквах алтари и иконы» (Pasek 2009: 110–111).

Монастырь, – видимо, недалеко от Гамбурга, не сохранившийся до наших дней, Пасек считает местом, откуда бежал сам Лютер, что не соответствует действительности (Pasek 2009: 167, прим. 298). Называет он обитель Уранибургом, путая с обсерваторией (знаменитой обсерваторией Тихо де Браге). Д. Хемперек, комментируя эту путаницу, отмечает, что эта ошибка свидетельствует об интересе молодого солдата к тому, что незнакомо и ново (Chemperek 2001).

Монастырь для Пасека – curiosus, т. е. раритет, достойный внимания. Он все рассмотрел, поразился его красоте и великолепию, видел он также и кельи. Чудесна его «структура» и расположен он в чудесном месте, пригодном для обороны. «С трех сторон его омывает озеро. Кельи его столь прекрасны, что могли бы зваться королевскими кабинетами. Окна все разрисованные, но светлые, большие, на них “пиктуры” Божьих святых и Пречистой Девы, и все с надписями. Другие же окна из белого, как хрусталь, стекла» (Pasek 2009: 167). Пасеку рассказали, что монастырь давал большой доход, а монахов здесь бывало до четырехсот.

СКУЛЬПТУРА. Стояли в обители и статуи беломраморные, будто бы живые. Это сравнение Пасек повторяет не раз. Он их, правда, хорошо не разглядел, но после взрыва одна из них упала на землю. Казалось, что лежит там живая женщина. На это чудо все съезжались посмотреть, а потом рассказывали, что это жена коменданта крепости. Только прикоснувшись к распластанному прекрасному телу, можно было ощутить твердость камня. Так произошло знакомством со скульптурой вояк, неискушенных в изящном искусстве.

Пасек описывает крепости и города, например, Фридеризант – это мощная крепость, Рипен (Рибе) – это город очень красивый (Pasek 2009: 147). Крепость Кроненборг была построена следующим образом. Сначала в море бросали груду камней и, когда она показалась из воды, был сложен фундамент крепости (Pasek 2009: 147), который высился над морскими волнами, и крепость стояла непоколебимо.

МУЗЫКА. В отличие от изобразительного искусства музыка сопровождала всю жизнь Пасека – и воина, и мирного хозяина. Чаще всего он упоминает духовые инструменты. Они прежде всего сопутствовали войнам и сражениям. Трубачами были мужчины, только в Дании у дивизии Чарнецкого трубачом была женщина. Трубили по разным случаям – на утреннюю побудку, на сборы в поход, на выезд из лагеря, к началу битвы. Иногда труба не звала на подвиги, а молила о пощаде. Так шведы в 1659 г. объявили свою готовность сложить оружие. Наряду с духовыми использовались и ударные – барабаны и котлы, в которые били, стараясь поднять дух войска.

Церковная служба повсеместно велась с игрой на органе, которую сопровождали хоры. Иногда Пасек указывает, что именно звучало в это время. Так, свадебный обряд открывался исполне-

нием «Veni, Creator»[5]. На его собственное венчание опоздала капелла Сладковского, которую бывший жених его дочери пригласил петь на свадебном обеде (Pasek 2009: 459–460). Своя «музыка» была и у многих других шляхтичей и шляхтянок. Пользуясь этим, закрочимская кастелянша Олендзка постоянно устраивала в своем доме танцы (Pasek 2009: 178).

К быту мирной жизни были наиболее пригодны скрипичные инструменты, под аккомпанемент которых с удовольствием пели слуги Пасека. Хорошо играл «на скрипках» и пел его слуга – подросток Дзенгелевский, четверостишием которого практически завершилось стремительное и неожиданное для самого жениха сватовство: «Пусть кому-нибудь надежда /Много счастья обещает, /Буду я торжествовать, / Как удачно сторговал» (Pasek 2009: 458).

ТЕАТР. Рыцарю и хозяину не хватало времени для посещения театра, хотя в школе он мог увидеть и даже участвовать в заключительном спектакле выпускников. В 1664 г. в Варшаве он оказался невольным зрителем спектакля-триумфа, устроенного французами на площади у Национального театра в честь победы соотечественников над императором, «пусть и ... вымышленной». Театр выезжал из города, когда одетые в соответствии с ролями участники спектакля французские актеры, музыканты и осветители с «огнями» пробирались через толпу варшавян и приезжих, среди которых были и конники (в том числе и Пасек со своей челядью, возвращавшийся из столицы в Раву): «У толпы был разный настрой и фантазия. Зрители внимательно смотрели, как актеры спотыкались, удирали от пехоты, как одна сторона уступала другой, как брали немецких пленных, отрубали им головы, штурмовали крепость и захватывали ее – все это было представлено с большой роскошью и пышностью». В завершение после гибели войска и захвата неприятельской территории провели императора, несшего в руках корону и отдавшего ее французскому королю. Кайзера играл фран-

[5] «Veni, creator Spiritus!» – «Приди, Дух животворящий!» (лат.) – начальные слова католического гимна. – *Прим. ред.*

цуз, похожий на Габсбурга и так же выворачивавший губу. Увидев его, один из всадников закричал: «Убейте его, *такого* сына <...> Если выпустите, будет мстить, будет войны продолжать, будет кровь людскую проливать, и никакого не будет покоя в мире. А если убьете, то французский король <...> станет императором и, дай Бог, и нашим польским королем. Вы с ним не покончите, я сам его убью». После чего несомненный сторонник Любомирского выстрелил из лука и убил наповал («стрела вышла с другого бока» – Pasek 2009: 386)[6]. Другой, скорее всего противник французской партии, таким же образом расправился с актером, игравшим короля Франции. Так резко антигабсбургски и антифранцузски настроенные зрители реагировали на представление, двумя убийствами трагически завершив описанный Я.Х. Пасеком спектакль (Pasek 2009: 385–386). Пасек даже попытался помочь герою, когда на него напали враги. Подобную реакцию Бахтин называет близкой к действительной эстетической позиции зрителя. Это «наивная установка того простолюдина, который предупреждал героя пьесы о сделанной против него засаде» (Бахтин 1979: 71).

Варшавские зрители явно пошли еще дальше. «Такой установкой наивный зритель занимал устойчивую позицию *вне* героя, учитывал трансгредиентные сознанию самого героя моменты и готов был использовать привилегию своего положения *вне*, приходя на помощь герою там, где он сам со своего места бессилен» (Бахтин 1979: 72). Очевидно, здесь налицо сопереживательная позиция, заблуждение относительно иллюзии и ее отношений с реальностью. Так зритель «перешагнул через рампу и стал *рядом* с героем в одном плане жизни как единого открытого этического события, и этим он разрушил эстетическое событие, перестав быть зрителем-автором» (Бахтин 1979: 72). Это естественная позиция выпускника иезуитских школ и зрителя тех спектаклей, ко-

[6] Аналогичный спектакль, по мнению польского исследователя, должен был состояться 9 сентября 1674 г. Французские актеры действительно подверглись обстрелу, однако никто не пострадал, но спектакль не состоялся (Pasek 2009: прим. 32: 385); см.: Witczak 1969. Антифранцузский подтекст рассказа Пасека ведет несомненно к 1664 г.

торыми завершалось обучение в этих школах[7]. Остроту же этой реакции придавала профранцузская агитация королевы, великого коронного гетмана и польского примаса.

Сам Пасек занимал совершенно иную позицию. Он, как и его любимый герой, был верен королю Яну II Казимиру. Опасаясь преследования, Пасек быстро покинул Варшаву, оставил свой лук у приятеля в миле от Варшавы и на следующий день спокойно общался с отправленной по требованию королевы Людвики погоней уже в другом имении. Пасека утешили слуги, искавшие убийц, что Господь Бог отпустит грех этих убийств, да и сам король только королеву утешает, а в душе смеется над этим происшествием (Pasek 2009: 388).

Большинство описанных Пасеком эстетических переживаний связано со случайностями военных «оказий» (восхищение морскими пейзажами, датской готической архитектурой и барочной скульптурой) и хозяйственных поездок по стране. В быту же шляхтича ему были доступны духовная и светская музыка и танцы. Об этом – привычном и обыденном – Пасек писал мало.

ЛИТЕРАТУРА

Бахтин 1979 – *Бахтин М.М.* Автор и герой в эстетической деятельности // *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979.

Софронова 1978 – *Софронова Л.А.* Миф и драма барокко в Польше и России // Миф – Фольклор – Литература. Л., 1978.

Софронова 1996 – *Софронова Л.А.* Старинный украинский театр. М.,1996.

Тананаева 1979 – *Тананаева Л.И.* Сарматский портрет. Из истории польского портрета эпохи барокко. М., 1979.

Chemperek 2001 – *Chemperek D.* Pasek w Danii – literackie i kulturoznawcze jakości «Pamiętników» // Studia filologiczne 2. Studium Genetale Sandomiriense – Wyższa Szkoła Humanistyczna – Przyrodnicza w Sandomierzu. Sandomierz, 2001. Режим доступа: http://www.staropolska.pl/barok/opracowania/pasek_01.html (30.09.2013).

[7] Софронова 1978; Софронова 1996.

Chmielowski 1753–1756 – *Chmielowski B.* Nowe Ateny albo Akademiia wszelkiej sciencyj pełna na różne tytuły jak na classes podzielona, mądrym dla memoryjału, idiotom dla nauki, politykom dla praktyki, melankolikom dla rozrywki erzgowana. alias o bogu, bożków mnóstwie, słów pięknych wyborze, kwestyj cudnych wiele, o sybillów zbiorze, o zwierzu, rybach, ptakach, o matematyce, o cudach świata, ludzi rządach, polityce, o językach i drzewach, o żywiołach, wierze, hieroglifikach, gadkach, narodów manierze, co kraj który ma w sobie dziwnych ciekawości, cały świat opisany z gruntu w słów krótkości. T. 1–4. Lwów, 1753–1756. Режим доступа: http://literat.ug.edu.pl/ateny/index.htm (30.09.2013).

Pasek 2009 – *Pasek J.C.* Pamiętniki. Warszawa, 2009.

Witczak 1969 – *Witczak T.* Epizod teatralny «Pamietników» Jana Chrysostoma Paska // Pamiętnik Teatralny. 1969. R. XVIII. Z. 4.

Вместо заключения

ВООБРАЖАЕМЫЙ АВТОПОРТРЕТ ЯНА ХРИЗОСТОМА ПАСЕКА

Общее свойство жанров субъективной литературы состоит в том, что пишущий обычно не становится главным объектом повествования и не адресует текст самому себе (Михеев 2007: 5). Иначе обстоит дело в «Записках». Пасек не вышел за пределы текста и не забыл о себе. Отделить рассказчика от героя, которым он себя представляет, довольно трудно, он обычно не разрывает две свои ипостаси. Также сложно верифицировать его развернутые сообщения, которые то достигают уровня полноценного художественного произведения, то остаются сухими реляциями о перемещении войск, людских потерях, о количестве добычи. И те, и другие не обходятся без упоминаний об авторе как участнике событий.

Отказавшись от составления подробной и последовательной биографии, Пасек говорит о себе то как бы случайно, то преднамеренно. В роли автора Пасек организует свой текст как единое целое, но это не избавляло «Записки» от фрагментарности – фрагментами прежде всего были рассказы. Пасек же выступал в роли рассказчика, старающегося всякий раз выставить себя в наилучшем свете. Из текста вычленяются не только факты его жизни, протекавшей на поле боя или в хозяйственных заботах, но и его собственные представления о себе самом. Рассказывал Пасек о себе и о других, т. е. становился в ряд общепризнанных героев, которых выводил на страницах своего сочинения. Пасек составляет свой так сказать мозаичный автопортрет на уровне событийном и на уровне индивидуального самосознания. Его событийный уровень определяют сюжеты историй, которые он рассказывает. Эти истории – условно говоря – служат иллюстрацией тезисов, сформулированных словесно в публичных речах, диалогах, самопредставлениях.

Таким образом, в прозе Пасека наблюдается ситуация, аналогичная той, которую описала Л.И. Тананаева, анализируя польский портрет XVI–XVII вв. (Тананаева 1979). Описанные Пасеком черты национального характера разглядели романтики, среди которых был сам А. Мицкевич. Они увидели в Пасеке конкретное воплощение вольного польского духа, сарматской свободы и рыцарских добродетелей. Увидели они его в повседневном быту, который принялись поэтизировать. Литературные герои, особенно у писателей следующих поколений, обратившихся к польской истории XVII в., вообще стали похожими на нашего автора-героя.

Себя Пасек называет простаком, ничем не примечательным человеком (lichy). При этом он пишет о себе как о части целого – народа, сословия, рода, а также войска. Частная его жизнь, мир чувств рефлексии не подлежат. Его заботят проблемы национальной, сословной, родовой идентичности, которые определяют концепт сарматского рыцаря. Они очевидным образом сплетаются между собой и взаимодействуют в его сознании и жизни.

Национальная самоидентификация проводится в опоре на культурную оппозицию свой/чужой. Пасек не раз повторяет, что он не в чужой земле рожден и находится в одном ряду с заслуженными сынами отчизны. Он – поляк и служит своей родине-матери, Речи Посполитой польской, а не венгерской или немецкой. Он ее сын, а не пасынок, и никогда не бросит в трудную минуту. Высокое звание истинного сына отечества требует забыть о частных интересах, а также о личной выгоде: «Pro patria (для родины) я всегда делал quantum potui (все, что мог); contra patriam (против родины) не делал ни раньше, ни теперь, поэтому спокойно могу называться ее сыном, а не пасынком» (Pasek 2009: 279). Принадлежность к польской нации определяет систему базовых ценностей и правила поведения: «К татарскому роду я, видно, приехал (имея в виду польскую семью. – *Л.С.*), а не к тому народу, который всегда политес соблюдает и старается для гостей свободные оставлять квартиры (для постоя. – *Л.С.*)» (Pasek 2009: 367).

Значимость национальной принадлежности для автора «Записок» столь велика, что затмевает собой принадлежность конфессиональную, которая в эпоху сарматизма была доминирующим признаком польской идентичности. Противостояние с противниками ведется в «Записках» не по вере, как можно было бы ожидать, а по внешним признакам, как, например, с русскими. О православии Пасек вспоминает лишь в связи с дорогим крестом; это его добыча на поле боя. О турецкой вере речь также не идет. Его гнев вызывают «лютеры», но не датские, а гданьские, которые желают туркам победы под Веной. Все радовались военным успехам христиан, только не они, просившие у Господа поражения католиков, чем страшно его возмутили. Но тогда он на них и внимания не обратил.

Не меньшее значение для автохарактеристики Пасека имеет его сословная принадлежность. Конечно, он не какой-нибудь «привозной» шляхтич, в его жилах течет польская кровь. Он – поляк по рождению, а по происхождению равен другим панам-братьям, что повторяет при всяком удобном случае: «Что я раньше говорил, и теперь скажу <...>, что я здесь каждому равен происхождением своим» (Pasek 2009: 274). В этом утверждении слышится и личная нота. Дело в том, что Ян Хризостом Пасек родился в Мазовии, но ему чрезвычайно не нравилось, когда его называли «мазовецким шляхтичем». Тогда такое наименование ассоциировалось с бедностью и невежеством. Он оставил свою землю, чтобы продвинуться по социальной лестнице, стал солдатом (военные действия тогда позволяли обогатиться).

Мотив равенства в своем шляхетском сословии – ключевой в комплексе значений сарматизма. Он определяет распространенное обращение – «пан-брат» – и именование рыцаря товарищем. Пасек раскрывал их внутренний смысл в декларативных выступлениях не только перед сенаторами, но перед простыми служаками. Для него понятия чести и шляхетства связаны неразрывно. Например, он так мотивирует требование вернуть награбленное: на вопрос гра-

бителя: «“А Вам то что?” – Отвечаю: “А то, что и я шляхтич”. <...> Не полагается («Во to nie moda») в своей отчизне дворы шляхетские грабить, особо, если стоишь на постое» (Pasek 2009: 317, 319). Так шляхетская этика противопоставляется смутным представлениям о чести казаков, находящихся на службе то у русских, то у поляков. Ведь честь – врожденное свойство: если его нет, ничто не удержит человека от дурных поступков. Если есть, он никогда не нарушит пароль, данный Господу.

Как положено настоящему шляхтичу, Пасек сознает значимость рода, о которой пространно пишет в стихах по поводу герба Фр. Ланцкороньского. Про свой род он упоминает редко, но все же утверждает, что все его представители, чье шляхетство не подлежит сомнению, в случае чего всегда подтвердят его принадлежность к сословию. Пасек предпочитает говорить о семье, внутри которой каждый шляхтич чувствовал себя полностью защищенным от внешнего мира. Он не забывает сообщить, как родители благословляли его на войну, полагаясь на волю Божию, всячески помогали материально, например, в таком важном деле, как покупка коней. Не раз в «Записках» называются многочисленные дядья и братья автора по женской и по мужской линии. Без их совета он не принимает жизненно важных решений. Не менее важны отношения с соседями, с которыми он судится, мирится, и которым помогает улаживать дела самой разной сложности. Все это отнимает у него много времени, но Пасек помогает всем, и, конечно, своим друзьям. Друзья окружали его наравне с родственниками. Как только он после долгого отсутствия появлялся дома, тут же приезжали «родственники, соседи и добрые друзья» (Pasek 2009: 363).

Друзья занимают важное место в жизни Пасека. Дружба связывает благородных людей и ко многому обязывает: «Я знаю, что дружба многих мне может пригодиться, как и моя им» (Pasek 2009: 285). Так в Польше было всегда, но при этом его современник Ш. Старовольский жалуется, что дружеские отношения на глазах утрачивают свое былое значение: «Еще

лет пятнадцать тому назад могли мы насчитать несколько десятков сенаторов, которые жили между собой в искренней дружбе и любви и сообща выступали на защиту отчизны нашей, и чести своей ... Теперь в сенате не сыщем и двух таких, которые бы между собой приятельские чувства сохраняли, а среди шляхты такие и вовсе перевелись» (цит. по: Лескинен 2002: 84). Пасек же знал цену дружбе и никогда не бросал в беде своих товарищей. Он не мог не приютить больного друга у себя дома: они знали друг друга еще по коллегии в Раве, дружил Пасек и с его братом. Поэтому в 1659 г., заразившись от него, Пасек переболел тифом (łożna choroba).

Воин и шляхтич-земледелец – две неразрывно связанные характеристики Пасека: «utraque civis, bom i szlachcic, bom i żołnierz («я дважды гражданин, я и шляхтич, я и солдат»)» (Pasek 2009: 274). Он радуется, когда слышит справедливые слова о себе как о бедном добродетельном шляхтиче и солдате, который не изменяет своему слову и верно служит. Гордится принадлежностью к войску: «Я солдат на службе Речи Посполитой, состою в реестровых войсках, и не пристало мне перед Вами, пан полковник, отчитываться, кто я такой и куда я иду» (Pasek 2009: 318). Хоругвь (отряд) для него – родная мать: «...никогда не видели меня позади шеренг, а всегда там, где требуется, с хоругвью, матерью моей» (Pasek 2009: 260). Он сам – один из шестидесяти тысяч солдат, которые, не взирая на жестокие холода и не помышляя о выгоде, бросаются в сражения. Пасек никогда не покидал войско, даже в самые трудные времена, когда солдатам редко удавалось поесть и часто приходилось сражаться. Ничто не могло его заставить уйти со службы, чтобы сладко пить и вкусно есть. Очевидно, что противопоставляется здесь не война и еда, а война и мирная жизнь, подразумевающая гастрономическое изобилие. Точно так же соотносятся язык войны и мирной жизни. Настоящему воину, оказавшемуся заграницей, не нужно знать такие слова, как «Pierla italiano»; на иностранном языке понимает он только окрик стражи: «Werdo». Свидетельства славы Пасека – его шрамы (cicatrices)

и соратники (commilitony). На войне он не щадит живота своего. Он отзывается на грозные звуки марсовых труб, а не на изящные звуки менуэта. Он всегда там, где льется кровь, а не сладкие ликеры, и непременно разделяет с товарищами счастье побед и горечь поражений.

Как только наш автор берет в руки оружие, он уже не помышляет ни о каких выгодах, хотя он, как и другие, имел большие заслуги перед родиной и мог рассчитывать на достойное вознаграждение. Истинные воины не страшатся смерти и презирают ее. Он никогда не записывался в чьи-нибудь любимцы и храбро сражался вместе со всеми: «Если должно умереть, умрем, лишь бы достойно, и не может быть лучшей смерти, чем та, которой погибает человек за свои добродетели и любовь к родине. <..> Кто на войне служит, тот смерть презирает, он ее ищет, а не она его. Искал я смерти, еще в молодости, за Днепром и Одрой, за Эльбой и около океана, у Балтийского моря» (Pasek 2009: 276). Ему вторит его современник Б. Хмелевский: «Им не жаль погибать, так как не знают они иных радостей» (Chmielowski 1753–1756). В переводе на простой и жесткий язык войны эти метафорические построения означают примерно следующее: наш автор попадал под обстрелы, с саблей бросался на врага, от грома канонад терял слух и при этом всегда выполнял приказы командиров и вел своих солдат в бой.

Как всякий шляхтич, Пасек не только сражался: «За мной сеймики, за мной трибуналы, за мной круг генеральный...» (Pasek 2009: 274). Пасек всегда готов прихвастнуть своими замечательными решениями или остроумными высказываниями, которые тут же становились всем известны. С удовольствием он писал о том, какую решающую роль сыграл в выборах короля Михала Корыбута Вишневецкого (Pasek 2009: 477). Не боялся он вступать в споры с сенаторами и противоречить им. Одному из них указал, что зря он так гордится своим положением и напомнил, что в свое время он тоже был товарищем, т. е. рыцарем, как и сам Пасек, и только потом занял кресло сенатора.

Пасек не обходится только прямыми автохарактеристиками. Присутствуют в «Записках» высказывания о нем других лиц, всегда лестные. Обычно они принадлежат сильным мира сего. Сам король Ян Казимир, к которому он вхож даже в личные покои, говорит и пишет о Пасеке как о человеке благородном, справедливом, верном ему, опытном в военных делах, проявившем мужество во многих сражениях. Гетман Чарнецкий усиленно его хвалит, например, называет знатоком натуры человеческой, а не только храбрым воином, который на полях войны расписывается не черными чернилами, а собственной кровью. Киевский епископ Томаш Уейский в своей речи называет Пасека человеком воспитанным, образованным, скромным, с хорошими манерами. Дворянин королевский, пан Станиславский готов замолвить о нем слово при дворе. В общем, всем было известно, что Пасек добродетельный шляхтич и бравый солдат.

Набрасывает автор и свой психологический портрет, конечно, неполный. Он человек благородный, не хочет брать с датчан много денег: не могу я быть мучителем наших союзников, они нам не враги, – пишет он в письме в хоругвь (Pasek 2009: 133). В эпизоде с больным другом, которого он приютил в своем доме, на первом плане находится не столько сама болезнь, от которой он едва остался жив, сколько его благородный поступок.

На уровне индивидуального самосознания Пасек сознавал себя человеком храбрым. Когда Стефан Чарнецкий хотел было заменить его в опасной ситуации и передать командование другому, он заявил, что о приказе уже известно. Если выполнит его другой, «все подумают, что я струсил». И пошел его выполнять. Отказался он покинуть голландский корабль, на который с моря надвигались шведы. Спутник же его отправился на берег.

При личной характеристике героев повествования и самого себя в «Записках» не раз встречается слово fantazyja. В «Словаре польского языка» приводятся следующие его значе-

ния: «wesołość, humor, werwa, ochota, rezon, animusz, odwaga»[1] (Doroszewski 1960: 812). В примечаниях к тексту «Записок» это слово определяется как отвага.

О фантазии польских рыцарей Пасек говорит, что «...должен в нас весь мир видеть бессмертную славу и фантазию наших предков» (Pasek 2009: 115). Из контекста этого высказывания следует, что под фантазией подразумевается храбрость и мужество воинов прошлого. В этом слове заключены и воинская честь, и верность, и бесстрашие. Обладает *фантазией* любимый полководец Пасека Чарнецкий: «была у него (Чарнецкого. – *Л.С.*) такая фантазия, чтобы никому не кланяться и чтобы вся слава ему доставалась» (Pasek 2009: 125). Очевидно, что здесь *фантазия* по смыслу близка такому понятию, как нрав. В комплекс ее значений входят характерные для воеводы гордость, и любовь к славе. Слово это означает и храбрость, и отвагу, и мужество, и буйство, и веселость нрава как особый способ восприятия мира. Фантазия совершенно разных личностей всегда отличается оптимизмом: никто из них не унывает и уверен в своих будущих победах, хотя некоторым из них фантазия ничем в жизни так и не помогла.

Как уже было сказано, свой эмоциональный мир Пасек не делает объектом повествования, но все же свою фантазию он выделяет как его важную черту. Она является отнюдь не только свойством индивидуальной натуры, но и определяет модальность его отношения к миру: «Ни угрозы, ни просьбы не смогут преодолеть мою *фантазию*» (Pasek 2009: 293). В одном случае значение его фантазии сужается до упрямства: «И ну давай пить назло этим гордым людям; такая *фантазия* со мной вместе уродилась, чтобы все наперекор делать («durum contra durum»), хотя <...> и себе во вред» (Pasek 2009: 347–348). За гораздо более широко понятую *фантазию* Пасека в смысле характера человека пьют недавние союзники-противники, рыцари войска гетмана Я.П. Сапеги. За *фанта-*

[1] Веселье, humor (часто переводится как чувство юмора, но точнее – оптимизм, настрой духа), пыл, темперамент, нрав, охота (желание), смелость, уверенность в себе, мужество, подъем, задор (пол.). – *Прим. ред.*

зию в том же смысле хвалит его сам король Ян Казимир. Ведь только благодаря ей он всегда безупречно вел себя при любых обстоятельствах и был способен постоять за королевскую честь. Именно это имеет в виду маршалек Жеромский, когда говорит о Пасеке и его сопровождающих как о людях «z dobrą fantazyją» (Pasek 2009: 349). На страницах «Записок» он предстает тем самым веселым поляком, о котором писали русские этнографы XIX в. Веселость, легкий нрав они считали «нравственным» качеством поляков, доминантной чертой их темперамента, во многом определившей польский национальный стереотип (Лескинен 2010: 195–202).

Своя фантазия есть также и у врагов: «...как мы на него (на Долгорукого. – *Л.С.*) начали наступать, сразу улетучилась его *фантазия*» (Pasek 2009: 220). Даже непригодные к воинской службе обладают этим свойством, приобретающим неуловимые значения. Пасек говорит о тех, кто «не посчитавшись со своей *фантазией*, вступают в войско, а лучше им было бы дома кур на яйца сажать и от цыплят соколов отгонять» (Pasek 2009: 197). Очевидно, что эта фантазия совсем другого рода, это – ничем не объяснимый задор или излишняя уверенность в своих силах.

Хотя время от времени Пасек негодует по поводу государственной политики и с горечью пишет о судьбах родины, заданная им самим модальность его отношения к миру не позволяет предаваться унынию. Он уверен в том, что всегда можно преодолеть все невзгоды и печалиться не следует ни по каким поводам. Крайне редко огорчаясь и явно избегая писать о поражениях и неудачах, он с великой радостью повествует о трудных победах, называя их веселыми.

Кстати, веселость у Пасека понимается очень широко. Определением *веселый* он пользуется в контекстах самых неожиданных для современного польского языка. Оно относится не только к эмоциональному состоянию человека. *Веселый, веселье* оказываются синонимами *счастью, удаче*: «Воевода *весело* ехал, потому что почти необыкновенно было, как взял он такую крепость без пушек и пехоты» (Pasek 2009: 125);

это для всех «была *веселая* победа, потому что после всех несчастий она принесла отчизне первое счастье» (Pasek 2009: 215), «Состоялась эта счастливая победа 12 сентября и *развеселила* весь христианский мир, *развеселился* император, уже отчаявшийся и только на Бога уповавший, *развеселился* народ немецкий, особенно жители Вены» (Pasek 2009: 539).

Конечно, как веселый поляк, Пасек умел радоваться жизни и, кроме того, хвалил соотечественников за такое умение. В любую минуту он был готов пуститься в пляс или схватиться за оружие, забыть обо всем и слушать речи своих товарищей о недавних победах. Не нравилось ему, как благонравные датчане справляют масленицу; у поляков это «веселые» дни: «Проведя дни Бахуса в славной компании, с добрыми соседями <...>, двинулся я к хоругви, хотя ехать не очень хотелось» (Pasek 2009: 174). «На другой год снова славно веселились, ездили на кулиги на русских санях и у себя гостей принимали». Таких кратких замечаний в «Записках» множество, как и подробных описаний визитов к соседям, которые – по обычаям того времени – растягивались на несколько недель. Знал Пасек толк в медах и винах и всегда поровну делил содержимое фляжек со своими соратниками. Пьянство называл настоящей польской модой. По этой моде, радуясь встречам с друзьями, он обязательно напивался, чего никогда не делал в одиночестве: «... несколько дней тому назад побывав в лагере и хорошо попрощавшись с доброй кампанией, поехал домой» (Pasek 2009: 266).

Он легко расставался с деньгами и старался их не считать. Никогда не предавался унынию и всегда был готов веселиться, не смотря на то, что счастье не раз обходило его стороной. Так бывало на военном поприще, и не только. Не всегда Пасек был удачлив в торговле и в хозяйстве, не продвинулся он в общественной жизни, хотя участвовал в выборах короля, бывал на сеймах и на сеймиках. Все это не мешало ему считать себя человеком удачливым. К удачам он относил и то, что жизнь сводила его с людьми из богатых и знатных родов, с королями и гетманами.

При таком взгляде на жизнь нужно во всем видеть смешное. Вытащить на поверхность парадоксы, которым всегда есть место в жизни, представить серьезные события в ироническом плане он полагает совершенно необходимым. Ирония, в том числе по поводу шляхетских идеалов во многом определила манеру повествования Пасека, основанную на антитезе. На постое в доме одной достойной и веселой пани он встретился с ее свихнувшимся мужем, который, и по этой причине жил отдельно от супруги. Он был невероятно набожен и агрессивен одновременно, никогда не смеялся, пришил к шапке распятие и носил ее перед собой, безотрывно глядя на изображение Иисуса. Также он не расставался с мечом, который носил мальчик-слуга. Несчастный человек этот, появившись на пороге дома, вставал на колени перед супругой и стоял до тех пор, пока она не брала его голову в ладони. Ел он только со слугами и обозными, а потом требовал, чтобы все танцевали. «Я же привык, – говорил бедный сумасшедший, указывая на свой меч, – только с этой девицей танцевать» (Pasek 2009: 181). В доме жены он никогда не оставался и уезжал к себе, где приказывал музыкантам играть и все свое время занимался фехтованием саблей (szermierz).

Для мира чувств Пасека особое значение имеет история любви к своей невесте – датчанке. Он собирался жениться в Дании на красивой, разумной, достойной девушке, родители которой прониклись к нему большой симпатией, а она испытывала к нему просто невероятно сильные чувства, что у него даже вызывало сильное беспокойство. Датчанки – уверяет Пасек – уж если влюбятся в кого-нибудь, то открыто выражают свои чувства. Он страдал из-за этого «аффекта», который случается испытать не каждому, и пришел к выводу, что в молодости бывают такие аффекты и что они несносны. Видимо, имея в виду свою несостоявшуюся невесту, Пасек пишет, что в чувствах своих датчанки или сразу выказывают стыдливость, или после одного слова, сказанного им, влюбляются без памяти и не скрывают этого. Готовы они покинуть отца и мать, богатое приданое бросить и кинуться вслед за тем, кого по-

любили, хоть на край света. Чтобы доказать истинность своих чувств, Пасек замечает, что богатое приданое его не интересует. Не приданое, не красота и ум невесты, а ее любовь к нему заставляет его мучиться, как и привязанность ее родителей к нему. Правда, жениться ему на ней так и не удалось.

Во время этого романа Пасек ведет себя в соответствии с правилами поведения своего времени. Он никому не выдает тайны своей любви. Друзья беспокоятся за него, видя, что приключилось с ним что-то неладное, например, он часто многое забывает (рассеянность влюбленного), но он молчит. На вопросы товарищей он отвечал, что человек не может быть одинаковым, скрывал свое чувство, а также пил с горя водку, заливаясь слезами, которые капали в чарку. Только Фр. Ланцкороньский, которому, видимо, он доверил свою тайну, кое-что рассказал другим. Наконец все открылось.

По правилам того времени влюбленные вели переписку. Письма так и летали от одного к другому. В «Записках» Пасек приводит одно письмо невесты, написанное по-латыни. Видимо, оно было сочинено самим Пасеком. Невеста уверяла его в своей любви и приводила удачные примеры того, как один из его обозных уже женился, даже не испросив его позволения. Пасека мучился тем, что он никак не мог принять никакого решения. Он не мог понять, остаться ли ему в Дании или вернуться в Польшу.

Рыльский, его родственник, служивший вместе с ним, то убеждает его ехать на родину, то советует оставаться в Дании. Как только он приходил к выводу, что следует остаться, то его охватывала радость. Противоположный вывод вызывал у него чувство вины. Он понимал, как он будет выглядеть в глазах невесты, ее родни и близких, которые принимали его как родного сына. Возился он с этими мыслями, как с медведем (Pasek 2009: 40). На сердце у него висели кандалы. Наконец, Пасек решился ехать к невесте, но задержался по пути и пьянствовал с приятелем несколько дней подряд. В этом рассказе явственно проступает тема случая. Так случилось, что он встретил приятеля. Так получилось, что они предпочли

весело провести время, а не продолжать путь – Пасек здесь, как всегда, не сам принимает решение. Случай ведет его или судьба, потому что во время их беззаботного провождения времени приходит королевский приказ возвращаться в Польшу. Тут уж Пасек трактует случившееся как волю свыше. Свадьба так и не состоялась, отчего Пасеку явно было не по себе. Но обняв на иконе, которую всегда возил с собой, ножки Иисуса и вручив себя Господу, он с легким сердцем отправился в Польшу. Заметим, что и в Польше у него была дама сердца, Тереза Кросновска.

Свой нрав, от которого, по его мнению, зависит течение его жизни, он – по существовавшим тогда традициям – представлял в терминах фортуны, которая подчинялась Господу. В ее необыкновенности он был уверен: «Была у меня фортуна такая хваткая, такая горячая, что люди вокруг удивлялись, но ведь, как бы я ни решил, хуже или лучше, всего того Бог хотел» (Pasek 2009: 452–453). Он твердо знал, что человек никогда не должен отчаиваться, когда фортуна хмурится, а не улыбается ему, «так как и человеком, и фортуной распоряжается Бог: введет в уныние, когда захочет, утешит, когда на то будет его святая воля» (Pasek 2009: 309). Перемен фортуны он не страшился, так как ему было известно, что несчастье, как тень, ходит за счастьем: «... большое счастье обычно тащит за собой великие несчастья, но после них Бог взирает на человека ласковым оком» (Pasek 2009: 306). Не сомневался наш автор в том, что Господь, на которого он всегда полагался, его защитит: «Не думаю я, что должен бояться несчастья, которое меня вчера миновало; тот, кто меня вчера спас, тот и завтра меня сохранит» (Pasek 2009: 140). Кто же еще мог ему помочь и в сражении, и на дуэли: «Был я в тот день под защитой Господа, спас он меня от беды, когда сражался с тремя кавалерами» (Pasek 2009: 195). Вышние силы всегда брали власть над одной из популярных аллегорий эпохи барокко.

Пасеку отнюдь не всегда сопутствовала удача. Бывали времена, когда он имел хорошие доходы и добивался каких-

то успехов, но он не сделал военной карьеры, хотя участвовал в походах в войне со шведами, сражался с русскими. Он состоял в pospolitym ruszeniu, точнее, рядом с ним: ему было поручено сопровождать один из отрядов всеобщего ополчения. Ему не пришлось воевать с турками, так как во время боевых действий присутствовал на совещаниях Kola Szlacheckiego. Пасек был среди участников Священного Союза, созданного с благой целью реорганизации всей польской армии. В то время войска плохо оплачивались, подолгу не получали жалованья. Поэтому офицеры организовали Священный Союз и стали самостоятельно изымать королевские доходы. Сначала армия гетмана Чарнецкого, в которой служил Пасек, не пожелала входить в этот Союз, так как от этого отчизне может приключится большой detrimentum[2]. Пасек был послан на переговоры с представителями Священного Союза и наблюдал последующие события. Он уловил несогласия его организаторов, отложил присягу, как и многие другие, но потом в него вступил, как и вся армия Чарнецкого. Вся эта замечательная затея, по мнению Пасека, закончилась великим своеволием. Все видели, что у короля нет преемника, что правящая династия угасает. Пасек понял, что кто-то намеревается ловить рыбку в мутной воде (Pasek 2009: 66). Ему стало ясно, что организаторы Священного Союза, разделенные на противоборствующие партии, преследовали только цели собственного обогащения. Как явствует из «Записок», Пасек постепенно утрачивает интерес к военной службе, которая не принесла ему ни денег, ни славы.

Не продвинулся Пасек на государственной службе. Он побывал коморником, маршалком на сеймиках, но выше никогда не поднимался. Имел дипломатическое поручение как «пристав» при московских послах, направляющихся на переговоры в Варшаву, однако ко двору так и не приблизился. Лишь по прихоти короля пожертвовал своей любимой выдрой. У него не было четких политических позиций, хотя он

[2] Ущерб, потеря, проигрыш, поражение (лат.). – *Прим. ред.*

довольно активно участвовал в выборах Вишневецкого. Даже уверял, что король Михал обязан ему короной. При этом он легко переходил от короля к рокошанам, не видя в этом ничего дурного.

После ряда неудач на государственном поприще он ведет жизнь помещика. Перемене этой способствует женитьба. Пасек не сидит на одном месте: он арендует одну деревню за другой, торгует зерном, возит в Гданьск и Торунь ячмень и горох. Однако особых успехов и материального достатка хозяйственные труды ему не принесли. Этому не способствовал его образ жизни: он много времени проводил на охоте, пирах, ездил в гости на пару недель, устраивал скандалы и драки, за которые его привлекали к суду. В результате в 1700 г. Пасек был приговорен к изгнанию, что было не так страшно. Такой приговор выносился зачастую не раз, но не вступал в силу. Так случилось и с ним, который в последние годы своей жизни много занимался своими и чужими судебными делами, ввязывался в споры с соседями, всегда заканчивавшимися в суде, о чем в дневниках не сказано ни слова. О неприятном он не писал. Он всегда стремился выглядеть человеком приличным и порядочным.

Можно сказать, что, несмотря на то, что Пасек пробовал свои силы на разных поприщах, он все же оставался человеком частным. Он не был готов служить государственной идее; в войне, прежде всего, видел средство обогащения, хотя безукоризненно выполнял все приказы и принимал разумные решения в бою. Однако для Паска «chleby» всегда были важнее титулов и официальных постов. В этом он был не одинок, – многие организаторы Священного Союза обогатились, получив должности и богатые подарки. В той ситуации, которая сложилась в Польше во времена Пасека, таким, видимо, был средний человек того времени, который не ставил своей целью совершить путь наверх и был озабочен лишь проблемами своей приватной жизни.

Пасеку не приходилось приспосабливаться к новым условиям, он не вникал в их сущность и всегда оставался са-

мим собой. Главное в его характеристике – это способность не замечать особенностей нового для него социального контекста. Потому можно утверждать, что его гражданская идентичность лишь намечалась. Он вступал в новые культурные ситуации таким же, каким выходил из предыдущих. Это, видимо, типично для того времени, которое знаменовалось если еще не распадом политической и общественной жизни Польши, то ее явным ослаблением.

Таким образом, хотя Пасек и скрывался за живописными «картинками» сражений и пиров, хотя «линия» его жизни осталась не четко прочерченной, его автопортрет явно присутствует в «Записках». Очевидно, что он не совсем соответствует реальности, что «художник» что-то себе приписывал и о чем-то умалчивал. Всякий автопортрет условен, в нем, например, легко вычитывается завышенная или заниженная самооценка портретируемого (Хорев 2011); последнее явно Пасеку не свойственно. Он пишет о себе таким образом, что перед нами предстает портрет «вторичного» автора (Бахтин 1979: 353), который пока только собирается в «Записках», находящихся на пути от субъективной литературы к подлинно художественной. Но и здесь уже «Образ автора способен распадаться, так как автор, создающий текст, отличается от образа автора, присутствующего в тексте» (Софронова 2006: 19).

Рассматривая этот автопортрет, можно понять, каким хотел видеть себя Пасек, который не раз проговаривался о себе самом, когда погружался в реалии быта. В «Записках» явно просматриваются его индивидуальные черты, но не они доминируют в тексте. Свою индивидуальность он проявляет в слове. Пасек написал портрет усредненный, в котором личность автора сливается с идеальным портретом сармата, им самим также написанным, что возвышает его среди прочих персонажей «Записок», а также указывает на то, что его Я еще не оторвалось от Мы (Вдовин 2005: 27). Одновременно, благодаря этому слиянию, его «особые приметы» становятся трудноразличимыми.

ЛИТЕРАТУРА

Бахтин 1979 – *Бахтин М.М.* Автор и герой в эстетической деятельности // *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979.

Вдовин 2005 – *Вдовин Г.В.* Персона – Индивидуальность – Личность. Опыт самосознания в искусстве русского портрета XVIII века. М., 2005.

Лескинен 2002 – *Лескинен М.В.* Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. М., 2002.

Лескинен 2010 – *Лескинен М.В.* Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в.: «другой» сквозь призму идентичности. М., 2010.

Михеев 2007 – *Михеев М.* Дневник как эго-текст (Россия, XIX-XX). М., 2007.

Софронова 2006 – *Софронова Л.А.* О проблемах идентичности // Культура сквозь призму идентичности. М., 2006.

Тананаева 1979 – *Тананаева Л.И.* Сарматский портрет. Из истории польского портрета эпохи барокко. М., 1979.

Хорев 2011 – *Хорев В.А.* Автопортрет Ежи Анджеевского в дневнике «Изо дня в день. дневник. 1972–1979» // Текст славянской культуры. М., 2011.

Chmielowski 1753–1756 – *Chmielowski B.* Nowe Ateny albo Akademiia wszelkiej sciencyj pełna na różne tytuły jak na classes podzielona, mądrym dla memoryjału, idiotom dla nauki, politykom dla praktyki, melankolikom dla rozrywki erzgowana. alias o bogu, bożków mnóstwie, słów pięknych wyborze, kwestyj cudnych wiele, o sybillów zbiorze, o zwierzu, rybach, ptakach, o matematyce, o cudach świata, ludzi rządach, polityce, o językach i drzewach, o żywiołach, wierze, hieroglifikach, gadkach, narodów manierze, co kraj który ma w sobie dziwnych ciekawości, cały świat opisany z gruntu w słów krótkości. T. 1–4. Lwów, 1753–1756. Текст доступен по адресу: http://literat.ug.edu.pl/ateny/index.htm (30.09.2013).

Doroszewski 1960 – Słownik języka polskiego / Pod red. W. Doroszewskiego. T. I–XI. Warszawa, 1958–1969. T. II. Warszawa, 1960.

Pasek 2009 – *Pasek J.Ch.* Pamiętniki. Warszawa, 2009.

БИБЛИОГРАФИЯ

Апресян В.Ю. Семантика и прагматика судьбы // Материалы международной конференции «Диалог 2006». М., 2006.

Байбурин А.К. О кулинарном коде ритуала // Балканские чтения – 2. Симпозиум по структуре текста. М., 1992.

Барановский Б. Кавказ и Польша в XVII в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М., 1979.

Бахтин М.М. Эпос и роман (О методологии исследования романа) // *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.

Белова О.В. «Лях-девятьденник» и «москаль-людоед» (представления этнических соседей друг о друге) // Поляки и русские в глазах друг друга. М., 2000.

Березович Е.Л. Метафорические комплексы, составленные терминами родства, в славянских языках // Категория родства в языке и культуре. М., 2009.

Бокадорова И.Ю. Семантическое поле «судьбы» у французских энциклопедистов // Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994.

Боплан Г. де. Описание Украины / Пер. с франц. З.П. Борисюк, ред. А.Л. Хорошкевич, Е.Н. Ющенко. М., 2004.

Брагина Н.Г. Время сквозь призму памяти (анализ языковых употреблений) // Знаки времени в славянской культуре: от барокко до авангарда. М., 2009.

Валгина Н.С. Теория текста. М., 2003.

Васькина А.С. Пищевой код в коллективных прозвищах (Каргопольский и Няндомский района Архангельской области) // Коды повседневности в славянской культуре: еда и одежда. СПб., 2011.

Вдовин Г.В. Персона – Индивидуальность – Личность. Опыт самосознания в искусстве русского портрета XVIII века. М., 2005.

Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М., 1998.

Вендина Т.И. Базовые категории русской традиционной культуры // Категории жизни и смерти в славянской культуре. М., 2008.

Виноградов В.В. О теории художественной речи. М., 1971.

Виноградова Л.Н. Славянская народная демонология: проблемы сравнительного изучения. Дисс. в виде научного доклада на соискание уч. степ. доктора филологических наук. М, 2001.

Виноградова Л.Н., Левкиевская Е.Е. Народная демонология Полесья. Т. 1. М., 2010.

Воркачев С.Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2001. Т. 60. №6.

Воробьева И.Г. Кандийская война в сочинении далматинского историка XVII века // Образ войны в общественной мысли славянских народов эпохи Средневековья и раннего Нового времени. М., 2012.

Гипертрихоз // *Бородулин В.И., Ланцман М.Н.* Справочник: Болезни. Синдромы. Симптомы. М., 2009.

Гуревич А.Я. Популярное богословие и народная религиозность средних веков // Из истории культуры средних веков и Возрождения. М., 1976.

Давыдов Ю.Н. Этическое измерение памяти // Этическая мысль / Под. ред. А.А. Гусейнова. М., 1990.

Даль В.И. Пословицы русского народа. В 2-х тт. М., 2012.

Дневник Маскевича. 1594–1621 // Сказания современников о Дмитрии Самозванце / Подг. текста, перевод, комм. Н.Г. Устрялова. В 5-ти ч. СПб., 1859. Т. 1.

Дубин Б.В. Речь, слух, рассказ: трансформация устного в современной культуре // *Дубин Б.В.* Слово – письмо – литература: Очерки по социологии современной культуры. М., 2001.

Дубровина С.Ю. Родство по духу: культурно-языковая перспектива // Категория родства в языке и культуре. М., 2009.

Завьялова М.В. Фольклорные и мифологические реминисценции в новелле Проспера Мериме «Локис» // Язык. Личность. Текст. Сборник статей к 70-летию Т.М. Николаевой. М., 2005.

Зализняк А. Дневник: к определению жанра // Новое литературное обозрение. 2010. №106.

Запольский И.А. Военный кодекс чести как основа самоидентификации ускоков // Образ войны в общественной мысли славянских народов эпохи Средневековья и раннего Нового времени. М., 2012.

Злыднева Н.В. Предисловие от редколлегии // Коды повседневности в славянской культуре: еда и одежда. СПб., 2011.

Из записок Пассека. Мазепа при польском дворе // Русский архив. 1878. № 11.

Иоанн Новый, Сочавский // Православная энциклопедия. В 32-х тт. М., 2000–2013. Т. 24. М., 2010.

Киреева Н.В. Специфика репрезентации концепта «книга» в речевом жанре «дневник» // Электронный журнал «Вестник Омского государственного педагогического университета». Вып. 2006.

Киселева М.С. Имперские темы в барочной проповеди Стефана Яворского: «царство как колесница четырехколесная» // Текст славянской культуры. М., 2011.

Корб И.-Г. Дневник // Русский вестник. 1866. № 4.

Криничная Н.А. Облик домового: тождество вербальных и пластических образов // *Криничная Н.А.* Русская народная мифологическая проза: Истоки и полисемантизм образов. В 3-х тт. Т. 1. Былички, бывальщины, легенды, поверья о духах-хозяевах. СПб., 2001.

Курбатов О.А. Государев Смоленский поход 1654 года // Седмица. 2004.

Лескинен М.В. Изобилие и обжорство в национальной культуре: об интерпретации сарматских пиров // Коды повседневности в славянской культуре: еда и одежда. СПб., 2011.

Лескинен М.В. Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной мифологии Речи Посполитой. М., 2002.

Лескинен М.В. Событийность и повседневность в сарматских эго-документах // Категории жизни и смерти в славянской культуре. М., 2008.

Лескинен М.В. История и память: новое прошлое и «забытое старое»: историографические аспект // Знаки времени в славянской культуре: от барокко до авангарда. М., 2009.

Лескинен М.В. От «натуры» к «гению»: традиции нравоописаний европейских народов XVI–XVIII вв. // Текст славянской культуры. М., 2011.

Лескинен М.В. Поляки и финны в российской науке второй половины XIX века: «другой» сквозь призму идентичности. М., 2010.

Лотман Ю.М. Непредсказуемые механизмы культуры. Таллинн, 2010.

Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении // *Лотман Ю.М.* Избранные статьи. Таллинн, 1992.

Лотман Ю.М. Не-мемуары // *Лотман Ю.М.* Воспитание души. СПб., 2003.

Луцевич Л. В поисках аутентичности: Международная научная конференция «Дневники, письма, записные книжки русских писателей» // Новое литературное обозрение. 2007. №87.

Люстров М.Ю. «Множество пленников убиенных» и «милость к пленным» в русских и шведских панегириках начала XVIII века // Категории жизни и смерти в славянской культуре. М., 2008.

Мемуары Ивана Златоуста Пасека, современника королей польских Яна Казимира, Михаила Вишневецкого и Яна Собеского. СПб., 1860.

Михеев М. Дневник как эго-текст (Россия, XIX–XX). М., 2007.

Морозов И.А. «Когда есть нечего…»: пища в экстремальных и кризисных ситуациях // Коды повседневности в славянской культуре: еда и одежда. СПб., 2011.

Мочалова В.В. Ян Кароль Ходкевич: воин в литературном зеркале // Образ войны в общественной мысли славянских народов эпохи Средневековья и раннего Нового времени. М., 2012.

Никитина С.Е. Конфессиональные культуры в их территориальных разновидностях (проблемы синхронного описания). М., 2012.

Николаев С.И. Курочка протопопа Аввакума и выдра Яна Пасека // Russica Romana. 2003. Vol. 10.

Николаев С.И. Театральный эпизод «Записок» Я.Х. Пасека по статейному списку В.М. Тяпкина // Советское славяноведение. 1989. № 2.

О России в царствование Алексея Михайловича. Современное сочинение Григория Котошихина. Издание Археографической комиссии. СПб., 1859.

Обар И. Мемуары Ивана Златоуста Пасека, современника королей польских Яна Казимира, Михаила Вишневецкого и Яна Собеского. СПб., 1860. Рецензия // Библиотека для чтения. 1860. № 2. Отдел «Современная летопись».

Орлова Н.А. Речевой жанр «мемуары» и его реализация в текстах носителей разных типов речевой культуры. Автореферат дисс. на соискание степени канд. фил. наук. Омск, 2004.

Осипова М.А. Успех, удача и ошибки атрибуции // Категории жизни и смерти в славянской культуре. М., 2008.

Панченко А.М. Справки об авторах и примечания // Польская поэзия XVII века. Л., 1977.

Полторацкий А.И. Судьба у Шекспира // Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994.

Польская поэзия XVII века. Л., 1977.

Постовалова В.И. Судьба как ключевое слово культуры и его толкование А.Ф. Лосевым // Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994.

Похлебкин В. Словарь международной символики и эмблематики. М., 2001.

Реляция о военном походе его царского величества Алексея Михайловича в Литву против Польского короля Яна Казимира. 1654 г. // Витебская старина. 1885. Т. 4. Отд. 2.

Репина Л.П. Персональные тексты и «новая биографическая история: от индивидуального опыта к социальной памяти // Сотворение Истории: Человек – Память – Текст. М., 2001.

Савваитов П.И. Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора. СПб., 1896.

Сафронов И.Н. Одежда и обувь // *Сафронов И.Н.* Материальная культура Донского казачества XVI–XVII вв.

Свирида И.И. Функции еды в иностранных описаниях России XVI–XVII вв. // Коды повседнев-

ности в славянской культуре: еда и одежда. СПб., 2011.

Силецкий В.И. Превратности лахесис (доля – случай – рок) // Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994.

Славянские древности. Этнолингвистический словарь. В 5-ти тт. М., 1995–2012.

Соколов М.Н. Христос у подножия Мельницы-фортуны. К интерпретации одного пейзажно-жанрового мотива Питера Брейгеля Старшего // Искусство Западной Европы и Византии. М., 1978.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. В 15-ти кн. (29-ти тт.). М., 1960–1966. Кн. IV. М., 1960.

Солонин Ю.Н., Дудник С.И. Судьба субъективного жанра в контексте европейской культуры XVII–XX веков // XVII век в диалоге эпох и культур. Материалы научной конференции. Серия «Simposium». Вып. 8. СПб., 2000.

Софронова Л.А. Введение // Оппозиция сакральное/светское в славянской культуре. М., 2004.

Софронова Л.А. Культура сквозь призму поэтики. М., 2007.

Софронова Л.А. Миф и драма барокко в Польше и России // Миф – Фольклор – Литература. Л., 1978.

Софронова Л.А. Мифопоэтика раннего Гоголя. СПб., 2010.

Софронова Л.А. Старинный украинский театр. М., 1996.

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1–3. СПб., 1893–1912.

Стародворская Е.В. Иронические высказывания как источник информации о семантической структуре слова // Словарь, грамматика, текст в свете антропоцентрической лингвистики: Сб. статей. Вып. 3 / Под ред. О.Л. Михалёвой. Иркутск, 2005.

Степанов Ю.С. Концепт // Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры.

Стрелков В.И. Смерть и Судьба // Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994.

Сурис Б. Фронтовой дневник. М., 2010.

Тананаева Л.И. Сарматский портрет. Из истории польского портрета эпохи барокко. М., 1979.

Тананаева Л.И. Нагробный портрет в Речи Посполитой (XVI–XVII века) // Категории жизни и смерти в славянской культуре. М., 2008.

Тананаева Л.И. О маньеризме и барокко. Очерки искусства Центрально-Восточной Европы и Латинской Америки конца XVI–XVII века. Чехия. Польша. Перу. М., 2013.

Татищев В.Н. Глава 12. Сказание Геродота Гелиокарнасского о скифах, сарматах и прочих // *Татищев В.Н.* Собр. соч. в 8-ми тт. М.–Л., 1962–1979. Т. 2. Ч. 2. М., 1963.

Твардовский А.Т. Стихотворения и поэмы. В 2-х тт. М., 1957.

Толстая С.М. Категория родства в этнолингвистической перспективе // Категория родства в языке и культуре. М., 2009.

Тюпа В.И. Очерк современной нарратологии // Критика и семиотика. 2002. Вып. 5.

Тюпа В.И. Нарратив и другие регистры говорения // Narratorium. 2011. № 1–2. Весна–осень.

Уколова В.И. Фортуна в мире западного Средневековья // Вестник истории, литературы, искусства. Отделение историко-филологических наук РАН. М., 2005.

Фатеева Н.А. Группы переносных значений слов, обозначающих пищевые продукты, в русском арго // Коды повседневности в славянской культуре: еда, одежда. СПб., 2011.

Филатова Н.М. К. Бродзиньский и идея христианской политики // Оппозиция сакральное/светское в славянской культуре. М., 2004.

Фролов В.П. Героическая оборона Смоленска в 1609–1610 гг.// Военно-исторический журнал. 1987. № 6.

Хорев В.А. Автопортрет Ежи Анджеевского в дневнике «Изо дня в день. Литературный дневник. 1972–1979» // Текст славянской культуры. М., 2011.

Цивьян Т.М. Оппозиция мифологическое / реальное в поздних мифологических текстах // *Цивьян Т.М.* Язык: тема и вариации. Избранное. В 2-х тт. Т. II. М., 2008.

Чернышева М.И. Тематически-исторический словарь русского языка: одежда // Коды повседневности в славянской культуре: еда и одежда. СПб., 2011.

Шатобриан Ф.Р. де. Гений Христианства // Эстетика раннего французского романтизма. М., 1982.

Шмид В.Н. Нарратология. М., 2003.

Эдельман О. Орлы и львы // Время новостей. № 211. 17 ноября 2009 г.

Augustyniak U. Wazowie i «królowie-rodacy». Warszawa, 1999.

Burkot S. Książka, którą czytam // Konspekt. Wiosna 2001. № 6.

Chemperek D. Pasek w Danii – literackie i kulturoznawcze jakości «Pamiętników» // Studia filologiczne 2. Studium Genetale Sandomiriense – Wyższa Szkoła Humanistyczna – Przyrodnicza w Sandomierzu. Sandomierz, 2001.

Chmielowski B. Nowe Ateny albo Akademiia wszelkiej sciencyj pełna na różne tytuły jak na classes podzielona, mądrym dla memoryjału, idiotom dla nauki, politykom dla praktyki, melankolikom dla rozrywki erzgowana. alias o bogu, bożków mnóstwie, słów pięknych wyborze, kwestyj cudnych wiele, o sybillów zbiorze, o zwierzu, rybach, ptakach, o matematyce, o cudach świata, ludzi rządach, polityce, o językach i drzewach, o żywiołach, wierze, hieroglifikach, gadkach, narodów manierze, co kraj który ma w sobie dziwnych ciekawości, cały świat opisany z gruntu w słów krótkości. T. 1–4. Lwów, 1753–1756.

Czapliński Wł. Wstęp // *Pasek J.Ch.* Pamiętniki. Warszawa, 2009.

Słownik języka polskiego / Pod red. W. Doroszewskiego. T. I–XI. Warszawa, 1958–1969.

Dzięgielewski J. Sejmy elekcyjne, elektorzy, elekcje 1573–1674. Pułtusk, 2003.

Głażewski J. Historia i narracja. O epizodzie siedleckim w Pamiętnikach Jana Chryzostoma Paseka // Terminus. R. XII (2010). № 2 (22).

Gloger Z. Encyklopedia Staropolska. T. I–IV. Warszawa, 1900–1903.

Kalinowski D. Między ekspiacją a ekspansją. O «Zapiskach starucha» Aleksandra Fredry // Słupskie Prace Filologiczne. Seria «Filologia Polska». № 2. Słupsk, 2004.

Kiersnowski R. Niedźwiedzie i ludzie w dawnych i nowszych czasach. Fakty i mity. Warszawa, 1990.

Kitowicz J. Opis obyczajów za panowania Augusta III. Warszawa, 1985.

Malcher I. Postać krasnoludka w polskiej demonologii ludowej. Wrocław, 1999.

Manyś B. Pompa funebris a życie codzienne w świetle XVIII-wiecznych oracji funeralnych Pawła Giżyckiego // Homo sum: humani nil a me alienum puto. Życie codzienne wczoraj i dziś. Poznań, 2011.

Mickiewicz A. Lekcja druga // *Mickiewicz A.* Prelekcje Paryskie / Wybór i oprac. M. Piwińska. Kraków, 1997.

Pachocka A. Sarmackie zmagania z Bachusem // Obyczaje: magazyn międzynarodowy. 2003. №15.

Parandowski J. Alchemia slowa. Warszawa, 1951.

Pasek J.Ch. Pamiętniki. Przedmowa: J. Tazbir, wstęp i objaśnienia Wł. Czapliński. Warszawa, 2009.

Pelc J. Sarmatyzm a barok // Problemy literatury staropolskiej. 1. Wrocław, 1972.

Pełka L.J. Polska demonologia ludowa. Warszawa, 1987.

Plewczyński M. Żołnierz jazdy obrony potocznej za panowania Zygmunta Augusta. Warszawa, 1985.

Pludry // Słownik wyrazów obcych. Wydawnictwo Naukowe PWN, 2013.

Pollak R. Wstęp // *Pasek J.Ch.* Pamiętniki / Oprac. i wstępem opatrzył R. Pollak. Warszawa, 1963.

Słownik języka Jana Chryzostoma Paska / Red. H. Koneczna i W. Doroszewski. T. 1–2. Wrocław, 1965–1973.

Jan III Sobieski. Listy do królowej Marysieńki / Opracował L. Kukulski. T. 1–2. Warszawa, 1973.

Talko-Hryncewicz J. Muślimowie czyli tak zwani tatarzy litewscy. Kraków, 1924.

Tazbir J. Pasek jako kronikarz XVII wieku // *Pasek J.Ch.* Pamiętniki. Warszawa, 2009.

Witczak T. Epizod teatralny «Pamietników» Jana Chrysostoma Paska // Pamiętnik Teatralny. 1969. Rok XVIII. Z. 4.

Zalejarz K. Słownictwo bitewne jako element języka XVII-wiecznych rycerzy – o modelu archaizacyjnym Henryka Sienkiewicza (na przykładzie «Ogniem i mieczem»)// Podteksty. 2007. № 3(9).

Żurawska-Chaszczewska J. Słownictwo rzemiosł skórzanych w polszczyźnie historicznej. Praca doktorska. Poznań, 2010.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ[1]

А

Аввакум, *протопоп, духовный писатель, автор «Жития»* ▸ 23, 343.

Август II Сильный (August II Mocny) (1670–1733), *кор. пол. из дин. Веттинов (1697–1706, 1709–1733)* ▸ 189.

Адамс Климент, *англ. путешественник, автор записок о Московии* ▸ 254.

Аксаков С.Т., *росс. писатель* ▸ 342.

Александр Великий, Македонский, *македонский ц., полководец* ▸ 115, 136, 254.

Алексей Михайлович Романов (1629–1676), *росс. ц. (1645–1676)* ▸ 201, 228.

Алябьев А.А., *росс. композитор* ▸ 345.

Андерсен Г.Х., *датский прозаик и поэт, сказочник* ▸ 164.

Анджеевский Е., *пол. писатель* ▸ 59, 372.

Антоний Падуанский, *кат. св.* ▸ 74, 92, 96, 103, 106, 111, 126–127, 162.

Антонович Михал, *ротмистр татарской хоругви* ▸ 286.

Апресян В.Ю. ▸ 152, 155.

Аристотель, *древнегреческий философ* ▸ 141.

Афанасьева Н.Е. ▸ 161, 174.

Б

Байбурин А.К. ▸ 167, 174.

Барановский К. ▸ 234, 245.

Бахтин М.М. ▸ 28, 41, 58, 62, 70, 90, 106, 352–353, 371–372.

Белова О.В. ▸ 162, 174.

Березович Е.Л. ▸ 272–273, 277.

[1] Принятые сокращения: англ. – английский, воев. – воевода, вел. – великий, гданьс. – гданьский, гетм. – гетман , дин. – династия, еп. – епископ, имп. – император, кат. – католический, кн. – князь, кор. – король, корон. – коронный, крак. – краковский, лит. – литовский, марш. – маршалк (маршалек), пол. – польский, правосл. – православный, родств. – родственник, росс. – российский, рус. – русский (руський), св. – святой, тов. – товарищ, фр. – французский, ц. – царь, шв. – шведский, шл. – шляхтич. В указатель не вошло имя Я.Х. Пасека (Pasek J. Ch.), так как оно встречается почти на каждой странице книги.

Берут Болеслав, *пол. политический и государственный деятель, первый президент ПНР* ▸ 183.

Бидзиньский Стефан, *стражник корон., кастелян, позже воев. сандомирский* ▸ 269.

Боболя, *пол. шл.* ▸ 89–90.

Боженцкий Павел, *поручик, субститут войсковой конфедерации* ▸ 66, 209.

Бокадорова И.Ю. ▸ 142, 155.

Бона Сфорца (1494–1557), *пол. королева (1518–1548), жена пол. кор. Сигизмунда I Старого* ▸ 220.

Боплан Ги. де., *фр. инженер и военный картограф, автор «Описания Украины»* ▸ 220, 284, 300.

Бородулин В.И. ▸ 174.

Браге, Тихо де, *дат. астроном, астролог, алхимик* ▸ 349.

Брагина Н.Г. ▸ 39–40, 43, 58.

Братковский Даниэль, *пол. поэт* ▸ 223, 236, 309.

Бродзиньский Казимеж, *пол. поэт, критик, историк литературы* ▸ 131.

Броневский Ян Фирлей, *пол. шл.* ▸ 69, 224, 263, 315.

Броницкая Саломея, *дочь Анджея Браницкого, крак. войскового* ▸ 103.

Ваза, *династия шв. и пол. кор.* ▸ 295.

Валгина Н.С. ▸ 45, 56, 58, 98, 107, 131.

Вандерн, *гданьск. купец* ▸ 327.

Варшицкий Станислав, *крак. кастелян* ▸ 310.

Васькина А.С. ▸ 215, 228.

Вдовин Г.В. ▸ 371–372.

Вендина Т.И. ▸ 139, 141, 155.

Вильгельм III Оранский, *правитель Нидерландов, король Англии и Шотландии* ▸ 270.

Вильгельм Фредерик, *курфюрст бранденбургский* ▸ 241, 297.

Виноградов В.В. ▸ 27, 58.

Виноградова Л.Н. ▸ 160–161, 163, 174.

Вишневецкий Дмитрий, *кн., вел. корон. гетм.* ▸ 199.

Вишневецкий Иеремия, *кн., русский воев.* ▸ 266.

Владислав IV (Władysław IV) (1595–1648), *пол. кор. из дин. Ваза (1632–1648)* ▸ 345.

Владислав Ягелло (Władysław Jagiełło) (1351–1434), *кор. пол. из дин. Ягеллонов (1386–1434)* ▸ 183.
Владиславиуш А., *пол. поэт* ▸ 206, 222.
Войниллович Габриэль, *поручик панцерной хоругви* ▸ 290.
Войновский Ян, *тов.* ▸ 138, 251, 257, 260, 264, 269.
Вольские, *род* ▸ 63.
Вольский Лукаш, *тов. хоругви В. Лещиньского* ▸ 99, 337.
Воркачев С.Г. ▸ 145, 155.
Воробьева И.Г. ▸ 149, 155.

Габсбурги, *дин. имп. Священной Римской империи (1438–1806)* ▸ 127, 352.
Гавиньский Ян, *пол. поэт* ▸ 186.
Ганнибал, *карфагенский полководец* ▸ 144, 257.
Генрих IV Бурбон (Генрих Наваррский, Генрих Великий) (1553–1610), *кор. Франции (1594–1610)* ▸ 144.
Генрих IV Валуа (1551–1589), *пол. кор. (1574–1575), кор. Франции (1574–1589)* ▸ 310.
Геродот, *древнегреческий историк* ▸ 175.
Глажевский Ян (Głażewski J.) ▸ 28, 39, 55, 59, 98, 100, 102, 107.
Глогер З. (Gloger Z.) ▸ 14, 23, 29, 60, 183, 193, 202, 214, 222–225, 228–229, 243, 245, 259, 270, 276, 278, 286–287, 292–294, 297, 301, 310, 322, 326, 328, 334, 338–339, 346.
Гоголь Н.В., *росс. писатель* ▸ 8–9, 43, 59, 314, 322.
Гожевский Казимеж, *шл.* ▸ 267.
Гожковский, *шл., убитый Пасеком* ▸ 264.
Гомбрович В., *пол. писатель* ▸ 16.
Гомер, *древнегреческий поэт* ▸ 42.
Гонзага, *дин. правителей Мантуи* ▸ 172.
Госевский (Гонсевский) Винцент, *подскарбий лит., гетм. польн. лит.* ▸ 153, 250.
Готфрид, *герой поэмы Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим»* ▸ 264.
Гофман, *капитан Советской армии* ▸ 298.
Гумовский, *подчаший* ▸ 87.
Гура А.В. ▸ 160, 171, 174.
Гуревич А.Я. ▸ 128, 130–131.
Гурницкий Лукаш (Górnicki Łukasz), *пол. писатель, историк* ▸ 235.
Густав (Карл X Густав) (1622–1660), *шв. король* ▸ 149.

Д

Давыдов Ю.Н. ▸ 28, 39, 58.
Даль В.И. ▸ 238, 245.
Демболенцкий Войчех, *пол. писатель* ▸ 17, 114.
Денхофф Владислав, *воев. поморский* ▸ 298.
Джалыньский Адам, *ротмистр, староста братианский* ▸ 315.
Дзенгелевский, *слуга Пасека* ▸ 225, 351.
Дмитрий Самозванец (Лжедмитрий I) (?–1606), *росс. ц. (1605–1606)* ▸ 201.
Долгорукий Юрий Алексеевич, *росс. воев.* ▸ 16, 49–50, 65, 79, 116, 219, 293, 296, 364.
Домбровский, *полковник лит. войск* ▸ 267.
Домбровский Казимир Станислав, *виленский подкоморий* ▸ 306.
Домбровский Фелициан, ксендз, *капеллан в войске Ст. Чарнецкого* ▸ 90.
Дорошевский В. (Doroszewski W.) ▸ 23, 83, 107, 186, 190, 198, 202, 270, 278, 363, 372.
Досифей, *митрополит молдавский* ▸ 127.
Дубин Б.В. ▸ 66, 107.
Дубровина С.Ю. ▸ 271, 277.
Дудник С.И. ▸ 21, 23.
Дьердь (Ежи, Георгий) II Ракоци (1621–1660), *князь Трансильвании (1648–1657, 1659–1660)* ▸ 57, 62, 120, 159, 269.

Ж

Жебровский ▸ 270.
Жевуский (Ржевуский) Генрик, *пол. писатель* ▸ 15.
Желецкий Ян, *ловчий корон.* ▸ 282.
Жеромский Казимир Хвалибог, *марш. конфед. лит.* ▸ 85, 225, 364.
Жерославский, *шл.* ▸ 226.
Жолкевский Станислав, *вел. гетм. корон.* ▸ 261.

З

Завьялова М.В. ▸ 171, 174.
Зализняк А. ▸ 33–34, 58.
Замойские, *пол. магнатский род* ▸ 344.
Замойский Марчин, *львовский кастелян, позже подскарбий корон.* ▸ 315.
Запольский И.А. ▸ 251, 277.
Злыднева Н.В. ▸ 179, 201.
Змеев, *росс. воев.* ▸ 290.

Иван Поликарпович, *дьяк, секретарь росс. посольства* ▸ 220.

Ивашкевич Ярослав, *пол. писатель* ▸ 164.

Иоанн Новый, Сочавский, *св., правосл. великомученик* ▸ 127, 131.

Иосиф II Габсбург (1741–1790), *имп. Священной Римской империи (1765–1790)* ▸ 127, 352.

Калиновский Д. (Kalinowski D.) ▸ 15, 23.

Карл V Габсбург (1500–1558), *имп. Священной Римской Империи (1520–1558), кор. Испании (1516–1558)* ▸ 144.

Келчовский Ремигиан, *шл.* ▸ 330.

Керсновский Р. (Kiersnowski R.) ▸ 169–172, 176.

Киреева Н.В. ▸ 32, 58.

Киселева М.С. ▸ 134–135, 155.

Китович Е. (Kitowicz J.) ▸ 53, 60, 122, 124, 126, 132, 186, 191, 202, 205, 210, 215, 220–221, 224, 230, 234–236, 238–239, 242–245, 288, 301, 307–309, 322.

Кленовиц (Кленович) Себастьян Фабиан, *пол. поэт* ▸ 327–328.

Клеопатра ▸ 198.

Коморницкий Александр, *ротмистр* ▸ 330.

Коморовский Ежи, *подстароста новомейский* ▸ 86, 198.

Конде, принц (Людовик II де Бурбон-Конде, принц де Конде) (1621–1686), *полководец Франции, генералиссимус, претендент на пол. трон* ▸ 311.

Корецкие, *род* ▸ 42.

Константин IX Палеолог Драгаш (1404–1453), *имп. Византийский (1449–1453), погиб при осаде Константинополя турками* ▸ 144.

Корб И.-Г. ▸ 206–207, 218–220, 228.

Котошихин Григорий, *росс. писатель* ▸ 206, 228.

Кохановский Ян, *пол. поэт* ▸ 32, 286.

Коховский Веспасьян, *пол. поэт и историк* ▸ 32, 140, 222.

Красиньский Зыгмунт, *пол. писатель* ▸ 7.

Крашевский Юзеф Игнаций, *пол. писатель* ▸ 16.

Криничная Н.А. ▸ 164, 175.

Кросновская Тереза, *жена подчаш. равского Миколая* ▸ 197, 368.

Ксеркс, *персидский царь* ▸ 57.

Куницкий Вацлав, *пол. писатель, публицист* ▸ 266.

Куницкий (Коницкий) Стефан, *казацкий гетм.* ▸ 191.

Курбатов О.А. ▸ 219, 229.
Кшивецкий, *поручик* ▸ 85, 316.

Л

Ланцкороньский Франчишек, *стопницкий староста, потом крак. подкоморий* ▸ 42, 47, 78, 146–147, 152, 254, 257, 262, 265, 273, 359, 367.
Ланцман М.Н. ▸ 174.
Левкиевская Е.Е. ▸ 160–161, 164–165, 167, 174–175.
Лермонтов М.Ю., *росс. поэт* ▸ 298.
Лескинен М.В. ▸ 10, 18, 22, 29, 32, 34, 40, 42, 45, 58, 111–112, 114, 131, 194, 200–201, 204, 208, 220, 229, 250, 252, 255, 263, 265–266, 269, 271–272, 277, 325, 330, 332–334, 360, 364, 372.
Лещиньский Вацлав, *зять гетм. Стефана Чарнецкого* ▸ 269.
Липский Ян Альбрехт, *воев. равский* ▸ 87.
Лось Якуб, *шл., автор записок* ▸ 39, 286.
Лотман Ю.М. ▸ 15, 22, 137, 155, 195, 201, 291, 300.
Лосев А.Ф., *росс. философ* ▸ 107.
Луцевич Л. ▸ 17, 22, 30, 58.
Лышчиньский Казимеж, *шл.* ▸ 66.
Любомирский Ежи Себастьян, *вел. марш. корон., предводитель рокошан* ▸ 57, 82, 84, 95, 138, 145, 185, 214, 244, 269, 286, 295, 305, 309, 315–316, 352.
Любомирский Станислав Гераклиуш, *пол. поэт* ▸ 134–136, 140.
Людвика Мария Гонзаго (1611–1667), *пол. королева, жена пол. королей-братьев – Владислава IV (1645–1648) и Яна Казимира из дин. Ваза (1649–1667)* ▸ 112, 169, 295, 320, 353.
Люстров М.Ю. ▸ 184, 201.
Лютер Мартин ▸ 52, 348–349.

М

Мазепа Иван Степанович, *гетм. запорож.* ▸ 15, 22, 67, 93–94, 104, 175, 223, 225, 240, 253.
Малаховский Ян, *крак. епископ, позже подканцлер корон.* ▸ 331.
Мария Казимира д'Аркьен (Марысенька, Marysieńka) (1641–1716), *королева пол. (1674–1716), жена короля Яна Собеского* ▸ 132, 156, 176, 202, 230, 246, 341, 346.
Мартин, *св.* ▸ 337.
Маскевич Самуил, *пол. шл., автор записок о Московском походе* ▸ 191–192, 201.

Мелецкие, *род* ▸ 42.
Менжиньский Петр, *поручик панцерной хоругви* ▸ 244.
Мериме П., *фр. писатель* ▸ 171, 174.
Михал Корыбут Вишневецкий (Michał Korybut Wiśniowiecki) (1640–1673), *пол. кор. (1669–1673)* ▸ 15, 22–23, 66, 74, 113, 120, 199, 205, 237, 266, 276, 304, 311–313, 316, 319–321, 361, 370.
Михеев М. ▸ 27, 38, 40–41, 45, 59, 102, 107, 356, 372.
Мицкевич А. (Mickiewicz A.), *пол. поэт* ▸ 7, 15, 34, 60, 73, 357.
Моджевский Кшиштоф, *ротмистр* ▸ 87.
Монтекукколи Раймонд, *австрийский фельдмаршал* ▸ 56, 67, 251.
Морозов И.А. ▸ 206, 208, 229.
Морштын Збигнев, *пол. поэт* ▸ 136.
Морштын Иероним, *пол. поэт* ▸ 138.
Морштын Ян Анджей, *пол. поэт и дипломат* ▸ 136, 141, 145, 222.
Мочалова В.В. ▸ 282, 300.
Мурашка Дионисий, *казацкий полковник, предводитель отряда ополчения* ▸ 194, 286.
Мышковский Ян Александр, *подкоморий, позже кастелян бельский* ▸ 330.
Мышковский Станислав Казимир, *маркграф* ▸ 150, 331.

Невеский Станислав, *пол. астроном* ▸ 338.
Нестеров Афанасий Иванович, *росс. посол, стольник* ▸ 218.
Нестеров Михаил Афанасьевич, *сын росс. посла А.И. Нестерова* ▸ 218–219.
Никитина С.Е. ▸ 179, 201.
Николаев С.И. ▸ 18, 20, 22, 343, 346.
Нучиньские, *братья* ▸ 269, 292.

Обар И. ▸ 15, 23.
Огиньский Марциан, *троцкий стольник, позже вел. канц. лит.* ▸ 171.
Ожаровский Станислав, *шл.* ▸ 332.
Ожга Петр, *львов. подкоморий* ▸ 66, 317.
Ожеховский (Ореховский) Станислав, *пол. публицист, кат. проповедник рус. происхождения* ▸ 17, 255, 272.
Олендзка, *жена кастеляна закрочимского Томаша Олендзкого* ▸ 351.
Олендзкий Томаш, *кастелян закрочимский* ▸ 237.

Олтажовский Франчишек, *подстолий равский* ▸ 197, 270.
Опалиньский Кшиштоф, *пол. поэт* ▸ 35, 44, 136.
Опалиньский Лукаш, *пол. гос. деятель, поэт, публицист* ▸ 325, 330.
Опалиньский Петр, *воев. подляшский* ▸ 173.
Орлова Н.А. ▸ 41, 59.
Осипова М.А. ▸ 151, 155.

Павел Андрейс, *далматинский историк* ▸ 149.
Панченко А.М. ▸ 140, 155.
Парандовский Я. (Parandowski J.) ▸ 14, 23.
Папроцкий Бартош, *пол. историк, геральдист, публицист* ▸ 270.
Пасек Станислав, *племянник Я.Х. Пасека* ▸ 266.
Пасек Станислав, *двоюродный брат Я.Х. Пасека* ▸ 342.
Пасек Ян, *сын Яна Пасека, смоленского городничего* ▸ 270.
Пасек Ян, *городничий смоленский* ▸ 270.
Пастрана Юлия, *женщина с врожденным гипетрихозом* ▸ 173.
Пацы, *шл. род* ▸ 82.
Пекарский Филипп, *офицер, родств. Я.Х. Пасека* ▸ 269.
Пельц Я. (Pelc J.) ▸ 263, 278.
Петр, *апостол* ▸ 89–90, 112, 266.
Петр I (1672–1725), *росс. ц. (1682–1725), росс. имп. (1721–1725)* ▸ 184.
Петрухин В.Я. ▸ 158, 175.
Пикарский Адриан, *иезуит, проповедник, писатель* ▸ 88, 120, 122, 128, 225, 265, 267–268.
Писарский Ахаций, *староста вольбромский* ▸ 74, 282.
Питер Брейгель Старший, *нидерландский художник* ▸ 156.
Платонов Андрей, *росс. писатель* ▸ 7.
Плотникова А.А. ▸ 161–162, 174–175.
Погосян Е. ▸ 135.
Полторацкий А.И. ▸ 140, 156.
Поляновский Александр, *поручик хоругви панцерной* ▸ 161, 312.
Помпей Гней Великий, *древнеримский государственный деятель и полководец* ▸ 144.
Постовалова В.И. ▸ 98, 107.
Потоцкий Вацлав, *пол. поэт, сатирик, моралист* ▸ 137, 158, 186, 206, 222, 308.
Потоцкий Кароль, *подчаший подольский, ротмистр хоругви панцерной* ▸ 182.
Потрыковский Мачей, *родств. Я.Х. Пасека* ▸ 268.

Потрыковский Ян, *шл.* ▸ 268.
Похлебкин В. ▸ 185, 201.
Почобут-Одланицкий Ян Владислав, *пол. шл., автор записок* ▸ 39.
Пражмовский Миколай, *еп., канцлер корон., примас* ▸ 46–47, 113, 139, 160, 238, 255, 274, 295, 305, 311–312.
Пустошиньский, *шл., псевдоним неустановленного лица* ▸ 82.
Пясечиньский Казимир, *полковник* ▸ 257.
Пясты (Piasty), *дин. пол. кор. (963–1370)* ▸ 69, 113, 239, 312–313.

Радзивилл Богуслав, *кн., конюший лит.* ▸ 311.
Радзивилл Миколай Кшиштоф Сиротка, *пол. магнат, политик, автор записок о путешествии в Святую землю* ▸ 259.
Рей Миколай (Rej Mikolaj), *пол. писатель, поэт* ▸ 36, 64, 344.
Ремишовский Енджей, *шл., муж двоюродной сестры Я.Х. Пасека* ▸ 267.
Репина Л.П. ▸ 28, 39, 59, 280, 300.
Ричард II (1367–1400), *кор. англ. (1377–1399)* ▸ 144.
Рубешовский Ян, *тов.* ▸ 138, 251, 257–258, 262, 264, 269.
Рудольф II Габсбург (1552–1612), *имп. Священной Римской Империи (1576–1612), кор. Богемии (1575–1611), кор. Венгрии (1572–1608)* ▸ 344.
Рыльский (Рельский) Ян, *друг Я.Х. Пасека, из Равы* ▸ 68, 226, 367.

Савваитов П.И. ▸ 186, 189, 201, 289–290, 301.
Сапега Казимир, *гетм. лит.* ▸ 193.
Сапега Ян Павел, *вел. гетм. лит.* ▸ 30, 182, 282, 297, 332, 362.
Сафронов И.Н. ▸ 240, 245.
Свирида И.И. ▸ 206–207, 218, 229, 254, 278.
Седакова О.А. ▸ 258.
Секлицкий Адам, *шл., друг Я.Х. Пасека* ▸ 272.
Сенкевич Г. (Sienkiewicz H.), *пол. писатель* ▸ 16, 24.
Сенявский Миколай Иероним, *воев. волынский, позже польный гетм.* ▸ 87, 257.
Сигизмунд II Август (Zygmunt II August) (1520–1572), *пол. кор. из дин. Ягеллонов, (1548–1572)* ▸ 310.
Сигизмунд III (Zygmunt III) (1566–1632), *пол. кор. из дин. Ваза (1587–1632), кор. Швеции (1592–1599)* ▸ 124, 310, 320, 345.

Симеон Полоцкий, *духовный писатель, богослов, поэт* ▸ 343.
Силецкий В.И. ▸ 147, 156.
Сициньский Владислав, *пол. шл., впервые воспользовавшийся правом liberum veto для срыва сейма (1652)* ▸ 307.
Скарга Петр, *кат. теолог, пол. писатель, иезуит* ▸ 272.
Сладковский Петр, *хорунжий равский, кастелян сохачевский* ▸ 251, 351.
Словацкий Ю., *пол. поэт* ▸ 7, 15.
Слушка Юзеф Богуслав, *гетм. польный корон.* ▸ 306.
Соколов М.Н. ▸ 134–135, 147, 156.
Соловьев С.М. ▸ 182, 201.
Солонин Ю.Н. ▸ 21, 23.
Софронова Л.А. ▸ 5–6, 8–10, 43, 59, 142, 156, 353, 371–372.
Срезневский И.И. ▸ 239, 245, 290, 301.
Станислав Август Понятовский (Stanisław August Poniatowski) (1732–1798), *пол. кор. (1764–1795)* ▸ 310.
Станиславский (Станцлевский), *чашник варш.* ▸ 93, 332, 362.
Старовольский Шимон, *пол. писатель, историк, моралист* ▸ 239, 271, 333, 344, 359.
Стародворская Е.В. ▸ 57, 59.
Степанов Ю.С. ▸ 97, 101, 107.
Стефан Яворский, *еп. Русской Православной церкви, писатель* ▸ 155.
Сулковские, *муж (Войчех) и жена* ▸ 94, 96, 102.
Сулковская, *жена равского подвоев. Войчеха Сулковского* ▸ 73, 94, 97, 234.
Стрелков В.И. ▸ 139, 156.
Сурис Б. ▸ 298, 301.
Сципион, Публий Корнелий, *рим. полководец* ▸ 254.

Тазбир Я. (Tazbir J.) ▸ 16, 24, 53, 60, 66, 73, 81, 108, 164, 176.
Тамерлан, *правитель и завоеватель, основатель империи Тимуридов* ▸ 287.
Тананаева Л.И. ▸ 10, 17, 23, 36, 59, 146, 153, 156, 172, 175, 193, 201, 258–261, 277–278, 320, 322, 344, 346, 349, 353, 357, 372.
Тассо Торквато, *итал. поэт* ▸ 264.
Татищев В.Н., *росс. историк* ▸ 170, 175.
Твардовский А.Т., *сов. поэт* ▸ 159, 175, 298, 301.
Тёкёли Имре (Tököly Imre), *вождь венг. восст.* ▸ 66, 129–130.

Токажевский, *чашник брестско-лит.* ▸ 306.
Толстая С.М. ▸ 9, 275, 278.
Толстой Л.Н., *росс. писатель* ▸ 342.
Томицкая Марианна, *пол. шл.* ▸ 331.
Томицкий Александр, *пол. шл.* ▸ 331.
Трембецкий Якуб Теодор, *пол. поэт* ▸ 47.
Трубецкой Алексей Никитич, *кн., воев. росс.* ▸ 286, 290.
Турчиньский, *ротмистр татарской хоругви* ▸ 286.
Тушиньский Ян Дробыш, *пол. шл., автор записок* ▸ 194.
Тшемеский Станислав, *дядя Я.Х. Пасека* ▸ 267.
Тынф, *гданьск. купец* ▸ 327.
Тышкевич ▸ 87, 251, 332.
Тюпа В.И. ▸ 62, 102, 107.

У

Уейский Томаш, *пол. политический и церк. деятель, иезуит, киев. еп.* ▸ 40, 206, 362.
Уколова В.И. ▸ 142, 156.
Ульфельд Якуб, *датский посол в России* ▸ 218.
Усачева В.В. ▸ 162, 175.

Ф

Фальбовская (Фалибовская), *пол. шл.* ▸ 67.
Фальбовский (Фалибовский), *пол. шл.* ▸ 67, 104, 240.
Фатеева Н.А. ▸ 68, 107.
Фердинанд Тирольский (Фердинад Австрийский) (1529–1595), *австрийский эрцгерцог из дин. Габсбургов* ▸ 172.
Филатова Н.М. ▸ 114, 131.
Филипп II, *македонский ц., отец Александра Македонского* ▸ 115.
Фролов В.П. ▸ 182, 201.

Х

Харлевский, *поручик* ▸ 84.
Хелмский Марчин, *подстолий сандомирский, позже обозный корон.* ▸ 266–267.
Хемингуэй Э., *американский писатель* ▸ 339.
Хемперек Д. (Chemperek D.) ▸ 128, 132, 263, 278, 286, 301, 338–339, 346, 349, 353.
Херциус Станислав, *пол. писатель* ▸ 228.
Хлебович Ежи, *жмудский староста* ▸ 91.
Хмелевский Бенедикт (Chmielowski B.), *пол. кат. писатель, ксендз* ▸ 18, 23, 36, 42, 47, 53–54, 65, 80, 107, 111–112, 131, 134–135, 156, 163,

170, 175, 181, 183, 202, 224, 229, 250, 255–257, 278, 281–282, 301, 308, 325, 334, 340–341, 354, 361, 372.
Хмельницкий Богдан, *запорожский гетм.* ▸ 185.
Хованский Иван Андреевич, *воев. росс.* ▸ 56, 77, 105, 116, 153, 184, 194, 219, 242–243.
Ходкевич Ян Кароль, *вел. гетман лит.* ▸ 42, 114, 300.
Хорев В.А. ▸ 27, 36, 59, 371–372.
Хочивские, *братья, родств. Я.Х. Пасека* ▸ 267, 272.
Хочивский Войчех, *дядя Я.Х. Пасека* ▸ 267.

Ц

Цивьян Т.М. ▸ 163, 175.

Ч

Чаплиньский Вл. (Czapliński Wł.) ▸ 28, 30, 34–35, 39, 59, 172, 176, 345.
Чарнецкий Стефан (Czarniecki Stefan), *рус. воев., гетм. польный корон.* ▸ 29–30, 35, 43, 47–48, 52, 54, 57, 63, 67, 69, 73, 84, 87, 114, 116, 120, 122, 124, 138, 149–150, 161, 163, 183–184, 193–194, 199, 219–220, 225, 237, 240, 243–244, 250–251, 253–254, 256–257, 260, 263, 269–270, 273, 275–277, 281, 286–287, 289, 292, 297, 302, 305, 316, 324, 331, 344, 350, 362–363, 369.
Чарторыйский Казимир Флориан, *куявский еп., позже примас* ▸ 312.
Черкасский Яков Куденетович, *боярин, росс. воев.* ▸ 67.
Чернышева М.И. ▸ 238, 245.

Ш

Шатобриан Ф.Р. де, *фр. писатель* ▸ 129, 131.
Шеметы, *лит. шл. род* ▸ 172.
Шереметев Василий Борисович (Шеремет), *росс. воев.* ▸ 219.
Шекспир У., *англ. поэт* ▸ 140, 156.
Шмид В.Н. ▸ 64, 107.

Щ

Щербатов Осип Иванович (Щерба), *росс. воев.* ▸ 55.

Э

Эдельман О. ▸ 189, 201.
Элеонора Мария Жозефа Габсбург (1653–1697), *пол. королева-консорт (1670–1673), жена пол. кор. Михала Корыбута Вишневецкого (1670–1673)* ▸ 237.

Я

Яблоновский Станислав Ян, *рус. воев., позже гетм. польный корон.* ▸ 199.

Ягеллоны, *кор. династия, правившая в странах Центральной и Восточной Европы в XIV–XVI вв., в польском государстве – с 1386 по 1572 г.* ▸ 266.

Ян II Казимир (Jan Kazimierz) (1609–1672), *кор. пол. (1648–1668)* ▸ 15, 22–23, 66, 73, 80, 87, 113, 120, 149, 168–169, 172–173, 201, 206, 234, 241, 266, 271, 276, 295, 305–306, 310, 313, 315–321, 353, 362, 364.

Ян III Собеский (Jan III Sobieski) (1629–1696), *маршалек корон., гетм. корон., пол. кор. (1674–1696)* ▸ 15, 22–23, 71, 100, 113, 116–117, 120–121, 127, 132, 140, 154, 156, 159–160, 168, 176, 184–192, 202, 227, 230, 234, 236–237, 243–244, 246, 264, 291, 298, 307, 312–313, 316, 319–321, 341, 346.

Ян Остророг, *познаньский воев.* ▸ 345.

Янковский, *драгун* ▸ 288.

Ясиньский Марчин, *тов.* ▸ 293.

A

Augustyniak U. ▸ 113–114, 124, 129, 131, 146, 156.

B

Bobola Andrzej, *кат. св.* ▸ 132.

Burkot S. ▸ 15, 23.

D

Domino Z. ▸ 238, 245.

Dzięgielewski J. ▸ 304–305, 308, 311–312, 322.

F

Fredro Aleksandr, *пол. поэт и мемуарист* ▸ 23.

G

Giżycki P. ▸ 278.

M

Malcher I. ▸ 163, 166, 176.

Manyś B. ▸ 259, 278.

P

Pachocka A. ▸ 222, 230.

Paluszkiewicz O. Felicjan SJ. ▸ 120, 132.

Pełka L.J. ▸ 164, 166, 176.

Plewczyński M. ▸ 283, 302.

Pollak R. ▸ 73, 108.

S

Sikora R. ▸ 283, 302.

T

Talko-Hryncewicz J. ▸ 233, 246, 290, 302.

W

Witczak T. ▸ 252, 354.

Z

Zalejarz K. ▸ 16, 24.
Żurawska-Chaszczewska J. ▸ 243, 246.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Обложка 1. М. Альтамон (M. Altamonte). Избрание на престол короля Августа II Веттина в 1697 г., 1697–1698. *Из собрания музея «Дворец Яна Собеского в Вилянуве», Польша.*

Обложка 2. А. де Брайн (A. de Bruyn). Польский рыцарь. *Из: Illustration de Diversarum gentium armature equestris. Ubi fere Europae, Asiae atque Africae equitandi ratio propria ewpresaa est. 1587.*

Форзац 1. Фрагмент карты Речи Посполитой XVII в. *Stati della Corona di Polonia diuisa nelle sue principali provincie… 1678.*

Форзац 2. Фрагмент карты Речи Посполитой XVII в. Украинские земли. *Estats de Pologne subdivides suiuant l'estendue des Palaninats. 1672.*

Страница 11. А.Н. Левицкий (Lewicki A.N., 1795–1871). Иллюстрация к первому изданию «Записок» Я.Х. Пасека *(Париж–Познань, 1851–1853).*

Страница 19. Обложка одного из первых изданий «Записок» Я.Х. Пасека, XIX в.

Страница 26. А. Залеский (A. Zaleski.). Ян Хризостом Пасек пишет «Записки». *Илл. к «Запискам» Я.Х. Пасека, изданным в Варшаве в 1929 г. А. Казновским.*

Страница 61. Рисунок с эмблемы «Tute si recte vixeris» О. Ваэниуса (O. Vaenius). *Из: Quinti Horatii Flacci Emblemata. Antwerpia, 1612. P. 185.*

Страница 110. Эпитафия на бляхе: «Тут лежит грешник…». *Из: Bystroń J.St. Dzieje obyczajów w dawnej Polsce. Wiek XVI-XVIII. T. 2. Warszawa, 1976. S. 109.*

Страница 117. Король Ян III Собеский в битве под Веной. *Неизв. художник XVII в. Музей князей Чарторыйских в Кракове, Польша.*

Страница 121. Образ Девы Марии на золотой нательной иконке XVII в. *Из: Gloger Z. Encyklopedia Staropolska. T. I – IV. Warszawa, 1900 – 1903. T. IV.*

Страница 133. Страница из «летучего листка» периода Тридцатилетней войны.

Страница 157. Дрессировщики медведей. Гравюра на дереве. XVII в. *Из: Bystroń J.St. Dzieje obyczajów w dawnej Polsce. Wiek XVI-XVIII. T. 2. Warszawa, 1976. S. 225.*

Страница 178. Гравюра на дереве неизв. художника. *Из: Rej M. Zwierciadło. Kraków, 1567.*

Страница 180. Фрагмент т.н. «Голуховской таблицы» с типами польских костюмов и вооружения (ок. 1620 г.). *Национальный музей Познани, Польша.*

Страница 203. Прием короля Яна III Собеского в Яворове 6 июня 1684 г. *Гравюра с картины Ф. Геффейса (F. Geffeis) 1685 г.*

Страница 231. Польские типы. Фрагмент гравюры «Польские и венгерские типы» (первая половина XVII в.). *Из: Bystroń J.St. Dzieje obyczajów w dawnej Polsce. Wiek XVI–XVIII. T. 2. Warszawa, 1976.*

Страница 248. М. Альтамон (M. Altamonte). Избрание на престол короля Августа II Веттина в 1697 г., 1697–1698. *Из собрания музея «Дворец Яна Собеского в Вилянуве», Польша.*

Страница 279. М. Альтамон (M. Altamonte). Избрание на престол короля Августа II Веттина в 1697 г., 1697–1698. *Из собрания музея «Дворец Яна Собеского в Вилянуве», Польша.*

Страница 281. Б. Маттизен (B. Mattizen). Портрет коронного польного гетмана Стефана Чарнецкого, 1659. *Королевский замок в Варшаве, Польша.*

Страница 296. Битва под Веной в сентябре 1683 г. Неизв. художник XVII в. *Австрийский музей военной истории, Вена, Австрия.*

Страница 303. Сейм. Гравюра на меди Дж. Лаури (J. Lauri) «Сейм польский при Сигизмунде III Вазе» (1622).

Страница 313. Король Михал Корыбут Вишневецкий. Гравюра на меди И. Франка (J. Franck), после 1669. *Национальный музей в Кракове, Польша.*

Страница 318. Король Ян Казимир Ваза в польском костюме. Картина Д. Шульца-мл. (D. Schultz), 1653. *Национальный музей замка Грипсхольм, Швеция.*

Страница 321. Король Ян III Собеский в битве под Веной (1683). Неизв. художник XVII в. *Музей князей Чарторыйских в Кракове, Польша.*

Страница 323. Гданьск. Гравюра Дж. Ф. Шустера (J.F. Schuster), 1770.

Страница 332. Гравюра П. Ландри (P. Landry). Ян Павел Сапега, великий гетман литовский, воевода виленский (1663).

Страница 336. Т. Любенецкий (T. Lubieniecki). Горный пейзаж с двумя путниками, 1696–1701. *Национальный музей в Варшаве, Польша.*

Страница 339. Т. Любенецкий (T. Lubieniecki). Речной пейзаж. 1696.

Страница 347. А. де Брайн (A. de Bruyn). Польские военные музыканты. *Из: Illustration de Diversarum gentium armature equestris. Ubi fere Europae, Asiae atque Africae equitandi ratio propria ewpresaa est. 1587.*

Страница 350. То же.

Страница 355. Ст. Делла Белла (St. Della Bella). Польский всадник с булавой (ротмистр Печовский), 1648–1650. *Национальный музей Гданьска, Польша.*

Содержание

Читателю 5
Введение 11
Часть I. ПОВЕСТВОВАНИЕ 25
Глава 1. Автор и текст 26
Глава 2. Слово и рассказ 61
Часть II. МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ ОЧЕРТАНИЯ МИРА ЯНА ХРИЗОСТОМА ПАСЕКА 109
Глава 1. Силы небесные 110
Глава 2. Фортуна 133
Глава 3. Мифологические осколки 157
Часть III. ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ВОЙНЫ И МИРА 177
Глава 1. Вещь 178
Глава 2. Еда 203
Глава 3. Одежда 231
Часть IV. ОБРАЗ САРМАТА 247
Глава 1. Сарматский рыцарь 248
Глава 2. На театре войны 279
Глава 3. На государственном поприще 303
Глава 4. На хозяйстве 323
Часть V. ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ ПАСЕКА 335
Глава 1. Природа 336
Глава 2. Искусство 347
Вместо заключения. ВООБРАЖАЕМЫЙ АВТОПОРТРЕТ ЯНА ХРИЗОСТОМА ПАСЕКА 355
Библиография 373
Именной указатель 383
Список иллюстраций 397

Научное издание

Институт славяноведения РАН

Софронова Людмила Александровна

«Записки» Яна Хризостома Пасека:
дневник, роман, энциклопедия

Отв. редакторы:
д.и.н. М.В. Лескинен,
д.и.н. А.Л. Хорошкевич

Компьютерная верстка
П.Н. Морозов

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Институт славяноведения РАН
119334, г. Москва, Ленинский проспект, д. 34-А

Подписано в печать 00.05.2014. Формат 60×84 1/16.
Гарнитура GaramondC. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Объем 25 печ. л.

Заказ № 61.

Тираж 300 экз.